

**Приложения. Жития святых
Димитрий (Туптáло), митрополит
Ростовский и Ярославский, святитель**

Март

Начало времен

Первый из числа всех месяцев есть месяц март¹. У евреев он назывался до пленения вавилонского² первым месяцем (Исх.40:2; Лев.23:5; Чис.9:1; 28:16; 2Пар.29:3; Иез.45:18)³, а после пленения⁵ – Нисаном⁶. Именно об этом месяце сказал Господь Моисею⁵ и Аарону⁶ во время пребывания евреев в Египте⁷: месяц сей да будет у вас началом месяцев, первым да будет он у вас между месяцами года (Исх.12:2). В этот месяц Господь создал видимый мир и владыку его – первого человека – Адама, для которого Он насадил рай на востоке. Сюда Господь ввел Адама, повелев ему господствовать над всей землей – зверями, скотами, гадами, рыбами, плавающими в морях, и птицами, летающими под небесами.

В этом месяце Господь заповедал израильтянам в Египте праздновать Пасху и вывел их отсюда Своей крепкой рукой, осушив перед ними море и потопив в нем гнавшегося за израильтянами фараона со всем его воинством.

В этот месяц снишел на землю и Сам Единородный Сын Божий, Слово Отчее Вечнопребывающее, Которое, будучи Богом, вселилось в утробу Непорочной Отроковицы, Пресвятой Девы Марии во время наития на Нее Духа Святого при благовестии Архангела.

В этот месяц была принесена за нас в жертву наша Пасха – Христос, Который, будучи погребен, как человек смертный, воскрес со славою, как Бог Бессмертный, и извел с Собой из ада, как некогда Израиля из Египта, Адама и с ним всех праотцев и вообще всех праведных людей, потопив князя адова в Черном море⁸ Своих кровавых страданий.

Итак, в этот месяц воссиял нам свет спасения; в этот месяц древний Адам с Евой был обновлен и получил новый рай, превосходящий рай древний; в этот месяц был побежден ад, отверзлось небо, уничтожена смерть, была дарована жизнь, упразднено тление, взамен которого наше бренное естество облеклось в нетление; в этот месяц род человеческий

освободился от рабства греху и получил свободу и наследие Царствия небесного.

Потому-то этот месяц, – в который при начале времени был создан свет видимый, при конце же времен воссиял свет невидимый – святой веры, – есть начало всех месяцев и всякого времени, по счету первый месяц. От первого числа этого месяца начинается исчисление кругов солнечного⁹ и лунного¹⁰, вруцелета¹¹, високоса¹², равноденствия¹³ и вообще с этого месяца начинается течение дней каждого нового года. Поэтому с этого именно месяца, а не с сентября, следовало бы начинать и летосчисление¹⁴. Сентябрь самым своим наименованием показывает, что он не первый по счету месяц, но седьмой¹⁵ от марта, а март – первый месяц от сотворения мира.

Начало счисления индиктов¹⁶ с сентября месяца было положено Августом¹⁷, императором Римским, в двенадцатый год его царствования за тридцать лет до Рождества Христова. Это случилось потому, что император этот, как и все язычники, не ведавшие Единого истинного Бога, Создателя всякой твари, не знал ничего ни о начале мира, ни о первом человеке – Адаме и не вел летосчисления от создания мира, потому что предполагал, что мир не создан во времени, но существует от века, не имея начала своего бытия. Обыкновенно язычники вели счисление времени от тех или других славных, по их мнению, событий: одни вели летосчисление от основания некоторых царств и монархий, как, например, ассирийской, мидийской, персидской; другие вели счисление времени от установления некоего греческого празднества, называвшегося Олимпиадами¹⁸. Это празднество встречалось и проводилось язычниками с большим торжеством, причем во время олимпиад устраивались зрелища и конские состязания. Празднество это установлено греками в древности; римляне же вели свое летосчисление от времени основания Рима¹⁹; другие народы вели свое летосчисление от других событий.

Когда императором Римским сделался Август, то он ввел свое новое летосчисление, назвав его индиктом; следовательно, индикты не ведут свое начало от сотворения

мира, так как до императора Августа совершенно не было никаких индиктов.

Но современные индикты, начинающиеся с сентября месяца, ведут свое начало не от Августа, а от первого христианского царя святого Константина Великого²⁰. Этот последний, победив гонителя христиан Максенция²¹ и освободив от его тиранства Римскую империю, даровал христианам свободу вероисповедания и ввел свои, новые индикты²², которые были одобрены отцами Первого Вселенского собора²² и были приняты как начало свободы христианской. Итак, настоящие индикты ведут свое начало не от Августа, а от Константина.

Следует различать годы от бытия мира, исчисляющиеся с месяца марта, и годы от начала индикта, исчисляющиеся с месяца сентября и получившие начало свое от императора Константина. В месяце сентябре, как месяце по счету седьмом от марта, благодарственно воспоминается, что Бог, сотворив мир, имеющий начало свое с месяца марта, почил от дел Своих; поэтому и в Ветхом Завете Бог повелел праздновать седьмой год как время общего отдыха и покоя (см.: Лев.25:3–5).

Правда, в Ветхом Завете новый год иногда начинался с сентября месяца (а не с марта), согласно повелению Божию; но с сентября велось счисление не годам от сотворения мира, но годам праздника общего отдыха и покоя, повторявшегося каждые пятьдесят лет, как об этом повествуется в 25-й главе книги Левит²³. У евреев велось, начинавшееся с сентября месяца, исчисление годов покоя, повторявшихся через каждые пятьдесят лет, и совершенно независимо от этого велось также счисление лет, протекших от начала мира; это последнее счисление начиналось с марта месяца, а не с сентября.

И ныне святая Церковь под осенением новозаветной благодати в сентябре месяце совершает воспоминание сотворения мира, получившего начало свое в марте месяце; в сентябре также получили свое начало индикты императора Константина, который положил ими начало обновления человечества, дарованного им от Бога свободой христианской. Что в сентябре месяце, седьмом от марта, положено начало

обновления нашего, это видно и из того, что Сам Творец мира, почивший от дел Своих в день седьмой, обновляя Свое создание, пришел в седьмом от марта месяце (сентябре) в синагогу иудейскую и прочел здесь написанное о Себе пророчество – именно, что Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное (Лк.4:18–19)²⁴, время для чего наступило тогда, когда исполнилась полнота лет бытия мира, созданного в первом месяце – марте. Индикты, введенные христианскими царями и начинавшиеся с сентября месяца, только напоминают нам о начале лет со времени сотворения мира; самым же началом тех лет был месяц март.

Вход Господень в Иерусалим

Наступали последние дни земной жизни Господа. Приближалось время, когда Единородный Сын Божий, пришедший в мир ради спасения грешных людей, будет предан позорной и мучительной казни – распятию на кресте, как один из преступников.

Но прежде совершения этого великого и спасительного для нас таинства, Господь благоволил явить в последний раз Славу Свою как обещанный пророками народу еврейскому Мессия²⁵, как Царь не только неба, но и земли.

Незадолго пред этим Господь сотворил одно из величайших чудес Своих: воскресил из мертвых Лазаря, – уже четыре дня лежавшего во гробе. Весть о небывалом чуде, совершенном в Вифании²⁶, облетела всю окрестность иерусалимскую. Всем хотелось видеть великого Чудотворца и воскрешенного Им Лазаря. Как бы отвечая на желания народа, Господь вознамерился идти в Иерусалим.

Узнав об этом, весь народ пришел в движение; многие, из нетерпения скорее видеть великого Чудотворца, вышли из города навстречу Спасителю.

Господь с учениками уже приближался к Иерусалиму. Когда Он пришел в селение Виффагию²⁷, находящееся неподалеку от горы Елеонской²⁸, то, призвав двух учеников Своих, сказал им:

– Пойдите в селение, лежащее напротив. Придя в него, вы найдете ослицу привязанную и молодого осла с ней. Отвязав его, приведите ко Мне. Если же кто скажет вам что-нибудь, ответьте, что так повелел Господь.

Ученики пошли и исполнили все, что сказал Господь.

Приведя молодого осла, они накинули на него свои одежды, и Господь сел поверх них²⁹.

Когда же бесчисленные толпы народа, так страстно жаждавшие видеть Господа, увидали наконец Его, то радостно воскликнули:

– Осанна³⁰ Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!

Всеобщий восторг усиливался по мере приближения Господа к Иерусалиму. Вот торжественная, медленно шествующая процессия подошла к последней возвышенности, с которой нужно было спускаться вниз до самого Иерусалима. Иерусалим представлял отсюда красивое зрелище: прямо перед глазами возвышался величественный храм Иерусалимский со своими мраморными колоннами ослепительной белизны и с золотым куполом, который отражал тысячью молний горячие лучи южного солнца. Но вот рядом с храмом красовалась огромная башня крепости Антониевой³¹, господствуя над высотой храма и как бы наглядно выражая то унижение, которое переносил народ иудейский под игом римским. Тут же открывалась взору претория Пилата, куда скоро поведут на несправедливый суд Величайшего Праведника. Дворцы первосвященников казались взору несколько отдаленными от храма, как бы в знак духовного отдаления их обитателей от Бога отцов своих. Дворцы же Давида³² и Соломона³³ обратились теперь в развалины, едва приметные среди множества других новых зданий.

Среди всех этих впечатлений, из которых каждое приводило на память сердцу еврея и когда-то бывшую древнюю славу, и настоящее унижение отечества, взоры всех и каждого как-то невольно обращались к Иисусу из Назарета³⁴, Который теперь, шествуя на ослати, как бы нес Иерусалиму его прежнее святое величие. В радостном восторге, взирая на Иисуса, многие снимали с себя верхние одежды и постилали их по пути шествия; другие срезали ветви тут же в изобилии растущих финиковых пальм³⁵ и устилали ими путь; иные держали их в руках или торжественно потрясали ими в воздухе.

– Осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних! – беспрестанно слышалось со всех сторон. Так с торжеством и ликованием встретил Иерусалим своего Царя – Мессию.

Таким образом сбылось то, что предсказано было еще в древности пророком Захарией³⁶: ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к

тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной (Зах.9:9).

Но несмотря на эту радость и ликование народа, глубокая скорбь была в душе Господа. Скорбел же Он о том, что народ иудейский не хотел узнать часа посещения своего. Он знал, что тот самый народ, который сегодня встретил Его с таким торжеством и ликованием, взывая Ему: «Осанна, Сын Давидов!» – через несколько дней будет неистово вопить: «Распни, распни Его!» – Он предвидел скорую гибель Иерусалима и его обитателей. Его святым взорам ясно представилось теперь, как рушатся стены этого славного города, как сотни тысяч ликующих теперь иудеев погибают от меча неприятельского, и весь Израиль, как пыль, развеваемая ветром, рассеивается по всему лицу земному.

Уже совсем приблизившись к Иерусалиму и взглянув на него еще раз, Господь восплакал и сказал:

– О, если бы хотя бы в сей день ты узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих!.. Вот придут дни, когда враги твои окружат тебя, окопают тебя со всех сторон и стеснят отовсюду; побьют детей твоих и разорят тебя, так что не оставят в тебе камня на камне, – и все это сделают за то, что ты не узнал времени посещения твоего!

Торжественный путь Господа окончился около храма. Вслед за тем Господь отправился в храм для преподания учения народу. Заметив здесь торговцев и меновщиков, обративших дом Божий в дом торговли, Господь изгнал их из храма и грозно заметил им:

– Дом Мой есть дом молитвы. Вы же сделали его вертепом разбойников!

Бывшие в храме и около храма увечные, хромые и слепые приступили к Господу, и Он исцелил всех их.

Юные дети, окружавшие Господа в храме, увидев такие чудеса, не могли остаться безмолвными, но в общем со всеми радостном чувстве восклицали:

– Осанна Сыну Давидову!

Книжники³⁷ и фарисеи³⁸, эти суровые блюстители обрядовой законности, с мрачным умом и холодным сердцем, которым

незнакомы была безыскусственная радость простых душ, и на этот раз омрачили торжество. Они подошли к Господу и с укором сказали Ему:

– Слышишь, что они говорят?

Господь же ответил им:

– Что же в том вы находите удивительного? Разве вы не читали в Писании: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу (Пс.8:3).

Оставив их, Господь отправился в Вифанию, где и провел ночь.

Так совершился торжественный вход Господень в Иерусалим. Это событие имело глубокопоучительный смысл и значение как для самих современников Господа, так и для нас – христиан, несмотря на то, что нас отделяют целых два тысячелетия от того момента, когда славный Царь Израилев с торжеством вступил в Иерусалим.

Для современников Господа вход Господень был поучителен потому, что Господь явил Себя при вшествии в Иерусалим как Мессия, как славный Царь Израилев.

До сих пор Господь не выступал еще вполне открыто. Он проповедовал и учил постоянно, по всякому поводу и при каждом удобном случае, но проповедовал и учил, по-видимому, как один из многих, как раввин, как народный законоучитель.

Правда, многие из слушателей Господа чувствовали, что учение Его какое-то особенное, не похожее на учение книжников и фарисеев, учение святое, возвышенное, и подчиняли сердца свои этому учению. Притом же и многочисленные чудеса, творимые Господом так многократно, говорили сердцу всех последователей Его, что Иисус из Назарета не простой человек, а великий Чудотворец, Сын Божий. Но все-таки многим еще нужно было открытое всенародное засвидетельствование того, что Иисус из Назарета истинно Сын Божий, истинно обетованный Мессия.

Такое-то засвидетельствование и было предложено всем при вшествии Господа в Иерусалим, когда тысячи народа восклицали:

– Осанна Сыну Давидову!

Заявив себя Царем Израилевым, Господь вместе с тем указал и на существенную особенность Своего Царства – его духовный характер.

Се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий (Зах.9:9), сказал древний пророк. И действительно, вшествие Господа в Иерусалим при всей величественности своей было преисполнено кротости и смирения.

Господь вступает в Иерусалим не на колеснице, и копыеносцы не сопровождают Его. Он благоволил воссесть на осли, покрытого небогатыми одеждами учеников. Нужен ли нам еще больший урок смирения, когда мы видим, что Царь царствующих и Господь господствующих (Тим.6:15), сидящий на херувимах (Пс.98:1), восседает ныне на жребяти, во исполнение древнего пророчества?

Царь Израилев вдет в Иерусалим не для того, чтобы воцариться на престоле земном и земными же благами обогатить народ. Нет, это грядет Царь кроткий и спасающий (Зах.9:9), этот Царь несет с Собою спасение духовное и мир вечный.

Таким образом, объявив Себя Царем Израилевым, Господь вместе с тем предупредительно показал иудеям, что царство Его не от мира сего (Ин.18:36) и что, следовательно, все мечтания иудеев о чувственном царстве земном должны быть оставлены.

Не менее поучителен для нас и вход Господень в Иерусалим по своему символическому (прообразовательному) значению.

Святой Епифаний Кипрский³⁹ указывает следующее символическое значение вшествия Господня в Иерусалим:

«Кого означает осленок? – спрашивает он. – Необузданный языческий народ, на которого никто не садился, то есть ни закон, ни страх, ни Ангел, ни пророк, ни Писание, но только Единый Бог – Слово, Который в Вифлееме возлежал в одних яслях с бессловесными, дабы, освободив нас от бессловесия, научить Боговедению. Что означает отрешение осленка? – Освобождение от идолослужения и прекращение идольских жертвоприношений... В ознаменованье чего дети постилали

одежду? – В ознаменование совлечения ветхого человека, обнажения и опустошения синагоги. Кого означали песнословившие дети? – Без сомнения, верный народ Церкви, поколение Христово. Что знаменовало схождение Господа с горы Елеонской? – Ничто другое, как сошествие Бога Слова с небес к нам. На кого предрекают ветви масличного дерева? – На милосердые души; дорога же знаменует тот путь, на котором приобретаются добродетельные деяния, совлекающие нас ветхого человека. Что знаменуют финиковые ветви? – Чистые души праведников, которые, как финики, процветают и, как кедр в Ливане⁴⁰, умножаются насажденные в доме Господнем; также они знаменуют победу над диаволом и адом и свободу от власти их, которую доставит Победитель Христос. Кого означали предшествовавшие? – Праведных пророков, а позади шедшие – апостолов и язычников, уверовавших после них; град же знаменовал вышний Иерусалим, а святилище – Царство небесное, из которого Христос изгнал иудеев как недостойных».

Вот и теперь, почти две тысячи лет спустя после того, как совершилось вшествие Господа в Иерусалим, мы, христиане, с зеленеющими ветвями верб (ваиями) и со свечами предстоим в церквах Господу и в радостном чувстве «Победителю смерти»⁴¹ взываем:

– Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне!

Но ваии для нас так же, как и для древних евреев, не простое украшение, не простая принадлежность торжества, но знамение победы Иисуса Христа над смертью и царством тьмы. Свечи же, держимые нами в руках вместе с ваиями, знаменуют для нас немерцающий свет блаженного воскресения нашего в жизни вечной.

Так поучительно и знаменательно как для современников Христовых, так и для нас,⁴² событие вшествия Господа в Иерусалим на ослии⁴².

На другой день Господь из Вифании, где провел ночь, снова отправился в Иерусалим. По дороге Он взял и, увидя издали смоковницу, подошел к ней, чтобы напиться плодами ее. Смоковница же была бесплодна; на ней не было ничего,

кроме листьев. Тогда Господь, обратившись к смоковнице, сказал:

– Да не будет же впредь от тебя плода вовек.

И тотчас смоковница засохла.

Увидев это, ученики удивились и сказали Господу:

– Как это могло случиться, чтобы смоковница сразу засохла?

Господь сказал им в ответ на это:

– Если вы будете иметь веру, твердую и непоколебимую, чуждую всяких сомнений, то сделаете не только то, что я сделал со смоковницей, но и много более: если вы горе этой скажете: «Сдвинься со своего места и ввергнись в море», – то слово ваше исполнится. Если вера ваша будет тверда, то все, что ни попросите вы в молитве, – получите.

Затем опять, по обыкновению Своему, Господь отправился в храм, где учил народ. Первосвященники и старейшины народа, из зависти к Господу, подошли к Нему и спросили Его:

– Какою властью Ты это делаешь? Кто дал Тебе такую власть?

Господь же сказал им в ответ:

– Спрошу и я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какою властью Я делаю это. Скажите мне: крещение Иоанново откуда было – с небес или от людей?

Первосвященники и старейшины рассуждали сами с собою так: «Если ответим – с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили ему? А если скажем – от людей, то мы возбудим против себя народ, потому что он почитает Иоанна Крестителя за пророка».

И сказали:

– Мы не знаем.

В ответ на это Господь сказал им:

– И я вам не скажу, какой властью Я это делаю.

Затем Господь стал обличать неверие и жестокосердие первосвященников, книжников и фарисеев и сказал им:

– Истинно говорю вам, что мытари и грешники впереди вас идут в Царствие Божие. Вот, пришел к вам Иоанн (Креститель), проводивший жизнь праведную. Он возвестил вам, что скоро

придет Мессия Избавитель, Он призывал вас к покаянию, – но вы не послушали его. Мытари же и грешники послушали его и поверили ему. Вы видели это, но и увидев, не раскаялись, а остались при своем неверии и жестокосердии.

После того Господь предложил им такую притчу:

«Некоторый домохозяин имел виноградник. Он внимательно ухаживал за ним и обрабатывал его: обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню. Затем, передав его на руки виноградарей, домохозяин тот отлучился в другую страну.

Когда приблизилось время собирания плодов, хозяин виноградника послал слуг своих к виноградарям, чтобы взять у них плоды виноградника.

Но виноградари не только не дали плодов посланным, но, схватив посланных, одних из них сильно прибили, а других совершенно убили.

Тогда владелец виноградника послал к виноградарям еще большее число слуг. Но и с ними было поступлено так же.

Наконец, хозяин виноградника послал к виноградарям сына своего, сказав сам себе: «Быть может, они устыдятся сына моего».

Но виноградари, увидев сына хозяина виноградника, сказали:

– Это наследник. Пойдем, убьем его и завладеем всем наследством его.

И, схватив его, вывели его из виноградника и убили».

Сказав притчу эту, Господь обратился к книжникам и фарисеям с вопросом:

– Что же сделает хозяин виноградника с этими жестокосердыми виноградарями?

Они сказали ему:

– Этих злых виноградарей Он предаст злой смерти; виноградник же отдаст другим виноградарям, которые будут собирать плоды виноградника во время свое.

Тогда Господь сказал им:

– Да, верно вы сказали. Вот, точно таким образом будет поступлено и с вами: от вас отнимется Царствие Божие и будет

дано другому народу, который будет приносить плоды этого Царствия.

Услышав это, первосвященники, книжники и фарисеи поняли, что этой притчей Господь обличал их за их неверие Его проповеди и их жестокосердие. Не вынеся обличений, они уже хотели было схватить Господа, чтобы вести Его к судиям, но побоялись сейчас сделать это, не желая раздражать народ, почитавший Господа за великого пророка.

Не смея взять Господа силой, фарисеи отошли от Него и стали совещаться, как бы уловить Господа на словах. С этой целью они подослали к Господу своих учеников вместе с иродианами⁴³, которые сказали Господу:

– Учитель! Мы знаем, что Ты – человек справедливый и учишь истинно пути Божию, не заботясь об угождении людям. Скажи нам: следует ли платить подать кесарю или нет?

Но Господь, зная лукавство их, сказал им:

– Для чего искушаете вы Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которой платится подать.

Они принесли Ему динарий.

Господь спросил их, указывая на монету:

– Чье это изображение и надпись?

Ему сказали:

– Это изображение и надпись кесаревы.

Тогда Господь сказал:

– Отдавайте же кесарево кесареви, а Божие – Богови.

Услышав это, законники не знали, что возразить Господу, и отошли от Него.

В тот же день подошли к Господу саддукеи⁴⁴, отрицающие воскресение мертвых, и сказали Господу:

– Учитель! Моисей (см.: Втор.25:5) сказал, что если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя брату своему⁴⁵. Было у нас семь братьев. Первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему. То же самое было и со всеми остальными братьями. Потом умерла и жена их. В воскресение же мертвых чьею будет она женой?

Господь сказал им в ответ:

– Вы жестоко заблуждаетесь, так как не знаете ни Писания, ни силы Божией. В воскресении не женятся и не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах. О том же, что будет воскресение мертвых, разве вы не читали сказанного в Писании Богом: Я – Бог Авраама, Исаака и Иакова (Исх.3:6). Бог же не есть Бог мертвых, но живых.

После этого саддукеи со стыдом отступили от Господа.

Один законник, искушая Господа, обратился к Нему с вопросом:

– Учитель! Какая наибольшая заповедь в Законе?

Господь ответил ему:

– Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим (Мф.22:37). Это первая и наибольшая заповедь. Другая же, подобная ей, читается так: возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мф.22:39). На этих двух заповедях зиждется весь Закон и пророки.

Когда опять собрались фарисеи и книжники, Господь спросил их:

– Что вы думаете о Христе? Чей Он Сын?

Они отвечали:

– Он – Сын Давидов.

Господь опять спросил их:

– Как же Давид называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих (Пс.109:1). Итак, если сам Давид называет Его Господом, то как же Он сын ему?

Но на эти слова Господа книжники и фарисеи не нашли возможным что-либо ответить и оставили Господа.

Приближались дни крестных страданий Господа. Желая подготовить учеников Своих к Своему отшествию из мира этого и приучить к постоянному бодрствованию над собой, Господь предложил им однажды следующую притчу:

– Царство небесное, – сказал Он, – подобно десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них было пять мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собой масла. Мудрые же вместе со светильниками взяли масло в сосудах. Так как жених

замедлил, то все они задремали и уснули. Вдруг в полночь раздался крик:

– Жених идет, выходите навстречу ему!

Мудрые девы встали и приготовили свои светильники; неразумные же сказали мудрым:

– Дайте нам масла из светильников ваших, потому что светильники наши гаснут.

Но мудрые девы отвечали им:

– Чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите у них масла.

Но в то время, когда неразумные девы пошли покупать масло, пришел жених. Мудрые девы вошли с ним на брак, и двери чертога брачного затворились. Спустя некоторое время приходят и прочие девы и говорят:

– Господин! Отвори нам.

Но он сказал им в ответ:

– Я не знаю вас!

Итак, – заключил Господь притчу эту, – бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий».

Другую подобную же притчу предложил Господь ученикам Своим:

«Сын Человеческий, – говорил Господь, – во второе пришествие Свое поступит как человек, который, отправляясь в дальнюю страну, призвал к себе своих рабов и поручил им имение свое. Одному из рабов он дал пять талантов, другому два, иному один – каждому соответственно его силе и способностям, и отправился из страны той.

Получивший пять талантов употребил их в дело и приобрел на них пять других талантов. Точно так же поступил и получивший два таланта, приобретший еще два таланта.

Получивший же один талант не пустил его в оборот, а закопал в землю.

Спустя довольно продолжительное время приходит господин рабов тех и требует от них отчета.

Получивший пять талантов подошел к нему и сказал:

– Господин! Ты дал мне пять талантов. Вот другие пять талантов, которые я приобрел на них.

Господин его ответил ему:

– Хорошо, добрый и верный раб! Ты был верен мне в малом. Теперь я над многим тебя поставлю. Войди в радость господина твоего!

Подобно этому поступил и второй раб. И этого похвалил господин его.

Потом подходит третий раб, получивший всего один талант, и говорит:

– Господин! Я знал, что ты человек жестокий, потому что жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись тебя, я скрыл талант свой в земле. Теперь я возвращаю его тебе.

Господин же отвечал ему:

– Лукавый и ленивый раб! Если ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал, то не должен ли был ты отдать серебро мое торгующим, чтобы я, придя, получил бы свое с прибылью? Пусть будет взят от тебя этот талант и отдан тому, кто имеет десять талантов, ибо всякому имеющему дастся еще, а у не имеющего отнимется и то, что он имеет. Негодный раб пусть будет выброшен во тьму кромешную: там будет плач и скрежет зубов».

Окончив притчу, Господь возгласил во всеуслышание:

– Кто имеет уши слышать, да слышит.

Напомнив Своим слушателям об обязанности постоянно бодрствовать духом, дабы не впасть во грех, и деятельно употреблять данные Богом силы и способности, дабы не быть безответными на страшном суде Божию, Господь далее изобразил и самый этот суд.

«Когда придет Сын Человеческий, – говорил Он, – и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет Он на престоле Славы Своей. Пред Ним соберутся все народы. Отделив одних от других, подобно тому как пастырь отделяет овец от козлов, Он поставит овец по правую сторону, а козлов по левую и скажет первым:

– Приидите, благословенные Отца Моего! Наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы

дали Мне есть; жаждал Я, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Праведники же скажут Ему в ответ:

– Господи! Когда мы видели Тебя алчущим и накормили? Или жаждущим и напоили? Когда мы видели Тебя странником и приняли? Или нагим и одели? Когда мы видели Тебя больным или в темнице и пришли к Тебе?

Но Судия скажет им в ответ:

– Истинно говорю вам: так, как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то вы сделали это Мне.

Тем же, которые по левую сторону, Он скажет:

– Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его! Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; был болен и в темнице, и не посетили Меня.

Тогда и они скажут в ответ:

– Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?

Но Господь скажет им в ответ:

– Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого и одному из братьев Моих меньших, то не сделали и Мне. И идут они, – заключил Господь, – в муку вечную, праведники же – в жизнь вечную».

Затем Господь обратился к ученикам Своим и сказал им:

– Знайте, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие.

В это время уже собрались тайно первосвященники, книжники и старейшины народа и решили взять Господа хитростью и убить Его, назначив время для этого перед праздником, чтобы не возмутить народа, который стекался в Иерусалим на праздник Пасхи в весьма большом количестве со всех концов Палестины.

На следующий день Господь отправился в Вифанию, в дом Симона прокаженного.

Здесь подошла к Господу одна женщина – грешница с алавастровым сосудом мира драгоценного и возлила это миро на главу Господа.

Увидев это, некоторые из учеников сказали:

– Для чего такая большая трата денег? Можно было бы это миро продать и вырученные деньги отдать нищим.

Но Господь сказал им:

– Зачем вы смущаете женщину? Она доброе дело сделала для Меня, ибо нищих вы всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете. Возлив миро на тело Мое, она приготовила Меня к погребению. Истинно говорю вам: везде, где будет проповедано Евангелие, сказано будет и о том, что сделала эта женщина.

Страсти Христовы

Фарисеи, священники, книжники и старейшины давно уже ненавидели Иисуса за постоянные обличения. Он раскрывал перед народом их лицемерие, их ханжество, их нравственное ничтожество.

Последняя огненная речь Его, направленная против них, довела их ненависть до последнего предела⁴⁶. Они не могли бороться с Иисусом открыто, вступая с Ним в спор перед народом, ибо Он всегда побеждал их Своим божественным словом. Но они не могли также терпеть долее Его проповедь: она могла отнять у них власть, уважение народа, имущественную обеспеченность. Во дворце Каиафы был собран совет, на котором порешили избавиться от Иисуса, убив Его. От истины хотели спастись преступлением! Однако они боялись народа: Иисус был любим народом, и Его насильственная смерть могла вызвать возмущение против убийц. Поэтому было решено привести замысел в исполнение тайно, хитростью. Неожиданная помощь пришла, откуда всего менее можно было ожидать ее: один из учеников Иисуса согласился Его предать. Это был Иуда. Он согласился указать им, когда и где будет возможно найти Иисуса одного, в отсутствие народа, и схватить Его, не опасаясь народного негодования⁴⁷.

Иуда один среди всех апостолов был иудей. Все остальные были галилеяне. Это конечно ставило его до известной степени в обособленное положение, отчуждало от остальных учеников. Характером он был, по-видимому, замкнут, скрытен и суров. Его называли «Иуда из Кериофа», очевидно по месту рождения: он происходил родом из небольшого иудейского городка⁴⁸. Но при этом на еврейском языке получалась своеобразная игра слов. «Из Кериофа», вместе с тем означало – «человек злой»; и это прозвище было тем более заметно, что среди учеников Христа был еще другой Иуда, которому дано было соучениками прозвище Леввей, то есть человек добрый, «душа-человек». Такие прозвища, прибавлявшиеся к имени, были в обычае у

иудеев и часто остроумно и тонко характеризовали своего носителя.

Все это дает повод думать, что Иуда не пользовался расположением остальных учеников и держался несколько в стороне. Особенно не любили его сыновья Зеведеевы – Иоанн и Иаков. Это прямо видно из того, с каким негодованием всегда о нем упоминает святой Иоанн. Последний был любимым учеником Христа, и это должно было возбуждать жгучую ревность в замкнутой и самолюбивой душе Иуды. Все свои мысли и чувства этот человек вынашивал один, ни с кем не делясь; а это придавало всем его переживаниям особую глубину и остроту.

Как большинство иудеев, он в глубине души любил блеск, пышность, власть, но умел переносить лишения и страдать ради господства и первенства в будущем. Отчасти его любовь к власти и первенству была удовлетворена, когда Христос поручил ему хранить казну первой христианской общины. Но в будущем он рассчитывал, конечно, на большее. Он помнил слова своего Учителя: «последние будут первыми», и строил на них себялюбивые надежды; пускай теперь они скитаются бездомные и непризнанные, зато потом они получают первые места в грядущем царстве Мессии. Как истинный иудей, он был полон мессианских надежд. Он считал свой народ избранным и предназначенным к царству. Пускай теперь он страдает под римским игом и находится в положении рабов, зато скоро явится Мессия, предсказанный пророками, свергнет иго язычников и сядет на престоле вечной славы, и эта немеркнущая слава Его будет славой всего избранного израильского народа.

Иуда поверил, что Иисус – именно такой Мессия. Он ведь изгонял бесов, останавливал бушующее море, творил чудесные исцеления; Он предсказывал грядущее царство. Несомненно, в этом царстве лучшие, первые места достанутся Его ученикам, разделявшим с Ним все лишения, прошедшим вместе с Ним весь тернистый путь от неизвестности к славе и власти. Ради этого блеска и господства в будущем, ради того, чтобы быть одним из первых учеников Мессии и вместе с ним вести

израильский народ к могуществу, ради этого стоило переносить в настоящем тягостное смирение и тяжелую долю бездомных странников.

Иуда был действительно корыстолюбец, каким его обыкновенно называют, но скорее в нравственном смысле этого слова. Существует не только корыстолюбие мелкое, пошлое, обыденножитейское, которое побуждает к накоплению ради житейского довольства и сытости, существует еще корыстолюбие нравственное, корыстолюбие сильных, но духовно жадных натур: оно может вести к воздержанию, к трудам, даже к добродетельной жизни, к подвигам, – но все это ради будущих наград и почестей. Именно в таком смысле Иуда был глубоко корыстолюбив: он действовал ради будущей награды, когда шел за Христом, и это казалось ему вполне естественным, совпадало со всеми его верованиями.

Трудно предположить душу мелкого торгаша⁴⁹ или закоренелого злодея в том, кого Иисус избрал в число ближайших учеников Своих, кто делил с Ним жизнь, кто странствовал за Ним по городам и селам, кто отказался ради Него от связи с родиной и семьей. Если бы он был предан мелкому житейскому корыстолюбию, то уже давно покинул бы Иисуса и нашел бы себе более выгодное занятие, чем нищенская скитальческая жизнь: если бы он был закоренелым злодеем, то не раскаялся бы после своего преступления и не возвратил бы деньги. Самоубийство Иуды обнаруживает в нем глубокое потрясение совести и отчаяние полного безверия, а таких состояний не переживают обыденномелкие или безнадежно преступные люди.

Какие же причины могли побудить Иуду совершить предательство?

Самое это предательство и все поведение, каким оно сопровождалось, обнаруживают в Иуде непоколебимую ненависть к Христу. Он действовал без всякого сожаления, быстро и уверенно. Кроткие слова Христа несколько не поколебали его решения. Он вел себя дерзко по отношению к Учителю, когда Мария помазала Его ноги драгоценным составом: он старался уличить Его в противоречии; не менее

дерзко спросил он Его о предательстве на Тайной вечере: «Не я ли, Равви?» Наконец, он предал Его с холодным презрением и злой насмешкой.

Все это не оставляет сомнения, что Иуда потерял всякое уважение и любовь к своему Учителю; полное разочарование и ненависть сменили прежние чувства. Потерять уважение и любовь он мог, конечно, только потеряв веру в Него. Только полная потеря веры в Христа, как Мессию, дает нам возможность понять поступок Иуды, как раньше эта же вера объясняла, почему он последовал за Ним.

С некоторых пор Иуда стал замечать, что деяния Христа совершенно не соответствуют его мессианским надеждам. Слишком кротки были Его поучения; слишком мало Он заботился о предстоящем воцарении и о свержении римского ига. Наконец, сюда присоединились Его грустные предсказания, совершенно несовместные с представлением о царствующем Мессии. Чудеса, которые Он совершал, были по большей части исцеления, а для приобретения власти над народом нужны были более яркие знамения, которые показали бы всем, что Он истинный Мессия. Раз возникшее сомнение разрослось и быстро перешло в полное неверие. Вся жизнь Иисуса и все Его слова при более внимательном рассмотрении доказывали Иуде, что Он совершенно не тот Мессия, Которого он хотел видеть в Нем. И это было верно, ибо царство Христа есть царство «не от мира сего», а Иуда желал и ждал именно мирского царства. Тогда его Учитель представился ему лжепророком, лжемессией, и он возненавидел Его. Он считал себя обманутым и решил мстить. Как иудей, он был мстителен и не прощал.

Лжепророки подлежали смерти, и он решил предать Иисуса. Он знал, что иудейские священники ненавидят Иисуса, и думал, что правда на их стороне. Приближавшийся праздник Пасхи пробудил в нем религиозное чувство. Он почувствовал свое единство с еврейским народом и испугался, не изменник ли он. Если он теперь предаст Иисуса, думал Иуда, то этим отомстит Ему за обман и, отдав Его по закону в руки священников, как лжепророка, тем самым снимет с себя вину и вернется в лоно иудейства. Ведь если Христос не Мессия, то

вполне правы те, которые преследуют Его. Такие мысли привели Иуду к врагам Христа и заставили его действовать с ними заодно. Иудеи обрадовались и дали ему денег. Он принял это как справедливую награду; он чувствовал себя и их вполне правыми. Они дали ему ничтожную сумму в тридцать сиклей (на наши деньги рублей двадцать), обычную цену раба⁵⁰.

В четверг утром ученики спросили Иисуса:

– Где желаешь Ты, чтобы приготовили Тебе пасху?⁵¹

Он же послал Петра и Иоанна в Иерусалим и дал им таинственное поручение: при входе в городские ворота они встретят человека, несущего сосуд с водою; за ним должны они и последовать и, обратившись к хозяину того дома, куда войдет этот человек, доверить ему намерение Учителя есть у него пасху вместе с учениками.

Все это было исполнено. Апостолам была предоставлена верхняя горница со столом и местами для возлежания. Кому принадлежал тот дом – неизвестно. Некоторые указывают, что Иосифу Аримафейскому, а иные – Иоанну Марку. Вечером Иисус с учениками пришел из Вифании в предназначенное для вечера место⁵².

На Востоке за трапезою обыкновенно возлежали на подушках вокруг невысокого стола из ярко расписанного дерева. Почетным считалось место посередине стола. Его занял Иисус. Апостолам казалось вполне естественным, что их Учитель занимает первое место, но далее невольно возникал вопрос: кому возлежать рядом с Ним, кто из них ближе к Учителю, кто больше? Между учениками Иисуса уже раньше происходили подобные споры о первенстве; быть может, теперь такой спор послужил поводом к тому поступку Христа, который навеки сохранится в Его учении, как живая притча, как подвиг любви и смирения.

Учитель омыл ноги Своим ученикам (Ин.13:1–20)⁵³. Он совершил то, что обыкновенно возлагалось на последнего раба, как обязанность тягостная и презренная. Он смывал грязь и отирал ноги полотенцем. Симон Петр смутился:

– Господи, Тебе ли умывать мои ноги?

Иисус ответил ему кротко:

– Что Я делаю теперь, ты не знаешь, а уразумеешь после.

Но порывистый, пламенный ученик не мог допустить, чтобы Сын Божий, царь Израильский, Тот, Который владеет глаголами вечной жизни, умывал ноги ученика Своего, как раб; он видел в этом унижение.

– Не умоешь ног моих вовеки! – воскликнул он.

– Если не умою тебя, не имеешь части со Мною, – отвечал Иисус.

Тогда Петр говорит:

– Господи, не только ноги мои, но и руки и голову!

Настолько ему казалось ужасным «не иметь части» с Тем, Кому

он предан был всею душою. Но Иисус отвечал:

– Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; вы чисты, но не все.

Эти последние слова святой Иоанн истолковывает, как намек на Иуду: «Он знал предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты».

Затем Иисус Сам в немногих словах истолковал апостолам значение Своего поступка:

– Вы называете меня Учителем и Господом, и правильно говорите; ибо Я – точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу.

Всякий поступок, всякое слово Христа можно рассматривать с двух сторон: с одной стороны – это исторический факт, событие, происшедшее в Иудее в царствование Ирода и засвидетельствованное евангелистами, с другой стороны – это вечный символ, сохраняющийся в христианской Церкви, которая все более и более раскрывает его смысл; с этой точки зрения Его слова и поступки – это цепь бессмертных мыслей и образов, раскрывающих нам путь, истину и жизнь.

Омовение ног, совершенное Им на вечере, показало, что такое Учитель в духе Христовом. Это не гордый вождь, ведущий за собою во имя свое, не первосвященник, вокруг Которого толпятся покорные слуги, нет, – это смиренный слуга своих учеников, не ищущий первенства на земле, пышности или

поклонения. Он очищает своих учеников от земного праха, от грязи греховной, которая пристаёт к ногам их, ибо они ходят в мире, а он «весь во зле лежит». Этой грязи, этого греха не должен бояться тот, кто должен омыwać души людей; он не должен боязливо отвращать взор из страха увидеть нечистоту и коснуться ее. Христос не избегал грешников; они были ближе Ему, чем самодовольные праведники.

В числе тех, кому Иисус омыл ноги, был Иуда. Он не поколебался в своем замысле. Быть может, ожесточение его даже возросло. Иуда не проникал в кроткий дух учения Христова и теперь еще более утвердился в своем убеждении, что Христос не есть истинный Мессия. Истинный Мессия, думал он, не стал бы унижаться, исполняя обязанности раба, он не стал бы омыwać ноги ученикам, но величественно и гордо, как царь, повел бы их на блестящий подвиг освобождения иудейского народа. И ненависть Иуды к Учителю возросла. Его решение окончательно окрепло.

Такое настроение ученика конечно не могло укрыться от пронизательного взора Учителя; Иисус «возмутился духом» и сказал:

– Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

Ученики были глубоко потрясены этими словами. Совесть заговорила в каждом. Каждый вспомнил те минуты, когда слабела его вера, когда просыпалось себялюбие, гордость, недоверие.

– Не я ли, Господи? – говорили они в смущении.

Они были исполнены раскаяния и строгости к себе и далеки от осуждения. Никто не спросил Иисуса: «Не он ли, Господи?», указывая на кого-либо из товарищей своих.

Петр, желая поскорее узнать, чтобы предупредить измену, сделал знак Иоанну, который возлежал рядом с Иисусом, и тот тихо спросил Учителя:

– Господи, кто это?

Иисус отвечал:

– Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам.

И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову, Искарриоту.

Такой поступок не возбудил внимания, так как согласовался с обычаем⁵⁴.

Затем Иисус сказал во всеуслышание следующие слова:

– Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предастся, лучше бы этому человеку не родиться.

И эти потрясающие слова не разрушили замысла Иуды. Он лицемерно и дерзко спросил Христа вместе с другими: «Не я ли, Равви?» – и получил определенный ответ: «Ты сказал!», то есть «Да!» Иуда не мог более присутствовать, тем более что Иисус добавил:

– Что делаешь, делай скорее!

Ему оставалось только уйти. Решение созрело окончательно. Иуда вышел. Была уже ночь.

Христос взял хлеб, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал:⁵⁵

– Приимите, ядите; сие есть Тело Мое.

И взяв чашу, и благодарив, подал им, и сказал:

– Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов⁵⁶. Сие творите в Мое воспоминание. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода этого виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего.

Так установил Христос главное христианское таинство причащения.

Затем Он обратился к ученикам с прощальными словами, которые сохранены для нас евангелистом Иоанном (см.: Ин.13:31; 14:31; 15 и 16; Мф.26:30–35; Мк.14:26–31; Лк.22:31–32).

Иисус знал, что Иуда ушел с целью выполнить свой предательский замысел; он предчувствовал близость страдальческого конца и понимал, что настает минута, когда исполнение воли Отца приведет к мучениям и смерти; Сын Человеческий не отступит и искупительным подвигом Своим прославит Отца.

Он сказал:

– Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его.

– Детки, – продолжал он, с любовью глядя на учеников Своих, – не долго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я иудеям, что куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам говорю теперь.

Как отец при последней разлуке с детьми, Он дает им последнее завещание. Он напоминает им то главное, чему учил Он на земле, внушает ту всепобеждающую силу, которая притягивает сердца:

– Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. Потому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою⁵⁷.

Ученики чувствовали, что Учитель прощается с ними, и были смущены и опечалены. Иисус понимал это и потому сказал:

– Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте.

Вера должна спасти и укрепить их в предстоящих испытаниях. Когда Он будет с Отцом на небесах, они останутся здесь, на земле, и будут по Его примеру творить волю Отца.

– В доме Отца Моего, – говорит он, – обителей много.

Весь мир, видимый и невидимый – есть «дом Отца», где должна царствовать воля Его «на небеси и на земли». Он оставляет их на земле, и Сам «идет приготовить место им». Место уже готово от века, поэтому «приготовление места» имеет здесь значение указания пути в вечные обители Отца, пути, утерянного человечеством.

– Когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я.

Из дальнейших слов этой беседы ясно, что Иисус говорит здесь о духовном пришествии Своем к ученикам, о ниспослании на них Духа Святого, Который поведет их по пути Истины в обители вечной жизни.

– А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете, – прибавляет Иисус, говоря о всем учении Своем, преподанном апостолам.

Но Фома желает более точного и определенного указания:

– Господи, не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?

Иисус отвечает:

– Я есмь путь, истина и жизнь! Никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его.

В этих словах Христа сразу открывается смысл всего предыдущего, Его слов о «приготовлении места», о «пути». Теперь он говорит вполне ясно: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Если бы не было Сына, то нельзя было бы познать истинный путь, нельзя было бы достигнуть обителей вечной жизни. Но теперь путь указан и обители открыты: «Я есмь путь, истина и жизнь».

Отныне ученики «знают Отца».

Но Филипп говорит:

– Господи! Покажи нам Отца, и довольно для нас.

Он просит знамения, хочет блестящего богоявления, чуда, чтобы тотчас уверовать принудительно. Он высказывает в этих словах вечные сомнения человеческого чувственного рассудка, который ищет Бога в пространстве, и, обозревая небо и землю, говорит: «Где Он?»

С упреком отвечает Иисус:

– Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня, видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца. Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам.

Христос напоминает здесь, что Бог Отец невидим, как дух; но Сын Божий, воплощение Бога в человеке, видим и обнаруживает Свою Божественность в тех «глаголах вечной жизни», которые преподавал ученикам, и в делах, которые творил. Эти слова и дела исходят от Отца и указуют путь к Нему. В этом и состоит единственно возможный для человека способ созерцать Бога: «видевший Меня – видел Отца».

– Истинно, истинно говорю вам, – продолжает Иисус, – верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду.

Верующий сотворит такие дела не в силу превосходства перед Христом, а потому, что Христос совершит подвиг искупления рода человеческого, соединится с Отцом и ниспошлет Святого Духа, силою Которого будет творить еще большие дела через Своих учеников.

– Если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне.

Здесь Христос дает Своим последователям утешительную надежду на исполнение их просьб, обращенных к Богу. Не всех, конечно: нельзя просить о том, что противно духу учения Христова. Он говорит о тех просьбах, которые могут быть произнесены «во имя Христа», которые ведут к торжеству правды и добра, к тому, чтобы «Отец прославился в Сыне».

– Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди, – продолжает Он, – и Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его, а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет.

Христос обещает ученикам, что взамен Его временного, телесного пребывания с ними, они исполнятся Духом Истины, Который дает им вечное утешение. Если они будут веровать в Сына, любить

Его и исполнять Его заповеди, то навеки пребудет с ними Дух истины, Который даст им бодрость и силу.

Этот Дух пребывает и действует внутри верных. Мир, то есть греховный человеческий род, еще не исполнившийся Духом истины, не может как-либо сразу увидеть Его и воспринять извне; он, этот род, должен пойти тем же путем, какой указан и апостолам в словах: «Я есмь путь, истина и жизнь». В апостолах уже пребывает Дух истины, ибо они знают учение Христа и следуют ему, но мир остается чуждым этому Духу и не принимает его пока.

Далее говорит Иисус:

– Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и Мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня; ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам.

Здесь говорится не о втором пришествии Христа, как Судии, и не о временном явлении Его ученикам по воскресении; здесь говорится о вечном присутствии Христа в Его Церкви, в обществе верующих. Поэтому и сказано «не оставлю вас сиротами». Для мира покажется, что Он умер, исчез, но для них, для Церкви Его, он будет жить и даст им жизнь вечную.

Духом Божиим исполнится Церковь, и тогда станут понятны слова Его: «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас».

Один из учеников Христа, Иуда (не Искарот), спрашивает:

– Господи, что это Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?

Он представляет себе Иисуса как Мессию, Который должен блестящим чудом явить Себя миру.

Иисус отвечает и разъясняет, о каком явлении Своем верующим Он говорил и при каких условиях оно возможно:

– Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к Нему, и обитель у Него сотворим.

Вот в каком смысле сказал Он раньше «явлюсь ему (то есть верующему) Сам».

– Не любящий Меня не соблюдает слов Моих: слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца. Это сказал Я вам, находясь с вами. Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам.

Прощаясь с учениками, Христос обещает им мир душевный, тот мир, который Он Сам обретал, исполняя волю Отца:

– Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам.

Последними словами Иисус указывает, что этот мир, это ясное спокойствие духа есть нечто совершенно отличное от того благосостояния, от того спокойствия, которым довольствуется мир. Последнее состоит в беззаботном наслаждении благами

земными, которое лишь усыпляет совесть, но не спасает ее от мучительных вопросов и разлада. Мир, который Он дает, есть мир внутренний, примирение души с Богом, не нарушимое никакими внешними опасностями. Предвидя тот ужас и смятение, какое охватит учеников, когда они увидят страдания и смерть Его, Он предупреждает их:

– Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу, ибо Отец Мой более Меня. И вот Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется.

Христос хочет поддержать веру учеников тем, что предсказывает им ожидающие Его события.

Упомянув, что Отец «более Его», он говорит о Себе, как о Сыне Человеческом, говорит о Своем человеческом начале, и в отношении к последнему признает первенство Отца.

– Уже немного Мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего⁵⁸. Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца, и, как заповедал Мне Отец, так и творю: встаньте, пойдем отсюда.

Иисус предрекает им, что князь мира, князь греха уже приближается в лице человеческих слуг своих, чтобы взять Спасителя и предать Его смерти. Но эта сила – для Него лишь внешняя, она не может воздействовать на Его волю, как действует на волю людей посредством страха или искушения: «князь мира в Нем не имеет ничего». Он зовет учеников вместе с Ним идти навстречу опасности, доказывая этим, что Он не хочет уклониться от исполнения воли Отца.

В дальнейшей беседе Христос дает ученикам символ, образ необычайной красоты и глубины, немногими чертами сразу выясняющий тайну отношений между Богом, Богочеловеком и Церковью. Он изображает наглядно уже раньше выраженную мысль: «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас».

– Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены чрез слово, которое Я

проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не может делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

В самых подробных толкованиях трудно полнее и точнее выразить отношение Христа к верующим в Него, чем это сделано здесь. Этот божественно простой образ допускает беспредельное развитие и расширение заложенных в него мыслей. И вместе с тем никакие рассуждения не исчерпают вполне его содержания, подобно тому, как никакие исследования естествоиспытателей не разложат до конца на составные части живое существо растения.

Христос дает жизнь верующим, дает им пышный расцвет мыслей и плоды дел, подобно тому, как лоза дает жизнь ветвям. Плоды – это добрые дела верующих во Христа. «Без Меня не можете делать ничего», – говорит Он. Как плоды несут изобилие и радость, и дают живительное вино, так и дела верующих несут в Мир счастье и довольство, дают ближним пищу духовную и телесную.

Но не все ветви лозы живут. Есть и мертвые, сухие; это те, в которых не проникает сок жизни, питающий растение; они утратили связь с живым целым и должны отсохнуть.

Точно так же и в обществе верующих, в Церкви, есть члены, только внешним образом связанные с ней, только по имени, – те, которые не проникнуты живым духом Христовым. Они не принесут добрых плодов, а просуществуют краткий срок, засохнут и сгорят.

Творца мира Иисус называет виноградарем. Он будет прославлен пышным расцветом лозы и обильными плодами.

– Если пребудете во Мне, – говорит Он, – и слова Мои в вас пребудут, то чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками.

Далее Иисус точнее объясняет им, что значит Его выражение «пребудьте во Мне». Раньше он сравнивал это пребывание в Нем с пребыванием ветвей на лозе. Теперь Он говорит определеннее:

– Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего, и пребываю в Его любви. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна.

Таким образом, «пребывание во Христе», необходимое для верующего, если он хочет жизни божественной, есть пребывание в христианской любви. Человек, исполненный любви, бывает радостным. Та любовь, которой учил Христос и какую Он любил Своих учеников, есть любовь Божественная и дает «радость совершенную», которая не омрачается ничем и не отнимается.

Подойдя к основному началу Своего учения, Христос останавливается на нем подробнее и говорит еще раз:

– Эта есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы – друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал; дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам. Сие заповедаю вам, да любите друг друга.

Проникновенные и нежные слова эти глубоко западают в душу человеческую. Идеал любви дается здесь Христом: «положить душу свою за други своя». Именно душу, а не тело только отдать на служение ближним; отдать все свои духовные дарования, все силы ума, чувства и воли. Так поступил Сам Христос в Своей земной жизни. Если ученики Его желают достойно называться друзьями Его, то сделают то же самое: положат душу свою за Него. Так и поступили Его апостолы. Называя их друзьями, а не рабами, Он, однако, объясняет, что

это не есть отношение равного к равному, как бывает в обыкновенной дружбе, Он говорит:

– Не вы Меня избрали, а Я вас избрал, и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод.

Он предвидел, что Его посланники встретят на пути своем ненависть и гонения, и предупреждал их:

– Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое: а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают пославшего Меня.

Если бы апостолы были «от мира», были бы людьми мирскими, то защищали бы мирские интересы и мир считал бы их своими; но так как Христос взял их «от мира», удалил от того зла, которым полон мир, то теперь, придя в мир для проповеди, они уже не будут защищать интересы мирские, а будут, напротив, осуждать и обличать, призывая к покаянию, и этим вызовут ненависть неверующих, точно так же, как вызвал ее Христос.

«Раб не больше господина своего», а поэтому они не должны рассчитывать на более легкий путь, чем тот, по которому шел Господь.

Далее Иисус говорит о той ненависти, которая возгорается в сердцах неверующих, видящих дела Христовы и слышащих Его учение:

– Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха: а теперь не имеют извинения в грехе своем. Ненавидящий Меня – ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно (см.: слав. Пс.68:5).

Откуда эта ненависть у тех, которые видят высоту Христова учения и чистоту Его дел и, однако, восстают на Него со всею

силою злобы? Она проистекает из того, что, сознавая в глубине души истинность Его учения, они принять его, однако, не могут; не могут потому, что должны тогда отказаться от всей своей прежней жизни, от всех благ земных, которыми дорожат. Желая поэтому спокойно наслаждаться существующим, они ожесточенно преследуют это учение, разрушающее их спокойствие. О таких именно Он говорит: «И видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего». Они «не имеют извинения во грехе своем». Они возненавидели «и Отца», ибо ненависть к Сыну есть ненависть к Отцу: земная жизнь Иисуса Христа представляла совершенное исполнение человеком воли Божественной, поэтому, кто ненавидел Его деятельность – ненавидел волю Божию, волю Отца.

Но и эта ненависть будет разоблачена в своем корне и побеждена христианскою любовью, которая покорит мир, тем Духом Святым, Утешителем, Которого Христос обещал Своим ученикам; Он будет свидетельствовать об истине, Он будет одушевлять жизнь и проповедь тех, которые были человеческими свидетелями деятельности Иисуса Христа.

– Когда же придет Утешитель, – говорит Он, – Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне. А также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною.

Зная, что эта проповедь Его учения навлечет на апостолов гонения, Он еще раз предупреждает их и предсказывает им будущее, говоря:

– Это сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились. Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня. Но Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что Я сказывал вам о том; не говорил же этого вам сначала, потому что был с вами.

Когда Он был с учениками Сам и начинал посвящать их в Свое учение, предсказание о бедствиях могло испугать их, еще не укрепившихся в вере. Теперь же, покидая их, давая им последнее наставление, Он считает необходимым выяснить,

какой тяжелый путь предстоит им, чтобы «не соблазнились», убоявшись бедствий.

Он продолжал:

– А теперь иду к пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше.

По этим словам можно предполагать, что ученики в глубокой тоске, молча внимали словам Учителя, стараясь разгадать их таинственный смысл. Они понимали только одно: предстоит разлука с Ним. Два раза они решались обратиться к Нему с вопросом, и Он отвечал не совсем для них понятно, как им казалось – «притчами». Теперь они уже не решались спрашивать, ожидая, что Он Сам разъяснит все. Иисус же видел их глубокую скорбь и снова стал утешать их:

– Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам. И Он, придя, обличит мир о грехе, и о правде, и о суде. О грехе – что не веруют в Меня; о правде – что Я иду к Отцу Моему и уже не увидите Меня; о суде же – что князь мира сего осужден⁵⁹.

Он говорит, что божественный подвиг искупления, Его крестная смерть необходима именно для них и для всего рода людского. Возвратившись в лоно Отца, Он пошлет им Утешителя, Духа Святого, Который даст им возможность раскрыть миру христианские истины и победить зло мирское.

И сами они, исполнившись Духом Святым, Духом Истины, проникнут глубже в тайны Его учения, которое теперь еще не вполне для них ясно.

– Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое: потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам.

Истина – одна; и эту истину Отец открыл Сыну, а Сын – ученикам Своим; поэтому Дух истины будет возвещать им не

новое какое-либо учение, а ту же самую Истину Христову, и таким образом будет прославлять Христа.

– Вскоре вы не увидите Меня, – говорит Он, – и опять вскоре увидите Меня, ибо Я еду к Отцу.

Эти слова возбудили в учениках недоумение, и они спрашивали друг друга, что это значит.

Иисус сказал:

– О том ли спрашиваете вы один другого, что Я сказал вам: вскоре не увидите Меня, и вскоре опять увидите Меня!

Он разъясняет им далее Свои слова. Скоро они перестанут видеть Его телесными очами. Он не будет уже находиться с ними, как человек среди людей. Он оставляет мир и идет к Отцу. Но Он пошлет им Духа Святого, и тогда просветленным духовным оком они снова увидят Христа, и уже не будут разлучаться с Ним; Он вечно будет пребывать в Своей Церкви.

В следующих образных и проникновенных словах Христос раскрывает эти мысли:

– Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас.

Далее Христос еще яснее говорит им о том времени, когда они исполнятся Духа Святого и когда Христос будет духовно пребывать с ними и со всеми верующими. Они будут обладать Истиной Христовой, так что не нужно уже будет им спрашивать Его, и Отец небесный исполнит их моления, когда будут просить во имя Сына.

Об этом времени Он говорит:

– И в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна. Доселе Я говорил вам притчами, но наступает время, когда уже не буду

говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце. В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу.

В последних словах Христос с полной ясностью выражает Свою основную мысль о предстоящем возвращении к Отцу, которую Он развивал и раньше.

Теперь ученики чувствуют полное удовлетворение: они поняли Учителя, они всецело верят Ему:

– Вот, теперь Ты прямо говоришь и притчи не говоришь никакой. Теперь видим, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя. Поэтому веруем, что Ты от Бога исшел.

Иисус отвечал им:

– Теперь веруете? Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною.

После этого предсказания Христос заканчивает беседу и в нескольких словах с необыкновенной силой и глубиной выражает основную мысль всей прощальной речи Своей, даже больше – всего учения Своего, всей Своей земной проповеди. Эти слова вели на подвиги Его апостолов, всех борцов и мучеников Церкви; они навеки сохраняются в сердцах верующих и дадут им спокойное непобедимое мужество. Вот эти бессмертные слова:

– Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.

Так заключает Христос Свое последнее завещание на земле, данное ученикам и всем верующим. Затем Он обращается с молитвою к Отцу. Эта молитва, называемая «первосвященнической», сохранена для нас святым Иоанном (см.: Ин. 17). В ней Господь, как первый священник на земле, как первый пастырь, душу Свою положивший за людей, молится за Своих учеников и за Свою будущую Церковь.

По ходу мысли молитва распадается на три части. В первой Христос говорит о Себе и Своем отношении к Отцу; во второй

Он молится за учеников; в третьей молится за всех верующих, за всю Свою Церковь.

Он говорит:

– Отче! Пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя! Так как Ты дал ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, дает Он жизнь вечную. Эта же есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня, Ты, Отче, у Тебя Самого славой, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира.

В этих словах Христос говорит о тайнах воплощения и искупления, о прославлении Отца через Сына. Прежде бытия мира Сын наслаждался Божественной славой у Отца, в полном единении с Ним: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Но когда был создан мир и человек, когда греховный род людской, соблазненный диаволом, отступил от воли Отца и вкусил смерть, тогда Сын воплотился в человека, отверг искушения диавола, исполнил всецело волю Отца и победил смерть. Иисус Христос прославил Бога Отца на земле, вернул человечество к исполнению воли Единого истинного Бога и, таким образом, дал всей плоти жизнь вечную, указав ей путь спасения от смерти и греха. Это и есть то дело, которое Отец поручил Ему исполнить, дело, достойное той славы, какую Он имел от века у Отца.

Далее Христос молится об учениках Своих, которые созиждут Церковь Его. Обращаясь к Отцу, Он так говорит о Своих апостолах:

– Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть. Ибо слова, которые Ты дал Мне, я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня.

– Я о них молю, не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. И все Мое Твое и Твое Мое; и Я прославился в них.

Как видно из дальнейшего, эта молитва прежде всего просит о том, чтобы ученики сохранены были на пути истины и добра, на который они уже вступили; но мир еще не вступил на этот путь, поэтому о нем и не говорит здесь Христос: «не о всем мире молю»; эти слова не значат, что Спаситель не хочет вовсе молиться о всем остальном мире; Он пришел для всех людей и в той же молитве дальше просит о всем мире, говоря:

– Да уверует мир, что Ты послал Меня.

Но для самого мира, для спасения его важно, чтобы прежде всего Отец сохранил на истинном пути первых учеников Христа, которые понесут Его учение во все концы земли.

– Я уже не в мире, – продолжает Он, – но они в мире, а Я к Тебе еду. Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Когда Я был с ними в Мире, Я соблюдал их во имя Твое; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание.

«Соблюдать во имя Божие» – значит сохранять на истинном пути веры и доброй жизни.

– Ныне же к Тебе еду и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную.

В этих словах Христос объясняет, почему Он произнес всю молитву вслух перед учениками: они будут помнить, как Сам Он обращался с молитвою за них к Отцу, как говорил перед лицом Божиим, что передал им все, что получил от Отца, и сердца их исполнятся радостью непреходящею. Точно так же и сердца всех верующих, за которых Он молился далее.

– Я передал им слово Твое, – продолжает Христос, – и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира. Освяти их истиною Твоею; Слово Твое есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною!

Он посылает Своих учеников в мир, для проповеди истины Христовой, точно так же, как Отец послал Его в мир возвестить людям истину. За них Он приносит Себя в жертву, посвящает

Себя на подвиг божественный, чтобы и они душу свою полагали за Него.

Далее Христос молится уже не только о первых учениках Своих, но и о всех верующих, о всей Церкви Своей.

– Не о них же только молю, – говорит Он, – но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино: как Ты, отче, во Мне, и Я в Тебе; так и они да будут в Нас едино, – да уверует Мир, что Ты послал Меня.

Христос просит Отца о полном единении всех верующих, такое единение показало бы миру божественность того учения, которое ведет к согласию и миру среди людей.

– И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них и Ты во Мне; да будут совершенны во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня.

Христос просит Отца, чтобы единая Церковь Его сияла божественною славой, тою же славой, какою озарен по воле Отца Сам Богочеловек. Тогда мир познает, что Бог любит верующих в Него и прославляет их.

– Отче! Которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. Отче праведный! И мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них.

Такими словами Христос закончил Свою молитву.

Он и ученики Его вышли из комнаты. Весенняя луна озаряла иерусалимские улицы. Было тихо и безлюдно. Они прошли через городские ворота и направились к Гефсимании, которая отстояла от городских стен почти на три четверти версты. Последние слова Иисуса заронили в сердца учеников предчувствие чего-то значительного и страшного: никогда Он не говорил еще с ними так.

Дорогою Он сказал им:

– Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы.

Но ученики клялись ему в верности. Особенно горячо уверял Петр:

– Хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекись от Тебя!

В ответ на эти слова Иисус сказал:

– Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня!

Так дошли они до Гефсимании. Христос часто бывал здесь. Это был густой сад, поросший старыми раскидистыми оливковыми деревьями, от которых получал свое название⁶⁰. Луна просвечивала сквозь узоры сплетенных ветвей и озаряла небольшие поляны. Под вековыми стволами оставалась таинственная тень.

Усталость охватила учеников. Иисус оставил их отдыхать и, взяв с Собой любимейших – Петра, Иакова и Иоанна, пошел с ними в глубину сада. Он хотел, чтобы эти, самые близкие Ему на земле, бодрствовали вместе с Ним в этот тревожный томительный час; бодрствовали, понимая вечный сокровенный смысл совершающегося. Сам Он желал обратиться с молитвою к Отцу (Моление о чаше в Мф.26:36–46; Мк.14:32–42; Лк.22:40–46; Ин.18:1–2).

Он сказал:

– Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте.

И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если воз-

можно, миновал Его час этот. И говорил:

– Авва, Отче! Все возможно Тебе: пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты⁶¹.

Когда Он возвратился к ученикам, то нашел их спящими. И Петр спал, тот самый, который клялся, что умрет за Него. Так немощен человек: лишь минутами пробуждается в нем сила духа, и тогда он чувствует себя способным на подвиги, но затем святой огонь потухает и человек погружается в житейский сон, когда дух молчит, а плоть беззаботно отдыхает. Не знает он, когда, в какой час более всего надлежит бодрствовать, когда нужен подвиг духовный; лишь потом, когда уже нельзя

поправить, нельзя совершить подвига, понимает он глубину всего происходившего и находит спасение лишь в одном – в раскаянии.

Иисус обратился к Петру с укоризненными словами:

– Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр; плоть же немощна.

Еще отойдя в другой раз, молился, говоря:

– Отче Мой, если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя.

Как понимать эту молитву Христа? Скорбь и тоску Его, о которых говорят евангелисты? Его слова: да минует Меня чаша сия? Не было ли это страхом смерти, страхом страданий?

Христос действительно обладал вполне человеческой природой; Его страдания были не призрачны. Его человеческая природа могла чувствовать невольное отвращение к смерти. Но, признавая Христа человеком, мы должны помнить, что Он вместе с тем Богочеловек, полное воплощение Бога в человеке, а поэтому не может обладать человеческой природой худшей, или слабейшей, чем какую обладали лучшие люди, герои или святые. Если апостолы и святые мученики христианские не боялись смерти и страданий и радостно встречали их, то как мог бояться этого Сам Богочеловек? Но не нужно даже быть героем или святым, чтобы не бояться смерти. Всякая сильная страсть способна заглушить страх смерти.

Ясно, таким образом, что о какой-либо боязни здесь не может быть речи. Однако Христос страдал и скорбел смертельно. Скорбь – удел человека, а не Бога. Страдало несомненно Его человеческое начало, но не телесное, а духовное: тосковала Его человеческая душа. Он так и сказал:

– Душа Моя скорбит смертельно.

Какова же была эта скорбь, если она не была страхом смерти?

Перед Его духовным взором ясно предстало близкое будущее: несправедливое поругание и унижение. Ничего не может быть невыносимее для человека на земле, как безвинные страдания праведника. Иов возроптал на Бога, ибо не знал, за

что страдает. Христос знал, что будет страдать именно за то, что есть в Нем великого, святого, ибо дети тьмы захотят потушить божественный свет. Тот город, тот народ, которому Он принес заповедь любви, завтра будет пылать ненавистью к Нему, требовать Его смерти. Те, кого Он учил, совершат величайшее преступление и покроют себя кровью Его. Собственный ученик предаст Его. «Рассеются овцы стада», ибо поражен будет пастырь. Эти немногие, верные Ему, будут гонимы так же, как и Он.

Может ли душа человеческая, хотя бы она была душою Богочеловека, не тосковать и не скорбеть, представляя себе эти образы близкого будущего? Христос ведь жил и чувствовал, как все люди: Он не был призраком человека.

Желать всего предстоящего, желать унижения и оплевания за правду – не могла человеческая природа Христа; она могла лишь покориться, подчиниться Его Божественной природе, склониться перед волею Отца. Так и было:

– Отче Мой! – сказал Он. – Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя.

В этих словах, дважды повторенных, выразилась полная победа Божественного начала над человеческим, и подчинение последнего первому. Такой полной победы мог достигнуть только Богочеловек. Своим решением Он дал ученикам вечный пример: исполнять волю Отца, хотя бы предстояло за то испить чашу земных страданий.

Когда Иисус в третий раз подошел к ученикам, полный сил духовных и божественно спокойный, Он застал их опять спящими и сказал:

– Вы все еще спите и поживаете; вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников. Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий Меня.

Между стволами деревьев замелькали огни фонарей; раздалось бряцание оружия. Это Иуда вел толпу первосвященнических слуг и воинов, чтобы захватить Иисуса. Иуда шел впереди. Он отделился от толпы и подошел к Иисусу и ученикам Его. Он условился указать посредством поцелуя, кто из этой небольшой группы людей – Сам Учитель.

Приблизившись, он поцеловал Иисуса и произнес слова приветствия:

– Радуйся, Учитель!

– Иуда, – сказал Христос, – целованием ли предаешь Сына Человеческого?

Толпа, вооруженная кольями и мечами, стояла невдалеке. Очевидно опасались, что Христа будут защищать Его последователи, или ученики; и о самой личности Христа были распространены чудесные рассказы, наполнявшие сердца пришедших таинственным страхом и нерешимостью. Ученики, находившиеся здесь вместе с Иисусом, были в смятении и нерешимости.

– Господи, – сказал Петр, – не ударить ли нам мечом?

Но Иисус выступил вперед, сделал несколько шагов и подошел вплотную к вооруженной толпе.

– Кого ищите? – спросил Он.

– Иисуса Назорея, – отвечали они.

– Это Я!

Непоколебимая сила духа звучала в этих словах, произнесенных безоружным человеком. Он стоял, не опуская взора, озаренный светом луны и отблесками фонарей.

И отступили они назад, и пали на землю в смятении.

Снова спросил Иисус: кого ищите? – вполне спокойно и кротко, как бы ободряя пришедших взять Его. Ответ был тот же:

– Иисуса Назорея.

– Я сказал вам, что это Я, – отвечал Иисус. – Итак, если Меня ищите, оставьте их, пусть идут, – сказал Он, указывая на апостолов.

Понемногу панический страх толпы прошел; Иисус был безоружен и сам отдавался в руки пришедших взять Его. Его окружили. Пылкое сердце Петра вскипело негодованием, он забыл все и, рискуя жизнью, бросился вперед с мечом и отсек ухо рабу первосвященника⁶². Но Христос остановил его порыв:

– Вложи меч в ножны, – сказал Он, – неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец? Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более нежели двенадцать легионов Ангелов?

Воины и служители связали Иисуса. Его, безоружного, окружила эта густая толпа с мечами и кольями.

Он сказал:

– Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук: но теперь ваше время и власть тьмы.

Тогда ученики, видя, что всякое сопротивление бесполезно и что Иисуса уводят, все бежали.

Иисуса повели к первосвященническому дворцу. Там жили главные руководители всего этого заговора: первосвященник Каиафа, и тесть его, бывший первосвященник Анна. Это был чужеземец, вывезенный Иродом Великим из Александрии. Он был любим правительством и ненавидим народом. Талмуд называет семейство Анны «ехидной породой». Это семейство занималось весьма успешно торговлею под портиками храма; там продавались различные предметы для жертвоприношений по очень значительным ценам. Вмешательство Иисуса значительно подорвало это торговое предприятие, которому народ и без того не мог сочувствовать.

Первый допрос Иисуса был произведен именно этим Анною (см.: Мф.26:57,59–68; Мк.14:53,55–65; Лк.22:54,63–65; Ин.18:13, 14:19–24). Гибель Иисуса была предрешена, а поэтому все допросы велись явно пристрастно.

Анна спросил Иисуса об учениках Его и об Его учении, желая найти какое-либо обвинение в противозаконном и тайном учении.

Иисус отвечал:

– Я говорил явно миру, Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда иудеи сходятся, а тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня, спроси слышавших, что Я говорил им; вот они знают, что Я говорил.

Тогда один из слуг ударил Иисуса по щеке, воскликнув в лицемерном негодовании:

– Так отвечаешь Ты первосвященнику?

Иисус отвечал ему:

– Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?

Анна, не сумев найти никаких определенных обвинений, послал Иисуса к зятю, Каиафе, который жил в том же дворце. Каиафа был тогда первосвященником. Он получил это звание с соизволения Римского императора и не был любим народом.

У него должен был состояться суд иудейских священников над Иисусом.

Иосиф Флавий говорит, что во времена владычества римлян у иудеев не было в сущности уже настоящего законного синедриона, или верховного судилища, а только особые неполноправные собрания. Такое собрание, состоявшее, как говорит евангелист, из священников, книжников и старейшин и называвшее себя синедрионом, было создано Каиафой, чтобы судить Иисуса. Ввели Иисуса. Выслушали обвинителей, свидетельствовавших против Него. Но, очевидно, показания их были так противоречивы и неясны, что никакого определенного обвинения нельзя было на них построить. Суд же этот, на котором председательствовал Каиафа, желал непременно постановить смертный приговор.

Наконец выступили обвинители, приписавшие Иисусу такие слова:

– Разрушу храм сей рукотворенный и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный.

Такое обвинение было ближе к действительности, чем все другие; оно представляло искажение слов, действительно сказанных Иисусом⁶³.

Иисус стоял перед судьями и на все обвинения отвечал молчанием. Однако приговорить к смерти невозможно было и на основании последнего лжесвидетельства. Оно не представляло собой никакой определенной вины: слова «разрушу храм сей» казались непонятными; нельзя же было истолковать их буквально. Судьи не знали, как поступить. Каиафа выходил из себя. Он вскочил и крикнул:

– Что Ты ничего не отвечаешь?

Иисус продолжал молчать. Тогда первосвященник решился на крайнее средство. Он подошел к Иисусу и в нетерпеливом

возбуждении воскликнул:

– Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?

Удивительно странно звучали эти слова в устах первосвященника по отношению к связанному преступнику. Если ответ Христа подавался присутствовавшим богохульством, то как могли они не признать самый вопрос более чем неуместным?

Христос не мог более молчать. Все грядущие века, все поколения человечества должны были услышать и сохранить Его слова:

– Я, – сказал Он, – и вы узрите Сына Человеческого сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных (см.: Пс.109:1; Дан.7:13–14).

Каиафа разорвал на себе одежды.

– Он богохульствует, на что еще нам свидетелей? Вот теперь вы слышали богохульство Его: как вам кажется?

– Повинен смерти! – отвечали они.

Так окончился суд над Иисусом (см.: Мф.27:1; Мк.15:1; Лк.22:66–71). Его повели через двор в место временного заключения, где Он был отдан под стражу впредь до наступления дня.

На дворе были разведены костры, вокруг которых грелись служители первосвященника, воины и рабы. На Востоке перед рассветом бывает довольно холодно.

В то время, как Иисуса допрашивали и судили, здесь происходило следующее. Двум апостолам, Петру и Иоанну, удалось проникнуть во двор первосвященнический. Вместе с другими Петр стоял и грелся у костра. Придверница, подозрительно оглядев этого незнакомого человека, спросила:

– И Ты был с Иисусом Галилеянином?

Петр растерялся среди этих чужих и враждебно настроенных людей и в смущении ответил отрицательно.

Однако его узнали по галилейскому наречию⁶⁴ и продолжали приставать к нему с расспросами.

Раз отказавшись, он не решился уже признать себя учеником Иисуса и продолжал уверять, что не знает Его.

В это самое время Иисуса вели через двор. Он услышал знакомый голос Петра, отрекавшегося от своего Учителя, и, обернувшись, взглянул на него.

И почувствовал Петр всю потрясающую боль и тоску этого молчаливого взора. Сердце разрывалось от жгучего стыда и раскаяния; горько рыдая, он вышел из первосвященнического дворца и услышал, как пропел петух.

Много тяжких мук совести принесло Петру его отречение. Уже состарившийся апостол, любимый и уважаемый христианами, никогда не мог забыть этой ночи. Он часто плакал, и глаза его, как говорит предание, всегда были красны от слез.

Иисус был передан в руки грубых и озлобленных рабов и воинов. Они подвергли Его всяческому поруганию: плевали ему в лицо, били Его.

Когда наступил день, первосвященники и старейшины распорядились отправить Иисуса к Понтию Пилату, римскому прокуратору⁶⁵. Дело в том, что синедрион не имел права приводить в исполнение смертных приговоров. Поэтому врагам Иисуса теперь предстояла новая задача: добиться его осуждения от римского прокуратора. Понтий Пилат был истинным римским правителем; он был жесток и надменен. Подобно всем римлянам он считал свой народ избранным, предназначенным господствовать над миром, а остальные расы презирал. Так относился он и к иудеям. Он ненавидел их фанатизм и чувствовал их постоянную неприязнь к победителям. Управление провинцией давалось, обыкновенно, как милость или награда. На это смотрели, как на средство разбогатеть, как на доходное место; очень редко правители проявляли способности к искусному управлению. Целым рядом жестоких поступков Пилат восстановил против себя иудейское население и получил выговор от императора. От иудеев постоянно можно было ожидать восстания. Поэтому в данный момент Пилат не мог действовать особенно резко наперекор фанатичным священникам.

Пилат занимал в Иерусалиме роскошный дворец из белого мрамора. Это здание было выстроено Иродом и называлось «Иродовой Преторией». Сюда привели Иисуса. За осужденным

следовала толпа священников и старейшин, всех тех, которые добивались смерти Иисуса; вероятно, сам первосвященник Каиафа тоже был здесь (см.: Мф.27:2,11–14; Мк.15:1–5; Лк.23:1–6; Ин.18:28–38).

Все они не пожелали войти во дворец римлянина, в жилище язычника, чтобы не оскверниться и ни сделать себя недостойными есть пасху. Этого требовал их обрядовый закон.

Когда Пилату доложили об этом, он принужден был уступить суеверию, которое презирал, и выйти к ним на открытый портик дворца. С презрением глядя на эту толпу мрачных фанатиков, он спросил, указывая на связанного Иисуса:

– В чем обвиняете вы Человека этого?

Такой вопрос был неприятен иудейским иерархам. Они рассчитывали на простое утверждение их приговора и исполнение казни. Теперь приходилось вести новый процесс обвинения.

Они попытались избежать этого и сказали:

– Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе!

Однако Пилат вовсе не желал быть простым исполнителем чужого приговора, тем более приговора фанатиков, которых презирал и не считал способными постановить справедливое решение. Он отвечал гордо:

– Возьмите Его вы и по закону вашему судите Его.

Пилат, как римлянин, обладал чувством права и этими словами сказал: «Нельзя требовать осуждения, если не указываешь вины; я не знаю обстоятельств дела и не буду судить его».

Тогда толпа стала беспорядочно и сбивчиво обвинять Иисуса. Жаловаться язычнику-римлянину на богохульство, совершенное Иисусом, было бы бесполезно. Они начали обвинять Его в развращении народа, в запрещении платить подати, в том, наконец, что Он называл Себя «царем Иудейским».

Только на последнее обратил внимание Пилат, но не стал беседовать с этой толпой крикливых изуверов, а вошел в

атриум и обратился к Самому Иисусу, Который был введен туда. Он спросил Его:

– Ты – царь Иудейский?

Иисус сказал:

– От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе обо Мне?

– Разве я иудей? – отвечал Пилат. – Твой народ и первосвященники предали Тебя мне, что Ты сделал?

Тогда Иисус ответил на первый его вопрос о царстве:

– Царство Мое не от мира сего: если бы от мира сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеям; но ныне царство Мое не отсюда.

Пилат сказал:

– Итак, Ты царь!

– Ты говоришь, что Я царь, – отвечал Иисус, – Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

– Что есть истина? – спросил Пилат насмешливо и, не дождавшись ответа, пошел к иудеям.

Он не придавал значения туманным рассуждениям философов об истине и предпочитал беззаботно пользоваться благами жизни. Теперь ему было совершенно ясно, что этот человек – возвышенный мечтатель, не представляющий никакой государственной опасности и ничего, по-видимому, преступного не сделавший.

Выйдя к толпе, Пилат сказал:

– Я никакой вины не нахожу в Нем.

Обвинители все более и более выходили из себя. Они начали кричать, что Иисус возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до этого места.

Услышав про Галилею, Пилат спросил:

– Разве Он Галилеянин?

И получил утвердительный ответ. Тогда ему пришла в голову неожиданная мысль: Галилеей управлял Ирод Антипа⁶⁶; ему, следовательно, надлежало разрешать это дело. Если он пошлет Иисуса к Ироду, то, с одной стороны, избавится от несправедливого и следовательно нежелательного приговора, а

с другой – изъяснит уважение галилейскому тетрарху признанием его власти: отношения их были натянуты и теперь представлялся случай их поправить.

Так и было сделано (см.: Лк.23:7–12). Ирод на праздник Пасхи был в Иерусалиме. Он очень обрадовался увидеть Иисуса, о Котором давно уже слышал. Он ожидал, что Иисус покажет ему Свою способность творить чудеса. Он о многом спрашивал у Иисуса, но не получил никакого ответа. Между тем толпа изуверов изливала свои обвинения. Тогда Ирод, раздраженный невниманием Иисуса к его царским словам, надругался над Ним, одел Его в светлую одежду и послал обратно к Пилату. Смертного приговора, однако, этот жестокий человек не решился произвести.

Таким образом снова предстал Иисус перед Пилатом (см.: Мф.27:15–26; Мк.15:6–19; Лк.23:13–25; Ин.18:39–40; 19:1–16).

Последний вышел к собравшимся иудеям и весьма решительно сказал им:

– Вы привели ко мне Человека этого, как развращающего народ, и вот я при вас исследовал и не нашел Человека этого виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его, и Ирод также, ибо я посылал Его к нему, и ничего не найдено в Нем, достойного смерти.

Однако, видя все возрастающее негодование и ярость обвинителей, Пилат понял, что дело серьезно и что легко вызвать открытое восстание среди этих изуверов. Но спасти Иисуса он все-таки хотел. Упрямство, самолюбие, отвращение к безумствовавшей толпе обвинителей и некоторое чувство справедливости и уважения к стойкости и храбрости узника побуждали его это сделать. Сюда присоединилась еще просьба его жены, Клавдии Прокулы, которая видела вещий сон и просила освободить этого праведника.⁶⁷ Римляне были суеверны и верили снам⁶⁷.

Пилат предложил иудеям отпустить Иисуса не как невинного, а как помилованного преступника, согласно обычаю прощать одного из действительных злодеев в честь праздника Пасхи⁶⁸. Но и это ни помогло. Народ кричал:

– Смерть Ему! А отпусти нам Варавву.

– Что же вы хотите, чтобы я сделал с тем, кого вы называете царем Иудейским?

– Распни, распни Его! – раздались бешеные крики.

Пилат упорствовал:

– Какое же зло сделал вам Он? Я ничего достойного смерти не нашел в Нем. Итак, наказав Его, отпускаю.

Это была последняя попытка, последняя уступка. Он хотел удовлетворить непонятный ему гнев толпы жестоким истязанием Иисуса, но от смерти Его освободил. Он велел воинам бить Иисуса. Те отвели Его внутрь двора и подвергли поруганию и пыткам: одели в багряницу, положили на голову венец из терна, били и плевали в Него⁶⁹.

В таком виде, измученного и окровавленного, Пилат вывел Его к толпе, желая этим зрелищем удовлетворить ее жестокость. Но человеческая жестокость, особенно жестокость толпы, раз вспыхнувшая, возрастает при виде чужих страданий. Иисус был спокоен и величествен. Лицо Его отражало следы мучений, но взор горел решимостью.

Римляне ценили стойкость и железную силу духа. Пилат с невольным изумлением смотрел на Иисуса. Если бы Он умолял о пощаде и унижался, природная жестокость тотчас проявилась бы в правителе, вызванная презрением. Теперь же он чувствовал к Нему почти уважение.

– Се – Человек! – воскликнул он, с отвращением глядя на безумствовавшую толпу, из которой ни один не проявил бы подобной высоты духа.

– Распни, распни Его! – вопили иудеи.

– Возьмите Его вы и распните, – резко сказал Пилат, – ибо я не нахожу в Нем вины.

Оставалось одно: прямо высказать причину осуждения Христа.

– Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал себя Сыном Божиим!

Это было нечто совсем новое. Раньше иудеи не приводили такого обвинения. Пилат был обеспокоен. Римляне в те времена не были религиозны, но были весьма суеверны. Боги по их верованиям могли иметь детей среди смертных на земле.

Такие дети богов, герои или полубоги обладали таинственной, чудесной силой, и посягать на их жизнь для простого смертного было опасно.

Пилат снова велел ввести Иисуса в залу дворца и, посмотрев на Него внимательно, спросил:

– Откуда Ты?

Иисус не отвечал ничего.

– Мне ли не отвечаешь?! – воскликнул Пилат, – не знаешь разве, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?

На это Иисус сказал:

– Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе.

Пилат задумался... Слова эти были глубоко верны и сказаны с таким величием, что заставляли гнущая его надменную душу. Он смутно чувствовал здесь что-то таинственное и необычное. В невинности Иисуса он был уверен.

Снова вышел Пилат к толпе и стал защищать Иисуса.

Иудейские священники и старейшины поняли, что их замысел погибает. И они прибегли к позорному лицемерию: заявили о своей верности кесарю, которого ненавидели, и проявили неожиданную заботливость к охранению его власти, которую постоянно мечтали свергнуть.

– Если отпустишь Его, – кричали они, – Ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю!

Пилату намекнули на возможность доноса, на возможность выставить его изменником перед Римом. Сразу поколебалась его искренняя решимость спасти Иисуса. Он снова стал трусливым временщиком, трепещущим за свою власть. Несмотря на явную опасность, он попытался еще сопротивляться.

– Царя ли вашего распну? – спросил он, но голос его уже потерял прежнюю властную надменность и стал нерешительным.

– Нет у нас царя, кроме кесаря! – завопили иудеи в диком исступлении, забывая народную гордость и ненависть к

римскому игу.

В этих словах заключалась явная измена заветным надеждам «избранного народа». Каждый честный иудей пришел бы в негодование от этого возгласа.

Когда вопрос был так поставлен, Пилат не мог далее сопротивляться: здесь требовалось уже самопожертвование. Отпустив Иисуса, он оставил бы на свободе в римской области какого-то «царя, кроме кесаря». Это было бы изменой императору. Он был принужден согласиться на распятие.

Но суеверный страх его был силен. Он решился внешним обрядом снять с себя вину. Это была чисто языческая точка зрения. Он умыл руки перед иудеями и сказал⁷⁰:

– Неповинен я в крови Праведника этого, смотрите вы!

Толпа воскликнула в ответ:

– Кровь Его на нас и на детях наших!⁷¹

Иисуса повели на казнь.

В этот же день совершилось событие, о котором так повествует евангелист Матфей (см.: Мф.27:3–10):

«Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря:

– Согрешил я, предав кровь невинную.

Они же сказали ему:

– Что нам до того? Смотри сам.

И бросив сребреники в храме, он вышел; пошел и удавился».

Как мог совершиться в Иуде такой страшный перелом? Что произошло в его душе? Как пришел он к сознанию своей вины и к самоубийству? Некоторое указание дают его слова: согрешил я, предав кровь невинную, – значит, раньше он не думал, что это – кровь невинная, – и считал Иисуса виновным. Когда же изменилось его отношение? Евангелие говорит: когда он увидел, что Иисус осужден. Следовательно, суд над Иисусом и приговор этого суда произвели в нем тот нравственный перелом, который привел его к самоубийству. Вероятно, Иуда присутствовал на этом суде и мог видеть Иисуса и Его обвинителей. Прежде всего ему бросились в глаза крайнее

пристрастие судей, их растерянное искание улик, их лицемерие; показания лжесвидетелей были явно нелепы или недобросовестны: приговор был произнесен поспешно и необоснованно. Жизнь и учение Иисуса вовсе не были представлены на суде, как бы то следовало. Наконец не был соблюден прямой закон, по которому казнь приводилась в исполнение лишь спустя сорок дней после произнесения приговора; это давало возможность недовольным обжаловать приговор, выступив в защиту обвиненного. Иуду, конечно, поразило такое неуважение к закону со стороны законников и хранителей народной веры и обычаев. Они предстали ему в новом свете; он усомнился в их честной преданности закону, в их святости.

С другой стороны, Христос держал Себя достойно и величественно. Он не оправдывался и не искал спасения. Это не могло не произвести глубокого впечатления на изменившего ученика. Если Он и не Мессия, думал Иуда, то, во всяком случае, человек высокой нравственности и огромной силы духа. Особенно Он казался величественным по сравнению со своими судьями.

Но решающее действие на совесть Иуды имел суд у Пилата. Здесь он увидел, что посторонний, незаинтересованный человек, язычник – безусловно признал праведность Иисуса и почувствовал решительное отвращение к Его обвинителям. Эти последние вели себя совершенно несовместно с достоинством высших иерархов народа.

Особенно поражен был Иуда тем, какое обвинение они выставили перед Пилатом, как главное, посредством которого им удалось добиться осуждения Иисуса. Они обвиняли Его в том, что Он сделал себя царем Иудейским, а всякий делающий себя царем – противник кесарю и как таковой должен быть казнен. Прежде всего Иуда понимал, что это обвинение совершенно ложно: он потому ведь и покинул Иисуса, потому-то и усомнился в Нем, что Тот медлил объявить Себя царем и даже прямо уклонился от этого. Он видел также, что это обвинение явно недобросовестно со стороны обвинителей: они сами знали хорошо, что Иисус никогда не стремился стать

народным вождем или царем земным. Но главное – все это обвинение совершенно недопустимо в устах истинных иудеев. Обвинять Иудея в том, что он «противник кесарю» – нелепо, ибо всякий истинный иудей должен быть таковым. Если бы Христос действительно объявил себя царем Иудейским и противником кесаря, то все истинные иудеи должны бы встать на защиту Его, а не отдавать Его в руки римлян. Поэтому строить такое обвинение – значит лицемерить и изменять коренным верованиям народа. Полное ничтожество свое эти первосвященники, книжники и старейшины разоблачили перед Иудой, когда закричали: «Нет у нас царя, кроме кесаря!» Это уже была открытая измена мессианским надеждам; полное попрание всего, что было дорого сердцу иудея. Теперь Иуда увидел, что это не духовные вожди иудейства, хранители народной веры, а трусливые ставленники римского правительства, трепещущие за свое положение. Он подумал: быть может, истинного Мессию они предали бы точно так, как теперь предают этого кроткого праведника. Иуда не мог уверовать в Христа теперь, так как он не мог себе представить поругание и смерть истинного Мессии, но он не мог больше верить и в правоту иудейских священников; он ощущал полную потерю веры: те, которых он считал хранителями истины, оказались изменниками народу, лицемерными лжецами.

Тогда совесть заговорила в нем; его поступок представился ему в ином свете: он совершил обыкновенное предательство расположенного к нему Учителя. Встали мучительные воспоминания о светлых днях совместной жизни, о кротости Учителя, о святых делах Его.

И теперь на суде Он не отступил, не убоился; Он стал еще спокойнее и тверже.

Иуда понял, что предал на смерть совершенно невинного человека. Он пошел к первосвященникам и прямо высказал им свой взгляд на дело. Быть может, он еще надеялся, что они оправдаются пред ним, успокоят его растерзанную совесть, но они ответили: «Что нам до того! Смотри сам». Трудно придумать более бездушный ответ. Иуда понял, с кем имеет дело. Теперь ему уже не к кому было обратиться на земле. В душе не

оставалось никакой веры, никакой надежды. Он безвозвратно погиб.

Казнь Иисуса последовала тотчас после произнесения приговора. Ее приводили в исполнение римские воины. Они сорвали с Иисуса багряницу, одели его в прежние одежды и повели к месту казни, возложив на плечи крест (см.: Мф.27:31–32; Мк.15:20–21; Лк.23:26–32; Ин.19:16–17).

Два разбойника должны были подвергнуться казни одновременно с Иисусом. Их вели вместе с ним; отряд воинов под командою сотника сопровождал осужденных. Шествие двигалось по улицам Иерусалима. В городе было оченьлюдно, но народ, равнодушный и суетливый, был всецело погружен в свои мелкие заботы; все спешили оканчивать приготовления к предстоящей Пасхе.

Иисус, страшно утомленный, едва мог двигаться с тяжелым крестом на плечах. Ночь и утро, проведенные в непрерывных допросах, пытки и оскорбления, которым Он был подвергнут, окончательно подорвали Его силы. При выходе из городских ворот, когда стало очевидным, что Иисус не сможет донести креста до места казни, воины, не желавшие, конечно, нести за Ним позорное орудие, задержали первого попавшегося иудея, возвращавшегося с полевых работ, и заставили его нести крест за Иисусом. Евангелист сообщает, что это был некто Симон Киринаеянин⁷².

Многие останавливались, с любопытством глядя на процессию; иные присоединялись и шли следом. В конце концов образовалась значительная толпа, в которой было много женщин; они «плакали и рыдали об Иисусе». Несомненно, многие из тех, которые теперь провожали Его на казнь, знали Его, слушали Его поучения в храме и сочувствовали Ему; но были и такие, которые осыпали Его насмешками и шли для того, чтобы насытить свою жестокость предстоящим зрелищем. Среди последних были иудейские священники и старейшины, добивавшиеся так страстно Его осуждения.

Видя плачущих женщин, Иисус сказал:

– Дщери Иерусалимские, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших; ибо приходят дни, в которые скажут:

блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие. Тогда начнут говорить горам: падите на нас, и холмам: покройте нас. Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим – что будет?

Эти слова были пророческими. Многие из тех, кто теперь шел за Иисусом, и большинство их детей дожили до страшной картины полного разрушения роскошного города. Улицы были залиты кровью, жители бежали в ужасе, римляне тысячами распинали взрослых детей за стенами города.

Наконец осужденных привели к месту казни, называвшемуся Голгофой. Трудно теперь точно указать это место, найти его под развалинами десять раз осажденного и десять раз разоренного города. Известно только, что тогда оно находилось за городскими воротами⁷³.

Кресты были положены на землю (см.: Мф.27:33–56; Мк.15:22–41; Лк.23:33–49; Ин.19:18–30). Присужденные к казни раздеты и пригвождены к перекладинам. Во время этих ужасных пыток Иисус произнес такие слова:

– Отче, прости им, ибо не знают, что делают!⁷⁴

Затем кресты были приподняты и установлены в заранее приготовленные ямы⁷⁵. Крест Иисуса стоял посередине и возвышался над двумя другими. Над Его головой была прибита доска, намазанная белым гипсом; на ней была сделана черными буквами надпись на трех языках – латинском, греческом и иудейском:

– Царь Иудейский.

Это была смертельная обида, нанесенная Пилатом иудейским иерархам, язвительная и унижающая насмешка над гордостью покоренного народа. Священники бесились от злобы. Они послали к Пилату:

– Не пиши, – просили они, – царь Иудейский, но что Он говорил: «Я – царь Иудейский».

Теперь Пилат доставил себе полное удовольствие поступить наперекор ненавистным изуверам, которые принудили его к нежеланному решению. Он отвечал с презрением:

– Что я написал, то написал.

И не сказав ни слова больше и не выслушав их дальнейших просьб, повернулся к ним спиной и ушел в свой дворец. Теперь, когда он распял «Царя Иудейского», он уже не боялся никаких доносов кесарю.

Иисус пробыл на кресте приблизительно шесть часов. Стража из римских воинов охраняла распятых от возможного похищения с крестов. Жестокая толпа зрителей оскорбляла Иисуса, издеваясь над мучениями Его. Священники и старейшины говорили:

– Других спасал, а Себя Самого не может спасти. Если Он царь ⁷⁶Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него⁷⁶.

Один из разбойников тоже злословил Его, говоря:

– Если Ты Христос, спаси Себя и нас.

Другой же, как говорит евангелист, унимал своего товарища и говорил:

– Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал.

И сказал Иисусу:

– Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое.

И сказал ему Иисус:

– Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю⁷⁷.

Здесь же, около креста, как передает евангелист Иоанн, находились: Мария, Мать Иисуса, сестра Матери Его – Мария Клеопова и Мария Магдалина.

Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей:

– Жено, се сын твой!

Потом говорит ученику:

– Се мать твоя!⁷⁸

И с этого времени ученик этот взял Ее к себе. Этот ученик был сам святой Иоанн, повествующий нам об этом.

Над городом сгущалась тьма⁷⁹.

Страдания Иисуса достигали последнего предела. Около девятого часа, – как говорит евангелист Матвей, – возопил Иисус громким голосом:

– Или, или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой!
Для чего ты Меня оставил?⁸⁰

Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили:

– Илию зовет Он⁸¹.

Конец быстро приближался. Страшная жажда начала томить Иисуса.

– Жажду!⁸² – воскликнул Он, и кто-то подал Ему губку, напитанную уксусом.

Настала последняя минута.

– Совершилось! – сказал Иисус.

Затем, собрав остаток сил, воскликнул:

– Отче, в руки Твои предаю дух Мой!⁸³

Римский сотник, присутствовавший при последних минутах Иисуса, сказал:

– Воистину Человек сей был Сын Божий!

Наступил вечер (см.: Мф.27:57–61; Мк.15:42–47; Лк.23:50–56; Ин.19:31–42). Иудеи боялись осквернить субботу оставлением тел на кресте и просили Пилата снять умерших. Тот дал разрешение.

Евангелист Иоанн передает следующую подробность:

– Итак, пришли воины, и у первого перебили голени и у другого, распятого с Ним; но придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней; но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода⁸⁴.

Из дальнейшего видно, почему это обстоятельство обратило на себя внимание евангелиста: он видел в нем исполнение пророчества. Он добавляет к сказанному: это произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится (Исх.12:46). Также и в другом месте Писание говорит: воззрят на Того, Которого пронзили (Зах.12:10).

Иисус был погребен богатыми и влиятельными иудеями, сочувствовавшими Его учению, – Иосифом из Аримафеи и Никодимом⁸⁵.

Пилат отдал Иосифу, по его просьбе, тело Иисуса, и тот похоронил Его в своем саду, в новой каменной гробнице, вероятно предназначавшейся для самого владельца. Никодим же принес для похорон, по восточному обычаю, ценный

душистый⁸⁶ состав из смирны и алое для умащения тела умершего⁸⁶.

Воскресение Христово

Восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам. А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподняя места земли? Нисшедший Он же есть и вышедший превыше всех небес, дабы наполнить все.

(Еф.4:8–10).

Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна.

(1Кор.15:17).

Настала «великая и благословенная суббота»: Единородный Сын Божий, смиливший Себя до крестной смерти (см.: Флп.2:8) и предавший дух Свой в руки Отца (см.: Лк.23:46) «субботствовал плотью, почил от всех дел Своих»⁸⁷. Недавно видели Его уничиженным, а ныне покой Его – честь.

Но не было покоя в Иерусалиме: одних его лишала злоба, а других – тяжелая, гнетущая скорбь.

Враги не переставали преследовать распятую Истину даже во гробе, «куда низвели ее неправды человеческие и правый суд Божий»; руки, убившие Спасителя, утвердили гроб Его печатью; ожесточенная ненависть и неверие оградили целостность ее стражею (см.: Мф.27:62–66).

А в это время ученики Господа с Пречистою Его Матерью предавались великой скорби. Все апостолы, кроме возлюбленного ученика (см.: Ин.19:26), оставили своего Учителя, и теперь они от других узнают о последних днях Его жизни, – как Он терпел поругания, как страдал, как взывал среди ужасных крестных мучений к Отцу Своему: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (см.: Мф.27:46). Эти рассказы раздирали их душу тоскливыми недоумениями: «Кто же был Он? Мы видели Его дивные, говорившие о Божественном всемогуществе, чудеса, слышали Его, исполненное неведомой силой и неизъяснимой любовью, слово, – и вот Его победили враги, и даже Бог, Которого Он называл Своим Отцом, Его оставил! Он умер позорною смертью на кресте, а мы надеялись, было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля (см.: Лк.24:1). Горько плакал апостол

Петр, отрекшийся от Того, Кого обещал любить до смерти (см.: Мк.14:27, 29–31; 66–72). Но несравненно более горькие слезы проливала Мать Господа: душу Ее прошло острое оружие (см.: Лк.2:35) и из переполненного скорбью сердца вырывались неутешные сетования: «Где, Сын и Бог Мой, благовещение, сказанное Мне Гавриилом? Он называл Тебя Царем, Сыном и Богом вышним, и теперь Я вижу Тебя, сладкий Мой свет, обнаженным и изъязвленным мертвецом». «Вот свет Мой, надежда, жизнь и Бог Мой угас на кресте. Отныне радость никогда не прикоснется ко Мне, – зашли во гроб Моя радость и свет; но не оставлю Его... – здесь же умру и погребусь с Ним!» Внимая воплям и стенаниям Своей Матери, Богочеловек таинственно вещал Ее сердцу из гроба: «О, как утаилась от Тебя бездна щедрот?! ибо хотя спасти Мою тварь, Я изволил умереть, но, как Бог неба и земли, Я воскресну и Тебя возвеличу»⁸⁸.

Так одни с тоскою, а другие с злорадством взирали на молчаливый, запечатанный и окруженный стражею гроб Искупителя. Но от мира сокрыто было, что происходило в это время за дверями живоносного гроба. Здесь покоилось только Пречистое Тело Господа; обоженной душой Своею Он сошел в бездну (см.: Рим.10:7); в самую твердыню исконного человекоубийцы (см.: Ин.8:44), где от века томились души земнородных, лишенных за грех прародительский райского блаженства. Христос, – говорит святой апостол Петр, – чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожил духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал (1Пет.3:18–19). «Обоженная душа Христова нисходит в ад для того, чтобы как живущим на земле воссияло Солнце правды, так и для сидящих под землею во тьме и сени смертной воссиял свет, – чтобы как находящимся на земле, так и сущим во аде, Христос благовествовал мир, пленным освобождение, слепым прозрение, и для уверовавших был виновником вечного спасения, а для неверующих обличителем в неверии» (св. Иоанн Дамаскин).

Настал день Христов (см.: Ин.8:56) для тех, которые издалека, отделенные тысячелетиями и веками, только провидели его в тени прообразов и пророчеств. И вот с проповедью Евангелия (св. Климент Александрийский) и отпущения грехов (св. Ириней) сходит Господь во ад. С восторгом неизъяснимой радости встретил Господа Иисуса сонм праотцов и пророков. Здесь, за мрачными затворами «унылого ада» (св. Григорий Богослов) Спаситель «видит Адама, обливающегося слезами; видит Авеля, покрытого кровью, как багряницу; видит Ноя, украшенного праведностью; видит Сима и Иафета, украшенных почтительностью к отцу; видит Авраама, увенчанного всякими добродетелями; видит Лота, подвизавшегося в гостеприимстве; видит Исаака, цветущего постоянством; видит Иакова, сидящего терпением; видит Иова, подобного борцу, уготовавшемуся за ратоборство; видит Финееса, вооруженного копьем; видит Моисея, посвященного Божиими перстами. Приходит к Навину, и он окружен воинством; подходит к Самуилу, и он блистает помазанием царей; идет к Давиду, и он погребен со псалтирью; приступает к Елисею, и он облечен в милоть. Исаия с радостью показывает главу, отделенную у него пилою. Иона славится спасением ниневитян. Иеремия умащен тиною из рва. Светозарны очи Иезекиилевы от страшных видений. На ногах Данииловых свежи еще лобзания львов. Тела бывших в печи искрятся огнем. Дружина Маккавеев окружена орудиями мучений. Глава Крестителя сияет усекновением. Видит и святых жен, которые ни в чем не уступили мужам: видит Сарру, сияющую Авраамскою верою; видит Ревекку, процветающую благотворным напоением из водоноса; видит Рахиль, в браке сияющую целомудрием; видит мать противоборных мучителю оплотов, остененную семью сынами; видит всякого праведника, взирает на всякого пророка – и проповедует: „Се Аз!“» (св. Ефрем Сирин).

Ад «вострепетал при встрече»⁸⁹ со вторым Адамом (см.: 1Кор.15:45, 47–48), язвы Которого являли всемогущество, «и погиб от грозного взора»⁹⁰. Сокрушились «вечные вереи» ада⁹¹. Кончилось владычество смерти и диавола (см.: Евр.2:14):

Святой и Истинный, имеющий ключ Давидов (см.: [Откр.3:7](#)), открыв для верующих, заключенные грехами прародителей, двери рая и в сопровождении сонма искупленных вошел в самое небо (см.: [Евр.9:24](#)). «Искуплены все праведные, которых поглотила смерть и после этого каждый из праведников сказал: „Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа? (см.: [1Кор.15:55](#)). Нас искупил Победодавец“» (св. [Кирилл Иерусалимский](#)).

Прошло двое суток со дня смерти Господа Иисуса на Голгофе... Сильнее зашевелилось чувство беспокойной злобы в душах богоубийц, твердо помнивших предсказание Спасителя о воскресении в третий день (см.: [Мф.27:63](#)); в душах же учеников Христовых заря его зажигала луч смутной надежды на явление силы Божественного всемогущества над их умершим и погребенным Учителем (см.: [Лк.24:24](#)). Но равнодушно, чуждые злобы и надежд, стояли воины на страже у гроба, где была погребена Надежда всей твари (см.: [Рим.8:19](#)).

В безмолвии глубокого утра, среди общего покоя природы, воссияла Истина от земли (см.: [Пс.84:12](#)), Богочеловек воскрес «из запечатанного гроба» (св. [Исидор Пелусиот](#)), когда на нем «лежали печати и камень» (св. [Иоанн Златоуст](#)). Не было свидетелей того величайшего, еще не виданного миром, чуда, – они и не были нужны: вся последующая история Церкви Христовой – непререкаемый и немолчный свидетель истины Воскресения.

Воины, охранявшие гроб, были очевидцами событий, уже последовавших за Воскресением Господа, которое Ему угодно было облечь священною тайною. Спокойно стояли они под сенью оливковых деревьев, внимательно всматриваясь в окружавшую их предутреннюю мглу. Вдруг они почувствовали, что земля заколебалась и подобно молнии, рассекая воздух, заблестал необычайный свет – то Ангел Божий, сошедший с неба, преступил ко гробу, отвалив от него камень, и сел на нем (см.: [Мф.28:2–3](#)). Так «печать, положенная неверием на холодном гробе Господа, растаяла от огня Божества, в нем таившегося; тяжелый камень соблазна, покрывавший его, упал и только поразил иудейскую жестоковейность и эллинское высокоумие» (митрополит Московский Филарет). Светом своего

явления ангел привел в ужас воинов: от страха они пришли в трепет и стали как мертвые (см.: Мф.28:4). Земная стража у гроба воскресшего Господа окончилась, уступив место небесной, – светоносным вестникам всерадостного воскресения.

Христос воскрес! – и для всего мироздания начались истинная весна, светлое, радостное утро новой жизни. Воскресение Господа Иисуса – первая действительная победа жизни над смертью, если ранее они и были, то – неполные, временные, после которых смерть снова утверждала свое действительное владычество над жизнью. Со смертью боролась природа, вызывая, по заповеди Божией (см.: Быт.1:22), на место угаснувших жизней новые. Но для чего? Чтобы они опять исчезли, сменились другими, которые, в свою очередь, заменятся третьими и так далее. Жизнь природы, поэтому, не более как пестрый, яркий покров на непрестанно разлагающемся трупе, сотканный из множества мимолетных смертных жизней. Боролись со смертью и герои человеческой мысли, великие мудрецы Востока и Запада, но они не победили ее: их уделом, как и всех других людей, была смерть, после которой они не воскресли. Бессильны пред смертью были и люди великой нравственной мощи, например, ветхозаветные праведники: наравне со злодеями смерть сводила их в мрачный шеол, или преисподнюю.

Окончательная победа над смертью и не могла быть одержана, доколе не был уничтожен источник ее в мире – грех, внесший в него раздвоение. Грех связал страстями дух человека и тем нарушил правильное взаимоотношение между ним и телом: последнее из послушного орудия для деятельности богоподобного человеческого духа превратилось, благодаря греху, в неодолимое препятствие на пути к нравственному совершенству. Борьба с грехом без Христа невозможна для человека, она только приводит его к сознанию своего бессилия, исторгая из души его скорбный вопль: бедный я человек! Кто избавит меня от этого тела смерти? (Рим.7:24).

И вот, в побежденный грехом и неразрывно связанной с ним смертью (см.: 1Кор.15:56) мир, когда пришла полнота времени

(см.: Гал.4:4), явился для его спасения Богочеловек Иисус Христос, всецело осуществивший в Своей жизни волю Божию. Вся земная жизнь Его была свободный и произвольный подвиг самоуничтожения, предпринятый для совершения порученного Ему Отцом дела (см.: Ин.17:4). Подвигположник нашего спасения был подобно нам искушен во всем, кроме греха (см.: Евр.4:15). Поэтому смерть, как и князь ее, не имели в Нем для себя ничего (см.: Ин.14:30); Он победил их. Они были бессильны пред беспредельной нравственносвободной духовной силой во Христе, и Господь Иисус воскрес как дух, навеки воплощенный, соединивший с полнотою внутреннего душевного существа и все положительные стороны бытия телесного без его внешних ограничений. Смерть не имела власти не только над духом, но и над телом Христовым, – плоть его не видела истления (см.: Пс.15:10; Деян.2:31). «Душою Бога разрушена держава смерти, совершено и благовествовано душам воскресение из ада, а телом Христовым в бездействие приведено тление и явлено из гроба нетление» (св. Афанасий Александрийский). Как Сын Человеческий, послушный Своему Отцу до крестной смерти, Господь Иисус Христос воскрес славою Отца (см.: Рим.6:4), действием Его всемогущества (см.: Деян.2:24; 4:15; Рим.8:11; 2Кор.13:4), И как Сын Божий, преемственное Слово, Сам возвратил обóженную душу Свою в прославленное тело (см.: Ин.10:17–18).

Воскресение, венчая жизнь Господа Иисуса, как Богочеловека, венчает и подвиг Его, как Мессии – Спасителя мира.

Оно переродило апостолов, превратив боязливых рыбаков в самоотверженных проповедников Христовых, пронесших слово благовестия, по заповеди Учителя, от Иерусалима до края земли (см.: Деян.1:8). При взятии Господа в саду Гефсиманском посланными от первосвященников и старейшин народа, ученики разбежались; как овцы без пастыря (см.: Мк.14:27) они рассеялись в отчаянии и ужасе, и даже камень веры – святой апостол Петр (см.: Мф.16:18) поколебался «от ничего не значащего слова рабыни, как лист от ветра» (митрополит Московский Филарет). Они ожидали, что Мессия

видимо откроет Свое славное царство Израильское на земле. Но крест разрушил эти надежды, разбил их теократические мечты. В глазах учеников Христовых, как и всех людей того времени, крест был самым ужасным и позорным из всего, что мог только испытать человек в своей жизни; он был знаком столь страшного проклятия, что Сам Учитель их тосковал и скорбел перед ним до кровавого пота. Голгофа с ее мучениями затмила в душах апостолов веру во Христа как Мессию, оставив им веру в Него как пророка, Который был сильный в деле и слове пред Богом и всем народом (см.: [Лк.24:19](#)). Но воскрес Христос, – и крест засиял в их очах светом неувядаемой славы; язвы явили Божественное всемогущество и гроб стал колыбелью неразрушимой веры, что смерть побеждена, что есть жизнь вечная. С проповедью о Христе распятом и воскресшем выходят они в мир, терпя гонения и лишения. Как поистине тернист был путь благовестников Христовых в мире, описывает апостол языков: «Я, – говорит он, – был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской. Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников. В трудах и в изнурении, часто в бдении, голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» (см.: [2Кор.11:23–27](#)). Что же поддерживало их при таких испытаниях, превращая самые скорби в радость, поношение в честь (см.: [Деян.5:10–41](#))? Они жили верою, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит чрез Иисуса и (см.: [1Кор.4:14](#)) их. И силою этой веры они победили мир, привели к подножию креста тех, которым слово о кресте (см.: [1Кор.1:18](#)) казалось соблазном и безумием (см.: [1Кор.1:23](#)).

Они поняли, что только в воскресшем Христе могут найти удовлетворение глубочайшим запросам человеческого духа. Люди изнурены грехом и алчут правды, – но Христос и был предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего

(Рим.4:25). Люди томятся под безотрадным игом закона и жаждут благодатной свободы, – умертвив своею смертью порождение закона – грех (см.: Рим.7:9) и победив Его Своим воскресением (см.: 1Кор.15:25), Господь Иисус Христос открыл Своим последователям путь к истинной свободе (см.: Ин. 8,36) и заменил тяжелое, невыносимое иго сурового закона благим и легким бременем Своего учения (см.: Мф.11:30). Люди боятся смерти, но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших (1Кор.15:20). Своим воскресением Господь Иисус Христос открывает для человека двери столь желанного бессмертия. Для него теперь уже не может быть страшна смерть, если он верует во Христа, усвояет верою Его праведность, Его вечную жизнь, Его дух (см.: Рим.8:9–11; Гал.6:8), если он живет во Христе, то и жить будет с Ним (см.: Ин. 14, 19), сохраняя не только душу, но и тело. Христос в воскресении Своем приобрел прославление Своему человечеству, а вместе с тем приобрел надежду прославления и нашему всеродному человечеству. Туда, где от века пребывал Он и пребывает как Бог, Он вошел, как Богочеловек с душою и телом. В воскресении Богочеловека имеем поэтому неложное свидетельство, что и мы воскреснем и притом с телом непременно. Не будем спрашивать, как это произойдет. Если Господь Иисус веру Свою, в самом лице Его низринутую во гроб и низведенную в ад, воскресил, возвел, воцарил, то не можем сомневаться, что и нашу веру в воскресение чрез Него Он оправдает. Иначе христиане были бы несчастнейшими из людей на земле (см.: 1Кор.15:19). Христианин – временный гость, странник и пришлец на земле, которого неизбежно сопровождает злоба и ненависть со стороны большинства окружающих. Страдания так же неизбежны в его жизни, как и в жизни Спасителя (см.: 1Пет.2:21). Но Христос воскрес и через это основал нашу надежду глубже настоящего мира и воздвиг ее выше земли: если Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас (Рим. 8:11)⁹².

Не один человек обременен грехом и жаждет бессмертия: смутно и неясное тяготение к избавлению от зла и стремление к бессмертию заложено и во всю природу; она, сведенная с настоящего пути развития грехопадением человека, страдает и томится (см.: Рим.8:20–22), ожидая того великого дня, когда последний враг истребится – смерть (1Кор.15:26), когда воскресший Сын Человеческий и Сам покорится Покорившему все Ему, да будет Бог есе во всем (1Кор.15:28). Тогда наступит царство славы, доступ в которое Христос со славой открыл всему миру.

Апрель

Явления Господа нашего Иисуса Христа по Его воскресении

Христос Спаситель по Своем воскресении, венчавшем Его искупительный подвиг, не тотчас покинул землю, освященную Его пребыванием: до славного вознесения с пречистой плотью на небо к Отцу Своему Он в течение сорока дней являлся (см.: Деян.1:3), некоторым порознь или всем вместе, небольшому обществу Своих последователей, которые в страшные дни крестных страданий, когда был поражен их Пастырь, рассеялись (см.: Мк.14:27) в смятении и скорби.

В истории христианской Церкви эти дни явлений Победителя смерти были великими днями постепенного усвоения апостолами радостной и краеугольной истины христианства – истины воскресения Христова (см.: 1Кор.15:14), проповедниками которой вскоре они сделались для всего мира. С трудом проникала она в душу апостолов: даже для камня веры (Мф.16:18) святого Петра была непонятна мысль о необходимости крестных страданий Сына Бога Живого (Мф.16:16; 22–23), а потому для учеников Христовых непонятны были и слова Спасителя о Своем воскресении (см.: Мк.9:32), которое неразрывно связано с Его уничижением (см.: Флп.2:8–9). Они не верили воскресению Спасителя даже тогда, когда о явлении Воскресшего говорили им удостоившиеся увидеть Господа в Его прославленном состоянии жены-мироносицы (см.: Лк.24:11), а наиболее сомневающийся из них – святой Фома только тогда уверовал, когда согласно ранее выраженному желанию вложил перст свой в гвоздинные язвы на теле Воскресшего. Поэтому для апостолов нужны были самые непреложные доказательства истины воскресения, которые Господь и даровал им во время Своих явлений: апостолы уверились, что Явившийся действительно Христос Спаситель не только потому, что в прославленном Воскресшем узнавали знакомые и дорогие черты смиренного Учителя, но и потому еще, что слышали из уст Его то же самое, только более углубленное, учение о тайнах Царствия Божия (см.: Деян.1:3).

Первую весть о воскресении Господа Иисуса получили жены-мироносицы; они же первые узрели Воскресшего и первые пришли с радостною вестью к скорбящим ученикам, явившись, таким образом, как бы апостолами для апостолов. По мысли святого отца (Григория Богослова) это произошло не без особенного смотрения Божия, потому что «Еве, которая пала первая, первой надлежало приветствовать Христа» – Искупителя падшего человечества.

После скорбной субботы (см.: Мк.16:1), при наступлении первого дня недели, жены-мироносицы, Мария Магдалина, Мария Иаковля, Иоанна, Саломия и прочие (см.: Мк.16:1; Лк.24:10) самым ранним утром отправились ко гробу возлюбленного Учителя, неся приготовленные ароматы (см.: Лк.24:1). Они не оставили Господа у креста, когда страх от врагов Христовых заставил почти всех апостолов скрыться, но предстояли распятому Спасителю до самой Его кончины; они сопровождали принесение Его тела ко гробу и присутствовали при Его погребении; и теперь, несмотря на тяжелые испытания предшествующих дней, они торопятся воздать Почившему последнюю дань любви и уважения. Мария Магдалина, исцеленная Господом от тяжкого недуга беснования (см.: Мк.16:9) и пламеневшая «самою нежною любовью к Учителю» (св. Иоанн Златоуст) опережает на пути прочих жен: «сила любви и благодарности к Божественному Спасителю, сила святого сострадания к Святому, безвинно пострадавшему» (Филарет, митропол. Московск.) неудержимо влечет ее вперед, и она прежде всех, когда еще было темно (Ин.20:1), достигает гроба; увидев сквозь ночную мглу, что камень отвален от гроба, Мария Магдалина, не теряя минуты, сейчас же побежала с вестью об этом к ближайшим ученикам Господа, Петру и Иоанну.

Уже брезжило утро, и золотые лучи солнца, обливая пурпуром вершины Галаадских гор, готовились разогнать предрассветную тьму, висевшую над садом благочестивого Аримафея. С тяжелым сердцем, переполненным скорбью, приближались за Марию остальные благочестивые жены ко гробу, где сокрылось Солнце правды; умер их Учитель, но не умерла их любовь к Нему, – она и заставляла их горевать о том,

что они никогда уже больше не увидят Его, не услышат Его благостных речей. Эта скорбь увеличилась еще больше, когда святые жены вспомнили, что гроб заложен большим камнем, отвалить который они были не в силах (см.: [Мк.16:3](#)). Но вот и сад Иосифа. Они входят в него и, приближаясь ко гробу, с удивлением замечают, что камень отвален ([Мк.16:4](#)). Расстроенные и взволнованные вошли жены-мироносицы внутрь гроба и не нашли тела Господа Иисуса ([Лк. 24:3](#)), что еще больше увеличило их недоумение. И вдруг в ужасе на правой стороне гроба они увидели юношу, облеченного в белую одежду, который им сказал:

– Не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам ([Мк.16:6–7](#)).

Потрясенные жены-мироносицы в ужасе побежали от гроба и сначала от страха ничего никому не сказали ([Мк.16:8](#)). Но потом, когда они успокоились, страх сменился великой радостью, поделиться которой, согласно повелению ангела, они и поспешили с апостолами (см.: [Мф. 28:8](#)).

Между тем весть, принесенная Мариєю Магдалиною ближайшим ученикам Господа о похищении тела Учителя заставила обоих апостолов тотчас ([Ин.20:3](#)) пойти ко гробу. Достигнув гроба ранее Петра, Иоанн наклонился и посмотрел внутрь, и увидел, что тела нет, а лежат одни лишь погребальные пелены; в раздумье стоял возлюбленный ученик Христов, ожидая Петра, который вскоре пришел вслед за ним ([Ин.20:6](#)). Апостол Петр вошел во гроб и видит одни пелены лежащие. И плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте ([Ин.20:7](#)). За Петром вошел в пещеру и Иоанн; погребальные пелены и особенно вид головного плата, свитого и лежащего на другом месте, возбудили в нем веру, что Господь воскрес: «В самом деле, – говорит святой [Иоанн Златоуст](#), – если бы кто перенес тело, то сделал бы это не обнажая его, равно как, если бы кто украл его, то не стал бы заботиться о том, чтобы снять плата, свить его и положить на другом месте, но взял бы тело в том виде, в каком

оно лежало. Поэтому евангелист предварительно и сказал, что при погребении Христа употреблено было много смирны, которая не хуже свинца приклеивает пелены к телу». Не с одинаковым чувством покинули ученики опустевший гроб своего Учителя; «Петр не нашел в нем света воскресения и вынес из него только удивление, – пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему (Лк.24:12), Иоанн вошел во гроб и обрел хотя невидимый, но действительный внутренний свет веры в воскресение Христово (см.: [Ин.24:8](#); Филарет, митрополит Москов.).

По уходе учеников Мария Магдалина опять возвратилась ко гробу, куда влекла ее крепкая, как смерть, любовь ([Песн.8:6](#)) ко Христу Спасителю. Она стояла у гроба и плакала ([Ин.20:11](#)): страдания, испытанные ею в предшествующие скорбные дни, довершались этою невозвратимою утратою, отнимавшею у нее последнее утешение, – поплакать облегчающими душу слезами над телом Учителя. Как человек, потерявший неоцененное сокровище и не хотящий этому верить, Мария наклонилась во гроб ([Ин.20:11](#)), чтобы посмотреть на место, где покоилось тело Спасителя. И необычайное зрелище открылось пред полными слез глазами Марии: она увидела двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног ([Ин.20:12](#)) смертного ложа Христова.

– Жена! Что ты плачешь? ([Ин.20:13](#)), – спросили скорбящую Марию радостные вестники Христова воскресения.

Всецело поглощенная горем Магдалина несколько не удивилась неожиданному явлению светоносных Ангелов, хотя самая одежда их «показывала великую радость», и Мария «могла воспрянуть от скорби и утешиться» (св. [Иоанн Златоуст](#)). Но горе ее было так велико, что она обратила внимание только на вопрос Ангелов и поспешила поведать им свою печаль:

– Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его ([Ин.20:13](#)).

В это время Господь «внезапным явлением позади (Марии) привел в изумление Ангелов, и они, узрев Владыку, и видом, и взором, и движением тотчас обнаружили, что увидели Господа» (св. [Иоанн Златоуст](#)); Мария Магдалина заметила это и

обратилась назад (Ин.20:14). Господь явился в смиренном виде, так что плакавшая Мария, далеко отстоявшая от мысли о воскресении, приняла Его за садовника, и в ответ на вопрос Господа: Что ты плачешь? Кого ищешь? (см.: Ин.20:15) – она обратилась к Нему за разрешением раздиравшего ее душу сомнения:

– Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его (Ин.20:15).

Тогда Иисус говорит ей: Мария! (Ин.20:16).

Знакомый голос Спасителя, исполненный благодатною силою (см.: Ин.7:46), проник в душу Марии; быстро обернувшись и всмотревшись внимательнее, она узнала Господа и в восторженной радости воскликнула: Учитель! (Ин.20:10), и тотчас же хотела припасть к ногам Воскресшего. Но Господь остановил ее:

– Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему (Ин.20:17).

Запрещая Марии Магдалине прикасаться к Нему, Христос, по толкованию святого Иоанна Златоуста, «возвышает (ее) помышления», потому что «от радости (она) не представляла себе ничего великого», «и через это научает ее более благоговейному с Ним обращению». То же самое высказывает и блаженный Августин о словах Господа – «не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему»: «Ты (как бы так обращается Господь к обрадованной Марии), видя Меня, считаешь только человеком, и еще не знаешь равенства Моего со Отцом: не прикасайся ко Мне, как к простому человеку, не принимай Меня такою верою, но уразумей во Мне Слово, равное Отцу. Взойду ко Отцу, и тогда прикасайся. Для тебя взойду Я тогда, когда ты уразумеешь Меня, как равного Отцу. Доколе же считаешь Меня меньшим, Я еще не взошел для тебя». Удостоившаяся явления Воскресшего, Мария должна была передать ученикам Господа вместе с вестью о воскресении Учителя не менее радостную весть (см.: Ин.14:28) о скором отшествии Его к Отцу, за которым, как Он говорил им в

прощальной беседе, должно последовать сошествие святого Утешителя Духа (см.: Ин.16:17). Отныне, со дня воскресения, все верующие во Христа Иисуса, как искупленные Его спасительными страданиями и крестною смертью, имеют одного Отца небесного вместе со своим Спасителем; но Христос Сын Божий по естеству, а верующие – по благодати. В изречении Господа – восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему, по учению святого Кирилла Иерусалимского, и сокрыта именно последняя мысль: «иначе Он Мой Отец по естеству, иначе вам по присвоению; иначе Бог Мне, как приискреннему и Единородному Сыну, и иначе вам как созданиям».

Так любовь Марии Магдалины ко Христу, с особенною силою проявившаяся «на смертном поприще Господнем», была «награждена праведно ускоренным живоносным лицезрением Господа воскресшего» (Филарет, митроп. Московск.): ей именно прежде всех, как говорит святой евангелист Марк (см.: 16,9), явился Господь Иисус по Своем воскресении⁹³.

За этим явлением Марии Магдалине последовало явление воскресшего Спасителя и всем женам-мироносицам, когда они шли к апостолам с полученною от Ангелов вестью воскресения; Господь встретил их на пути со словами: «Радуйтесь!»

Они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда, ободряя их, Христос сказал:

– Не бойтесь, пойдите возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня (см.: Мф.28:9–10; Мк.16:1; Лк.24:10).

Когда святые жены-мироносицы с вестью о воскресении Христовом пришли к ученикам Господа, то они не поверили словам их, как ложным (см.: Лк.24:11), и продолжали горько оплакивать смерть своего Учителя. Но вот приходит Мария Магдалина, которая также говорит, что Господь «жив», – она сама «видела Его»; однако объятые скорбью апостолы не имели сил для веры (см.: Мк.16:10–11), исключая, впрочем, апостола Петра: «слово Марии (что видела Воскресшего), святое сколько по своему предмету, столько же по решительной достоверности, разогнало тьму души его и приготовило его незаметным светом

веры и любви принять свет Божественного явления» (Филарет, митропол. Московск.); и действительно, после этого в тот же день Господь Иисус явился Симону (см.: [Лк.24:34](#); [1Кор.15:5](#)). Вместе с тем явление Христа апостолу Петру первому из среды других апостолов было как бы наградой за его исповедание Господа Иисуса Сыном Бога Живого ([Мф.16:16](#)) и утешением ученику, удрученному своим отречением: «Кто первый исповедал Его Христом, тот справедливо первый удостоился видеть и воскресение Его. И не поэтому только Христос явился прежде всех одному Петру, но и потому, что Петр отрекся Его; дабы совершенно утешить его и показать, что он не отвергнут, Христос удостоил его своего явления прежде других» (св. [Иоанн Златоуст](#)).

Весть о воскресении Христовом, распространяясь среди святого общества последователей Господа Иисуса, достигла и до членов Синедриона, которым ее принесли воины, по их же настоянию поставленные на страже у гроба Спасителя (см.: [Мф.27:62–66](#)). Приведенные в трепет землетрясением и явлением молниевидного Ангела (см.: [Мф.28:3–4](#)), воины от страха самовольно покинули стражу и прибежали в Иерусалим; здесь некоторые из них рассказали первосвященникам о всем, чему они были невольными свидетелями (см.: [Мф.28:11](#)). Но ожесточенные начальники иудейские, противившиеся Господу во время Его земной жизни, восстали на Него и по Его воскресении, прибегнув к своему излюбленному средству – подкупу; «купив кровь Христа, когда Он был жив, по распятии и воскресении Его (они) опять деньгами же старались подорвать истину воскресения» (св. [Иоанн Златоуст](#)). Дав воинам довольно денег с обещанием в случае необходимости защитить их пред правителем, члены Синедриона просили стражу распространить среди иудеев такой ложный слух: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали ([Мф.28:12–14](#)). «Смотри, – говорит святой [Иоанн Златоуст](#) об этом вымысле врагов Христовых, – как они уловляются со всех сторон своими собственными поступками! Если бы они не приходили к Пилату, если бы не просили стражи, то еще могли бы таким образом клеветать; теперь же, напротив, они все так

делали, что как будто старались заградить свои уста». Действительно, своими словами члены Синедриона сами себя осудили: могли ли отважиться на похищение тела Спасителя ученики, когда еще недавно все они при виде толпы, вооруженной кольями, бежали, оставив своего Учителя (см.: [Мк.14:50](#))? Когда самый твердый из них поколебался от вопроса служанки (см.: [Мф.26:69–72](#))? Не говорят ли против членов Синедриона самые пелены и плат, оставшиеся на гробе Спасителя? Если бы, – предположим невозможное, – ученики похитили тело, то неужели бы они стали медлить в пещере – снимать плотно прилипшие пелены с платком и класть их в порядке? Да и как, наконец, спящая стража могла свидетельствовать о том, чего не видала?! Так ничтожны пред истиной Божией ложь и обман, так злоба и неверие в руках Божественного всемогущества свидетельствуют об истинности того, против чего они восстают.

Прошло уже полдня великого воскресения, а из последователей Христовых удостоились видеть Воскресшего только жены-мироносицы и апостол Петр; прочие апостолы, исключая возлюбленного ученика Господня, колебались между сомнениями и верою, не зная, как отнестись к вести о воскресении Спасителя. И Господь, как бы снисходя к их немощи, постепенно подготавливал душевные очи апостолов к Своему светозарному явлению. Последними вестниками воскресения для апостолов из двенадцати были два апостола из числа семидесяти: Клеопа (см.: [Лк.24:18](#)), вероятно брат Иосифа Обручника и муж Марии, называемой сестрой Богоматери (см.: [Ин.19:25](#)), и, как говорит древнее предание Церкви, святой евангелист Лука.

В день воскресения Христова, уже под вечер, они шли вместе в селение Еммаус, отстоявшее от Иерусалима стадий на шестьдесят (см.: [Лк.24:13](#)). Дорогою, естественно, они разговаривали между собою о том, что более всего волновало их душу: о последних событиях жизни своего Учителя и о дивной вести сегодняшнего дня, которое их любящее Христа сердце желало бы верить, но этому препятствовало их еще нераскрытое разумение. Во время душевного обмена

мыслями, делясь общим горем и недоумениями, ученики заметили, что к ним приблизился Кто-то; то был Сам Иисус (Лк.24:15), но апостолы не узнали Его, потому что глаза их были удержаны (Лк.24:16), тем более что Господь явился в ином образе (Мк.16:12), то есть не в том, в каком привыкли видеть Его ученики во время земной жизни. Учитель не желал Своим внезапным явлением резко изменить душевное настроение апостолов, представлявшее собою удобную почву для Его последующих наставлений.

– О чем это вы идя рассуждаете между собою, и отчего вы печальны (Лк.24:17)? – спросил апостолов присоединившийся к ним Путник.

Для учеников Христовых, всецело поглощенных мыслью о недавней крестной смерти Учителя, вопрос нового Собеседника был удивителен: им казалось, что раздиравшие их душу события должны были волновать всех без исключения – и что теперь ни о чем ином и речи быть не может. Поэтому, принимая Незнакомца за прозелита, ходившего на праздник Пасхи в Иерусалим и возвращавшегося домой, Клеопа с горячим полуупреком ответил на вопрос вопросом:

– Неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни (Лк.24:18)?

– О чем? – снова спросил Господь, желая, чтобы ученики сами сообщили Ему причину своей печали. Апостолы были рады случаю облегчить свою скорбь и, ничего не утаивая, раскрыли свою душу: они печальны оттого, что первосвященники и начальники осудили на смерть Иисуса Назарянина, не только ни в чем неповинного, но, напротив, пророка «сильного в деле и слове пред Богом и всем народом»; эта смерть неповинного Праведника для них особенно горька, потому что с нею окончательно разбилась их надежда на открытие славного земного царства Мессии, что было общим верованием иудеев того времени:

– Его распяли, а мы надеялись, было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло.

В заключение ученики передали своему Спутнику удивительную весть, принесенную им сегодня от гроба Учителя женами:

– Некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его, и пришедши сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив; и пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили; но Его не видали (Лк.24:19–24).

Господь Иисус Христос неоднократно говорил ученикам о Своей смерти и воскресении, но эти слова Господа не вязались с утвердившимся и среди апостолов воззрением времени на Мессию, как славного земного царя, и это несмотря на то, что в Священном Писании Ветхого Завета содержались довольно ясные указания на то, как надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою (Лк.24:26): закон Моисея в образных учреждениях представлял страждущего Мессию; пророки в откровениях, – в некоторых из них с поразительной яркостью, – предуказывали на страдания и грядущее за ними прославление Христа. Поэтому апостолы не были неповинны в своих сомнениях в воскресении Учителя. С порицания этого сомнения Господь и начал Свою речь прежде чем выяснить им на основании Священного Писания всю необходимость страданий Мессии и Его воскресения.

– О несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! (Лк.24:25), – воскликнул Христос.

Дальнейшие слова Господа, изъясняющие сказанное о Христе во всем Писании (Лк.24:27), падали на скорбные души апостолов живительной росой: согреваемые святым огнем благодатного утешения сердца их трепетали от радостного восторга (см.: Лк.24:32).

Незаметно путники приблизились к Еммаусу, и чудный Незнакомец показывал им вид, что хочет идти далее (Лк.24:28). Но благодарные апостолы не хотели так скоро расстаться с человеком, который, утешая, с такой одушевленной и необычайной убедительностью говорил о предмете их скорбных

дум и чувств; они удерживали Его, говоря: Остайся с нами, потому что день уже склонился к вечеру (Лк.24:29).

Желая наградить учеников окончательным уверением в истине воскресения, Господь исполнил их просьбу: Он вошел и остался с ними (Лк. 24:29). Когда возлегли за трапезу, Христос Спаситель, как старший между возлежавшими, взял хлеб, благословил, преломил и подал (Лк.24:30) ученикам: что-то неизмеримо дорогое восстало пред открывшимися глазами апостолов; в радостном недоумении они пристально взглянули на Незнакомца и узнали в нем Учителя, но в тот же момент Господь стал невидим для них (Лк. 24:31). Тогда апостолы стали припоминать все подробности встречи с Воскресшим, и им стало понятным то пламя восторга, которым горели сердца их во время Его речи.

– Не горело ли в нас сердце наше, – сказали они друг другу, – когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание? (Лк.24:32).

Апостолы сейчас же поспешили в Иерусалим, чтобы поделиться своею радостью и с другими учениками Христа. Здесь они нашли апостолов из двенадцати, кроме Фомы, всех вместе с верующими, в той самой горнице, в которой, по вознесении Господа на небо, они обычно пребывали в ожидании Утешителя (см.: Деян.1:13–14). Их встретили радостною вестью, что Господь истинно воскрес и явился Симону (Лк.24:34). В свою очередь, и еммаусские путники увеличили общую радость, поведав о происшедшем на пути, и как Он был узнан ими в преломлении хлеба (Лк.24:35).

Наконец настало для апостолов исполнение обещанного им Господом в прощальной беседе: Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше (Ин.16:22). Во время повествования еммаусских путников святому собранию о явлении Учителя, когда двери были заперты из опасения от Иудеев (Ин.20:19), Сам Иисус стал посреди них (Лк.24:36). Этим явлением в самый день воскресения, Господь, по мысли святого Иоанна Златоуста, «положил основание святому дню Господнему в замену ветхозаветной субботы, которой настал конец».

Первыми словами Воскресшего обществу верующих было приветствие мира: Мир вам! (см.: [Лк.24:36](#); [Ин.20:19](#)).

Христос Спаситель пред страданиями, прощаясь с учениками, преподал им Свой мир (см.: [Ин.14:27](#)), но состояние апостолов в настоящую минуту нуждалось в подтверждении этого дара: скорбь об утрате Учителя, сознание одиночества и беспомощности среди возбужденных удивительными слухами иудеев страшно обременяли душу учеников, и одна только любовь к Распятому, пробудившаяся ранее веры в Его воскресение, могла собрать воедино расточенных овец пораженного Пастыря. Явление Воскресшего Учителя, прошедшего притом чрез запертые двери, несмотря на дарование мира, возбудило сначала в учениках испуг и смущение, – они подумали, что видят духа ([Лк.24:37](#)). Поэтому Господь постепенно убеждает их в великой истине воскресения.

– Что смущаетесь, – спросил, ободряя их, Сердцеведец, – и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это – Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги ([Лк.24:38–40](#)). Апостолы невыразимо обрадовались, и эта радость их была тем сильнее, чем глубже и мрачнее была их печаль; явление Победителя смерти для них служило залогом победы Господа над всем, что враждебно Ему и Его последователям; ученики даже боялись поверить своей радости, и такое состояние их было вполне естественно: «Апостолы, – изъясняет святой [Иоанн Златоуст](#), – увидели воскресшим Перворожденного из мертвых, а такие величайшие чудеса, обыкновенно, сначала поражают, пока со временем не утвердятся в душах верующих». Желая окончательно рассеять всякую тень сомнений в душах учеников, Господь спросил:

– Есть ли у вас здесь какая пища?

Они подали ему часть печеной рыбы и сотового меда. И взяв, ел пред ними ([Лк.24:41–43](#)). «Вас не убеждают ни ребра, ни раны, – как бы так говорил Он, – пусть же, по крайней мере, убедит трапеза» (св. [Иоанн Златоуст](#)); при этом Господь, по мысли того же отца, «вкушал пищу, не имея Сам в ней нужды,

потребляя (ее) Божественной силою с тою целью, чтобы исправить немощь учеников». Затем Господь, уничтожая всякую возможность недоумений со стороны Своих учеников, указал им на то, что Его страдания, крестная смерть и воскресение, о которых Он неоднократно предсказывал им ранее, – события, от века predetermined Божественным домостроительством; они – окончательное завершение Ветхого Завета, говорящего о Христе: Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом, и в пророках и псалмах (Лк.24:44).

И в преддверии совершительного действия обещанного Утешителя Духа (см.: Ин.14:26) Господь отверз ученикам ум к уразумению Писаний (Лк.24:45). И для апостолов стало действительно ясно, что так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день и проповедано быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима (Лк. 24,47); для просветленного сознания их обнаружилось значение искупительного подвига Христова, открылось в истинном свете все то, чему они были свидетелями, когда сопутствовали своему Учителю, когда видели и слышали то, что услышать и увидеть составляло заветное желание ветхозаветных праведников (см.: Мф.13:17).

Это первое явление Господа ученикам закончилось вторичным приветствием мира, после чего Воскресший, зная Свое скорое отшествие к Отцу, преподал дело Своего служения спасению людей здесь, на земле, Своим преемникам – святым апостолам. Иисус сказал им вторично:

– Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас.

Сказав это, дунул и говорит им:

– Приимите Духа Святого (см.: Ин.20:21–22).

Это дуновение, служившее видимым знаком дарования Святого Духа и посвящавшее апостолов на служение евангельской проповеди, в то же время восстанавливало в человеке помраченный грехом образ Божий: «Это – вторичное дуновение, потому что первоначальное уже не было действенно по причине произвольных грехов» (святой Кирилл

Иерусалимский). Настоящее «предначинательное» (святой Кирилл Иерусалимский) приятие Святого Духа передавало апостолам ключи Царства небесного, ранее обещанные им в лице апостола Петра (см.: Мф.16:19): проповедники мира, низведенного на землю Господом (см.: Еф.2:14–18; Кол.1:20–22), получили власть вязать и решать совесть людей, чтобы уничтожить корень вражды – грех.

– Кому, – сказал Господь апостолам, по даровании Святого Духа, – простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся (Ин.20:28).

Впрочем, великое служение, врученное Господом апостолам, должно начаться еще не сейчас: ученики должны оставаться в Иерусалиме, пока не облечутся силою свыше, когда сойдет на них Обетованный Утешитель (Лк.24:49).

При явлении Господа апостолам в вечер воскресного дня не был апостол Фома, иначе называемый Близнец (см.: Ин.20:24). Не может быть сомнения, что отсутствие святого апостола было не случайно: промысл Божий этим даровал «для всех языков» Церкви Христовой новое, наиболее неотразимое по силе доказательности, подтверждение истины воскресения. «Почему, – спрашивает святой Кирилл Александрийский, изъясняя евангельское повествование о явлении Воскресшего Господа Фоме, – подробными знаками ум учеников приводится к вере? Не достаточно ли было познания Христа – видеть возраст тела и черты лица Его? Но, – отвечает святой отец на свой вопрос, – это было бы еще сомнительно. Ибо могли они подумать, что некий дух принял образ Спасителя, и к этой мысли легко привело бы их самое прохождение чрез заключенные двери, потому что земное тело по своей природе требует соразмерного себе входа. Итак, необходимо было, чтобы Господь наш Иисус Христос обнажил бок Свой и раны и показал кровавые знаки плоти, дабы утвердить учеников».

Среди святого общества избранных апостолов святой Фома при стремительности чувства, готового на самопожертвование (см.: Ин.11:16), отличался особенною пытливостью ума (см.: Ин.14:15), мало склонного доверять словам других, пока не увидит подтверждения им на собственном опыте. Развитию

этой, вообще свойственной несколько меланхолическому характеру апостола, недоверчивости относительно истины воскресения Христа, кроме ее чудесности, немало содействовало и пребывание удрученного ученика вне общества последователей Господа Иисуса: апостол предпочитал ему уединение, чтобы на свободе оплакать смерть Учителя. В этом уединении недоверчивость святого Фомы, не находившая противовеса, и достигла тех размеров, о которых позволяет судить ответ его апостолам, когда они с радостью сказали ему, что видели Господа:

– Если не увижу, – сказал сомневавшийся ученик, – на руках Его ран от гвоздей, не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю (Ин.20:25).

Но это неверие – «неверие доброе» (служб. нед. антипасхи, вел. веч. стихир. на «Господи, воззв.» 4); источником его было не ожесточенное отрицание, а стремление к истине, – под ним скрывалась и горячая любовь к Самому Воскресшему. И они не остались без ответа: после восьми дней (то есть в день воскресный) опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал:

– Мир вам! (Ин.20:26).

Господь явился спустя восемь дней, чтобы апостол «Фома, внимая в течение этого времени убеждениям учеников и слыша одно и то же, воспламенился большим желанием и сделался более твердым в вере на будущее время» (св. Иоанн Златоуст). Исполняя желание страдавшего неверием апостола, воскресший Учитель обратился к нему с такими словами:

– Поддай перст твой сюда, и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим (Ин.20:27).

Конечно, «тело столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенные двери, чуждо было всякой дебелости, но Христос показывает его таким для того, чтобы уверить в воскресении» (св. Иоанн Златоуст), чтобы апостол, «собственными, так сказать, руками взял радость воскресения из живоносных ран

Воскресшего тела» (Филарет, митрополит Московский). Апостол исполняет веление Господа и «любопытною десницею» (служб. нед. антипасхи, мал. веч. стихир, на «Господи, воззв.») прикасается «к открытым устьям внутреннего источника жизни» (Филарет, митрополит Московский), что возвращает к жизни почти умершую было веру апостола.

– Господь мой и Бог мой! (Ин.20:28), – вырвался радостный вопль из облегченной от тяжелого бремени неверия души ученика.

– Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие (Ин.20:29), – сказал Христос уверовавшему ученику.

Этим ответом Господь в лице апостола Фомы выразил порицание всем ищущим наглядных и очевидных знамений для своего уверения и указал на превосходство веры тех, которые не нуждаются в этом, ибо «чем очевиднее знамение, тем менее достоинство веры» (св. Иоанн Златоуст). Упрек Господа до известной степени относился и к прочим апостолам, убедившимся в истине воскресения только после явления им Воскресшего (см.: Лк.24:36–48), исключая, впрочем, апостола Иоанна, который от опустевшего гроба Христова унес с собою веру, что жив Господь (см.: Ин.20:8). «Кажется, – говорит Филарет, митрополит Московский, – можно видеть, как Господь взором укорения взирает на Фому и глаголет: «Ты поверил, потому что увидел Меня, – потом обращает взор одобрения на Иоанна и, хотя не открыто к его имени, но тем не менее внятно к его сердцу продолжает, – блаженны не видевшие и уверовавшие».

Доселе явления Воскресшего Господа происходили в Иерусалиме или близ его; но еще в ночь пред крестными страданиями Христос Спаситель, утешая апостолов, предсказал им, что по воскресении Своем увидит их в Галилее (см.: Мф.26:32); в самый день воскресения Ангел чрез жен-мироносиц напоминает ученикам это обещание Учителя (см.: Мф. 28:7); его снова повторяет и Сам Господь, сказавший при явлении мироносицам: пойдите возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня (Мф.28:10).

Явление Господа в Галилее имело для апостолов особенную радость. С этой страной, славившейся во дни Спасителя плодородием, тучными пастбищами, обилием растительности и красотой природы, у апостолов были связаны наиболее дорогие воспоминания: здесь Божественный Учитель их провел тридцать лет Своей жизни до дня явления Своего миру (см.: Мф.3:13); здесь они были призваны Им от сетей рыбаков, чтобы быть ловцами человеков (Мф.4:19); здесь среди зеленых холмов и светлых источников, среди мирного земледельческого населения прошли наиболее счастливые дни их совместной жизни с Учителем, радость которой в Галилее менее всего омрачалась преследованиями со стороны книжников и фарисеев. Галилея была любимым местом проповеди Спасителя и вся исхожена священными стопами Его: ее небольшие города и селения, утопавшие в садах из яблонь, гранатовых и ореховых деревьев, горы и равнины, занятые нивами, озеро, блиставшее как изумруд среди чудных деревьев долины Геннисарета, – все это говорило ученикам об Учителе, о Его чудесах, беседах и притчах.

По окончании праздничных дней апостолы возвратились на родину; явления Господа заменили их скорбь о смерти Учителя радостным сознанием, что Он, хотя они и не ходят с Ним как прежде, жив, и, следовательно, все обетования Его, Победителя смерти, сбудутся. Правда, эта вера их еще не совсем была свободна от ложных представлений, соединяемых в то время с понятием о Мессии, но тем не менее она была несравненно более глубокою и чистою. Однажды вечером близ Геннисаретского озера, памятного многократными посещениями Господа (см.: Мф.4:13–17; 23–25; Мф.8:23–34; Мф.9:1–8; Мф.13:1), собрались Симон – Петр, Фома – Близнец, Нафанаил из Каны Галилейской, сыновья Зеведеевы – Иаков и Иоанн и два других ученика Господа. Возвратившись временно, до ниспослания обещанного Господом Утешителя Духа (см.: Лк.24:49), к прежнему образу жизни, апостолы возвратились и к прежнему источнику пропитания – занятию рыболовством. Петр сказал, обращаясь к сотоварищам:

– Иду ловить рыбу.

– Идем и мы с тобою, – отвечали они ему.

И тотчас все вместе отправились к озеру и отплыли в лодке. Целую ночь трудились апостолы, закидывая то здесь, то там сети, но ничего не поймали (см.: [Ин.21:1–3](#)). Наступало уже утро. Вдруг усталые ученики заметили, что Кто-то стоит на берегу. Это был Христос, но ученики не узнали Его, быть может, от предрассветной мглы, застилавшей берега, а быть может, потому, что Господь явился, как и еммаусским путникам, «в ином образе». Господь Иисус «не тотчас обнаруживает Себя, а сначала вступает в разговор совершенно по-человечески, как бы намереваясь что-нибудь купить у них» (св. [Иоанн Златоуст](#)):

– Дети, есть ли у вас какая пища? – спросил Христос.

– Нет ([Ин.20:5–6](#)), – отвечали с огорчением апостолы.

Тогда Стоящий на берегу предложил им тоном человека, вполне уверенного в успехе дела:

– Закиньте сеть по правую сторону лодки и поймаете.

Ученики закинули и уже не могли вытащить сети от множества

рыбы (см.: [Ин.21:6](#)). Эта чудесная ловитва, конечно, сейчас же напомнила апостолам другую, подобную ей, тоже после ночи, труды которой были также бесплодны, но тогда они закинули сеть по повелению Учителя (см.: [Лк.5:4–7](#)), и это совпадение, без сомнения, пробудило в учениках смутную догадку, что Говоривший с ними с берега, быть может, Сам Господь. Впрочем, если остальные апостолы только предчувствовали истину, то апостол Иоанн, прислушиваясь к голосу своего сердца, горевшего любовью к Господу Иисусу, тотчас узнал Его.

– Это Господь, – сказал он с уверенностью Петру, который, услышав, что это Господь, опоясался одеждою (ибо он был наг) и бросился в море ([Ин.21:7](#)); лодка находилась недалеко от берега, на расстоянии двухсот локтей.

В действиях Петра и Иоанна при настоящем явлении Господа с особенною ясностью обнаружились отличительные черты в характере обоих апостолов: «Тот (то есть апостол Петр) был пламеннее, а этот возвышеннее; тот стремительнее, а этот

проницательнее; Иоанн первый узнал Иисуса, а Петр первый пошел к Нему» (св. Иоанн Златоуст).

Между тем и другие ученики приплыли в лодке, таща сеть с рыбою (Ин.21:8). Выйдя на берег, они увидели разведенный огонь, а на нем рыбу и хлеб.

– Принесите рыбы, которую вы теперь поймали (Ин.21:10), – сказал Господь ученикам.

Симон-Петр вытащил на землю сеть, в которой оказалось сто пятьдесят три больших рыбы; то было новое чудо, так как при таком множестве не прорвалась сеть (Ин.21:11). Ученики окончательно уверились, что пред ними Господь. И когда Он пригласил их за трапезу, – придите, пообедайте, то они молча расположились вокруг разведенного костра; из них никто не смел спросить Его: кто Ты? зная, что это Господь (Ин.21:12). Так, по словам святого Иоанна Златоуста, при этом явлении Спасителя апостолы «уже не имели своей обычной смелости, не дерзали, как прежде, и не обращались к Нему с речью, но в молчании, с великим страхом и благоговением сидели и смотрели на Него».

В начале трапезы Господь подошел, взял хлеб, разломил и подал ученикам; затем Он разделил рыбу. Когда апостолы обедали, Господь обратился к апостолу Петру с вопросом:

– Симон Ионин! Любишь ли ты Меня больше, нежели они?

Называя апостола прежним его именем Симона, хотя за свое исповедание он был удостоен Господом наименования камня с присоединением великого обетования (см.: Мф.16:16–18), Христос как бы намекает ему, что, отрекшись от Учителя и обнаружив таким образом слабость, свойственную человеческой природе, он утратил право на это высокое наименование. Последние слова вопроса указывают и на источник этой слабости – излишнюю самонадеянность апостола на свои силы, когда в ночь пред Гефсиманским томлением Учителя и незадолго до своего отречения он горделиво уверял Господа: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь (Мф.26:33). Горькой волной нахлынули на душу апостола воспоминания о том постоянно оплакиваемом событии, когда он, призванный Господом тоже после чудесной ловитвы рыбы

(см.: [Лк.5:10](#)), в страшные часы поругания Спасителя на суде у первосвященника, сидя так же, как сейчас, у костра, троекратно отрекся от Него. Но искреннее и глубокое раскаяние в своем согрешении благотворным образом отразилось на павшем апостоле, воспитав в нем в противовес прежней самоуверенности дух смирения; это выразилось в ответе апостола, в котором он не только не ставит свою любовь ко Христу выше любви других учеников, но и не сравнивает с нею, – он просто говорит: Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя.

При этом апостол даже не осмеливается назвать свое чувство совершенною любовью (ἀγάπη): он обозначает его как дружескую привязанность (φίλος), хотя теперь действительно готов был умереть за Учителя. И смирение не осталось без награды.

– Паси агнцев Моих (см.: [Ин.21:15](#)), – сказал Господь апостолу.

Здесь, по изъяснению святого [Василия Великого](#), Христос «агнцами назвал новорожденных в вере». После непродолжительного молчания Господь вторично спросил апостола Петра:

– Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?

Вопрос Господа уже не содержал в себе укоризненного указания на высказанное некогда опрометчивое уверение апостола в превосходстве своей любви к Учителю пред любовью других учеников. Это, без сомнения, было замечено апостолом, и из благодарной души его вырвался тот же смиренный ответ:

– Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя.

– Паси овец Моих ([Ин. 21:16](#)), – ответил Христос, вручая апостолу пастырское водительство всех членов Церкви, уже и достигших совершенного духовного возраста, которых Господь неоднократно ранее уподоблял овцам (см.: [Мф.18:12–14](#); [Ин.10:6–14](#)).

– Симон Ионин! Любишь ли ты Меня? – спросил Господь в третий раз неожиданно для апостола, успокоенного обетованиями Христа Иисуса.

Этот вопрос Господа сильно опечалил апостола Петра: он увидал в нем выражение сомнения к своему двукратному уверению в любви. Поэтому, указывая на всеведение Господа, он, отрекшись от Христа в третий раз с клятвою, теперь с особенною силою в третий раз исповедует свою любовь к Нему:

– Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя.

– Паси овец Моих (Ин.21:17), – подтвердил Господь уже дарованное обетование, восстанавливая падшего ученика Своего в апостольском чине: «троекратным удостоверением любви ко Христу заглаживалось троекратное отречение от Христа; это была короткая епитимья покаявшемуся и разрешаемому Петру» (Филарет, митроп. Московск.).

Возвратив апостолу утраченное им достоинство, Господь затем обратился к нему с иносказательною речью, которою давал ему понять, в каком он возрасте и какою смертью прославит Бога (Ин.21:19):

– Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь (Ин.21:18), то есть апостол умрет за Христа насильственной, мученическою смертью и – в те годы, когда со старцем, ослабевшим под бременем лет, делают, что хотят.

– Иди за Мной (Ин.21:19), – заключил Господь Свое предсказание, как бы повторив то призывание (см.: Мф.4:19), от которого апостол своим отречением уклонился.

Апостол тотчас же встал и последовал за Господом, показывая этим, что он не отступит от Него на своем пути за Ним, хотя бы встретилась мучительная смерть, ибо он уже не Симон более, а Петр.

Обернувшись назад, апостол Петр заметил, что за Господом он идет не один, – за Ним следует, влекомый любовью к Учителю, ученик, которого любил Иисус (Ин.21:20), то есть Иоанн Богослов. Его увидев, Петр говорит Иисусу:

– Господи! А он что? (Ин.21:21).

Иначе: что предстоит ему в будущем, – «не пойдет ли и он одним с нами путем?» (св. Иоанн Златоуст).

Излишняя пытливость апостола, желавшего проникнуть в сокровище Господом от взоров человеческих, была для него бесполезна и Спасителю неугодна. Поэтому Христос с оттенком укоризны сказал ему:

– Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною (Ин. 21:22).

То есть «тебе поручено дело, заботься о нем, совершай его, терпи и подвизайся» (св. Иоанн Златоуст); оставь Иоанна: «Если бы Я захотел, чтобы ученик тот остался жив всегда, даже до второго пришествия Моего, что тебе до того? Ты следуй за Мною по пути страданий и смерти, а у него может быть и другой путь» (из толков. на Еванг. Иоанна архимандр. Михаила).

Эти слова, сказанные Господом условно, впоследствии верующими были поняты буквально, в том смысле, что ученик тот не умрет (Ин.21:23), подтверждением чему могла служить действительно долгая жизнь апостола. Это убеждение настолько твердо укоренилось, что апостол на склоне лет вынужден был его опровергать, выясняя действительный смысл слов Христа Спасителя: *Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?* (Ин.21:23).

Второе явление Господа в Галилее было многочисленному сонму верующих во главе с апостолами, тогда как до этого времени Воскресшего видели лишь жены-мироносицы да ближайšie ученики Его. Местом настоящего торжественного явления была избранная Самим Господом гора (см.: Мф.28:16); здесь к указанному Им же времени собралось более пятисот братьев (см.: 1Кор.15:6), и нет сомнения, что большинство их состояло из Галилеян, ходивших за Господом во время Его проповеди на их родине, слушавших Его учение, бывших свидетелями Его чудес и, – нет ничего невероятного, – на себе испытавших благодать милосердного Целителя.

Когда Господь явился, то одни из собравшихся на горе Ему поклонились, а иные усомнились (Мф.28:17); конечно, среди последних не было апостолов, уже утвердившихся в вере предшествующими явлениями Господа: сомнение могло возникнуть лишь в тех последователях Христовых, которые

впервые удостоились увидеть Воскресшего. Но это сомнение было временно и уступило место твердой вере, так что впоследствии святой апостол Павел, перечисляя свидетелей явлений Воскресшего Господа, упоминает и «более пятисот братьев», из коих многие были еще живы.

Приблизившись к апостолам, Христос Спаситель сказал им:

– Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века (Мф.28:18–20).

В этих немногих, исполненных поистине Божественного величия, словах воскресшим Спасителем дается апостолам полномочие на всемирную проповедь, полагается таинственное основание Церкви заповедью о крещении (св. Афанасий Александрийский), и верующие в Господа Иисуса всех веков укрепляются радостным обетованием пребывания с ними Победителя ада и смерти. Получив по Своем воскресении такую же власть и по человечеству, какая всегда принадлежит Ему по Божеству, Господь, принеши искупительную жертву за грехи всего мира (1Ин.2:2), и проповедь евангельскую не ограничивает тесными пределами иудейской национальности: Он повелевает апостолам идти с нею ко всем народам, запечатлевая верующих святым крещением, открывающим двери Царства Божия (см.: Ин.3:5), и научая их соблюдать Его заповеди во свидетельство любви (см.: Ин.14:21) и живой веры в Воскресшего Господа (см.: Иак.2:14). Но проповедь о Христе, являвшая для иудеев соблазн, а для еллинов безумие (1Кор.1:23), должна была ожидать себе со стороны тех и других вражды, что и самим проповедникам грозило опасностями всякого рода до мученической смерти включительно. Своим обетованием – Я с вами во все дни до скончания века Господь и вселяет мужество в души проповедников Евангелия, которым предстояла тяжелая борьба с миром. Но так как апостолы «имели жизнь не до кончины века», то и обетование Господа «относится не к ним одним, а и ко всем вообще ученикам Его, то есть ко всем верующим в Него и хранящим Его заповеди» (блажен. Феофилакт).

При Господнем содействии (Мк.16:20) апостолы, оставившие сети рыбарей, уловили в сети учения Евангельского весь мир, и в этом дано для верующих всех времен непреложное свидетельство действенности великого обетования Господа о пребывании Его в Церкви вечно. Только в этом случае становится объяснимо, что «неученые и простые рыбаки заградили уста философам и как бы обтекли всю вселенную, посеяв в ней слово благочестия, исторгая терпения, истребляя древние обычаи и повсюду насаждая законы Христовы. Ни малочисленность и простота их, ни строгость повелений, ни привязанность всего рода человеческого к древним обычаям – не могли служить для них препятствием, но все это устранила предшествовавшая им благодать Божия, так что они все делали легко, самыми препятствиями возбуждаясь к большей ревности» (св. Иоанн Златоуст).

Святой апостол Павел, как бы пополняя евангельскую историю о явлениях Господа Иисуса, упоминает еще о явлении Воскресшего Спасителя апостолу Иакову, по мнению святого Иоанна Златоуста, брату Господню, которого, по древнему преданию Церкви, Он Сам рукоположил и поставил первым епископом в Иерусалиме.

Так Господь наш Иисус Христос: явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им (апостолам) и говоря о Царствии Божием (Деян.1:3)⁹⁴.

Май

Вознесение Господне

В прощальной беседе с учениками, ввиду приближающихся крестных страданий и искупительной смерти, Господь говорил Своим, повергнутым в печаль, собеседникам: Я исшел от Отца и пришел в мир, и опять оставляю мир и иду ко Отцу (Ин.16:28). И потом, уже по воскресении Своем, расторгнув узы ада и смерти, Он снова повторил Марии Магдалине: Восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и Богу вашему (Ин.20:17). Таким образом, по Своем воскресении, Господь принадлежал уже не столько земле, сколько небу. И это вполне понятно. Подвиг земного служения Сына Божия окончился: Он уже совершил дело, которое небесный Отец Его поручил Ему исполнить (см.: Ин.17:4), и теперь Ему надлежало войти в славу Свою, которую Он имел прежде бытия мира (см.: Ин.17:5). Этого требовало достоинство самой природы Богочеловека, так как прославленному воскресением и обожествленному телу Его было уже несвойственно оставаться на земле, в естественных условиях человеческого бытия. Этого требовало также и благо искупленного человечества. Ибо как ветхозаветный первосвященник однажды в год входил во святая святых с очистительною кровью за грехи народа, так и Христос, будучи архиереем будущих благ (Евр.9:11), должен был, по принесении искупительной жертвы, тоже войти со Своею кровью, но не в рукотворенное святилище, а в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие (Евр. 9:24). Потому-то Господь уже в первое явление по воскресении Своем возвестил Марии Магдалине, а чрез нее и всем последователям, о Своем близком отшествии на небо.

Однако любовь к ученикам – этому малому стаду, которое до конца возлюбил Спаситель мира (Ин.13:1), еще удерживала Его на земле. Вот почему, хотя «пречистое человечество Его, онебесенное крестом, стремилось уже в выпрь, в мир пренебесный – к Отцу» (Иннокентий, архиеп. Херсон., соч. т. I, стр. 354), – Господь все-таки не тотчас вознесся на небо. Он уже не пребывал с учениками Своими постоянно, не делил с

ними дня и ночи, отдыха и трапезы, как это было раньше; но время от времени Он являлся среди них, то во время домашней беседы, когда двери их дома были закрыты (см.: [Ин.20:19](#)), то на пути (см.: [Мк.16:12](#); [Лк.24:13–32](#)), то во время рыбной ловли (см.: [Ин.21:1–14](#)). Дивную усладу проливали в отягченные печалью сердца учеников эти чудодейственные явления. Бесславная смерть Господа Иисуса в Иерусалиме, во время праздника Пасхи, разрушила все их надежды на Своего Учителя, как на Мессию – Избавителя: «Мы надеялись было, что Он избавит Израиля, – конечно, многие повторяли с Еммаусскими спутниками, – но Он умер на кресте – Этот Пророк в деле и слове, сильный пред Богом и пред народом» (см.: [Лк. 24:20–21](#)). И вот теперь поколебленная вера учеников снова оживилась, повергнутая в печаль любовь опять восторжествовала: Господь воскрес и Своими явлениями неоднократно засвидетельствовал пред учениками истину воскресения Своего; для уверения их Он ел и пил с ними (см.: [Лк.24:42](#)), давал осязать руки и ноги Свои (см.: [Лк.24:39](#)), показывал язвы на руках, ногах и ребрах Своих с тем, чтобы они осязали их перстами своими (см.: [Ин.20:27](#)).

Но не для уверения только в истине воскресения Своего являлся Господь Своим ученикам по восстании из мертвых. Во время этих явлений Он продолжал наставлять их в истинах Евангелия, досказывая им о царствии Божием (см.: [Деян.1:3](#)) то, чего нельзя было открыть им до креста и о чем однако же им нужно было услышать от Учителя своего еще до сошествия к ним нового Наставника – Духа Святого. В это время Господь отверз ум учеников к уразумению Писаний (см.: [Лк.24:45](#)); говорил им о Своей Божественной власти на небе и на земле, о Божественном избрании их проповедовать Евангелие всем народам, крестить их во имя Отца и Сына и Святого Духа, и учить соблюдать все, что Господь повелел им; при этом Он обещался быть со Своею Церковью во все дни до скончания века (см.: [Мф.28:18–20](#)).

Так постепенно Господь готовил Своих учеников к тому великому служению, на которое они были призваны, – к проповеди

Евангелия Царствия Божия. Среди такого приготовления прошло сорок дней. В это время ученики Божественного Учителя постепенно привыкали к мысли о разлуке с Ним. Видя Его не пребывающим с ними постоянно, а только время от времени являющимся, они научались признавать в Нем Существо премирное, принадлежащее не нашему миру, но высшему. Думая о Нем, они уже говорили: Господь, а не Учитель, как прежде, – и чувство любви к Человеку сливалось у них с трепетным благоговением к Господу. Мало-помалу они, конечно, приходили к мысли, что пребывание Господа на земле – это временное состояние, не свойственное Его природе, и что разлука с Ним неизбежна. Теперь они время от времени видят Его телесными очами: это их праздник, но праздник не может продолжаться долго. Так от радости о воскресшем Господе апостолы постепенно переходили к мысли о неизбежной разлуке с Ним. И вот в сороковой день по воскресении Господнем настало время этой разлуки.

Число сорок по всей священной истории было отличным, как время окончания великих подвигов. В сороковой день по рождении первенцы Израиля, по закону Моисееву, должны были являться в храм пред лицо Иеговы (см.: Лев.16:19–20); в сороковой же день по воскресении, как бы новом рождении, должен был войти в небесную скинию и первенец из мертвых (Кол.1:18) – Господь наш Иисус Христос.

Не видно, чтобы ученики Господа предварительно были извещены о том, что этот день должен положить конец их видимому общению с Божественным Учителем. Однако же они, по явному повелению, которое могло быть дано в одном из предшествующих явлений, собрались к этому дню в Иерусалим. Как ни полон был святой град врагами Господа Иисуса, но все же нашлись люди, у которых ученики Его могли иметь и убежище, и место для своих собраний. И весьма возможно, что таким местом была та самая горница, в которой совершена была Тайная вечеря, а по прошествии нескольких дней по вознесении сошел на апостолов Дух Святой.

Среди собравшихся учеников явился и Господь, – без сомнения, также таинственно и внезапно, как являлся и раньше

по Своем воскресении. Беседа Господа с учениками при этом последнем явлении не передается евангелистами во всех подробностях. Но у евангелиста Луки дано несколько указаний, из которых можно видеть, о чем велась эта беседа.

Прежде всего Господь еще раз раскрывает ученикам необходимость крестного пути для Мессии-Избавителя. Так написано, то есть от века определено и предсказано еще пророками, и так надлежало, – говорил Он, – пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима (Лк.24:46–47). На подвиг этой проповеди и призывает теперь Своих учеников Божественный Учитель,веряя им окончание Своего благовестнического дела. «Вы свидетели всего происшедшего, вы видели, как Икупитель умер за грехи мира, видели Его и воскресшим; потому Я и посылаю вас на проповедь Евангелия всем народам», – как бы так говорил Господь.

Но прежде исшествия на всемирную проповедь, апостолы должны были воспрять благодатные дары Духа Святого, имевшего явиться им. В явлении этого Божественного Наставника они могли найти для себя замену своего Учителя (см.: Ин.14:26), утешение в разлуке с Ним (см.: Ин.16:7), освящение на великое служение Церкви (см.: Еф.4:11–13), окончательное просвещение богооткровенною истиною (см.: Ин.15:26) и, наконец, ту силу свыше (см.: Лк.24:49), которая была необходима для преодоления трудностей и препятствий, предстоящих им в деле проповеди. Потому Господь в дальнейших словах дает апостолам повеление «не отлучаться от Иерусалима, но ждать исполнения обетования Отца», которое они слышали чрез Него (см.: Деян.1:4), когда Он прощался с ними пред страданиями Своими. И Я, – продолжает Спаситель, – пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше (Лк.24:49). Некогда Иоанн крестил вас водою, а теперь вы чрез несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым (Деян.1:5).

Преподав эти наставления, Господь вывел учеников Своих из Иерусалима и пошел с ними по направлению к Вифании. Это был путь, который неоднократно проходил Он с учениками Своими и который совершил с ними в последний раз пред самыми страданиями. Дорога лежала мимо Гефсиманского сада, куда Господь не раз удалялся по ночам для молитвы, где Он, накануне Своих страданий, в присутствии избранных учеников Своих – бывших свидетелями Его славного преображения (см.: [Мф.17:1](#); [Мк.9:2](#); [Лк.9:28](#); [Мф.26:37](#); [Мк.14:33](#)), боролся с немощью плоти, всем существом своим возмущившейся пред трудностью поднятого Им на Себя подвига (см.: [Мф.26:38–45](#); [Мк. 14:34–36](#); [Лк.22:42–44](#)), и откуда Он был взят архиерейскою стражею для суда и крестной смерти (см.: [Мф.26:47–57](#); [Мк.14:43–53](#); [Лк.22:47–54](#)). Мысль учеников сама собою обратилась к недавно пережитому тягостному прошлому и, невольно сопоставляя его с настоящей радостною минутою, они подумали, что Божественный Учитель не напрасно ведет их по этим местам, исполненным грустных воспоминаний, что, может быть, там же, откуда начался путь бесславных крестных страданий Его, должна открыться пред всем миром слава Его. Недавно услышанные ими слова, что близится время, когда они будут крещены Духом Святым, укрепляли их в этой мысли. Они слышали, как еще Иоанн Креститель говорил о Мессии, что Он будет крестить не водой, а Духом Святым (см.: [Мк.1:8](#)): значит, если настало время для такого крещения, то, очевидно, их Господь скоро откроет Себя миру славным Царем – Мессиею. И вот они в радостном возбуждении подступают к Учителю и обращаются к Нему с вопросом: Господи, не в сие ли время восстанавлиешь Ты царство Израилю? ([Деян.1:6](#)).

Не пред Гефсиманиею быть бы такому вопросу, который явно показывал, что прежний предрассудок о земном воцарении Господа Иисуса над Израилем еще не был разрушен в уме учеников. Но вопрошавшие еще не были «крещены Духом Святым», который имел навсегда поднять их от земли к небу, возвысить их ум и очистить его от всего грубого, земного; потому-то они рассуждали теперь по-человечески, разумели Учителя, даже воскресшего, еще по плоти.

Божественный Наставник кротко выслушал этот вопрос и не отвечал на него упреком и даже прямым отрицанием. Он только с любовью заметил: Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примите сшу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли (Деян.1:7–8). То есть, как бы так говорил Спаситель мира: «Не о царстве и о наградах вам дóлжно думать теперь, а о подвигах и терпении даже до смерти; предоставьте будущее Тому, в Деснице Коего оно находится, и сосредоточьте все внимание свое на том, что предстоит вам и над чем вы должны потрудиться».

Среди такой беседы они достигли вершины Елеона, отстоявшей от Иерусалима на расстоянии субботнего пути⁹⁵ (см.: Деян.1:12). Здесь Господь остановился, воззрел на учеников Своих, потом воздвиг руки Свои и благословил их тем благословением, которое простирает свою силу навеки и передается от одного поколения к другому, почивая на всех верующих. И благословляя, Он поднялся в глазах учеников и стал отдаляться от них и возноситься на небо «не при помощи кого-нибудь ведшего Его», но, по замечанию святого Иоанна Златоуста, «Сам шел этим путем» (Беседа на Псалмы, СПб., 1860 г., т. 1, стр. 381). Восхождение это совершалось столь неспешно, что ученики могли вполне насладиться величественным зрелищем. Когда же Возносящийся был уже на такой высоте, что зрению было трудно следовать за Ним, явился светлый облак и сокрыл Его от лица земли.

Так, пред глазами апостолов совершилось явление, подобное виданному Елисеем при отшествии на небо пророка Илии, но только в несравненно славнейшем виде. «Илия, – рассуждает по этому поводу святой Григорий Двоеслов, – вознесся на небо на колеснице, в доказательство того, что он, как человек, не мог обойтись без внешних пособий. Это пособие и сделали ему Ангелы, когда он восходил на небо, ибо он сам собою не мог вознестись туда, потому что естественная слабость не позволяла ему отделиться от земли. Между тем Спасителю не нужна была колесница, не нужны были Ангелы,

ибо Творец Своею Божественною силою вознесся на небо; Он возвратился туда, откуда сошел, вошел туда, где от века имел пребывание; ибо хотя по человечеству Он возносился, но по Божеству обладал и небом и землею» (беседа на праздник Вознесения).

С необъяснимым чувством смотрели апостолы на последнее, совершавшееся пред ними чудо Его, следя за тем, как все дальше и дальше скрывался от них Божественный Учитель, и, конечно, не могли отвести очей своих от сладчайшего зрелища. Уже Господь совершенно скрылся от них, но их взор все еще стремился за Ним, все еще искал Его... Среди такого напряженного внимания апостолов к совершавшемуся последнему таинству Евангелия, вдруг их поражает голос, который выводит их из оцепенения. Это говорили два светлых небожителя, неожиданно представшие пред ними в белых ризах. Пробудив учеников от бездейственного изумления, небесные вестники разъяснили им, что отшествие Господа есть видимое сокрытие Его до времени второго пришествия: Мужи галилейские, – говорили они, – что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо (Деян.1:11), – придет так же «нечаянно и непредвиденно», так же «явно и торжественно» (объясн. Филарета, митр. Моск., соч. 1874 г., т. 2, стр. 165, 167), так же «на облаке и с телом» (св. Иоанна Злат. беседа на Деян. Апост., 1856 г., ч. 1, стр. 42).

После этих слов апостолам уже нечего было ждать на Елеоне, и они, с благоговением поклонившись Вознесшемуся, возвратились в Иерусалим; возвратились не с печалью от разлуки, но, как замечает евангелист, с радостью великою (Лк.24:52). Они радовались славе своего Учителя, вознесение Коего свидетельствовало, что Он есть истинный Бог, Владыка неба и земли; радовались и собственному предназначению, так как видели, что призваны на дело Божие, великое и святое; радовались самому явлению ангелов и вести от них принятой, которая показывала, что отшедший Учитель не прервал с ними

общения любви, что в нужных случаях они будут получать наставления свыше.

В числе свидетелей вознесения Господня, вместе с апостолами, была и Пречистая Матерь Господня, Которую церковные песнопения представляют также свидетельницею этого дивного события: как Мать, Она во время страданий Сына Своего болезновала сердцем более всех, а теперь Ей более всех «подобало, при виде славы плоти Его, насладиться преимущественною радостью» (служба на Вознес., вечерн. стих. на лит., слава). Взирая вместе с апостолами на восходящего на небо Сына и Господа Своего и постигая совершение всего чудесного, что хранилось в сердце Ее о Сыне Ее (см.: Лк. 2, 19, 51), Она «возвеличила» Его не только любовью, но и верою в Божество Его (служба на Вознесен., утр. кан., песнь 9, слава веч. ст. на стиховне).

Так совершилось вознесение Господа на небо. Как тихий дождь на руно, сошел Он в утробу Приснодевы, как фимиам утренний, вознесся теперь горе, ко Отцу. Но среди такой тишины и безмолвия совершилось лишь отшествие Богочеловека с земли – с места Его подвигов и конечного истощения. Вступление Его в мир горний происходило при другой, в высшей степени торжественной, обстановке. По изображению небесных тайнозрителей, Победитель ада и смерти взошел на небо не Один, а в сопровождении сонма Ангелов небесных, которые и во время земного странствования служили Ему (см.: Мф. 4:11). Когда Возносящийся на небо приблизился к пределам небесным, лик сопровождавших Его ангельских сил, предупреждая горние силы, восклицал: «Поднимите верхи (князи) врат небесных, пусть они как можно шире растворяются, ибо входит Царь славы».

– Кто есть Сей Царь славы? – вопрошает на это лик Ангелов на небесах. – Кто Сей, восходящий от земли с такою славою и величием?

Это чрезвычайное и беспримерное восшествие изумило мир небесный. Он видел два восшествия на небо – Эноха и Илии, но те вхождения совершались не собственной силою, не с таким величием и не на такую высоту: они были взяты яко на

небо, – а не на самое небо. Потому-то необычайное шествие Господа, возносящегося с плотью, в рабьем образе, вызывает среди встречавших Его такое недоумение. Но сопровождавшие Господа Ангелы поясняют, что Входящий в образе человека есть не кто иной, как Единородный Сын Божий.

– Господь сил, Он Царь Славы – восклицают они (см.: Пс.23:10).

Однако и после того недоумение сил небесных не прекращается:

Господь, как по воскресении являлся апостолам с язвами от поранений на кресте, так и на небо вознесся с такими же знаками Своих крестных страданий, со следами Своей Пречистой Крови на обожествленном теле. Такой вид Его поражает небесные силы новым недоумением и они вопрошают:

– Кто этот, пришедший от Эдома? От чего червлены (красны) ризы Его?

– Это – Истоптавший точило ярости Божией (см.: Ис.63:1–3) и обагривший ризы Свои, Это – Проливший Кровь Свою за человеческий род, – от того червлены ризы Его, – отвечает лик, сопровождающий Господа.

Когда все недоумения относительно Лица, восходящего на небо, окончились, небесные силы разрешаются пением и восклицанием. На это указывает псалмопевец, восклицая: восшел Бог при восклицаниях, Господь при звуке трубном (Пс.46:6). В это время, по свидетельству неботаинника Павла, мир Ангелов торжественно покорился вознесшемуся Господу и признал в Нем Своего главу и правителя.

Так Божественный Икупитель, совершив наше искупление в состоянии крайнего самоуничижения (см.: Флп.2:7,8), восшел в предвечную славу Свою с прославленным человечеством (см.: Ин.17:5; Лк.24:26), восшел превыше всех небес (см.: Еф.4:10), превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства (см.: Еф.1,21). Святой евангелист Марк, как бы проникая взором в самую глубину неба, вслед за восходящим Господом, говорит, что Он, по вознесении воссел одесную Бога (Мк.16:19). Это сидение одесную Бога Отца, по согласному толкованию святых отцов, означает «равночестность с Отцом»,

которую «Сын Божий, как Бог и единосущный Отцу, имеет прежде веков, и в которой, воплотившись в последние времена, восседит и телесно, по прославлении плоти Его» (Толкован. св. Иоанна Дамаск. Точн. изл. прав. веры. М. 1844 г., стр. 223).

Таково славное, недомыслимое для самых небесных сил (см.: [1Пет.1:12](#)), завершение спасительной жизни на земле Господа нашего Иисуса Христа. Великие блага для искупленного человечества принесло с собою это событие. Господь вознесся, как Победитель греха, смерти и ада, как Первенец нашей славы и блаженства, как всенощный предстатель о нас у престола Вседержителя.

Небо и земля от начала времен разделялись великою непроходимую бездною. За пятьсот лет только два человека вознеслись от земли с плотью – Энох и Илия, но вознеслись не своей силой, не зная, как и куда, вознеслись, как сказано в Писании об Илии, яко на небо; поэтому они не могли обозначать нам стези своей на небо, тем менее сделать ее проходимою для нас. Но Христос вознесся Сам, Своею Божественною силою, и Своим восхождением открыл бывший для всех заключенным вход в небесное святилище (см.: [Евр.9:24–28](#)). В самом деле, Божество в Иисусе Христе никогда не оставляло неба. Он и тогда был на престоле с Отцом и Духом, когда находился «во гробе плотски, во аде с душою, в раи с разбойником» (песнь Пасхальн. часов). Следовательно, во Христе восходит на небо наше человеческое естество, то, которое в Нем страдало, погребено и воскресло, – естество прославленное и обожненное. Оно-то и воссело одесную Бога Отца, как выражается евангелист Марк. Таким образом седение Господа одесную Бога Отца в конечном своем результате знаменует собою обожение и прославление человеческого естества во Христе. «Обожение, – говорит митрополит Макарий, – не в том смысле будто человечество во Христе превратилось в Божество, потеряло свою ограниченность и получило вместо свойств человеческих свойства Божеские, а в том, что, быв воспринято Сыном Божиим в единство Его ипостаси, оно приобщилось Божеству Его, стало едино с Богом Словом, и чрез это приобщение Божеству Его возвысилось в своих

совершенствах до высшей, возможной для человечества, степени, не переставая однако же быть человечеством». («Православн. догмат. богословие», изд. 4-е, т. II, стр. 95). Так прославлен был во Христе «начаток естества нашего», по выражению святого Иоанна Златоустого.

Но если «начаток нашего естества» прославился во Христе и обóжен, то чрез это и всем нам приобретено освящение; где глава, там должны быть и члены; глава на небе, в славе, – не останутся на земле, в унижении, и члены ее. И когда Я вознесен Буду от земли, – говорит Господь, – всех привлеку к себе (Ин. 12, 32). Но Господь не только вознес на небо естество наше; Он вместе с ним воссел также одесную Бога Отца и «почтил его, – по выражению церковных песнопений, – соседением» С Отцом (служба на праздн. Вознесен. Господня, вел. веч. Стих. на Господи воззвах, слава, на лит. стих. 5). Ибо «какой природе Бог сказал: сиди одесно Мне? Той самой, – говорит Златоуст, – которая некогда слышала: возвратишься в землю, из которой ты взят (см.: Быт. 3, 19). Не довольно было ей возвыситься над небесами, не довольно было стать наряду с Ангелами, – не была бы и эта честь чрезвычайна – но она превзошла Ангелов, превысила Архангелов, оставила за собою Херувимов, вознеслась выше Серафимов, миновала Начальства, и не прежде остановилась, чем достигши престола Господня. Превыше всей той высоты Христос вознес нашу Природу» (Иоанн Златоуст. беседа на праздн. Вознесен. изд. СПб. Дух. Ак., т. VII, стр. 2). «Удивишася, – по изображению Церкви, – чины Ангельские, зряще на престоле Отчем посаженное отпадшее естество человеческое, затворенное в преисподних земли» (Окт., гл. 8, нед. утр. кан. 2, п. 1, троп. 2).

Итак, господство над врагами (см.: Пс. 9:3), повержение их к подножию ног Своих (см.: Пс. 109:1), священство по чину Мелхиседекову (см.: Евр. 3:10), суд над непокорными, – все это свойства сидящего одесную Бога человечества. Христос, сидя одесную Бога, ходатайствует о нас и ходатайствует так, как приличествует в состоянии прославления. «Чего нельзя ожидать от этого ходатайства? – Он восприял на Себя наше естество, пожил на земле – все наши нужды так Ему известны: о чем же

Он не умолит Отца, чего не пошлет, чего не сделает для нас? Он умолил Отца послать нам Утешителя, излил от Духа Святого на всяку плоть. Как глава есть начало всех движений в теле, так и Христос – глава верных Своих – эти таинственные члены оживляет, одушевляет, сообщает им чувства и движения духовные; Церковь – тело Свое – защищает от нападения противной власти, врагов ее сокрушает, как сосуды скудельничи. Как прах пред лицом ветра, так враги Иисусовы – нечестивые, еретики, богохульники, князи поднебесные – разодеваются и исчезают» (Воскр. чт., гл. V, стр. 41).

Таковы блага, которые принесло с собою для нас событие Вознесения Господня. Но чтобы эти блага действительно возымели для нас силу, мы должны постоянно помнить, что со времени вознесения Христова наше жительство на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего, Иисуса Христа (см.: Флп.3:20). Вышних мы должны искать, где Христос сидит одесную Бога (см.: Кол.3:1). К Вознесшемуся на небо должны мы постоянно возносить Свои мысли, сердца и взоры, в надежде и самим потом достигнуть неба – этого вечного жилища, уготованного для истинных христиан.

Пятидесятница (Сошествие Святого Духа)

Со времен Моисея ветхозаветная Церковь ежегодно праздновала день Пятидесятницы (то есть 50-й), наступавший по истечении семи недель (седмиц) после иудейской Пасхи и потому называвшийся праздником седмиц (см.: Втор. 16, 9–10; Исх. 34, 22). Торжество это, сопровождавшееся знаменательными обрядами, установлено было в память Синайского законодательства, данного Богом великому вождю древнего Израиля – Моисею⁹⁶.

Этот праздник ветхозаветной Пятидесятницы был прообразом и новозаветной Пятидесятницы и Сионского законоположения. Еще пророк Исаия предсказал, что от Сиона изыдет закон, и слово Господне из Иерусалима (Ис.2:3) и пророк Иоиль предвозвестил: излию от Духа Моего на всякую плоть, и будет в горе Сионе, и в Иерусалиме спасаемый (Иол.2:28,32).

Пред Своими страданиями и смертью Господь Сам обещал апостолам, скорбевшим об Его отшествии, послать вместо Себя Иного Утешителя, Духа Истины, Который наставит их на всякую истину (см.: Ин.16:13). По воскресении Своем, Господь, предызображая окончательное излияние Святого Духа, дунул на учеников Своих и глаголя им; приимите Дух Свят (см.: Ин.20:22). Пред вознесением на небо Спаситель снова предвозвестил апостолам, что они не по мнозех сих днех имеют креститься Духом Святым (см.: Деян.1:5).

По вознесении Господа, ученики Его и апостолы, возвратясь с горы Елеонской в Иерусалим (см.: Лк.24:52; Деян.1:4,12–13), вошли, – как говорит предание, – в тот самый дом в Сионе, где совершена была Тайная Вечеря Христова. Пребывая там в единодушии и молитвах, с некоторыми женами и Материю Божией (см.: Деян.1:14), они ожидали сошествия на них, по обещанию Господа, Святого Духа и приготавлились к принятию благодатных даров Его.

В десятый день по вознесении Господа, прилучившийся в день иудейской Пятидесятницы, в то время, когда по улицам и

стогнам города народ стремился во храм с весельем торжествовать свой ветхозаветный праздник – в третий час дня⁹⁷, внезапно произошел в воздухе необычайный шум, какой бывает во время бури⁹⁸ от сильного порыва ветра. Шум происходил с неба – с верхних частей воздуха, но вскоре проник и наполнил чистейшим веянием всю храмину, в коей находились верующие⁹⁹. В то же мгновение среди храмины, в воздухе, явились разделяющиеся языки, как бы огненные, /и почил на Богоматери и на каждом из учеников¹⁰⁰.

«Бурное дыхание было ближайшим предвестием, а явление огнецветных языков – видимым знамением пришествия Святого Духа. Будучи Дух чистейший, бестелесный, Он избрал чувственное знамение это, дабы тем ощутительнее явить Свое присутствие». «„Ибо, – рассуждает святой Григорий Богослов, – как Сын Божий явился на землю видимо, то и Духу Святому надлежало явиться видимо“ (беседа 41). Так и прежде, когда Он сходил на Иисуса Христа во Иордане, то избрал знамением Своего явления вид голубицы¹⁰¹».

За первым чудом последовало другое, большее. Умея до этого времени говорить только на одном природном языке – еврейском, и притом на самом простом наречии его – галилейском, апостолы и прочие верующие вдруг начали говорить теперь на всех, тогда известных, языках. «И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать»¹⁰² (см.: Деян. 2:4). Апостолы вещали величия Божии, то есть беспримерные совершенства Божии, чудные дела Промысла, кои открылись теперь для них во всей полноте и силе.

Народ еврейский и множество пришельцев из других стран, собравшихся в Иерусалим на праздник Пятидесятницы¹⁰³, пораженные необычным шумом с неба, пришли в смятение и массами устремились к Сионскому дому, где шум этот сосредоточивался и куда, видимо, направлялся. Как же удивились и ужаснулись все, когда услышали, что апостолы начали говорить с ними на всех языках. Подошедшие спрашивали друг друга: Сии говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором –

родились? Мы – парфяне и мидяне и еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и стран Ливийских, прилежащих к Киринее и пришедшие из Рима иудеи и прозелиты¹⁰⁴ из критян и аравитян – слышим их говорящими на наших языках о великих делах Божиих? (Деян.2:6–11).

Все изумлялись: во-первых, тому, что слышали апостолов, славословящих Бога на языках иноземных, между тем как молитвы обыкновенно совершались на священном языке еврейском; во-вторых, тому, что никогда прежде не слыхали о столь высоких и святых истинах, но всего более изумлялись от того, что каждый римлянин, грек, африканец, индianин – слышал свой природный язык, тогда как каждому было известно, что говорившие были все галилеяне – люди, совсем незнакомые с иностранными языками. От удивления переходили к ужасу: ибо все видели необыкновенное, слышали чудесное, а никто не мог изъяснить того, что видел и слышал. И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? (Деян.2:12). Но скоро нашлись люди, желавшие объяснить другим то, чего сами не понимали. Насмехаясь, эти люди говорили: Они напились сладкого вина! (Деян.2:13).

Слыша хулу иудеев, апостол Петр, став вместе с прочими апостолами, возвысил голос свой и начал так говорить им:

– Мужи иудейские и все живущие в Иерусалиме! Сие да будет вам известно и внимайте словам моим: они непьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня¹, но это есть предреченное пророком Иоилем: и будет в последние дни, говорит Господь, излию от Духа Моего на всякую плоть; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут; и на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моею, и будут пророчествовать. И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь, и курение дыма. Солнце превратится во тьму, и луна в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный. И будет всякий, кто призовет имя Господне, спасется (Деян. 2, 14–21; ср.: Иол. 2, 27–32).

Таким образом, апостол Петр, отвергнув сначала ложный взгляд некоторых на явление дара языков (напились сладкого вина) отвечает затем на вопрос: что же это значит? Ответ свой на этот вопрос он выражает словами выше приведенного ветхозаветного пророчества и таким образом одновременно дает и собственное свидетельство и подтверждает его словом Божиим.

В своем пророчестве Иоиль боговдохновенным взором созерцает время, когда не только отдельные люди временно, для особенных целей спасающего людей промысла Божия, будут удостоиваться наития Духа Божия, как это было в Ветхом Завете, но когда благодать Святого Духа, как обильный дождь на землю, изольется на всякую плоть, то есть на всех спасаемых людей, без различия пола, возраста и состояния, так что по отношению к спасению все будут равны, мужи и жены, взрослые и дети, свободные и рабы, – все удостоятся благодати Божией.

Апостол Петр из многих ветхозаветных пророчеств об излиянии Духа Божия на верующих с пришествием Мессии (см.: Ис.32:15; 14:3; Иез.36:25–26; 39:29) останавливается именно на этом пророчестве потому, что в нем, кроме общей мысли о сообщении людям благодати Духа Святого, обозначены различные проявления откровений Духа Божия, какие были в Ветхом Завете и исчисление которых дает указание и на другие проявления, в каких только благоугодно будет сообщить откровение Духу Божию.

Но апостол не останавливается на этом в приведении пророчества Иоиля, но указывает и дальнейшие слова его, в которых предуказываются великие карающие суды Божии, долженствующие предшествовать тому великому и славному дню Господню (см.: Деян.2:19–20), которым закончится настоящий мир. Эти суды Божии откроются в великих и страшных знамениях на небе и на земле: на земле откроется обильное пролитие крови, извержение огня и дыма, на небе – затмения солнца и луны и другие страшные явления¹⁰⁵. Апостол Петр днем великим и славным называет здесь последний день мира, когда последует второе славное пришествие Иисуса

Христа на землю для решительного суда над миром. Что касается цели, с которой апостол Петр приводит эти слова пророчества Иоилы, то она ясно открывается из последующего, где он, словами того же пророчества, высказывает обетование благодати Божией для благочестивых, что они милосердием Бога спасутся во время этого великого и страшного суда Божия (см.: Деян.2:21). Этим апостол хочет возбудить слушателей к покаянию и смирению.

Призвав снова ко вниманию мужей израильских, апостол Петр начинает затем свою проповедь о Христе. Назвав Его мужем всем известным, засвидетельствованным от Бога силами и чудесами и знамениями, сотворенными среди народа, апостол напоминает, что Его, по определенному совету и предвидению Божию, они убили, пригвоздив беззаконными руками; и свидетельствует о Его воскресении, вознесении на небо и излиянии Им от Отца Святого Духа, произведшего ныне виденное и слышанное.

Особенное же внимание слушателей апостол останавливает на событии воскресения. Поэтому, благовествуя о Его воскресении, апостол не только дает об этом свое собственное свидетельство, но и доказывает его словом Божиим (см.: Деян.2:24–32; ср.: Пс.15:8–11), показывая, что воскресение Иисуса Христа необходимо должно было быть, что хотя он и умер по определению Божию, однако же смерти невозможно было удержать Его в своих узах. Событие воскресения показывало в воскресшем Иисусе Назорее не простого смертного человека, а Господа и Христа, давно обетованного Мессию.

Чтобы утвердить веру в необычайное посланничество Иисуса Христа, апостол Петр сопоставляет с Ним перед иудеями чтимого ими пророка Давида и говорит при этом, что Давид и умер и погребен, и гроб его у нас до сегодня, но и не взошел на небеса, но, будучи пророком, знал, что, по обетованию Божию, «от чресл его» воздвигнется Христос по плоти, Которого душа не останется во аде и плоть Которого не будет видеть нетления, и Который будет сидеть одесную Бога (см.: Деян.2:29–36; ср.: Пс.131:11; 15:10).

Первая проповедь Евангельского благовестия имела сильное действие на его слушателей. Боговдохновенное слово апостола Петра, воочию подтверждаемое чудесным событием излияния на учеников Христовых Духа Святого и основанное на свидетельствах Священного Писания, решительно убедило слушателей в Божественном достоинстве Господа, и они спрашивают апостолов: Что нам делать, мужи братия? (Деян.2:37).

Тогда апостол Петр, обращаясь со словом увещания к своим слушателям, призывает их всех к покаянию и крещению во имя Иисуса Христа для прощения грехов и к принятию дара Святого Духа.

Покайтесь, – говорит апостол, – и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов; и получите дар Святого Духа (Деян.2:38), то есть сподобитесь того же Святого Духа, чудесные действия Которого только что проявились в апостолах.

В конце своей речи, желая еще и сильнее расположить к вере во Христа умиленные сердца израильтян, апостол Петр напоминает им об особенных обетованиях Божиих, им данных, о том, что они и дети их представляют богоизбранный народ (см.: Деян.2:39), долженствующий предупреждать других на путях Царствия Божия¹⁰⁶.

– Итак охотно принявшие слово его, – прибавляет деесписатель, – крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч (Деян.2:41).

Так окончилось событие Сошествия Святого Духа на апостолов – полным торжеством Святого Духа над неверовавшими! И исполнились здесь впервые слова Господа, что Его ученики вследствие и в силу Его отшествия к Отцу, совершат большие дела, чем какие совершил Он Сам во дни Своего унижения¹⁰⁷ (см.: Ин.14:12).

Сошествие Святого Духа на апостолов есть окончательное установление нового вечного завета с людьми, о котором предсказал пророк Иеремия: Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет... Вот завет, который Я заключу с домом

Израиелевым... вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его (Иер.31:31–34; Евр.8:8–12). Дух Святой – Дух истины (Ин.16:13), Дух премудрости и откровения (Еф.1:17), сшедший на апостолов, начертал вместо синайского, новый сионский закон, о котором предсказал пророк Исаия (см.: Ис.2:3), не на скрижалях каменных, но на скрижалях сердца плотяных (2Кор.3:3). Место гласа синайского заступила благодать Святого Духа, законополагающего¹⁰⁸, подающего силы к исполнению закона и верующим изрекающего оправдание не по делам, а по благодати (см.: Рим.5:16).

«Святую Пятидесятницу прияхом от еврейских книг, – говорит Синаксарь на этот праздник, – яко же бо евреи Пятидесятницу празднуют, почитающе седьмое число и зане по Пасце пятьдесят дний прешедше закон прияша, тако и мы по Пасце пятьдесят дний празднующе, Всесвятаго Духа приемлем, законополагающего и наставляющего на всякую истину, и угодная Богу повелевающего»¹⁰⁹.

«Иже древле, – поет Церковь, – закон начертав Моисею, Нового Завета величия и Закон благодати излагает ясно, в апостольских сердцах написав»¹¹⁰.

Блаженный Иероним пишет: «Законоположение синайское и сионское было в пятидесятый день по Пасхе. На Синае от землетрясения колебалась гора: на Сионе сотрясся дом апостолов. Там посреди пламени и сверкающих молний раздавались громы и глас бурный: здесь с огненным видом языков бысть шум с небесе, яко носиму дыханию бурну. Там звук трубный возгремел слова закона: здесь труба Евангельская возгласила устами апостолов»¹¹¹.

Таким образом, день Пятидесятницы, бывший древле ежегодным воспоминанием дарования закона Божия на горе Синае, и для христиан сделался ежегодным праздником торжественного открытия данной святым апостолам власти учить, священнодействовать и управлять. В пятидесятый день по Воскресении Христа Господа, апостолы приняли Божественную силу Святого Духа, и для всей вселенной сделались проповедниками и свидетелями Иисуса Христа (см.: Деян.1:8).

Приняв Святого Духа, апостолы ежегодно начали праздновать день Пятидесятницы и заповедали святить его всем христианам ради сошествия Святого Духа.

В апостольской истории действительно находим указания на празднование дня Пятидесятницы, собственно христианское. Апостол Павел, намереваясь посетить Церковь Коринфскую, писал в послании к ней об этом намерении своем; но прибавлял, что он пробудет еще в Ефесе до Пятидесятницы (см.: 1Кор.16:8), а выше, говоря об исправлении некоторых беспорядков в этой Церкви, сделал ясный намек на празднование Пасхи, но не иудейской, а христианской (см.: 1Кор.5:6–8). Если Пасха здесь разумеется христианская, и Пасха эта есть праздник: то, конечно, таков же и день Пятидесятницы. Ибо для чего же было апостолу, столько ревновавшему о свободе христиан от закона иудейского, дожидаться в Ефесе праздника иудейского?

Вскоре после этого мы видим того же апостола поспешающим на праздник Пятидесятницы в Иерусалим (см.: Деян.20:16). По толкованию святого Епифания и блаженного Августина, нельзя думать, что апостол имел в виду при этом исполнить только требование закона Моисеева, который повелевал каждому израильтянину являться в этот день к месту общественного богослужения, а надо полагать, что в том и другом случае разумеется день Пятидесятницы, который апостол, и в Ефесе и Иерусалиме, желал провести, как праздник христианский.

В Постановлениях апостольских есть прямая заповедь праздновать Пятидесятницу: «Спустя десять дней по Вознесении бывает пятидесятый день от первого дня Господня (Пасхи); этот день да будет великим праздником. Ибо в третий час этого дня Господь Иисус послал дар Святого Духа» (Апост. Постан. 5, 20).

В другом месте апостольских постановлений в числе дней, в которые рабы должны быть свободны от работ после Пасхи и Вознесения, упоминается и Пятидесятница: «В Пятидесятницу рабы должны быть свободны от работ ради пришествия Святого Духа, данного уверовавшим во Христа» (Апост. Постан. 8, 38).

Тертуллиан¹¹², употребляя слово «Пятидесятница» и в значении всего пятидесятидневного времени, в другом месте выражается так: «В день Господень мы считаем неприличным поститься или преклонять колена: тою же свободой пользуемся от дня Пасхи до Пятидесятницы». Здесь под именем Пятидесятницы, очевидно, разумеется один определенный день, именно – день Сошествия Святого Духа, заключение всего пятидесятидневного времени, начинающегося Пасхой.

В IV веке у Евсевия Кесарийского, у святых Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Епифания и Златоуста, также у блаженного Августина и других часто встречается упоминание о празднике Сошествия Святого Духа под именем Пятидесятницы.

Святой Иоанн Златоустый о времени празднования Пятидесятницы говорил в своей беседе: «Еще не прошло десяти дней, как вознесся Христос, и уже ниспослал нам духовные дарования, дары примирения» (в 1-й беседе на Пятидесятницу, гл. 2).

* * *

Как у древних израильтян, так и в Церкви Христовой праздник Пятидесятницы есть великий дванадесятый, вселенский. В постановлениях апостольских он называется великим.

Святой Григорий Богослов в неделю Пятидесятницы говорил: «Мы празднуем Пятидесятницу – пришествие Духа, окончательное совершение обетования, исполнение надежды, таинство великое и досточтимое»¹¹³.

Святой Амвросий Медиоланский¹¹⁴ в слове своем в день Пятидесятницы говорил: «Возвеселимся в сей святой день, как в Пасху мы возвеселились. В Пасху крестятся оглашенные, в Пятидесятницу крещены апостолы, по слову Господа, Который, восходя на небо, сказал ученикам Своим: Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым (Деян.1:5)».

Святой Иоанн Златоустый¹¹⁵, беседуя в день Пятидесятницы, назвал этот день торжеством многочадным. «Опять праздник, – беседовал святитель, – опять торжество и

опять многочадная и чадолюбивая Церковь украшается множеством чад. Велики и выше всякого слова человеческого дары ниспосланы нам сегодня от человеколюбивого Бога. Поэтому все мы вкупе возрадуемся и с восторгом будем прославлять Господа нашего. Подлинно ныне великий для нас день и торжество. Как в преемстве дней и времен года одна перемена следует за другою, так точно и в Церкви праздник идет за праздником, а один отсылает нас к другому. Недавно праздновали мы кресту, страданию, воскресению, потом вознесению Господа на небо, – а сегодня, наконец, дошли до самого края благ, вступили в самую митрополию праздников, достигли до самого плода обетования Господня. Много благ нисходило с неба на землю для рода человеческого, но таких, какие ныне, никогда не было прежде этого. Одождил Бог манну на землю и хлеб небесный давал людям: ибо хлеб Ангельский ел человек (см.: Пс.77:25). Поистине велико это и достойно человеколюбия Божия. После этого ниспослан был огонь, который обличил заблуждающийся народ иудейский и пожрал жертву от алтаря (см.: 3Цар.18:38). Ниспослан был дождь, когда все изнемогали от голода, и произвел великое плодоношение. Велико это и дивно, но настоящее – гораздо более. Не манна, не огонь, не дождь ниспослан ныне, но изливаются дарования Духа. Принеслись свыше облака не для того, чтобы дать плодоношение земле, но чтобы возбудить естество человеческое, воспроизвести плод добродетели Божественному Делателю. И тотчас, принявшие хотя каплю от этого дождя, изменили свою природу, и вся земля внезапно исполнилась Ангелами – Ангелами не небесными, но являющимися в человеческом теле добродетель бесплотных сил» (в 1-й беседе на Пятидесятницу).

Величие праздника Пятидесятницы видно и из обычая древних христиан принимать святое крещение в этот праздник, как и в другие великие праздники. Святой Григорий Богослов¹¹⁶, упоминая о различных извинениях, по которым в его время отлагали крещение, замечает, что иной из оглашенных говорил: «Жду дня светов; другой: более уважаю Пасху; третий: дожидаюсь Пятидесятницы. Первый говорил: лучше со Христом

просветиться; другой: со Христом восстать в день воскресения; третий: почтить явление Духа».

Святые Иоанн Златоуст и Прокл в своих беседах на день Пятидесятницы также упоминают о новокрещеных. Благочестивый обычай креститься в день Пятидесятницы, по всей вероятности, получил начало еще при апостолах (см.: Деян.2:38). В воспоминание этого и доселе на литургии пред чтением Апостола, вместо обыкновенного песнопения: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный», поются слова Апостола: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь, аллилуиа».

В Православной Церкви существует благочестивый обычай украшать в праздник Пятидесятницы храмы Божии и жилища древесными зелеными ветвями, травами и цветами. Это обыкновение, вероятно, произошло из примеров Церкви ветхозаветной.

На обыкновение украшать дома и храмы зелеными растениями в день Святой Троицы имела влияние мысль о явлении Бога в виде трех странников Аврааму у дуба Мамврийского, где стояла куца этого патриарха (см.: Быт.18:1–15). Празднование Святой Троицы, Которой некогда поклонился Авраам в Мамврийской дубраве, располагало древних христиан в день Святой Троицы вносить в храмах древесные ветви и цветы, дабы таким образом украшенный храм Божий очевиднее изображал собою ту мамврийскую дубраву и Авраамову куцу, где некогда благоволил явиться Триединый Бог.

Иудеи в праздник Пятидесятницы украшали синагоги и дома древесными ветвями, травой и цветами – в память того, что закон был дан в то время, когда близ горы все зеленело и цвело, и притом, во время странствования их по пустыне, когда и сами они должны были жить в кущах из древесных ветвей. Сионская горница, где Дух Святой сошел на апостолов в день Пятидесятницы, по обычаю ветхозаветному, также украшена была в этот день древесными ветвями и цветами.

Кроме того, в Церкви ветхозаветной был также священный обычай приносить в праздник Пятидесятницы первые плоды жатвы, которая в Палестине оканчивалась к тому времени (см.:

Лев.23:16–20; Числ.28:26). И в праздник христианской Пятидесятницы ветви и цветы приносятся, как начатки Богу – от весны, обновляющейся силою Духа Зиждителя (см.: Пс.103:30), и указывают на духовное плодоношение Церкви Христовой.

«Иудеи, украшая кущи листьями и плодами, – говорит святой Григорий Нисский, – этим самым изображали новозаветную Церковь, произрастшую после закона»¹¹⁷.

Святая Церковь, прославляя милосердие Божие, ниспосланием Святого Духа на апостолов и силою Сего Духа просветившее всю вселенную, благодарно воспекает¹¹⁸: «Славим Тебя, Христос, и почитаем Всесвятого Духа Твоего, который от отца послал всех Божественных учеников Твоих?»¹¹⁹

Воспоминание Первого и Второго Вселенских соборов

Господь Иисус оставил Церкви воинствующей, как Глава и Основатель Ее, великое обетование, вселяющее мужество в сердца Его верных последователей: создам, – изрек Он, – церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф.16:18). Но в этом радостном обетовании находится пророческое указание и на то печальное явление, что жизнь Церкви Христовой здесь, на земле, должна проходить в борьбе с темными силами ада, которые неустанно, тем или иным образом, пытаются разрушить непоколебимую твердыню, воздвигнутую Господом среди бушующих волн мирового зла. Первые три века в жизни Церкви сопровождалась гонениями Ее, сначала со стороны иудеев, а затем со стороны язычников в особенности; лучшие сыны Церкви за исповедание имени Христова претерпели мучения и даже самую смерть; по временам в некоторых местах Греко-римской империи лились потоки христианской крови, но сила внешнего оружия не могла победить внутренней силы духа, – и меч языческий принужден был, наконец, склониться перед смиренным знаменем Креста Христова, когда в начале IV века над Греко-римским миром впервые воцарился христианский император, святой и равноапостольный Константин Великий¹²⁰. С его воцарением прекратилась самая возможность гонений, но не прекратилась деятельность врага Церкви, дьявола. Не победив Церкви совне, он пытался поразить Ее изнутри, возбуждав арианскую ересь, уничижавшую Лицо Основателя Церкви Христа Иисуса.

Основные положения арианской ереси сводятся к следующему. «Было время, когда существовал один только Бог-Отец, не рожденный, первопричина сущего. Восхотев создать мир и зная, что мир, бесконечно удаленный от Бога, не может вынести непосредственного действия Его творческой силы, Бог-Отец творит из несущего посредствующее Существо между Ним и миром – Сына Божия, дабы чрез Него создать мир. Как сотворенный из несущего, Сын также изменяем по природе, как

и все творения». Словом, ересь признавала Христа, Сына Божия, не Богом, Отцу единосущным, а Существом сотворенным, хотя и совершеннейшим из всех созданных существ. От своего родоначальника эта ересь известна в истории христианской Церкви под именем арианской.

Арий родился в 256 году в Ливии¹²¹. Ученик Лукиана, пресвитера Антиохийского, Арий был человек строгой, безупречной жизни, соединявший с суровой внушительной наружностью приятное обращение; скромный с виду, он в действительности был очень честолюбив. Посвященный в диакона Петром, епископом Александрийским, Арий этим же епископом был отлучен от Церкви за деятельное сочувствие одной местной церковной партии, проникнутой раскольническими стремлениями. Преемник епископа Петра, Ахилл, приняв отлученного Ария в общение с Церковью, посвятил его во пресвитера и вручил его попечению один приход в Александрии. По смерти Ахилла, Арий – как свидетельствуют некоторые церковные писатели – рассчитывал быть его заместителем, но в действительности на епископский престол Александрии был избран Александр. На одном из собраний Александрийских пресвитеров (в 318 году), когда епископ Александр вел беседу о единстве Пресвятой Троицы, Арий обвинил его в савеллианстве, высказав свои еретические убеждения по вопросу о Лице Сына Божия¹²². Епископ пытался было заблуждавшегося пресвитера вразумить сначала дружескими увещаниями, но последний оставался непреклонным; между тем, снисходительное отношение к Арию со стороны епископа некоторые ревнители правой веры порицали столь сильно, что Церкви Александрийской грозил из-за этого раскол. Тогда епископ Александр, признав неправославными мысли Ария, отлучил его от церковного общения. После этого сторону Ария приняли некоторые епископы, из которых наиболее известны: Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский. Присоединилось к нему также около двадцати пресвитеров, столько же диаконов и множество девственников. Видя, что зло разрастается, Александр созвал (в 320 или 321 году) собор из подведомственных ему епископов,

который тоже отлучил Ария от Церкви. Невозможность оставаться более в Александрии заставила Ария искать себе убежища сначала в Палестине; отсюда он старался расширить круг своих сторонников, в то время как епископ Александр распространял послания, предостерегающие от увлечения еретическим учением, отказываясь решительно примириться с Арием, за которого пред ним ходатайствовали некоторые, во главе с Евсевием, епископом Кесарийским. Удаленный из Палестины по настоянию александрийского епископа Арий перешел в Никомидию, где епископом был Евсевий, подобно Арию ученик и почитатель Лукиана. Один Вифинийский местный собор, руководимый Евсевием Никомидийским, признал Ария православным, и Евсевий принял его в церковное общение. Во время пребывания в Никомидии Арий составил книгу «Фалия»¹²³, назначенную для распространения между простолюдинами, расположение которых он умел приобретать: здесь в общедоступной, полустихотворной форме Арий излагал свое еретическое учение о Сыне Божиим; с этою же целью (распространить свое учение) Арий сочинял песни для мельников, матросов и путешественников.

Смута церковная, поднятая ересью, распространялась все более и более, так что сам император Константин, наконец, обратил на нее свое внимание. Чтобы уладить споры, раздиравшие Церковь, он, по совету некоторых епископов, главным образом Евсевия Кесарийского, имевшего на него особенное влияние, обратился с письмом, адресованным совместно епископу Александру и Арию, где увещевал обоих к миру и единению¹²⁴. С этим письмом императора в Александрию был отправлен Осия Кордубский, один из старейших и наиболее уважаемых епископов¹²⁵. В Александрии, на месте возникновения споров, Осия убедился в необходимости решительных мер для уничтожения зла, так как раздоры в Церкви до того усилились, что осмеивались уже в языческих театрах, а в некоторых местах при смутах, вызванных ими, даже наносились оскорбления статуям императора. Когда Осия, возвратившись, разъяснил императору Константину действительное положение и истинную сущность дела,

последний с подобающей серьезностью взглянул на раздоры, возникшие, благодаря Арию, в Церкви. Решено было созвать Вселенский собор, чтобы восстановить нарушенный мир, церковный и общественный, а также – решить недавно возобновившийся спор о времени празднования Пасхи¹²⁶. Впервые, с объединением Востока и Запада, под властью одного христианского императора явилась возможность созыва Вселенского собора.

Собор определенно было собрать в Никее¹²⁷, причем император издал особые распоряжения, которыми облегчалось путешествие созываемых епископов к месту собрания; содержание их на время соборных собраний он приказал отнести на счет государства. Большая часть епископов съехалась из восточной империи; был один епископ из Скифии и один из Персии; с западной половины, куда еще не проникли вызванные арианством раздоры, на соборе присутствовали только Осия Кордубский, Цецилиан Карфагенский и заместители Римского престарелого епископа Сильвестра, пресвитеры Витон и Вицентий. Всех епископов было триста восемнадцать¹²⁸, а прибывших с ними пресвитеров и диаконов более двух тысяч человек. Даже некоторые языческие философы являлись на собор и вели беседы по спорным вопросам с епископами¹²⁹.

На соборе выступили три партии, сложившиеся уже в предшествовавшее ему время: две из них держались противоположных воззрений на Лицо Сына Божия, а третья занимала среднее примиряющее положение между двумя крайними партиями. Православную партию составляли по преимуществу исповедники, претерпевшие мучения за имя Христово во время гонений. Члены этой партии «чуждались, – по словам Созомена, – нововведений в вере, преданной издревле», особенно по отношению к учению о Святой Троице; они считали необходимым подчинять разум святой вере, ибо «таинство Святой поклоняемой Троицы превышает всякий ум и слово совершенно непостижимо и усваивается только верою». Поэтому на вопрос о сущности Сына Божия, подлежавший разрешению собора, православные смотрели как на тайну,

непосильную для ума человеческого, высказывая в то же время строго определенное догматическое учение, что Сын Божий есть столь же совершенный Бог, как и Отец: «Христос сказал: Я и Отец едины (Ин.10:30). Этими словами Господь выражает не то, что два естества составляют одну ипостась¹³⁰, но то, что Сын Отчий точно и совершенно удерживает и сохраняет одно естество со Отцом, имеет в Себе отпечатленное самым естеством подобие Его и ни в чем от Него не отличный образ Его». Наиболее важными представителями православной партии на соборе были: Александр, епископ Александрийский; Осия, епископ Кордубский; Евстафий, епископ Антиохийский; Макарий, епископ Иерусалимский; Иаков, епископ Низибийский; Спиридон, епископ с острова Кипра; Пафнутий, епископ верхней Фиваиды, и Николай, епископ Мир ликийских. Первые из них, Александр Александрийский¹³¹ и Осия Кордубский¹³², были руководителями партии православных.

Совершенно противоположную православной партии на соборе представляла собой партия строго арианская, которую составляли люди «искусные в совопросничестве и отвращавшиеся простоты веры», подвергавшие вопросы веры, как и всякие другие, рассудочному исследованию и хотевшие подчинить веру знанию. Во главе этой партии, своим еретическим учением колебавшей самые основы христианства, стояли: опора арианства и «первостепенный епископ времени» Евсевий Никомидийский, а также епископы: Минофан Ефесский, Патрофил Скифопольский, Феогнис Никейский, Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский. Число членов партии в строгом смысле арианской, было не велико, не более семнадцати человек. В среднюю партию, довольно значительную по числу членов, колебавшихся между православными и арианами, входили лица, получившие впоследствии название полуариане; они хотя и почитали Сына Божия Богом, но Божество Его признавали неравным Божеству Отца, находившимся в соподчиненном к Нему отношении. Главою этой партии был известный историк Церкви Евсевий, епископ Кесарийский.

Собор начался в июне 325 года; первые заседания его, как можно с вероятностью думать, происходили в храме. Спустя около двух недель после открытия собора, в Никею прибыл сам император Константин, и заседания собора были перенесены в обширную палату царского дворца, куда являлся на них и император, державший себя не как руководитель, но как наблюдатель. Во время своего первого появления на соборе, выслушав приветственные речи Евстафия Антиохийского и Евсевия Кесарийского¹³³, Константин Великий обратился к отцам собора с ответною речью, умоляя их прекратить «междоусобную брань в Церкви Христовой». Собор прежде всего и сосредоточил свое усиленное внимание на вопросе, вызвавшем эти междоусобные раздоры, то есть на учении Ария: обличив последнего как еретика, отцы собора утвердили православное учение о Лице Сына Божия, точнее – о Его сущности. Предварительные рассуждения по этому главному вопросу велись на соборе с соблюдением полной терпимости: на одних правах с православными епископами высказывались и арианские и полуарианские. Словом, – как замечает греческий церковный историк V века Сократ, – «определение относительно веры производилось не просто и как случилось, но объявлено после долгого исследования и испытания – и не так, что одно показано, а другое умолчано, но взято во внимание все, относящееся к утверждению догмата, и что вера не просто определена, но наперед тщательно рассмотрена, так что устранено всякое мнение, представлявшее повод к обоюдности, либо к раздвоению мыслей. Дух Божий установил согласие епископов».

Первой на соборе была выслушана строго арианская партия, так как ее именно учение, нарушившее церковный мир, было главною причиною созвания собора. Евсевий Никомидийский, главный представитель этой партии, внес от лица ее на рассмотрение отцов собора символ, заключавший в себе следующие выражения, исчерпывавшие сущность учения строгих ариан о Лице Сына Божия: «Сын Божий – произведение и тварь»; «было время, когда Сына не было»; «Сын изменяем по существу». Тотчас за прочтением этого символа отцы собора

единодушно¹³⁴ и решительно отвергли его, признав исполненным лжи и безобразным; причем даже самый свиток, содержащий в себе символ, был разорван, как того и заслуживал, на клочки. Главным основанием осуждения символа Евсевия Никомидийского для отцов собора служило то важное обстоятельство, что в еретическом символе не находилось ни одного выражения о Сыне Божиим из тех, какие находятся о Нем в Священном Писании. Вместе с тем отцы собора «кротко», – по свидетельству древних церковных историков, – потребовали от Евсевия Никомидийского и от Ария, чтобы они изложили доводы, подтверждающие справедливость их умствований; выслушав эти доводы, собор тоже отверг их, как совершенно лживые и неубедительные. Среди этих прений с ересеучителями из среды православных выдвинулись как ревностные защитники истинной веры и умелые обличители ереси: диакон Александрийский, прислуживавший своему епископу, Афанасий и Маркелл, епископ Анкирский. К этому же времени соборных заседаний, очевидно, нужно приурочить и следующее предание об участнике собора, святом епископе Николае Мирликийском, сохраненное иноком Студийского монастыря Иоанном. Когда Арий излагал пред отцами собора свое еретическое учение, то многие затыкали уши, чтобы его не слышать; присутствовавший при этом святитель Николай, одушевленный ревностью по Боге, подобною ревности пророка Илии, не вынес хулений ересеучителя и ударил его по щеке. Отцы собора, негодуя на подобный поступок святителя, решили лишить его архиерейского сана. Но это решение они должны были отменить после одного чудесного видения, бывшего некоторым из них: они видели, что с одной стороны святителя Николая стоит Господь Иисус Христос с Евангелием, а с другой – Пресвятая Богородица с омофором¹³⁵ и вручают ему знаки епископского сана, которых он был лишен. Вразумленные свыше отцы собора перестали упрекать святителя Николая и воздали ему честь, как великому угоднику Божию¹³⁶.

После осуждения символа строгих ариан, содержавшего в себе еретическое учение о Лице Сына Божия, отцам собора

надлежало выразить о Нем истинное, православное учение. В противоположность еретикам, чуждавшимся при изложении своего лжеучения изречений Священного Писания, отцы собора, наоборот, обращаются к Священному Писанию, чтобы его выражения о Сыне Божиим внести в вероопределение, которое собору предстояло издать по спорному вопросу. Но попытка, предпринятая в этом направлении ревнителями правой веры, потерпела полнейшую неудачу вследствие того, что буквально каждое выражение относительно Божества Христа Спасителя, приводимое отцами собора из Священного Писания, ариане и полуариане истолковывали в смысле своих неправославных воззрений. Так, когда православные епископы, основываясь на свидетельстве Евангелия от Иоанна (см.: 1,1,14,18), хотели включить в соборное вероопределение слова Сын от Бога, то арианствующие ничего не имели против этого выражения, толкуя его в том смысле, что, по учению апостола Павла, все от Бога (см.: 2Кор.5:18), един Бог, из него же все¹³⁷ (см.: 1Кор. 8, 6). Тогда отцами предложено было назвать Сына Богом истинным, как именуется Он в 5-й главе (ст. 20) 1-го послания евангелиста Иоанна; арианствующие принимали и это выражение, утверждая, что «если Сын сделался Богом, то, конечно, Он истинный Бог»¹³⁸. То же самое произошло и со следующим выражением православных епископов: «в Нем (то есть Отце) Сын пребывает»; по мысли отцов выражением этим, покоившимся на первых словах евангелия Иоанна¹³⁹, вполне определенно высказывалось то учение, что Сын со Отцом и в Отце всегда нераздельно пребывает; но арианствующие и здесь нашли возможным указать, что последнего рода свойство вполне приложимо и к людям, так как Писание говорит: им (то есть Богом) живем и движемся и существуем (Деян.17:28). После этого отцы собора выставили новое выражение, применяя к Сыну Божию наименование силы, взятое у апостола Павла: Слово¹⁴⁰ есть сила Божия (1Кор.1:24); однако арианствующие и тут нашли выход, доказывая, что в Священном Писании не только люди, а даже гусеница и саранча называются силою и притом силою великою (см.: Исх.12:41; Иол.2:25). Наконец, отцы, чтобы отразить арианство, решили

внести в вероопределение изречение из послания к Евреям: Сын сияние славы и образ Ипостаси Его (Евр.1:3) (то есть Отца), тогда арианствующие указывали на то, что Священное Писание то же самое говорит и о каждом человеке, называя его образом и славою Божиею (см.: 1Кор.11:7). Таким образом стремление отцов собора выразить православное учение о Сыне Божиим путем внесения в вероопределение соответствующих библейских изречений не имело никакого успеха. Возникло затруднение, устранить которое попытался представитель полуарианской партии Евсевий, епископ Кесарийский.

Он внес на обсуждение собора готовый символ, предлагая его утвердить общим согласием членов собора, причем символ был составлен таким образом, что, казалось, мог быть принят как православными, так и строгими арианами: имея в виду первых, Евсевий Кесарийский излагает вероопределение, предложенное собору, словами Священного Писания; чтобы угодить вторым, то есть крайним арианам, он внес в свой символ слишком общие выражения, которые, поэтому, еретики могли истолковывать в нужном им смысле. Кроме того, в тех же видах расположить членов собора к утверждению символа и чтобы устранить всякого рода подозрения, Евсевий в начале его сделал следующее заявление: «Мы содержим и исповедуем веру так, как приняли от предшествующих наших епископов, как научились ей от Божественного Писания, как соблюдали и исповедовали в пресвитерстве, а потом в епископстве». На главный вопрос в спорах о Сыне Божиим – какова именно была степень близости Сына к Отцу – символ Евсевия Кесарийского давал следующий ответ, который в силу своей неопределенности мог быть принят строгими арианами и который, по той же причине, не мог удовлетворить защитников правой веры на соборе. «Веруем, – говорит символ Евсевия, пользуясь изречениями Священного Писания, – во единого Господа Иисуса Христа, Божие Слово, Бога от Бога, Света от Света, Жизнь от Жизни, Сына едиnorodного, перворожденного всей твари, прежде век от Отца рожденного». После прочтения символа наступило молчание, истолкованное Евсевием

Кесарийским в смысле одобрения. Молчание это первый нарушил император Константин, своими словами вместе с тем уничтоживший и преждевременные надежды Евсевия на победу. Константин Великий одобрил символ, сказав, что он сам также мыслит, как учит символ, желает, чтобы и другие держались такого же вероисповедания; затем он предложил для определения отношения Сына Божия к Богу-Отцу внести в символ слово, – ед¹⁴¹иносущный. Это слово с желанною для православных членов собора силою и определенностью, не допускающею перетолкований, выражало нужную мысль о равенстве Божества Сына Божия с Божеством Отца. Внесением его в символ разбивались в прах надежды Евсевия Кесарийского, потому что оно с очевидностью, какой нельзя было более и желать, обличало еретические умствования полуариан и крайних ариан, обеспечивая в то же время торжество Православия на все последующие века. Сдерживаемые авторитетом императора, арианствующие могли против внесения в символ ед¹⁴¹иносущный указать только на то обстоятельство, что этим понятием в учение о сущности Божества приносятся представления слишком вещественного характера: «Ед¹⁴¹иносущным, – говорили они, – называется то, что есть из чего-либо другого, как, например, два или три золотых сосуда из одного слитка». Во всяком случае прения по поводу слова ед¹⁴¹иносущный были мирны: арианствующие принуждены были, следуя за императором, согласиться на принятие, разрушавшего их ересеучение, слова. Представители православной партии, учитывая вынужденную уступчивость еретичесствующих членов собора, внесли в символ и другие поправки и изменения, благодаря которым символ принял следующий чуждый всякой двусмысленности вид: «Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; – и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, ед¹⁴¹иносущного Отцу, чрез Которого (Сына) все произошло как на небе, так и на земле; – ради нас человеков и ради нашего спасения

снисшедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, вошедшего на небеса, и грядущего судить живых и мертвых; – и в Духа Святого».

Чтобы устранить всякую возможность каких бы то ни было перетолкований символа, отцы собора присоединили к нему такое анафематствование арианской ереси: «Говорящих же, что было (время), когда не было (Сына), что Он не существовал до рождения и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности, или что Он создан, или преложим, или изменяем, предает анафеме Кафолическая Церковь».

За исключением двух египетских епископов, Секунда и Феоны, все остальные подписали символ Никейский, выражая этим свое согласие с его содержанием; впрочем, Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский отказались дать свои подписи на анафематствование, присоединенное к символу. Таким образом вселенское определение веры было, по видимому, почти всеми принято единодушно. Но последующая история арианских движений показала, что многие и очень многие епископы «подписались под символом только рукой, а не душою». Чтобы избежать отлучения и не потерять кафедр, подписали символ строгие ариане, в душе оставаясь такими же, как и прежде, еретиками. По соображениям, далеким от искренности, подписали символ и представители полуарианской партии. Глава их, Евсевий Кесарийский, в послании, написанном к пастве вслед за окончанием собора, объясняет, что он и его приверженцы «не отвергли слова „единосущный“, имея в виду сохранить мир, которого всей душой желаем», то есть из внешних соображений, а не из убеждения в истинности заключавшегося в нем смысла; что же касается приложенного к символу анафематствования, то Евсевий объясняет его не как проклятие самого смысла арианского учения, а только как осуждение внешних выражений последнего за то, что они не встречаются в Священном Писании.

Собором, по решению главного догматического вопроса, установлено было двадцать канонов по вопросам церковного

управления и дисциплины; улажен был и пасхальный вопрос: собор постановил, чтобы Пасха праздновалась христианами непременно отдельно от иудеев и непременно в первый воскресный день, прилучившийся в день весеннего равноденствия или непосредственно после него. Собор окончен был празднованием виценалий императора Константина, во время которых он устроил в честь епископов великолепное пиршество. Расстался император с отцами собора очень милостиво, увещевая их поддерживать мир между собою и прося молиться за него.

Воспоминание святого Великого Вселенского собора, бывшего в Никее, совершается Церковью 29 мая.

Ария¹⁴² и двух открытых приверженцев его, Секунда и Феону, император, сразу по окончании собора, отправил в ссылку в Иллирию¹⁴³, провозгласив суровые наказания последователям ересеучителя, причем даже одно обладание его сочинениями вменялось как уголовное преступление.

Никейский символ, раскрывший православное учение о Божестве Второго Лица Пресвятой Троицы – Господа Иисуса Христа, и осудивший, как ересь, хульные арианские умствования, не положил конца церковной смуте: арианствующие епископы, скрепившие соборное вероопределение своими подписями единственно из-за страха пред государственной властью, вскоре сумели привлечь последнюю на свою сторону и, поддерживаемые ею, вступили в ожесточенную борьбу с защитниками правой веры; в половине IV века они одержали почти полную внешнюю победу над своими противниками, объединившимися под священной хоругвью Никейского символа. Хоругвь эту твердо и самоотверженно держал вначале святой Афанасий Великий¹⁴⁴, а потом, со смертью престарелого Александрийского епископа, она перешла в не менее мужественные и самоотверженные руки Великого Кесарийского епископа, святого Василия¹⁴⁵; около этих двух выдающихся святителей Православной Церкви описываемого времени объединялись и прочие, остававшиеся Ей верными, епископы.

Борьба между православными и арианами, возобновившаяся вслед за окончанием I Вселенского собора и сосредоточившаяся первоначально на решенном отцами его вопросе о Божестве Христа Спасителя, с течением времени вызвала появление новых ересей, из которых наиболее примечательны ереси, связанные с именами Аполлинария и Македония.

Епископ Лаодикийский Аполлинарий вышел из рядов православной партии. Не ограничиваясь отрицанием арианских положений в учении о Сыне Божиим, Аполлинарий стремился утвердить положения им противоположные; это стремление и привело его к ереси. Так, в противоположность особенному ударению ариан, какое они, в зависимости от своего учения о Сыне Божиим, как тварном существе, делали на признании во Христе всецело человеческой природы, Аполлинарий уничтожал человеческую личность в Господе Иисусе. С психологической точки зрения ему казалось невероятным учение Никейского символа, что во Христе соединились совершенное Божество и совершенное человечество: он рассуждал, что две сущности, с сохранением всех своих свойств, никогда не могут соединиться в одну. Немыслимым представлялась ему идея Богочеловечества и со стороны догматической: с полным человечеством связан грех; если же мыслить грех в естестве Христа, хотя бы как и возможность, то дело искупления для Него уже становится невыполнимым. Поэтому Аполлинарий полагал, что, восприняв при воплощении тело и душу человеческую, Христос не воспринял отличительной части человеческого существа – человеческого духа, так как последний необходимо предполагает свободу воли, а с нею и склонность ко греху¹⁴⁶; духа человеческого, по мысли Аполлинария, во Христе заменил Божественный Логос, господствовавший над злыми влечениями животной души¹⁴⁷.

Вскоре после I Вселенского собора (с 341 года) ариане вносят в свои символы и учение о Третьем Лице Пресвятой Троицы, Святом Духе, причем заметно выступает стремление, в полном соответствии с развитием арианского учения о Сыне Божиим, «описать Святого Духа, как Ипостась отдельную,

отчужденную, разобщенную от Отца и Сына». С течением времени по вопросу о Лице Святого Духа из среды полуариан выделилась особая партия македонян, получившая свое наименование от Константинопольского епископа (с 355 по 359 год) Македония: партия эта, почитая Святого Духа Третьим Лицом Пресвятой Троицы только из чести, отличала Его по существу от Первых Двух Лиц, признавая творением, а не Богом¹⁴⁸. Вообще в учении о Святом Духе существовала в IV веке, как среди православных, так и ариан, крайняя разобщенность мнений, которую святой Григорий Богослов изображает следующим образом: «Что касается до мудрецов нашего века, то одни почитают Его (то есть Святого Духа) действованием, другие тварью, иные Богом, а иные не решались сказать о Нем ни того, ни другого, из уважения, как говорят они, к Писанию, которое будто бы ничего не выразило об этом ясного, почему они не чтут и не лишают чести Духа, оставаясь к Нему в каком-то среднем, вернее же сказать, весьма жалком расположении. Даже из признающих его Богом одни благочестивы только в сердце, а другие осмеливаются выражать свое благочестие и устами. Но слышал я о других еще более мудрых измерителях Божества, которые хотя согласно с нами исповедуют Троицу, однако ж столько разделяют Лица Ее между Собой, что Одно почитают беспредельным по сущности и по силе (то есть Отца), Другое беспредельным по силе, но не по сущности (то есть Сына), а Третье – ограниченным и в том и другом» (то есть Духа).

Таким образом, пред созванием Вселенской Церкви опять был поставлен вопрос о Божестве Второго Лица Пресвятой Троицы и, кроме того, ересь Аполлинария и ересь Македония возбудила новые вопросы догматического свойства: первая о Богочеловечестве Христа Спасителя, а вторая о Святом Духе, Третьей Ипостаси Пресвятой Троицы.

Ответом на указанные вопросы и послужила деятельность II Вселенского собора. Собор этот созван был императором Феодосием Великим¹⁴⁹ в 381 году в Константинополе с целью «утверждения во всей империи Никейского учения против всех

ересей». На этом соборе присутствовали одни только восточные епископы, их было сто пятьдесят¹⁵⁰ человек.

Среди отцов собора находились великие святители того времени: Мелетий Антиохийский, Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский и Григорий Богослов. Первые заседания собора происходили под председательством Мелетия Антиохийского.

В это время, по желанию императора и народа, на праздную Константинопольскую кафедру собором был избран святой Григорий Богослов. Вскоре Мелетий скончался и председателем собора, естественно, сделался вновь избранный епископ столицы, то есть Григорий Богослов. Первым делом нового председателя было внесение собору предложения уладить¹⁵¹ давно уже волновавший Антиохийскую Церковь раскол. Он предложил отцам собора не выбирать преемника умершему Мелетию: выбор этот, по его мысли, нужно было отложить до кончины второго епископа Антиохии Павлина, когда обе враждующие партии Антиохийской Церкви уже с взаимного согласия могли бы выбрать себе епископа. Но собор отверг предложение председателя, благодаря чему между ним и отцами собора возникло охлаждение, окончившееся тем, что святой Григорий добровольно отказался от Константинопольской кафедры; тем более, что епископы Египта и Македонии, запоздавшие на собор и потому не дававшие согласия на избрание Григория Богослова епископом столицы, возбудили вопрос о правильности этого избрания в виду существования пятнадцатого правила I Вселенского собора, запрещающего епископам переход с одной кафедры на другую¹⁵². В июне 381 года, после прощальной речи отцам собора, святой Григорий удалился в Назианз. Его место, по избранию собора, занял сенатор Нектарий, бывший еще только оглашенным; Нектарий немедленно крестился и потом в течение нескольких дней был рукоположен во все священные степени по епископскую включительно, так что даже святительские одежды он носил поверх белой одежды новокрещеного.

Догматическая деятельность II Вселенского собора нашла свое выражение в составлении символа, известного в истории

Церкви под именем Никеоцареградского. Символ этот принят без изменений всею Православною Церковью и содержится каждым православным христианином, верным учению своей Матери – Церкви. До восьмого члена, то есть изложения учения о Святом Духе, символ II Вселенского собора представляет собою Никейский символ, измененный и дополненный отцами в виду тех ересей, которыми была вызвана необходимость созвания II Вселенского собора. В учении о Боге Отце Никейского символа отцы собора после слова «Творца» присоединили слова «неба и земли»¹⁵³. В учении о Сыне Божиим они заменили выражение («рожденного от Отца») «из сущности Отца,

Бога от Бога»¹⁵⁴ словами: «прежде всех веков»¹⁵⁵, вычеркнув изречение «на небе и на земле», идущее за словами: «через Которого все произошло». В последующее учение о Сыне Божиим, содержащееся в Никейском символе, отцами собора вставлены некоторые слова, имеющие целью яснее выразить православное учение о плотском естестве Богочеловека ввиду некоторых ересей; слова эти здесь означены курсивом: «нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Девы Марии, и вочеловечившегося, распятого за нас при Понтии Пшате и страдавшего, и погребенного, и воскресшего в третий день по писаниям, и вошедшего на небеса и сидящего одесную Отца и снова имеющего приити со славой судить живых и мертвых, Которого царству не будет конца»¹⁵⁶. Никейский символ оканчивался словами (верую) «и в Духа Святого». II Вселенский собор дополнил его, присоединив к нему учение о Святом Духе, о Церкви, о крещении, о воскресении мертвых и жизни будущего века; изложение учения об этих истинах веры и составляет содержание VIII, IX, X, XI и XII членов Никеоцареградского символа.

II Вселенским собором составлено четыре¹⁵⁷ канонических правила, из коих особенно важное значение имеют два постановления:

1) запрещение епископам одних поместных Церквей вмешиваться в дела других Церквей и 2) предоставление

епископам Константинополя, как Нового Рима, первого места в смысле чести вслед за Римскими епископами. Воспоминание II Вселенского собора Православною Церковью совершается 22 мая.

Июль

Житие святого преподобномученика Афанасия Брестского¹⁵⁸

Святой Афанасий подвизался в Западно-Русской Церкви вскоре после объявления унии и мученически пострадал от латинян, защищая православную истину и Церковь. Положение Православия в Польше и Литве было тогда очень тяжелое. На Соборе в Бресте¹⁵⁹ в 1596 году было объявлено единение (уния) Православной Юго-Западно-Русской Церкви с Церковью Римско-Католической, или латинской. По-видимому, это событие не только вполне отвечало любви и миру, главнейшим опорам христианства, но и проводило в жизнь величайший из заветов Спасителя, содержащийся в Его молитве к Богу Отцу: Отче Святый, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы (Ин.17:11). Но на самом деле уния подготовлялась недостойными людьми, вызывалась низменными расчетами и клонилась к попранию православной веры и русской народности на Юго-Западной Руси, которая в XVI веке входила в состав Польско-Литовского государства. Уже самое заключение унии не обещало ничего доброго: оно сопровождалось обстоятельствами, которые были противны не только духу Евангелия, церковным обычаям и канонам, но и простым требованиям рассудка. Уния была объявлена действительной, хотя принявшие ее не пожелали даже выслушать православных; на троекратный позыв православных никто из униатов не явился для совещания о вере, и в конце концов представители восточного исповедания, не желавшие насильственного единения, были преданы анафеме со всеми их единомышленниками окружной соборной грамотой латинской партии. На это проклятие Православный Собор ответил осуждением митрополита и владык, принявших унию, и двумя следующими постановлениями: 1. «Мы даем обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать этих осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами; напротив, сколько возможно противиться их определениям, действиям и

распоряжениям, стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей Святой Церкви, особенно при наших патриархах¹⁶⁰, не оставляя старого календаря¹⁶¹, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали препятствовать целости и свободе нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом торжественно, прежде всего пред Господом Богом, потом и всему свету, и в особенности всем обитателям короны великого княжества Литовского и областей, к короне принадлежащих». 2. «Мы, сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовные лица греческой веры, сыны Восточной Церкви, собравшиеся сюда, в Брест, на Собор, достоверно узнали ныне от самых вельможных панов, присланных на Собор его королевской милостью, что они с митрополитами и несколькими владыками, отступниками от Греческой Церкви, составили и обнародовали, без нашего ведома и против нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унию между Церквями Восточной и Западной. Мы протестуем против всех этих лиц и их несправедливого деяния и обещаемся не только не подчиняться, но, с Божией помощью, всеми силами сопротивляться им, а наше постановление, сделанное против них, будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами и особенно нашими просьбами пред его королевскою милостью».

Эти заветы, которые от лица Церкви возложили на ее верных чад представители восточного Православия в Брестском Соборе, стали признанием святого Афанасия, и их осуществлению была отдана вся его жизнь: борьба с действиями и распоряжениями униатов была для него обетом совести и чести, а в твердом стоянии за святую веру, в защите общего спокойствия, огражденного законами, в противлении всем притеснениям, насилиям и новизнам латинян состояли его подвиги, труды и страдания. О своем протесте против злоупотребления латинской партии властью и силой, на точном основании брестских постановлений, святой торжественно объявлял перед обитателями короны и великого княжества

Литовского, неотступно обращался с просьбами об охране Православия и к королевской милости.

Святой Афанасий родился когда-то около времени заключения церковной унии и, может быть, в Бресте, в том самом городе¹⁶², где она была провозглашена, где особенно больно чувствовались обиды, наносимые Православной Церкви, и где были более живы любовь к отечественной вере и отвращение к латинству. Неизвестно, из какого сословия вышел святой Афанасий, но, судя по его пламенной ревности о святой вере, можно думать, что унаследовал ее от людей простых¹⁶³, в то время отличавшихся особенно сильной преданностью Восточной Церкви и даже составлявших братские союзы для ее защиты от насилия латинян. «Я, недостойный Афанасий Филиппович, – свидетельствует преподобный о себе¹⁶⁴, – милостью Божией и молитвами Пречистой Богородицы в вере православной и Церкви истинной Восточной, как следует, утвержден с самого детства и возникновения во мне разума». Первоначальные познания «в науках церковно-русских» он получил, надо думать, в одной из братских школ, может быть, в школе родного города Берестья¹⁶⁵. Где святой Афанасий получил дальнейшее развитие, не имеется сведений. Но несомненно он был одним из образованнейших людей своего времени: знал творения святых отцов, жития святых, а также и сочинения западноевропейских историков; свободно писал польски, по-латински и хорошо был знаком с греческим языком.

В своей молодости святой Афанасий «служил в разных местах», то есть, вероятно, как человек, выдающийся по своему развитию, занимался преподаванием в богатых домах польско-русского дворянства. Когда канцлер литовский Лев Сапега, с ведома Польского короля Сигизмунда III¹⁶⁶, был назначен опекуном над Яном Фавстином Лубой, которому поляки с детства внушили мысль, что он законный наследник Московского престола (сын Марины Мнишек, жены первого Лжедмитрия), Афанасий Филиппович, как известный по своему образованию человек, был приглашен к нему инспектором¹⁶⁷ и в этой должности прослужил семь лет при дворе Сапег¹⁶⁸. Вероятно, суетная, беспечная и не в меру разгульная жизнь,

которую пришлось наблюдать святому Афанасию при дворе богатого польского вельможи, произвела в нем нравственный переворот, и он стал часто задумываться «над греховностью века сего». Размышления привели его к тому, что он решил порвать связи с миром, отошел от Сапеги и в 1627 году принял монашеское пострижение в Виленском Свято-Духовом монастыре. Отсюда святой послан был на послушание сперва в монастырь Кутеинский под Оршею (Могилевская губ.), а затем в Межигорский около Киева, где «немалое время учился воле Божией и жизни по Закону»¹⁶⁹.

Из Межигорья святой Афанасий был снова позван в Вильну. При прощании межигорский игумен сказал преподобному: «Брат Афанасий, сохрани в глубине сердца по крайней мере три вещи: будь в послушании у своих старших, ревнуй о церковном правиле и стерегись бесед с женщинами; когда, при помощи Божией, сохранишь это, спасешься и будешь потребен на службу Церкви Христовой. Иди с миром!»

На пути в Вильну преподобный встретил весьма больного человека, «взял его на себя и нес не мало»; этот человек открыл подвижнику многое из тайн Божиих, «вложил ему в сердце сладчайшее имя Иисуса и научил, как сохранить его: 1) иметь в обращении с людьми разумную умеренность; 2) хранить послушание, чистоту и пребывать в бедности; 3) постоянно памятовать о двоякой смерти (духовной и телесной); 4) решительно во всем полагаться на волю Божию и 5) если бы по немощи тела приключилось что противное воле Божией, очищать себя исповедью и полным раскаянием». В Вильне преподобный получил посвящение в сан иеромонаха и волей Божией и старших был назначен наместником в Дубойский монастырь под Пинском¹⁷⁰, где в течение трех лет «сильно боролся то со своими дурными помыслами, то с врагами Православия иезуитами»¹⁷¹. Канцлер Литовский князь Станислав Радзивил в 1636 году отобрал Дубойский монастырь для поселившихся в Пинске иезуитов. Благодетельная душа святого Афанасия была глубоко потрясена этой неправдой, и он видел наяву необыкновенно страшные знамения на небе и на земле: на небе – грозные облака с войсками, выстроенными для

битвы и готовыми к отмщению; на земле – семь адских огней, назначенных для семи смертных грехов; в одном из них (в огне пламенного гнева) ясно заметил трех людей: папского нунция в папской короне, короля Сигизмунда и гетмана Сапегу, сидящих в страшной печали за преследование Восточной Церкви. В горячей ревности по святой вере православной преподобный написал жалобный лист о притеснениях православных латинианами и, закрепив его подписями многих почтенных людей, вручил его Пречистой Богородице Купятицкой, то есть положил у Ее иконы, моля Ее вступить и защитить православных от обиды.

По отобрании у православных Дубойской обители Афанасий Филиппович был оставлен на послушание в Купятицком монастыре¹⁷² и пребывал здесь в трудах и терпении. В это время (1636 г.) в Купятицкий монастырь пришли листы Петра Могила, Киевского митрополита¹⁷³, с просьбой собрать милостыню на обновление кафедральной митрополичьей церкви Киево-Софийского собора. Просьба была исполнена, и в мае 1637 года собранные деньги были отправлены митрополиту. Узнав от посланного, что в Купятицах церковь весьма стара, Петр Могила дал «универсальный лист»¹⁷⁴ для сбора подаяний на обновление этого храма, а игумен Иларион (Денисович), после совета с братией, возложил это послушание на святого Афанасия и на послушника Онисима Волковицкого. Преподобный отнесся к труду на благо церкви, в которой помещалась Купятицкая чудотворная икона Богоматери, с необыкновенным усердием и ревностью. После совещания, которое происходило в монастырской трапезе, рассказывает святой Афанасий, «вдруг страх весьма великий напал на меня, и я сидел у стола точно одеревенелый; уйдя в свою келию, я затворился и встал пред Всемогушим Богом молиться о своем послушании. Спустя немного, когда я стоял на молитве, на меня напал такой страх, что я порывался бежать из келии, но, удержанный какой-то неведомой силой, остался и долго горько плакал и, хотя в келии никого не было, я услышал сладкий голос:

„Царь московский устроит Мне церковь; иди к нему“.

При этом меня точно облило варом, и я снова начал горько плакать, думая: что-то будет?»

В ноябре 1637 года, когда приближалось время отъезда на сбор, идя от заутрени из церкви, преподобный объявил игумену о своем видении, на что тот ответил: «Брате милый, куда тебя Всемогуший Бог и Пречистая Богородица поведут, туда и иди, а я тут с братией буду молиться, чтобы ты во здравии вернулся к нам; а о чем ты говоришь, не знаю, как это сбудется, когда у тебя нет и листа, который выдается от короля, нашего господина».

Простившись с братией, преподобный Афанасий вошел в притвор церковный и, поручая себя во всем попечению Божию, стал молиться с коленопреклонением; потом через окно взглянул на чудотворный образ Пречистой Богородицы, и ему послышался из церкви шум, очень страшный. Поверженный в трепет, он хотел бежать, но потом, собравшись с духом, снова поглядел через оконце, говоря:

– О Пречистая Богородице, будь со мною.

И в ту минуту от чудотворного образа Пречистой Богородицы послышался ясный голос:

– Иду и Я с тобою.

А диакон Неемия, стоя на левом клиросе наподобие иконы (этот диакон за несколько лет пред сим преставился в молодых летах после богоугодных подвигов иноческих) и как бы заикаясь, вымолвил:

– Иду, иду и я с Госпожою моей.

Когда святой Афанасий с Онисимом Волковицким приехали в Слуцк (уездный город Минской губернии), архимандрит Шицик отобрал у них листы и все Святки продержал их в большой тревоге, разобидевшись на купятицкого игумена за то, что он отправил сборщиков в Белоруссию без доклада ему, наместнику митрополита; но, уstraшенный во сне видением, вернул листы путникам и сказал:

– Делаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; идите с Богом, куда хотите.

Оттуда сборщики прибыли в Кутеинский монастырь близ города Орши.

В монастыре удивлялись их смелому плану идти в Москву за сбором подаваний. Но предостерегали.

– Господине отче Афанасие! – говорил наместник монастыря. – Трудно без пашпорта короля, нашего повелителя, идти вам через Смоленск и Дорогобуж за границу до Москвы: виленские чернецы и пашпорт имели для милостыни, а много набедствовались.

Святой Афанасий был напуган этими словами, но не оставил своего плана; добыв от кутеинского игумена рекомендательные письма к разным протопопам и православным братствам, преподобный посетил Копыс¹⁷⁵, Шклов¹⁷⁶, Могилев, Головчин¹⁷⁷. Но нигде не получил милостыни, потому что перед ним прошли другие сборщики. Вернувшись в Кутеинский монастырь и уже решив ехать назад, в Купятицы, преподобный услышал такой совет от наместника:

– Отче Афанасие, брате милый! Жаль мне тебя, что ты, сделав так мало для своего послушания, отъезжаешь домой. Советую тебе: иди через Трубецк до Брянска; хоть и там будет не без труда, однако, волей Божией, попадешь в столицу Московскую.

Запали эти слова в сердце святому Афанасию; передал он их и настоятелю Кутеинской обители, который благословил его на путь и дал рекомендательное письмо к князю Петру Трубецкому. С разными скорбями и неприятностями путники через Пропойск¹⁷⁸ и Стародуб¹⁷⁹ дошли до Трубецка¹⁸⁰. Но здешний воевода князь Петр, несмотря на письмо кутеинского игумена, отнесся к сборщикам крайне подозрительно, так как тогда было казацкое восстание под начальством Павлюка¹⁸¹ и граница оберегалась особенно строго. Трубецкой под угрозой великого наказания велел путникам возвратиться назад, и они уже хотели было ехать домой. Но решили побывать еще в Челнском монастыре¹⁸². «Когда я, – говорит святой Афанасий, – шел пеший вдали перед конем и молился Господу Богу и Пречистой Богородице, страх великий напал на меня, так что я восклицал громким голосом:

– О Боже мой и Пречистая Богородица, смилуйся надо мною! Что это делается?

В это время мне показалось, будто послушник говорит:

– На что требуешь людской помощи? Иди в Москву, я с тобой!

Приблизившись к послушнику, я спросил его, что он говорил, а он ответил:

– Ничего я не говорил тебе, я только сержусь на вас, что мы даром бродим».

Прибыв в Челнский монастырь, преподобный поведал братии, что при помощи Божией намерен добраться до Москвы; на это один из старцев ответил:

– Не дойдешь, господине, так как время тревожное по случаю казацкого погрома, но если с тобою, как говоришь, помощь Божия, то можно дойти. Направляйся в Новгород-Северский к воеводе Петру Песечинскому; счастье твое, если прикажет тебя пропустить, а тут везде великая охрана.

Святой Афанасий послушался этого совета. На пути к Новгород-Северску¹⁸³ на ночлеге в постоялом доме, в глухую полночь, на преподобного напал великий страх, и ему почудилось, будто кто-то едет с немалой свитой, слышался голос: «Есть, есть, он тут», а когда все утихло, Афанасий разбудил хозяина и, ничего не сказав ему, просил сию же минуту проводить на Новгородскую дорогу. В пути, ночной порой, не зная, куда ехать, преподобный, чтобы разогнать тревогу, начал возглашать акафист Богородице: «Взбранной Воеводе победительная» – с припевами: «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа», а затем под утро вздремнул. «Отряхнув сон с очей, – пишет святой Афанасий, – я увидел юношу в мантии, сидящего на нашем коне, поглядывающего назад на нас и указывающего дорогу. Юноша сказал:

– Я – Неемия, диакон, сожитель ваш купятицкий.

Затем исчез, а когда взошло солнце, вместе с ним я увидел на небе крест, а в нем – образ Пречистой Богородицы с Младенцем, вроде Купятицкого¹⁸⁴, пронизанный и окруженный лучами солнечными. И после того, как я в раздумье немало смотрел на него, хотел указать на это чудо послушнику Онисиму, а он, восторженувшись от сна, начал бить коня, и в тот миг образ стал невидим на небе, и я уже больше не упоминал

ему тогда о видении. Приблизившись к пограничному селу перед полуднем, мы чудесно миновали стражу воеводы новгородского: один поселянин того села стоял около дороги, сняв шапку, а когда я поздоровался с ним, сказал мне:

– Что это за Госпожа, отче, и куда едет с такой немалой свитой?

Я не знал, что отвечать ему, только сказал: «Но, но», – и отошел к саням¹⁸⁵».

Из селения проводила иноков большая толпа народа, и около церкви во имя святого Афанасия, стоящей за селом в поле, путники «волей Божией» перешли границу и приехали в первое село Московской Руси Шепелево.

Здесь они были приняты ласково. Все изумлялись – как это им удалось пробраться мимо стражи, видели в этом явную помощь Божию инокам-путникам, а одна женщина прямо сказала:

– Воистину с ними едет Богородица, если они миновали охрану.

10 февраля 1638 года святой Афанасий с Онисимом прибыли в Севск¹⁸⁶, где голова с другим чиновным человеком допытывались, для какой нужды явились путники; узнав, что у них нет пропуска к царю, они сказали, что невозможно им добраться до столицы. Преподобный на это ответил:

– Иду по воле Божией и той иконы, которую даю вам в отпечатке на бумаге.

Тогда они поверили ему и отошли, не приняв никакого решения. Когда преподобный при закате солнца был в одном лесу, неподалеку от Севска, явственно услышал следующий голос:

– Афанасий! Иди к царю Михаилу и скажи ему: побеждай наших неприятелей, ибо уже пришел час; имей на военных хоругвях образ Пречистой Богородицы Купятицкой для помощи и в битвах храбро защищай каждого человека, именующегося православным.

Поздно ночью, сбившись с дороги, странники попали в деревню Кривцово, в пяти верстах от Севска, и выпросились на ночлег у одного христианина, у которого был сильно болен сын.

Сев около страдальца, святой Афанасий обратился к Всевышнему с молитвой о его исцелении. На следующий день пришел к преподобному хозяин и говорит:

– Старче великий, если ты священник, помолись Богу о сыне, чтобы он был здоров.

Святой Афанасий, отправив с послушником молебен, знаменал больного бумажным образом Пречистой Богородицы Купятицкой. О дивные дела Божии! Точно как пробужденный от сна, больной поднялся и вскричал:

– Откуда это пришла надежда моя Богородица исцелить меня?

И тотчас встал, возблагодарил Бога и прислуживал путникам за

столом, а люди, бывшие при этом, сильно изумлялись в радости и страхе. Отец исцеленного проводил дорогих гостей на Брянскую дорогу и советовал непременно ехать в Москву.

По отъезде из Кривцова послушник Онисим доставил много беспокойства святому Афанасию и даже порывался бежать от него, говоря:

– Вернемся в Литву, ибо здесь погибнем. Для чего мы терпим такую беду и добровольно отдаем себя еще большим опасностям? Настойчиво стремишься ты быть в столице Московской, не будешь, не будешь!

Преподобный, обратившись про себя с молитвой к Господу и Пречистой Богородице, тихо сказал своему спутнику:

– Милый брат, побойся Бога! Ты ведь сам слышал и видел немало Божиих чудес над нами; зачем же не рассудительно поступаешь? – и обстоятельнее раскрыв перед ним Божественное попечение о них обоих, наконец сказал. – Нам спутешествуют Пресвятая Богородица по обещанию Своему и Ангел хранитель наш, которого я ясно видел в лице Неемии, диакона Купятицкого.

Выслушав это, Онисим попросил у святого прощения, и с того времени спутники ехали в полном согласии.

Когда спутники прибыли в Карачевский Воскресенский монастырь¹⁸⁷, его игумен принял их с любовью и посоветовал взять пропуск к царю от местного воеводы. Выслушав рассказ

путников, воевода произнес: «Дивны судьбы Божии! Я о них выведывать не хочу, а каждому деянию Божию простым сердцем верую». И дал им лист и проводника до самой столицы. «Чудесным образом, – говорит преподобный, – доехав до Московской столицы, будучи за рекою Москвою, на Ордынской улице, в гостинице, и по всей правде написав историю того, что происходило по дороге по указанию Божию (как тому верую по простоте сердца), подал ее царю Московскому на укрепление, охрану и распространение православной веры». Вероятно, история чудесного странствования святого Афанасия, поданная Михаилу Феодоровичу, пришлась вполне по душе благочестивому царю, и ее составитель, святой Афанасий, был отпущен домой с богатой милостыней на сооружение церкви во имя Пресвятой Богородицы Купятицкой. Из Москвы преподобный и его спутник выехали в Неделю Вербную (1638 г.) через Можайск¹⁸⁸ и Вязьму¹⁸⁹ до Дорогобужа¹⁹⁰, а отсюда Днепром на челноке через Смоленск и Оршу¹⁹¹ до Могилева, из Могилева 16 июня «возом» через Минск на Вильну и прибыли в Купятицы 16 июля 1638 года.

Скоро после того, в 1640 году, монашествующие Брестского Симеонова монастыря¹⁹² просили настоятеля Купятицкого прислать им на игуменство одного из двух лиц: Афанасия Филипповича или Макария Токаревского¹⁹³. Иларион Денисович, не желая пускать от себя ни одного из дорогих трудников, отправил третье лицо, но брестские иноки не приняли его. Тогда решено было кинуть жребий, кому ехать в Брест, Макарию или Афанасию, и по воле Божией жребий пал на святого Афанасия. Расставаясь с ним, Иларион Денисович написал брестским инокам, что «с великой скорбью» отпускает к ним «половину себя самого», и при этом прибавил: «Спостраждите во всем ему, да со Христом воцаритесь».

По прибытии в Брест на игуменство преподобный прежде всего занялся разысканием старинных грамот, епископских и королевских, которыми утверждались разные права и преимущества за вверенным монастырем. Усмотрев из этих грамот, что «уния со старым Римом, принятая вопреки законам

Церкви Восточной, проклята навеки, я, – говорит Афанасий, – открыто в церкви и в разных местах объявлял об этом». Открытое заявление произвело столь сильное действие, что, по словам преподобного, «в месте том Берестейском и во всем округе того воеводства униаты начали испытывать величайшую тревогу». В следующем (1641) году, в сентябре, святой Афанасий отправился на сейм, то есть на собрание государственных чиновников, в Варшаву и выхлопотал у короля Владислава IV¹⁹⁴ за его собственноручной подписью грамоту (привилегий), которой подтверждались все старые преимущества православного братства в Бресте и обеспечивалась на вечное время полная свобода богослужения и обрядов по уставу Восточной Церкви. Но по законам царства Польского, королевский привилегий не мог иметь силы без утверждения его печатью коронного канцлера или подканцлера. Святой Афанасий молился об этом и даже предлагал деньги, но напрасно.

– Будете все униатами, – говорили хранители печатей просителю, – так мы и даром запечатаем; знайте, что нам от святого отца, папы Римского, под клятвой запрещено умножать здесь греческую веру.

Тогда преподобный обратился за советом и помощью к православным, сначала к влиятельным духовным особам, прибывшим на сейм. Но и здесь не нашел он поддержки, так как каждый из них был занят исключительно своими частными делами и выгодами. «Остальные отцы и монахи, – замечает преподобный, – все приехали со своими личными побуждениями и говорят одно: у меня довольно церквей, как себе кто хочет, так пусть и хлопочет, это не мое дело. О полном и общем успокоении веры православной даже нет и помину». Проникнутый мыслью «о полном и общем успокоении», святой Афанасий чутко прислушивался к жалобам на унижение Православной Церкви, которые раздавались отовсюду и были принесены в Варшаву приехавшими на сейм по разным делам горожанами. Трогательными чертами со слов православных мирян описывает преподобный бедствия Православной Церкви в Польско-Литовском государстве: «Даже и за деньги нельзя

иметь свободы в отеческом благочестии и поступать, как требует совесть православных людей. О горе! Живут дети без крещения, взрослые – без венчания, а умерших хоронят крадучись, ночью, в полях, огородах, погребях. Здесь, в христианском государстве, православные люди терпят больше стеснений, чем в турецкой неволе. Бедные оршане¹⁹⁵ потому только, что в своем братстве устроили новую церковь, должны были дать за печать двести червонцев». Пораженный грустью при мысли об этих притеснениях православных, святой Афанасий однажды говорил сам себе:

– О Боже правый! Весы беззакония упали до самого края; уже и отцы наши старшие не пекутся о вере православной, об утверждении славы Божией; все как будто стыдятся ее, а что хуже всего – некоторые, обольщенные латиной и высокоумием, из-за почестей и свободы света этого, безрассудно перекидываются от истинной веры к другой вере и, как бы хромая, возглашают: «О, и та и эта вера добра», а этого быть не может, чтобы существовало много вер добрых, ибо написано: Един Господь, едина вера, едино крещение» (Еф.4:5).

В одном из видений притесняемая Церковь Православная представилась преподобному Афанасию в виде девы, ограбленной, плачущей и жалующейся на врагов своих. Потом на постоялом дворе, когда святой Афанасий совершал акафист Пречистой Богородице и произнес слова: «От всяких нас бед свободы», то услышал от образа Богоматери явственный голос:

– Афанасий! Жалуйся теперь на сейме при помощи иконы Моей Купятицкой, в кресте изображенной, перед королем Польским и государством, грозя праведным гневом и страшным судом Божиим, который вот-вот поистине наступит, если не образумятся; пусть прежде всего навеки осудят проклятую унию – в этом самая насущная нужда, и им еще может быть хорошо.

Исполняя это повеление, преподобный в 1643 году, как святой пророк Илия, ревнующий об истинной вере, отправился на генеральный сейм в Варшаве. Он взял с собою по семи экземпляров образков Купятицкой Богоматери, написанных на полотне, историю своего путешествия в Москву и «надписание», заключающее предостережения о гневе и

страшном суде Божиим за преследование Православия и покровительство унии. Вместо прошения от Церкви Восточной преподобный раздал знатнейшим членам сейма из дворянских родов иконы Богоматери с приложением и в присутствии всех членов сейма обратился к королю со следующей речью:

— Наияснейший король Польский, господин мой милостивый! Мы терпим несносную кривду; не хотят нам, людям православным, в делах церковного благочестия утверждать печатями привилегии, не хотят нас защищать на основании прав, скрепленных присягой вашей королевской милости, и вот уже около пятидесяти лет вера православная и Церковь Греческая Восточная под вами, христианскими панами, в королевстве Польском в угоду проклятой унии терпит чрезмерные притеснения, и это при содействии и помощи ненавистных римских церковников, в особенности же иезуитов, чрезвычайно хитрых. Эти иезуиты с помощью точеных речей, лукавых наук и высоких титулов, овладевая душами молодых людей, устроая в школах комедии, проповедуя в костелах и издавая превратные книжки, измышленные по внушению сатаны, безбожно соблазняют простых людей, своих потатчиков, а православных христиан, сами будучи неправославными, предают позору и преследуют.

Ревнитель Православия передал королю снимок с Купятицкой иконы Богоматери и приложил к нему особое писание. Этим писанием преподобный просил короля успокоить правую веру греческую, а унию уничтожить. Он писал Владиславу:

«Если унию проклятую искорените, а Восточную истинную Церковь успокоите, то поживете лета ваша в счастье, а если не умирите истинной греческой веры и не сметете с лица земли унии проклятой, то воистину познаете гнев Божий. Образ Пресвятой Богородицы да будет вам трубою и знамением, предваряющими страшный суд Божий, который имеет наступить, когда благословенные унаследуют Царство небесное, а проклятые будут низринуты в ад на вечные муки».

Грозные речи и писания Афанасия, конечно, должны были поразить сердце короля и сенаторов, и, вероятно,

правительство по этому поводу выразило свое неудовольствие представителям православной партии на сейме, и «свои отцы старшие» взяли Афанасия, объявили помешанным и посадили под стражу. «Я, – пишет преподобный, – остался поруганным, осмеянным и оплеванным за то, что (прости им Боже!) не докладывался им, защищая мольбы (как будто нужно докладываться в таких тайнах Божиих и сделал это по собственному хотению, а не по воле Божией). О горе! До чего дошло у мудрых на латинский образец. Уже нисколько не заботятся о вере и не слушают воли Божией, но, всецело надеясь на себя и на свой разум, творят свою волю и своих же угнетают». Снедаемый скорбью, что не только король с польской шляхтой, но и своя братия духовная не хочет поддержать великое дело успокоения веры православной, Афанасий, подражая Христа ради юродивым, притворился как бы безумным. Вышел¹⁹⁶ из темницы нагим, имея на себе только клобук да параманд¹⁹⁶ для показания своего звания, вымазался в болоте и, поражая себя посохом, бегал по улицам Варшавы и восклицал громким голосом: «Горе проклятым и неверам!» Преподобный имел намерение вбегать в костелы и возглашать те же слова, но его догнали слуги владык, съехавшихся на сейм, и, втолкнув в болото, глубиной выше колен, продержали его до прихода с постоялого двора воза. Произошло это в марте месяце: страдалец терпел великую стужу. Еле живой на возу был доставлен во владычную гостиницу и снова кинут в заключение. По жалобе некоего Даниловича, архиерейского писаря, «старшие отцы судят» преподобного и, «не имея на это никакого права¹⁹⁷, постановляют решение: лишают его игуменства и пресвитерства», затем препровождают его, как зачумленного, от одной духовной особы к другой и по окончании сейма отправляют на суд к Киевскому митрополиту, которым тогда был знаменитый Петр Могила. Консистория митрополита оправдала Афанасия, и варшавское определение было уничтожено. „Когда я на суде, – замечает Афанасий, – припомнил, как меня в Варшаве водили от гостиницы к гостинице, отец Гизель¹⁹⁸ сказал: „Как от Анны к Каиафе“, то есть сравнил варшавский суд над Афанасием с судом

первосвященников иудейских над Иисусом Христом. Восстановленный в пресвитерском сане, преподобный неоднократно совершал святые литургии в Киеве, как в пещерах, так и в церкви Успения Богоматери, а когда православное Брестское братство вошло к митрополиту с просьбой вновь прислать на игуменство святого Афанасия, Петр Могила исполнил это ходатайство братчиков. В грамоте братству по поводу возвращения игумена митрополит ставил на вид, что преподобный посылается на игуменство «после надлежащего вразумления духовного за поступок, который всей Церкви Российской причинил скорбь и трудности», и что Брестский игумен вперед «будет осторожней поступать в делах церковных, особенно же перед королем, его милостью, господином нашим милостивым и всем пресветлым его сенатом».

Вернувшись в Брест, святой Афанасий всей душой отдался монашеским подвигам с братией вверенного ему Симеонова монастыря. Но обстоятельства в Западной Руси слагались в то время так, что тихая и уединенная жизнь иноков постоянно прерывалась. Православные – как духовенство и монахи, так и миряне – терпели много притеснений за свою веру: не раз испытывали от своевольных школьников иезуитских и от униатских попов ругательства, позорные насмешки и битье, нападения и всякого рода бедствия. Один униатский архимандрит, насильно захватив на большой дороге монахов, посланных к святому Афанасию из Купятицкого монастыря, священноиноку отрезал бороду, диакона раздел донага и обоих прогнал, а двух монастырских коней со всеми вещами грабительски присвоил себе. Дошло до того, что никому из монастыря нельзя было показаться на улицу, не подвергаясь ругательствам.

«На каждом месте, – рассказывает святой Афанасий, – во дворах и судах, ругаются над нами и кричат на нас: „Гу-гу, русин, волк, схизматик¹⁹⁹, турко-гречин, отщепенец“».

Так как канцлер Сапега считался покровителем (патроном) Брестского монастыря (обитель имела землю, им данную), то преподобный в 1644 году ездил к Сапеге в Краков и просил

своего прежнего хозяина, чтобы он выхлопотал у короля охранный лист для православных жителей Бреста, которые не находят в судах защиты от притеснений со стороны униатов. Но гордый вельможа дал такой ответ преподобному:

– Поп с попом подрался, а мне какое дело? Сделайтесь униатами, и будете жить в покое.

Обиды и притеснения, которые отовсюду сыпались на православных, разумеется, не могли не волновать преподобного. В сильном возбуждении он становится на молитву перед Купятицкой иконой Богоматери и опять явственно слышит голос, исходящий от святой иконы:

– Афанасий! Проси еще с помощью Моего образа на будущем Сейме перед королем Польским и Польским государством о полном уничтожении проклятой унии. Хорошо будет, если послушают и уничтожат ее: проживут еще счастливо в будущих летах.

Устрашенный видением, святой Афанасий пять дней был чрезвычайно слаб, не пил, не ел и все раздумывал о том, как ему поступить. Он знал, что смелые речи на Сейме снова вызовут суд над ним и осуждение, и в то же время боялся нарушить волю Божию. Смущался великостью дела, которое на него, смиренного, возлагал Господь, и успокаивал себя тем, что даже ослица Валаама говорила некогда по воле Божией. Подобно другим инокам хотел бы преподобный сидеть в обители, молясь Творцу своему за себя и за всех властей, духовных и светских, а особенно за своих благодетелей, но, вынуждаемый волей Божией, он начал готовиться к генеральному Сейму 1645 года. Преподобный Афанасий имел намерение, как в предшествующий Сейм, поднести корою и сановникам в нескольких тетрадях снимок Купятицкой иконы Пресвятой Богородицы вместе с описанием чудес от нее во время путешествия в Москву, а затем сделать предложение об отмене унии и успокоении православной веры. Но преподобному не суждено было осуществить свои намерения: в ноябре 1644 года он был арестован в Бресте, отвезен в Варшаву и брошен в оковы, в которых содержался более года²⁰⁰. И в тюрьме, как на свободе, преподобный более всего

отдавался скорби о тяжелом положении Православной Церкви в Польско-Литовском государстве и мысли о «полном и общем успокоении» истинной веры. Лучшим выражением его тогдашнего настроения служит стихотворение, которое он составил, сидя в тюрьме, и, положив на голос, распевал для утolenия душевной боли: «Пошли покой Церкви Своей, Христе Боже! Не знаю, может ли кто из нас терпеть дальше! Дай нам помощь в печали, чтобы мы всецело отдались вере святой, непорочной».

Когда надзор за преподобным был ослаблен, он, сидя в тюрьме, усердно занялся составлением памятной записки (мемориала), которая и подана была от его имени королю Владиславу 29 июня 1645 года во время заседания генерального Сейма. В записке своей преподобный доказывает: Русь с самого принятия христианства стояла в церковной зависимости от Константинопольского патриарха²⁰¹, а униаты, «отбегшие пастыря своего законного» и отдавшиеся другому, не настоящему (папе), подлежат анафеме, как отступники от веры; самая уния принята была духовными по корыстным побуждениям: например, епископ Игнатий Поцей, один из ее защитников, добивался сенаторского кресла; митрополит Рагоза и епископ Кирилл Терлецкий склонялись к унии, привлекаемые вольностями, которые им обещаны от лица папы. «От того часу, – говорит святой Афанасий, – как Каин Авеля и Измаил Исаака, так проклятый униат бил и преследовал православного брата своего и по это время, с помощью прислужников и врагов правды святой, при поущении Божиим, как хочет, так и злодействует: бедных людей всякого сословия, как в братствах церковных, так и во всяких советах, судебных и ремесленных, клеветца безбожно, грабит и дерет со всего, что имеют православные христиане – с веры святой, с совести чистой, с славы доброй, с имущества, всячески поносит их и бьет; кроме того – и это хуже всего – печатает, отбирает, повергает в нищенство и уничтожает церкви, мешает свободе благочестивой совести. Во многих и разных местах в королевстве христианском ради той проклятой унии и по это время совершаются ненужные кровопролития. В конце концов и с

казаками из-за той же унии была внутренняя бесполезная война; из-за нее милость исчезла чуть не во всех; из-за нее ласкательство, подхалимство, зависть, предательства, злодейства и – хуже всего – размножается проклятая вражда; из-за нее погиб порядок духовный и светский». Святой Афанасий обращается к королю с мольбою отменить унию, введенную королевской властью: духовные отцы (епископы) уже не могут улучшить положения, так как сами нуждаются в исправлении. При вступлении на престол король присягою скрепил обещание умирить Православную Церковь, а между тем этого не сделано и доселе. Не нужно насилия ни над чьей совестью: пусть униаты остаются, если хотят, при своих заблуждениях, но и пусть православные будут свободны в своей вере.

Неизвестно, как эта горячая мольба узника была принята королем. Думая, что бумага не дошла до него, преподобный из темницы пишет второе прошение, в котором обращается к королю с трогательным воззванием: «Смилуйся, наияснейший король польский, господин мой благосклонный, над гонимую Восточную Церковь, которая находится в твоём королевстве». Это прошение, оправленное в зеленый атлас, во время проезда короля по Варшаве было брошено кем-то в его карету и прочитано Владиславом IV, но распоряжения по нему не было сделано. Еще одна бумага, назначавшаяся королю, не была им принята.

– Не нужно, не нужно больше ничего, – сказал он, – я уже приказал выпустить его.

Действительно, 19 октября 1645 года, по приказу Владислава, было написано Киевскому митрополиту, чтобы он прислал взять к себе Афанасия, который «заслужил наказание, но его королевская милость оставляет без внимания»; вместе с тем от митрополита требовалось послать беспокойного для польской власти игумена в такое место, где бы он не мог уже «чинить никаких тревог». Тем временем с преподобного сняли оковы и ослабили надзор, так что он мог свободно получать письма от близких ему людей. Одно из присланных в тюрьму писем, утешая узника, называет его исповедником.

Преподобный сравнивается здесь со святым апостолом Павлом, и говорится далее, что «среди запустения он процвел как благоуханный цвет, сияющий не только российскому народу, но всему соборному вселенскому благочестию». Хотя святой Афанасий мог легко бежать из тюрьмы, но он не соблазнялся свободой и требовал суда над собой или, по крайней мере, приема у короля. Он рассылал письма и прошения к лицам, влиятельным при дворе, чтобы они испросили ему у короля прием, и король было согласился выслушать игумена, но католическое духовенство отговорило Владислава, и 3 ноября 1645 года преподобный был отправлен с двумя драгунами в Киев. Явившись к митрополиту Петру Могиле, святой Афанасий представил ему подробный отчет о своих деяниях в Варшаве с приложением в копиях документов, которые им были даны королю. Вероятно, преподобный надеялся, что митрополит и на этот раз оправдает его, как оправдал раньше, и отошлет опять на игуменство в Брест, но королевское повеление возымело свою силу: подвижник был оставлен в Печерском монастыре как бы под началом. Заключение преподобного в Киеве сильно волновало многочисленных его почитателей, и один из них, по имени Михаил, писал по этому поводу наместнику и братии Брестского монастыря в следующих выражениях: «Извещает ваше благочестие меня, что пречестный отец Афанасий разрешен от узилища иноверных и послан в Киев на заключение к единоверным. Это дивно для меня, ибо и Христос, Господь наш, пострадал не от неверных, но от верных своих предан был в руки человек грешных. Пророчествует господин отец Афанасий, что уния погибнет. Я бы веровал этому, если бы видел наши заслуги, но я не вижу их и не смею веровать в конец (унии). А почему? Спросите. Потому что наша Русь этого не хочет, особенно же старейшины. Кто не желает ратовать против унии, тот стремится к ней; поэтому наши старейшины хотят унии, если не словом, то делом, что еще хуже». Вероятно под влиянием этого ясно обнаружившегося расположения православных к святому и последовавшей 1 января 1647 года смерти Петра Могилы преподобный получил свободу и вновь вступил на свое игуменство.

Но недолго святой Афанасий наслаждался покоем в тихой обители Брестской. Весною 1648 года в Малороссии вспыхнуло казацкое восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, началась несчастная для поляков война. Православное население Литвы и Польши во время войны страдало еще больше, было на постоянном подозрении в измене Польскому королю, в соучастии с восставшими казаками. И святой Афанасий принял тогда мученическую кончину, несправедливо обвиненный в измене.

О суде над преподобным и его казни обстоятельно рассказывает особая повесть, составленная под сильным впечатлением скорбных событий послушниками Брестской обители святого Симеона, почитателями святого Афанасия²⁰². «Что мы видели своими глазами, что могли узнать от других людей о муках и отшествии из мира сего покойного отца Афанасия, нашего игумена, о том пишем и свидетельствуем. Кто-то недобрый в то время поднял войну с казаками: и встали великое преследование и неосновательное подозрение от иноверных на бедную Русь во всей короне Польской и великом княжестве Литовском. Покойный отец игумен уже не говорил ничего, противного униатам, сидел себе тихо в монастыре в то тревожное время. Вдруг паны из каптуровых судов²⁰³ воеводства Брестского, по навету пана Шумского – в то время капитана королевской гвардии, прислали несколько человек шляхты в наш монастырь, чтобы взять игумена в замок. А был тогда день субботний, именно 1 июля, и покойный сам служил литургию в храме Рождества Пречистой Девы Богородицы в другом своем монастыре²⁰⁴. Когда он, находясь у престола, заметил в церкви, как раз во время пения «Иже Херувимы», шляхту, за ним пришедшую, – сильно встревожился, как бы впал в забытие и стоял долго, ничего не совершая, так что можно было пропеть Херувимскую песнь в другой раз. Потом оправился, опять начал служить и всю литургию окончил чинно. А по окончании обедни выслушал от шляхты, что она пришла за ним, и немедленно, никуда не заходя из церкви, взяв с собой другого брата, пошел в замок. Там, став перед панами судьями, начал сперва громко говорить им и с почетом к судьям привел

то, что святой апостол Павел был перед царем Агриппой и считал себя счастливым, так как знал, как ему защищаться (см.: Деян.26:1–2). Но пань судьи отнеслись с презрением к речи покойного игумена и, не слушая больше, приказали доносчику, названному пану Шумскому, начать докладывать дело против него о посылке каких-то листов и пороху казакам. А отец игумен отвечает на это:

– Милостивые пань! Это клевета и ложный вымысел, будто я посылал листы или порох казакам. Ведь вы имеете немало дозорщиков, пошлите за ними, и пусть они покажут, если я когда-нибудь и куда-нибудь отправлял порох. Что касается листов, то пусть ябедник приведет какое-нибудь доказательство, что я посылал их, как он клеветает.

Тогда немедленно послали доносчика Шумского и других при нем, чтобы перерыли наш монастырь и отыскиали порох и листы. А когда ничего не нашли там и уже уходили назад, доносчик оторыгнул злобу свою и сказал гайдукам²⁰⁵:

– Что же вы не подкинули какого-нибудь мешочка с порохом и не донесли, что нашли тут у монахов?

Увидали затем и сами пань судьи, что не было никаких доказательств вины игумена, а одна только пустая молва, вернее – клевета, и успокоились. Но стали допрашивать о другом предмете и сказали:

– Но ведь ты унию святую бесчестил и проклинал?

Положив на себя знамение креста Господня, покойный отец игу-

мен в ответ на это произнес:

– Ужели, милостивые пань, вы за то велели мне явиться к вам, что я бесчестил и проклинал вашу унию? Что я говорил на сейме в Варшаве перед его милостью королем Владиславом IV, господином своим яснейшим, и перед пресветлым его сенатом, что всюду провозглашал по воле Божией, то утверждаю и теперь пред вами: проклята ваша теперешняя уния, и ведайте по сущей правде, что если ее не истребите в своем государстве и Православной Восточной Церкви не умирите, навлечете на себя гнев Божий.

А сказал это громким голосом, чтобы и те, кто был поодаль, могли хорошо слышать. Сейчас же на эти слова некоторые крикнули:

– Казнить, четвертовать, посадить на кол такого схизматика!

И уже начали было его толкать от одного к другому и рвать во все стороны. Но паны судьи велели всем на время из избы выйти и, потолковав между собой, говорят отцу игумену:

– Ты заслужил, чтобы тебя сейчас же предать позорной смерти (и она не минет тебя). А теперь мы приказываем взять тебя в темницу, пока не получим какого-либо указания из Варшавы.

Тогда отпустили брата, с ним бывшего, а его отдали в тюрьму при арсенале в замке Брестском от Рождества Христова в год 1648-й, 1 июля. Несколько дней спустя приказали наложить оковы на ноги его, и так он просидел в темнице до 5 сентября того же года. В это время покойный (то есть святой Афанасий) несколько раз посылал из тюрьмы некоего брата к панам судьям, прося, чтобы сделали для него одно из двух: или приказали снять кандалы, или выпустили из арсенала, а в оковах он обещал ходить сколько им угодно. Он задумал это, как сам объяснил нам, чтобы свидетельствовать перед ними и вразумлять, не отступят ли от своей давней и упорной привязанности к унии.

– Ибо, – говорил он, – если поступят со мною столь мягко, что освободят или из оков, или из тюрьмы, то снесут и мои речи против унии; если же не захотят позволить этой малейшей вещи, очевидно, не допустят большей и будут крепко стоять за унию. А затем, – пояснил он, – мы никак уже не можем надеяться на покой, который, как известно, отнят у нас в этом государстве во имя унии и с целью лишить Восточную Церковь, мать нашу, ее прав.

Поэтому он, когда увидел, что не желают позволить ему ни того, ни другого, смело начал возглашать:

– Не покинет государства этого меч и война, пока не сокрушат выю унии; благочестие, даст Бог, опять скоро зацветет, ей, ей, зацветет, а уния быстро погибнет.

И часто бывало так, что он, когда заметит из арсенала шляхтичей, говорит им через окно такие речи. Однажды пришел к отцу игумену тот брат, который ходил с ним к панам на суд, и говорит ему:

– Не хотели вас паны избавить ни от оков, ни от тюрьмы, а ведь война с казаками улегается.

За тем братом пришла и шляхта слушать, что отец игумен ответит на его слова, а он тотчас при всех произнес:

– Не уляжется война, ибо не хотят из государства изгнать унии.

Шляхта, услышав это, закричала:

– Ах, какой схизматик!

Раз, в присутствии князя и епископа, которых здесь не называем, приказали паны судьи привести к себе покойного в оковах, и спросил его епископ, действительно ли он проклиняет унию. Покойный сознался перед ним, говоря:

– Действительно, она проклятая.

А тот, не желая его больше слушать, ответил:

– Скоро ты увидишь язык свой перед собою в руках палача.

И приказал его отвести опять и посадить в тюрьму.

Когда миновал четвертый день сентября 1648 года и наступила ночь пятого числа, взяли покойного отца игумена из темницы и, расковав кандалы, проводили в обоз²⁰⁶. Говорят, что перед отправлением его в обоз иезуиты, знавшие об осуждении его на смерть, ночью приходили к нему в темницу и, как привыкли поступать всегда, сперва словами и обещаниями старались отвлечь его от православной веры, а потом стращали огненными муками. Но, милостью Божией ничего не успев, сами ушли вспять, а одного ученика своего послали к нему, побуждая, чтобы передумал и не губил себя. Но на это он велел ответить так:

– Пусть иезуиты знают, что как им приятно пребывать в прелестях мира сего, так мне приятно пойти теперь на смерть.

Что потом в обозе творили с ним, об этом ходят между многими людьми такие рассказы. Когда его ночью препроводили в обоз и хотели отдать бывшему там воеводе Берестейскому, пан воевода не желал его брать к себе и сказал:

– Для чего вы привели его ко мне? Он уже в ваших руках; делайте же с ним, что хотите.

Когда же, таким образом, начальник выдал его, его взяли к себе те, которые давно жаждали его крови²⁰⁷, и отвели в лесок, бывший недалеко от обоза, а от места²⁰⁸ в четверти мили, в левой стороне по направлению к селу Гершенович. Там его сперва припекали огнем, а один гайдук стоял тогда поодаль и слышал голос покойного отца игумена, как он им что-то грозно отвечал во время мучений. Потом вдруг закричали на того гайдука и велели ему зарядить ружье двумя пулями и в то же время приказали перед ним приготовить яму. Сначала требовали от покойного, чтобы он отрекся от своих слов об унии, но он ответил:

– Чтó сказал, – сказал, и с тем умру.

Тогда велели гайдуку выстрелить ему в лоб из ружья. Гайдук, видя, что он духовный и знакомый ему, не торопился, но сперва испросил у него прощение и благословение, а потом выстрелил в лоб и убил²⁰⁹. Покойный, уже простреленный двумя пулями в лоб навылет, еще стоял некоторое время, опершись о сосну как бы своей силой, так что его велели сбросить в приготовленную яму. Но и там он сам обернулся лицом к небу, сложил крестом руки на персях и протянул ноги; потом и нашли его так лежащим в названном месте. В ту ночь, когда замучили покойного, великий трепет напал на нас и на всех мещан от этих дел, и, хотя ночь была ясная и не виделось об лака даже в аршин величиной, молния была ужасная и разливалась по всему небу. И так лежал покойный, неведомо для нас, без погребения от 5 сентября до 1 мая, в течение восьми месяцев. Мы знали, что его уже нет на свете, но не ведали, где его тело, пока один мальчик, лет семи или восьми, не указал нам место, где оно было зарыто. Мы сперва желали увериться, подлинно ли это он или кто другой, потому что его могли оттуда тайно перевезти на другое место (земля, на котором лежало тело его, принадлежала иезуитам). Поэтому, дождавшись ночи, откопали его и, узнав, что это подлинно он, немедленно перенесли его в другое место. При теле его не нашли ничего из вещей, кроме одной рубашки – и то изорванной – и одного сапога. На другой

день с позволения полковника брестского перевезли игумена в монастырь Рождества Пречистой Богородицы, а несколько дней спустя (8 мая), совершив отпевание по чину церковному, похоронили его в склепике на правом клиросе в храме преподобного Симеона Столпника. Там и до сих пор тело его находится без истления²¹⁰. Знаки муки и смерти на теле его следующие: под пахами с обеих сторон кости голые, впрочем, тела по местам немного осталось, но и то от огня очень почернело; во главе три отверстия: два близ уха с левой стороны, в величину ружейной пули, а третье – с правой стороны за ухом, гораздо больше, нежели первые два, лицо у него все почернело от пороха и крови, язык из рта несколько вышел и усох промеж зубов: думаем, что его похоронили еще живого и это сделалось с ним от великой тяготы смертной. Бог благодатью Своею да утвердит и нас в благочестии и да пошлет терпение ради имени его святого».

Преподобный Афанасий был местно признан святым весьма скоро после своей кончины: в 1658 году, 5 января, Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерский, с Иосифом Нелюбович-Тукальским (с 1664 года митрополит Киевский) в письме к царю Алексею Михайловичу говорят, что тело Афанасия «откровенно быв, и доселе, дивну Богу во святых Своих, в Бресте пребывает нетленно». В 1666 году в Бресте было составлено на польском языке житие, в котором Афанасий называется «святым и преподобномучеником»²¹¹. Мощи его покоились сначала в медной раке, но в 1816 году, 8 ноября, сгорели вместе с деревянной церковью святого Симеона Столпника; остались лишь обожженные частицы, которые в присутствии молящихся были уложены на оловянном блюде и помещены в Благовещенской церкви монастыря. В 1823 году для частиц мощей была устроена рака и они поставлены открыто для всенародного чествования. В 1824 году монастырь был упразднен, его церковь обращена в приходскую и святые мощи помещались в крепостном Николаевском соборе; по сооружении же в городе Симеоновского каменного собора в 1865 году сюда были перенесены останки преподобного и здесь пребывают доныне.

Память святого Афанасия, как мученика за веру, на Юго-Западе Руси была настолько живуча и сильна, что не нуждалась ни в каких внешних уверениях и свидетельствах. Поэтому до нас не сохранилось записей его чудес вплоть до середины XIX века. Под 14 ноября 1856 года в местных записях отмечается следующее знамение Божие от мощей святого Афанасия. Помещик Владимирской губернии Николай Александрович Поливанов, возвращаясь из-за границы, должен был задержаться в Бресте вследствие тяжелой болезни десятилетнего сына Александра. Болезнь развивалась быстро, и не оставалось никаких надежд на выздоровление отрока. Пригласив местного священника для напутствия сына Святыми Тайнами, отец стал горько скорбеть, что здесь нет святыни, как в центре России, чтобы можно было прибегнуть к ней с горячей мольбой об исцелении ребенка. Священник ему сказал, что в Бресте имеется святыня – мощи преподобного Афанасия, и Поливанов стал просить привезти ковчег с мощами, отправить при больном молебствие и приложить его к ним. Благодетельное желание отца было исполнено, и как только ковчег с частицами мощей прикоснулся к Александру, страдания болящего тотчас же прекратились, и он, вопреки ожиданиям врачей, вскоре совершенно выздоровел. 15 августа 1857 года благодарный отец прислал в Брест серебряную с позолотой раку весом тринадцать с половиной фунтов, в которую и были торжественно переложены мощи святого Афанасия.

14 мая 1860 года записано следующее чудо от святых останков преподобного. Местный протоиерей Василий Соловьевич страдал грыжей, так что у него стали выходить наружу внутренности; доктора советовали больному сделать довольно тяжелую операцию, но он не согласился и стал готовиться к смерти; исповедавшись, он пожелал перед приобщением святых Таин отслужить молебен святому Афанасию, которого он весьма почитал; во время молебна внутренности его вошли на свое место; больной, к полному удивлению врачей, совершенно оправился и не испытывал больше приступов боли.

Так прославил Господь угодника Своего,
преподобномученика Афанасия Брестского.

Память преподобномученика Афанасия Церковь
празднуется 20 июля и 5 сентября.

Август

Воспоминание III Вселенского собора

(совершается Православной Церковью 9 сентября)

Арианские волнения²¹² привели Церковь к волнениям несторианским – к спорам о лице Богочеловека, разрешенным Церковью на III Вселенском соборе.

Ариане в подтверждение своих еретических воззрений ссылались на те изречения Священного Писания Нового Завета, которые указывают на уничижительное состояние Господа нашего Иисуса Христа во дни Его спасительного мессианского служения роду человеческому: в этих изречениях ариане видели доказательство справедливости своего богохульного утверждения, что Сын Божий ниже Отца, подчинен Ему. Защитники православного учения указывали еретикам, что изречения Священного Писания об уничижительном состоянии Господа Иисуса нужно относить не к Божественной, а исключительно к человеческой природе Христа Спасителя. Однако этот, справедливый по существу, ответ не исключал возможности такого недоуменного вопроса: «Если Христос одно говорил и совершал как Бог, а другое как человек, то не должно ли отсюда заключать, что естества во Христе были разделены, – что в едином Лице Его действовали две сущности и две отдельные воли?» Разъяснение, что Божеская и человеческая природы во Христе Спасителе не разъединены, но находятся в соединении, вызывало новое недоумение: если Христос есть Богочеловек, то есть полный Бог и полный человек, то как же понимать те места святого Евангелия, в которых Сам Господь говорил о Себе уничижительно? Блаженный Феодорит, приводя изречение Спасителя, что Он не знает о дне и часе Своего второго пришествия: О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец мой один (Мф.24:36), сопровождает это изречение следующим вопросом, показывающим необходимость полного выяснения учения об отношениях двух естеств во Христе, которое бы устраняло всякие возражения и недоумения: «Почему Слово носит имя

премудрости, как скоро подвержено немощи неведения?» – спрашивает блаженный отец.

Так арианство привело к новым недоумениям о лице Иисуса Христа, которые и вызвали несторианские споры. Правда, для решения их многое заключалось в писаниях святых отцов Церкви IV века, и ими бы можно вполне удовлетвориться. Но кичливый ум не хотел смириться пред великой тайной воплощения Сына Божия: не без основания утверждают, что едва ли бы в Церкви возникли новые волнения, если бы на попрание церковно-исторической жизни не появился Несторий.

Родина Нестория – сирийский город Кесария Германикийская на реке Евфрате; год рождения и родители его неизвестны. Святой Кирилл Александрийский свидетельствует только, что Несторий «вышел из грязи, и происхождение его было постыдно». Несколько лет своей молодости он провел в одном монастыре близ Антиохии и затем, уже по принятии священства, выдвинулся как хороший проповедник. Историки Церкви, Сократ и Маркелл, современники Нестория, отмечают красноречие последнего, причем первый говорит о нем как человеку талантливом, но малообразованном. Жизнь Нестория вел строго монашескую и в то же время, как свидетельствует Сократ, был «тщеславен, вспыльчив и легкомыслен». Без сомнения, Несторий был человек гордый и самолюбивый, не желавший ни пред чем и ни пред кем преклоняться; эта гордость и стремление к известности, по обвинению некоторых, и заставляли Нестория прибегать к показной святости в жизни и высокопарному слогу в проповеди. В 428 году, как человек с выдающимся ораторским талантом, Несторий был избран императором Феодосием II (408–450 гг.) в Константинопольские патриархи. Несторий, при вступлении на кафедру, проявил крайнюю нетерпимость, говоря во всенародном обращении к императору: «Дай мне, о царь, вселенную, очищенную от ересей, а я дам тебе небесное Царствие; поборай мне против еретиков, а я буду поборать тебе против персов»²¹³. В начальные годы патриаршества Нестория благодаря именно ему поднято было жестокое гонение на различных сектантов, доселе пользовавшихся в Константинополе некоторой

терпимостью: их заключали в тюрьмы, подвергали изгнанию, отнятию имущества, закрывали и разрушали их молитвенные дома. Из Константинополя это преследование всяких ересей и расколов распространилось и по другим частям империи, приводя, по местам, к кровавым столкновениям. Но ревностный гонитель ересей неожиданно для своей паствы сам оказался еретиком.

Впрочем, не нужно думать, что Несторий был в полном смысле слова родоначальником еретического учения, связанного с его именем. Семена ереси встречаются на несколько десятков лет раньше времени Нестория – в сочинениях его учителя Феодора Мопсуестского и учителя самого Феодора Диодора Тарсийского. Несторию, таким образом, принадлежит лишь дальнейшее развитие учения и, благодаря высоте его положения, смелость и решительность в распространении и защите еретического мудрования. Первое выступление Нестория, как проповедника и защитника несторианской ереси, историк Сократ описывает следующим образом: «При Нестории был пресвитер Анастасий, приехавший вместе с ним из Антиохии; Несторий весьма уважал его и в делах пользовался его советами.

Однажды, уча в церкви, этот Анастасий сказал: никто не должен называть Марию Богородицею, ибо Мария была человек, а от человека Богу родиться невозможно. В церкви произошло смятение. Несторий начал защищать Анастасия: ему не хотелось, чтобы человек, им уважаемый, был обличен в нечестивом учении; отчасти для защиты Анастасия, отчасти (и несомненно, главным образом) для распространения своих мыслей, Несторий стал часто проповедовать в церкви о том же предмете», открыто заявляя, что «Пресвятую Деву Марию не следует называть Богородицей, так как Она родила не Бога, а только человека, с которым, помимо Нее, соединилось Слово Божие, превечно рожденное от Отца; человек Иисус, рожденный от Марии, был только обителью Божества и орудием нашего спасения; этот человек, чрез наитие Святого Духа, стал Христом, то есть помазанником, и Слово Божие пребывало с ним в особом нравственном или относительном соединении» –

точнее «в соприкосновении» только, а не в соединении по естеству, как учит Православная Церковь. Обращаясь к разъяснению страданий и смерти Богочеловека, – как страдал Христос Спаситель и как Он умер, – Несторий пояснял: «Можно сказать, умер Сын Божий в несобственном смысле, ибо только человек Иисус умер и восстал; страдания Богочеловека возможны были только потому, что во Христе Божество было в разделении с человечеством». Что касается евангельских и апостольских изречений, где о Христе говорится «то в смысле уничижительном, то в смысле неизреченного превосходства», то Несторий, утверждая раздельность естеств во Христе, учил, что одни из этих изречений нужно относить ко Христу, как исключительно к человеку, другие как исключительно к Богу.

Заявление патриарха, что Пресвятую Деву должно называть не Богородицею, а человекородицею, вызвало в Константинополе всеобщее негодование, потому что употребление слова Богородица освящено было богослужебным и отеческим преданием²¹⁴, и, кроме того, Богоматерь была признаваема за особую покровительницу города. Видя это, Несторий предложил новое наименование Девы Марии – Христородица, а потом соглашался на принятие и церковного наименования с оговорками в смысле своего еретического заблуждения. Но уже понято было, что в данном случае дело шло не о словах, а о неизмеримо более важном: об основном догмате христианства – догмате воплощения Сына Божия. Против еретичествующего патриарха выступили с открытыми обличениями Прокл, пресвитер Константинопольский, впоследствии епископ Кизический, а затем патриарх Константинополя, и адвокат Евсевий, впоследствии епископ Дорилейский. Несторий назначил Проклу проповедь в день Благовещения. Прокл, воспользовавшись этим, начал проповедовать, имея, конечно, в виду Нестория, хотя и не называя его по имени, что Пресвятую Деву должно именовать Богородицею. Самое заглавие проповеди говорило об этом, как видно из следующего: «О вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа, о том, что святая Дева Мария есть Богородица, что Родившийся от Нее есть Еммануил, Который есть вместе

Бог и человек неслитно и непреложно». Евсевий же прервал однажды проповедь еретическую Нестория в кафедральном соборе таким громким восклицанием: «Ложь и богохульство! Воистину одно и то же Слово Божие и рождено Отцом в вечности и воплотилось во времени от Девы для нашего спасения». Затем на воротах Константинополя усмотрен был прибитый к ним свиток, – предполагают, что автор его тот же Евсевий, – где Несторий обвинялся в возобновлении уже осужденной в III веке ереси Павла Самосатского; свиток заключал обвинение словами: «Анафема отделяющему Сына Божия от Сына Марии!»

Пользуясь покровительством императора, Несторий начал жестоко преследовать тех противников его еретического учения, каких он находил среди константинопольского клира и монастырей. Но дело Нестория, привлечшее к себе столь сильное внимание и возбудившее в столице столько горячих толков, естественно, получило огласку и за стенами Константинополя. «Из какого бы города, – пишет святой Кирилл Александрийский, – из какой бы веси не приходил кто, каждый спрашивает: что это за говор всеобщий, что за новое учение распространяется по церквам?» С подобным вопросом пришли к самому Александрийскому патриарху святому Кириллу (412–444 гг.) некоторые монахи из египетских скитов: «Правду ли говорят, – спрашивали они святителя, – что нашлись где-то учителя, которые проповедуют, что Пресвятую Деву нельзя называть Богородицей?» Узнав, таким образом, от иноков, что в монастырях его епархии обращаются еретические проповеди Нестория, святой Кирилл выступил на защиту православного учения. Как выдающийся богослов своего времени, как человек решительный и твердый и, наконец, как епископ одной из важнейших кафедр Восточной Церкви, святой Кирилл занимал первенствующее положение в борьбе православных с несторианством. Свою борьбу с Несторием святой Кирилл открыл посланием «К отшельникам», то есть египетским монахам. В этом послании, не называя Нестория по имени, святой Кирилл осуждает учение последнего, доказывая путем богословских умозрений, основанных на учении Священного

Писания, предания апостольского и святоотеческого и учения Никейского символа, что Иисус Христос был истинный Бог и истинный человек: «Из двух естеств, Божества и человечества, един Еммануил, един Господь Иисус Христос, един истинный Сын Бог и вместе человек, не человек, обоготворенный, подобный тем, кои благодатью соделываются причастниками Божественного естества, но истинный Бог, Который ради нашего спасения явился в человеческом образе». Если же Господь Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек, то Пресвятая Дева Мария, как родившая Богочеловека, есть воистину Богородица. Вместе с этим святой Кирилл обратился с особым рассуждением о православной вере к императору Феодосию и с подобным же, но более обширным, рассуждением к императрице Евдокии и сестре императора Пульхерии.

Узнав о действиях святого Кирилла и будучи осведомлен, что послание «К отшельникам» получило значительное распространение вне египетских скитов и дошло даже до Константинополя, Несторий пришел в беспокойство и стал негодовать на святого Кирилла Александрийского. Тогда сторонники Нестория написали два послания: одно против послания «К отшельникам», а другое под заглавием «Против тех, кои в учении о соединении естеств во Христе или унижают Божество Единородного, или обоготворяют человечество». Об этом сделалось известно святому Кириллу чрез «достопочтенных» и заслуживающих доверия мужей. Чтобы выяснить дело и не основываться на одних недоразумениях, святой Кирилл решил обратиться с посланием к Несторию. Здесь он указывает причины появления его послания «К отшельникам». Оно было делом необходимости: смущение в вере от поучений Нестория, недовольство ими, выражаемое приходившими к Кириллу от всех Церквей Восточных и, наконец, запрос папы Целестина с епископами из Рима, куда проникли слухи о новом учении, – все это заставило Кирилла прервать молчание. «Вместо того чтобы поносить меня, – советует в заключение святой Кирилл Несторию, – лучше бы тебе исправить свои слова, дабы прекратить соблазн во Вселенской Церкви. Поверь, что лучшим средством в этом

случае будет сказать соблазнившимся слово, назвать святую Деву Богородицею, дабы мы и все другие могли в мире и единении совершать общественное богослужение». В ответ на это послание святого Кирилла Несторий для объяснения между ним и патриархом Александрийским избирает пресвитера Лампона; последнего он отправил с письмом от своего лица; заключительные строки письма гласили: «Опыт покажет, какой будет плод для нас от настойчивости благоговейнейшего пресвитера Лампона». Таким «плодом» было второе послание²¹⁵ святого Кирилла Несторию, представляющее собою возвышенное богословствование о догмате воплощения Слова Божия. Трогательно заключение послания: «Пишу к тебе эти слова, – говорит святой Кирилл Несторию, – побуждаемый любовью во Христе, и как брату советую тебе и умоляю пред Богом и святыми Ангелами Его одинаково с нами мыслить и учить, дабы сохранился мир церковный и чтобы союз единомыслия и любви пребыл неразрывным между священниками Божиими. Приветствуй братию, находящуюся при тебе; тебя приветствует братия, находящаяся со мною». Несторий ответил и на второе послание святого Кирилла особым посланием, в котором, вместо сознания своих заблуждений и готовности исправить их, наоборот, отстаивает свое лжеучение и даже в словах, полных гордости и насмешки, укоряет и призывает к исправлению самого святого Кирилла.

Видя всю бесполезность сношений с Несторием, святой Кирилл решает обратиться за содействием в Рим к папе Целестину (422–432 гг.); хотя он раньше и находился в разрыве с Римским епископом²¹⁶, но теперь, ввиду надвигавшегося общецерковного бедствия, примиряется. В послании к папе Целестину святой Кирилл обрисовывает истинное положение дел в Восточной Церкви, созданное Несторием, и отсюда объясняет и свое обращение к папе, и свои действия по отношению к Несторию. «Признаюсь, – пишет святой Кирилл, – я соборною грамотою хотел довести до его (Нестория) сведения, что мы не можем входить в общение с тем, кто так говорит и мыслит; но прежде чем решиться на такой разрыв сношений, я заблигорассудил наперед сделать сношение с

твоим благочестием: благоволи письменно изложить свое мнение о том, должно ли нам еще иметь общение с ним». В подтверждение своих слов об еретичестве Нестория святой Кирилл посылает папе беседы, говоренные Несторием в церкви, сделав предварительно их перевод.

Папа Целестин осудил Нестория на Поместном Римском соборе 430 года, и ответ его святому Кириллу был в высшей степени благоприятен для последнего. Папа огорчился «нечистым» учением Нестория и находит для себя утешение в благочестии Кирилла. Становясь на почву христианского терпения, папа по отношению к Несторию считает за лучшее такое решение: сначала должно подать Несторию голос предостережения и только после этого, в случае его упорства, «нужно отсечь больной член, от которого страдает не он один, а поедается все тело Церкви». Папа уполномочивает святого Кирилла объявить Несторию от своего имени и от имени его, папы, чтобы Несторий, под страхом низложения и отлучения, в десятидневный срок отрекся от своего заблуждения и обратился к вере, содержащей Римом, Александрией и всей Вселенской Церковью.

Между тем Несторий, воспользовавшись одним недоуменным случаем канонического характера, обратился к папе Целестину тоже с посланием. Объяснив повод, вынудивший его обратиться к Римскому епископу, Несторий переходит к объяснению догматических волнений, возникших в Восточной Церкви; здесь он недобросовестным образом излагает учение святого Кирилла о воплощении Слова Божия, приписывая Александрийскому епископу чуждые ему мысли; опровергая Кирилла, Несторий излагает свое учение. Не получая ответа от папы, Несторий обращается к нему со вторым, подобным первому, посланием. Наконец пришел ответ от папы, в котором последний, призывая Нестория к исправлению в его нечестии, объявляет ему, что доказательством такого исправления должно служить воссоединение с Церковью всех, отлученных Несторием за несогласие с ним.

Для изъяснения раскаяния Несторию, как и ранее в послании святому Кириллу, папа назначает десятидневный срок. В то же время Целестин обратился с обширным посланием к клиру и народу константинопольскому и с менее обширными посланиями к Ювеналию, епископу Иерусалимскому, Флавиану Филиппийскому, Руфу Фессалоникийскому и Иоанну Антиохийскому, воспитывавшемуся с Несторием в одном монастыре близ Антиохии; в этих посланиях папа обличал заблуждение Нестория, сообщая о том осуждении, какое предстоит последнему в случае его упорства. И святой Кирилл также писал некоторым восточным епископам, излагая сущность спора между ним и Несторием. От престарелого Акакия Берийского, Иоанна Антиохийского и других он получил ответы: в них не одобрялось развиваемое Несторием учение, но вместе с тем находилась просьба не доводить дело до открытого разрыва.

После соглашения с Римом святой Кирилл препроводил полученное от папы послание к Несторию с посланием от имени Александрийского собора, в котором от Нестория требовалось письменное с клятвой отречение от его заблуждения. Послание это заканчивалось знаменитыми в истории несторианства анафематизмами, числом двенадцать, излагающими спорные пункты между святым Кириллом и Несторием по вопросу о воплощении Сына Божия²¹⁷.

Патриарх Антиохийский Иоанн, друг Нестория, советовал последнему подчиниться и принять слово Богородица. Несторий торжественно заявил, что он готов признать наименование Богородица, поскольку рожденный от Девы человек Иисус соединен был с Богом Словом. Но против анафематизмов святого Кирилла он восстал со всею решительностью; в особом сочинении Несторий по пунктам, тоже в числе двенадцати, представил свои опровержения анафематизмов; здесь, по недостатку богословских познаний, Несторий высказал явно еретические мнения, что оттолкнуло от него и некоторых из его сторонников.

Во время этого обмена посланиями святого Кирилла Александрийского, Нестория и папы Целестина между собой, несторианские волнения глубоко взволновали верующих, которые разделились на две стороны: одна держалась учения, признанного затем на III Вселенском соборе православным, другая же стояла за несторианскую ересь. К первым принадлежали те поместные Церкви, члены которых в IV веке являлись поборниками Никейского символа. Во дни ожесточенных арианских волнений главным противником этой ереси была Александрийская Церковь, руководимая своим архиепископом святым Афанасием. И теперь, при несторианских спорах, главным защитником православия, как видим, был святой Кирилл, патриарх Александрийский. Отцы Египетской Церкви заявляли на III Вселенском соборе: «От епископов Египетских требовать отчета в православной вере излишнее дело. Ибо всякому очевидно, что мы следуем вере святейшего Кирилла». Таких отцов, примыкавших к святому Кириллу, было на III Вселенском соборе пятьдесят. Церковь Римская и теперь, как ранее во времена арианских волнений, присоединяется к Церкви Александрийской. То же самое должно сказать о Фессалонике, Македонии, Иллирике и Иерусалиме. Наконец, во дни арианства ревностными защитниками Православия были монахи, и во время несторианских движений монахи, начиная с Константинополя, повсюду, держась православия, относятся к несторианству, как к ненавистному и богохульному учению. Относительно же сторонников Нестория замечается подобное же явление: за него боролись те же страны и церкви, которые боролись за арианство. Антиохия Сирийская, гнездо арианства, была тем же самым и по отношению к несторианству. Все вожди несторианского движения вышли отсюда, Иоанн, архиепископ Антиохийский, объявляя себя другом Нестория и поименовывая при этом наиболее видных епископов своего округа, замечает о них, что они тоже относятся к Несторию «с любовью» и считают его дело «своим собственным делом». Ранее из Константинополя «раскидывались тенета для уловления приверженцев (арианскому) нечестию». Несторий из Константинополя тоже с

успехом приобретал себе сторонников, и здесь он пользовался со стороны некоторых такою любовью, что даже после его изгнания, последовавшего за соборным осуждением, народ, по кончине его преемника по кафедре Константинопольской Максимиана, восклицал: «Да будет Несторий снова епископом в столице!» Сторону Нестория держат епископы Ираклийский, многие Сирийские, Азийские и Понтийские; вообще, можно сказать, что Азия склонилась к несторианской ереси, как ранее склонилась к арианской.

Отмеченное различие православных и несториан в воззрениях на догмат воплощения или, точнее, на соединение естеств во Христе Иисусе коренилось в различном решении ими основного вопроса об отношении веры к знанию. Защитники православного учения против несториан примыкают здесь к воззрениям святого Афанасия Александрийского, святого Василия Великого и святого Григория Богослова – в исследовании вопросов веры разуму должен быть положен предел, ибо вера выше разума.

«Зачем, – спрашивает святой Кирилл, – мне заботливо исследовать Писание, а не мудрствовать в простоте сердца согласно с ним?»

Касаясь святейшей и величайшей тайны нашего спасения – тайны воплощения Слова Божия, – тот же святой отец замечает: «Прими благоволение Отца, даровавшего нам собственного Сына. Не исследуй, прошу, этого дела. Оно не поддается разуму языческой мудрости и обыкновенному пониманию – чуждо того и другого». «Какая необходимость предлагать всем эти вопросы (о воплощении), столь утонченные и сокровенные? Не больше ли бы пользы принесли мы людям изъяснением нравственного учения, когда мы еще неспособны с надлежащею верностью проникать в догматическое учение?» Подобных мыслей держался и папа Целестин. В изысканиях о вере папа призывает к чрезвычайной осторожности: «Надобно более бояться и не высокоумствовать, углубляясь в изыскания; не должно, как сказано, исследовать предметов высших себя». Относительно же истины воплощения Слова Божия папа запрещает какие бы то ни было исследования разума: «Пусть, –

говорит он, – устранился вопрос о рождении (Христа), который всякий истинно верующий должен решить в простоте сердца, ибо кто осмелится испытать Бога?» Другой видный защитник Православия и приверженец святого Кирилла Феодот, епископ Анкирский, призывает разум к молчанию при виде истины воплощения Христова: «Не спрашивай меня, – поучает он, – об образе чудес Божиих, ибо скажу тебе: чудеса показывают только, что совершилось, а знать образ совершения я предоставляю Богу». Не задавай вопроса: «Каким образом Бог пребывает Богом и делается человеком? Верь чуду и не испытывай умом совершившегося». Не таких воззрений, но совершенно обратных, держались несториане: они усиливались постигнуть величие Божие способом человеческого исследования.

Видя себя осужденным Римом и Александрией, Несторий единственным выходом из своего затруднительного положения считал созвание Вселенского собора для рассмотрения спорного вопроса.

Того же желали и некоторые из защитников Православия. Поэтому в ноябре 430 года император Феодосий II от себя и от имени западного императора издал повеление о созыве собора в Ефесе, как городе, где Божия Матерь в последние годы Своей жизни имела местопребывание. Временем открытия собора назначалась ближайшая Пятидесятница. Каждый из митрополитов должен был взять с собою на предстоящий собор такое число епископов, какое находил необходимым, сообразуясь с нуждами митрополии, чтобы на месте оставалось необходимое число епископов для исполнения архипастырских обязанностей. Наблюдение за «благоприличием» или ходом дел на соборе, без права вмешательства в исследования членов собора о догматах, указом императорским поручено было придворному сановнику Кандидиану.

С совершенно противоположными воззрениями и намерениями съехались в Ефес епископы еретичествующие и епископы православные. Несторий и его единомышленники созыв собора поняли, как позволение произвести «новый пересмотр церковного учения»; святой же Кирилл и его

сторонники, напротив, понимали, что вопрос о воплощении Сына Божия – дело веры, а не разума. Несторий прибыл в Ефес вскоре после Пасхи (19 апреля) с шестнадцатью епископами и со своим другом вельможею Иринеем. Святой Кирилл Александрийский явился на собор с пятьюдесятью епископами, множеством мирян и монахов, имея, при этом, полномочия от папы Целестина. Около сорока епископов было у Мемнона, митрополита Ефесского. От Африканской Церкви не было ни одного представителя вследствие нашествия вандалов; лишь Каприол, епископ Карфагенский, написал послание, прося отцов собора не вводить никакого новшества. Папа Целестин в качестве представителей и своих и «всего собора западного» отправил на собор в Ефес двух епископов и одного пресвитера с наказом им руководиться суждением Кирилла Александрийского. Представители папы, однако, не успели к началу собора. Тем не менее собралось около двухсот епископов. Кандидиан, следуя данной ему императором инструкции, распорядился, чтобы все монахи и пришлые миряне оставили Ефес и чтобы ни один епископ не покидал города ни в коем случае, пока не окончатся заседания собора. Между тем друг Нестория Иоанн Антиохийский с епископами своего округа все еще не являлся, вследствие затруднения созвать епископов, не могших выехать раньше окончания пасхальной недели, отчасти вследствие смятения в его городе, вызванного недостатком провизии и, главным образом, вследствие плохого состояния дорог по причине дождей. Так прошло шестнадцать дней после срока, назначенного императорским указом для открытия собора. Святой Кирилл, принявший председательство на соборе, решил открыть последний, не дожидаясь Иоанна Антиохийского. Святой Кирилл так действовал из ревности о славе Богородицы, в исполнение точного требования императорского указа рассмотреть дело без всякого промедления и после извещения двух сирийских епископов, посланных вперед Иоанном: «Господин епископ Иоанн, – доложили они, – повелел сказать вашему благочестию: делайте свое дело». Нестория и единомышленников с ним епископов три раза чрез особую

депутацию, состоявшую из епископов, приглашали на собор: первый раз пред самым открытием собора, а второй и третий – после открытия. Первая депутация получила от Нестория двусмысленный ответ: «Посмотрю и, если мне нужно будет прийти, приду»; вторая и третья депутации не были даже допущены до Нестория.

22 июня 431 года под председательством Александрийского патриарха Кирилла в главном храме Ефеса открылся собор не менее ста шестидесяти епископов, главным образом из Александрии, Египта, Иерусалима, Палестины и Иллирика; шестьдесят восемь епископов, сторонников Нестория, заявили протест против открытия собора до прибытия Иоанна Антиохийского; этот протест поддерживал и чиновник императора Кандидиан. Но когда он явился на собор, то отцы попросили его, по прочтении им царского указа о правах и обязанностях собора, удалиться. При разрешении вопросов, поднятых несторианством, отцы собора за руководственное начало взяли учение символа Никейского, который не раз прочитывался на соборе, причем отцы собора нарочито постановили хранить Никейский символ в совершенной целости: «Святой собор определил, – читаем в деяниях III Вселенского собора, – не позволять никому произносить, писать или слагать иную веру, кроме определенной святыми отцами, сошедшимися в Никее».

С прочтения Никейского символа и открылось первое заседание отцов III Вселенского собора; за ним следовало чтение второго послания святого Кирилла к Несторию, встреченное отцами собора высокими знаками одобрения за его согласие с Никейским символом. Прочитано было письмо Нестория в ответ святому Кириллу, причем отцы произнесли анафему как автору письма, так и его учению. Среди других, читанных на первом заседании собора, документов оглашено было и третье послание святого Кирилла Несторию, содержащее так называемые «анафематизмы»; оно тоже с одобрением было принято собором. Затем, по предложению святого Кирилла, постановлено было расспросить некоторых епископов и об устных беседах Нестория; сообщения епископов,

которым пришлось иметь разговор с Несторием в Ефесе, не оставляли сомнения, что Несторий богохульно мыслил о Божественном достоинстве Исккупителя. Для более тщательного выяснения православного учения о соединении естеств во Христе Спасителе читан был особый свод изречений из сочинений, чтимых всею Церковью отцов: святого Петра, епископа Александрийского, святого Афанасия Великого, Юлия, папы Римского, святого Феликса, папы Римского, Феофила, епископа Александрийского, святого Киприана Карфагенского, Амвросия, епископа Медиоланского, Григория Богослова, Василия Великого, Григория Нисского, Аттика, епископа Константинопольского, Амфилохия, епископа Иконийского.

Потом отцы собора нашли нужным с этими извлечениями из сочинений отцов сопоставить извлечения из сочинений Нестория; последние вызвали всеобщее неодобрение.

Решив спорный вопрос о соединении естеств во Христе в том смысле, что «два естества – Божеское и человеческое – соединены во Христе нераздельно и неслиянно», отцы III Вселенского собора в том же первом заседании решили и вопрос о низложении Нестория. Отцы собора составили следующий приговор: «Так как нечестивейший Несторий сверх прочего не захотел повиноваться нашему приглашению и не принял посланных от нас святейших и благочестивейших епископов, то мы вынужденными нашлись исследовать нечестивое его учение. Открыв же частью из его писем, частью из других сочинений, частью из бесед, которые он недавно имел в этой митрополии (то есть Ефесе) и которые подтверждены свидетелями, что он и мыслит и проповедует нечестиво, мы вынуждены были, на основании канонов и послания святейшего отца и сослужителя нашего Целестина, епископа Римского, произнести против него, хотя не без горьких слез, следующее определение: Господь наш Иисус Христос, на Которого он изрыгает хулы, устами этого святейшего собора определяет: лишить его епископского сана и отлучить от общения церковного». Приговор соборный на другой день объявлен был Несторию в такой форме: «Святой собор, собранный благодатью Божьею, по повелению благочестивейших и

христоролюбивейших наших императоров, в митрополии Ефесе, Несторию, новому Иуде. Знай, что ты, за нечестивые твои проповеди и противление канонам, 22-й день текущего месяца июня, на основании церковных правил, низложен святым собором и лишен церковной степени». Этот приговор подписали более двухсот епископов²¹⁸.

По осуждении Нестория собор уведомил об этом Константинополь особым посланием, адресованным Константинопольским клирикам и экономам Константинопольской церкви; составлено и послано было от лица собора и донесение императору, где, с изложением хода соборных занятий, находилась просьба, чтобы император повелел истребить в церкви все учение Несториево, книги его – где они найдутся – сжечь, и всем, кто осмелился бы последовать учению Нестория, пригрозить гневом императорского величия. Вслед за этим посланием к императору поступило донесение от Нестория, где содержатся обвинения на собор святого Кирилла и где Несторий оправдывает свое отношение к порицаемому им собору. Между тем 27 июня прибыл в Ефес Иоанн Антиохийский с четырнадцатью восточными епископами. От православных епископов Иоанну была послана навстречу особая депутация для склонения его на сторону уже состоявшегося решения собора, но Иоанн депутации не принял. На другой день по прибытии Иоанн составил свой собор, на котором присутствовало не более сорока трех епископов. Собор этот, известный под печальным наименованием «Отступнического», низложил Кирилла Александрийского и Мемнона, епископа Ефесского, как «зараженных неизлечимой болезнью»; прочих же епископов, единомысленных Кириллу, отлучил лишь от общения, пока они в знак раскаяния не произнесут осуждения на «еретические» анафематизмы Кирилла Александрийского. Об определении своего собора Иоанн и его сочлены отправили донесения императору, императрицам, клиру, народу и сенату Константинопольскому. Во всех этих посланиях Иоанн доказывает правоту своих действий и обвиняет Кирилла. Узнав о деяниях Иоанна, Кирилл и Мемнон снова приглашают

собратье епископов на собор для обвинения Иоанна в незаконных действиях, так как Иоанн не пригласил на свой собор обвиненных последним епископов. На собор прибыли 10 июля и замедлившие в пути легаты Римского папы. Ознакомившись с деятельностью собора под председательством святого Кирилла, они встали на сторону православных. Собор трижды приглашал Иоанна Антиохийского на свои заседания, чтобы он доказал справедливость его обвинений на Кирилла, но Иоанн отказался, почему собор Вселенский решил отсечь Иоанна и его сторонников от церковного общения и дать знать об этом императорам. Так в Ефесе образовались две враждебные стороны епископов, угрожавшие одна другой и отлучавшая друг друга. Чтобы выяснить истинное положение дела пред императором, которому оно было представлено в неблагоприятном свете для православных Кандидианом, державшим сторону еретичествовающих, православные епископы послали императору просьбу: отозвать Кандидиана и позволить пятерым из них лично явиться ко двору. К этому письму присоединены были деяния собора, просмотренные святым Кириллом. Но Кандидиан закрыл все пути к Константинополю, чтобы послание не дошло по назначению. Тогда отцы собора вручили нищему послание епископам и монахам Константинополя с изображением хода соборных дел и стеснений, претерпеваемых православными в Ефесе. Нищий пронес письмо в Константинополь в палке. По получении послания в столице началось сильное возбуждение, главным образом в монастырях: обитатели последних, с пением антифонов, отправились ко дворцу императора. Среди иноков самым выдающимся был преподобный Далмат. В течение сорока восьми лет он пребывал безвыходно в затворе, не покидая его даже тогда, когда сам император просил его участвовать в торжественных крестных ходах по случаю землетрясения. Божественный голос свыше повелел теперь преподобному покинуть затвор. Преподобный Далмат и другие были допущены к императору. Великий подвижник показал ему послание из Ефеса, изложил жалобы православных и спросил: лучше ли

присоединяться к одному нечестивцу, чем в множестве епископов, рассеянных по вселенной и представленных своими собратьями в Ефес? «Соучастники Нестория, – говорил преподобный, – во множестве приходят (в Константинополь) и уходят невозбранно, а православные епископы в стеснении». Тронутый, Феодосий дал обещание вызвать в Константинополь доверенных от собора. Император действительно вскоре сдержал свое обещание, и епископы, посланные от православной стороны, выяснили императору и вообще в Константинополе создавшееся в Ефесе положение, так что дело приближалось к окончательному решению в пользу Православия и святого Кирилла. Но в это время прибыл в Константинополь сильный связями при дворе сторонник и друг Нестория и Иоанна вельможа Ириней. Он добился пересмотра дела. И в результате святой Кирилл и его собратья епископы были обвинены, как делавшие все «самовластно и противозаконно, и потому (они) подлежат отлучению от Церкви и другим наказаниям». Уже приготовлена была бумага для подписи императору, и лишь прибытие домашнего секретаря Кирилла Иоанна, сумевшего восстановить поруганную правду, разрушило козни Ириней настолько, что мнения сановников, пересматривавших дело, разделились.

Император, очевидно потерявшийся среди этих взаимных обвинений и донесений, решил для умиротворения спорящих низложить Нестория, святого Кирилла и Мемнона. С таким указом он и посылает в Ефес комита Иоанна, назначенного на место Кандидиана, с поручением, кроме того, сделать то, что он признает полезным относительно веры. Иоанн ничего не мог сделать в Ефесе по причине царившего там величайшего смятения; взаимное ожесточение сторон было так сильно, что Иоанн не добился примирения. Он заключил под стражу святого Кирилла, Мемнона и Нестория и донес императору о безуспешности своей миссии. Наконец император, склоняясь к общим просьбам, устроил в Халкидоне совещание из шестнадцати епископов, прибывших сюда из Ефеса (по восемь от соперничавших сторон). На совещании этом, веденном в присутствии императора, открылась возможность отцам

православного собора доказать истинность постановлений последнего и свою правоту. Благодаря этому, еще до роспуска совещания, в Ефесе было получено предписание освободить с восстановлением в прежних правах святого Кирилла и Мемнона; Несторий же «увольнялся в место своего прежнего пребывания, то есть в Антиохию, откуда прибыл на престол Константинопольский». По прошествии некоторого времени епископы, заседавшие в Халкидоне, переведены были в Константинополь; православным епископам, затем, повелено было избрать преемника Несторию; был избран и рукоположен Максимиан, инок отшельнического и нечестолюбивого характера. Относительно же Нестория был издан следующий декрет к Исидору Преторианиту, префекту и консулу:

«Хотя известно, что мы занимаемся делами общественными, однако же к не меньшей заботливости с нашей стороны относится утверждение кафолической веры; охранением веры мы надеемся служить благу общественному. Поэтому, когда Несторий, бывший пастырь Кафолической Церкви, а теперь изменник вере, вдался в такое страшное злочестие, необходимо, чтобы он подвергся и суду нашей светлости и получил наказание, достойное его поведения, за то, что отвержением законов досточтимой Церкви сделался виновником ужасной ереси; и как он повредил веру тех, которых склонил к участию в измене, то и должен принять на себя вину чужой измены. Поэтому ты, по своей власти и с свойственным тебе правом, да повелишь упомянутого Нестория, за оказанное им нечестие, подвергнуть всегдашнему изгнанию в Петру²¹⁹, а все имение его передать Константинопольской Церкви для умножения сокровищ того священнейшего места, таинства которого он нарушил. Ибо таким образом в душах людей сохранится благолепие к святейшей вере и, при утверждении благочестия, процветет благоденствие нашей империи».

Прочим епископам повелено было возвратиться в свои страны и города. Святой Кирилл возвратился в Александрию 30 октября и принят был паствою с величайшим восторгом и честью. Несторий же из Петры через некоторое время перемещен был в отдаленный Египетский оазис Ибис; здесь он

был взят в плен кочевниками; отпущенный ими, он вскоре умер в совершенной неизвестности от старости и изнурения. На последователей Нестория было воздвигнуто жестокое гонение; уцелевшие от него бежали в Персию, где в течение долгого времени пользовались особым покровительством государства.

Так разрешились к торжеству Православия бурные прения, поднятые Несторием и взволновавшие весь христианский мир. Но, к великому сожалению, это торжество не было внутренним примирением враждующих сторон. Епископы, с Иоанном Антиохийским во главе, отбыв из Ефеса, составили на пути, в Тарсе, а потом и в Антиохии, собор, на котором решено было протестовать против низложения Нестория; причем было подтверждено состоявшееся в Ефесе определение о низложении святого Кирилла. Только непременная воля императора, чтобы «споры были прекращены и водворился мир Господень», остановила раздоры; конец же вражде положила впоследствии деятельность того же святого Кирилла²²⁰, этого великого борца за правую веру и мудрого ревнителя церковного мира.

Воспоминание IV Вселенского Собора

(совершается Православной Церковью 16 июля)

Вселенский собор Ефесский не положил конца распрям о Лице Богочеловека, не примирил несторианствующих и православных. Но вскоре, однако же, в тридцатых годах V века, это примирение достигается посредством унии, то есть единения, почти прекратившего, было, разделение церковное.

Император Феодосий Младший, видя, что собор Ефесский не достиг умиротворения церковного, тотчас после собора обратился к Иоанну Антиохийскому с требованием войти в общение со святым Кириллом Александрийским. Вначале Иоанн и его приверженцы хотели восстановить этот мир несправедливою ценою – ценою требования, чтобы святой Кирилл отказался от всех своих сочинений, где им раскрывалось учение о Лице Богочеловека: такой отказ был бы равносителен отрицанию догматической деятельности только что закончившегося Ефесского Вселенского собора. Святой Кирилл, конечно, не согласился на это и, наоборот, обратился к Антиохийским епископам с кротким и справедливым предложением отказаться от еретических (несторианских) мыслей, присоединиться к решению Ефесского Вселенского собора о низложении Нестория и признать законным пастырем архиепископа Константинопольского Максимиана, избранного на место низложенного Нестория Ефесским собором из лиц, единомысленных святому Кириллу. В ответ на это святому Кириллу, по его собственным словам, «вручено было письмо от Иоанна, заключающее в себе не то, что следовало, написанное не как должно было – в тоне насмешки, а не соглашения. Ибо, – говорит святой Кирилл, – вместо того, чтобы успокоить меня в печали, причиненной событиями предшествующими и их (то есть Антиохийских епископов) собственными поступками в Ефесе, они сочли благовременным излить на меня свой гнев, порожденный как бы ревностью их к святым догматам». Но стремясь к миру церковному, святой Кирилл не переставал прилагать усилий к его достижению. И Господь благословил

труды великого архипастыря; плодом их было то, что Иоанн Антиохийский от всех епископов Антиохийского округа прислал святому Кириллу исповедание веры, сущность которого заключалась в следующем: «Мы, – писали Антиохийские епископы, – исповедуем, что Господь наш Иисус Христос единородный Сын Божий есть совершенный Бог и совершенный человек, состоящий из разумной души и тела, что Он рожден прежде веков от Отца по Божеству, а в последнее время ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы по человечеству, что Он единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству, ибо в Нем совершенное соединение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основании такого неслиянного соединения мы исповедуем Пресвятую Деву Богородицу, потому что Бог-Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собою храм, от Нее воспринятый. Известно, что богословы одни из евангельских и апостольских изречений о Господе признают общими, как принадлежащие одному лицу, другие же, по причине различия двух естеств, принимают отдельно, и те из них, которые приличны Богу, относят к Божественности Христа, уничижительные же к Его человечеству»²²¹. В конце послания находилось анафематствование Нестория и его учения с заявлением о принятии в общение Максимиана. Это исповедание Иоанна и единомысленных с ним епископов святой Кирилл Александрийский принял как дар с неба и признал его вполне православным. Мир церковный начал водворяться, и стали затихать распри, как видно из следующих выражений послания Иоанна Антиохийского в 437 году: «Все епископы Востока (то есть Антиохийского округа), как и епископы всего прочего мира, осудили Нестория и согласились на его низложение. Мы сделали и объявили, что надлежало, вот уже четыре года. Все епископы приморские согласились и подписались. Епископы второй Финикии, киликийцы сделали это прошлым годом; арабы чрез своего епископа Антиоха; страны Месопотамские, Озраены, Евфрата и вторая Сирия одобрили все то, что мы сделали. Мы уже давно получили

(благоприятный) ответ со стороны исаврийцев; все епископы первой Сирии подписались с нами».

Однако, при крайнем напряжении церковной жизни около вопросов, поднятых несторианством, уния не могла не встретить осуждения со стороны некоторых, недовольных ею, и в Александрии, и в Антиохии. Особенно опасны были для церковного мира те противники соглашения церковного между Александрией и Антиохией, которые вышли из рядов почитателей святого Кирилла. Это были предтечи вскоре появившейся монофизитской ереси. Они почитали изменой Православию общение святого Кирилла с Иоанном Антиохийским и видели ересь в учении святого Кирилла о двух естествах во Христе. Святой Кирилл все сделал с своей стороны, чтобы «заставить замолкнуть врагов из числа своих прежних друзей». Он, применяясь к их воззрениям, не уставал изъяснять, что учением о двух естествах во Христе не исключается учение о их соединении. Но упорные в своем заблуждении, бывшие друзья святого Кирилла не внимали его разъяснениям и увещаниям, и великий иерарх сошел в могилу, не имея уверенности, что состоявшаяся, к его великой радости, уния будет прочна.

Чем далее шло время, тем более возрастало число сторонников и защитников унии, что еще сильнее озлобляло врагов ее, вышедших из рядов бывших почитателей святого Кирилла. Несмотря на свою многочисленность, они вели себя сдержанно, пока был жив святой Кирилл, пользовавшийся высоким уважением в Церкви. Но с его смертью положение дел изменилось. Враги унии из александрийцев начали открыто и усиленно действовать против нее во имя Православия, а в действительности во имя своего еретического учения, известного в истории Церкви под именем монофизитства²²². Главным представителем монофизитской ереси был Евтихий – архимандрит одного монастыря в Константинополе. Во дни III Вселенского собора Евтихий показал себя ревностным сторонником святого Кирилла Александрийского в его борьбе с ересью Нестория: «Когда Несторий противился истине, Евтихий стал за истину». Такая деятельность Евтихия заслужила ему

уважение святого Кирилла: после III Вселенского собора святой Кирилл прислал Евтихию экземпляр описания деятельности только что закончившегося собора. Но Евтихий, как и все александрийцы, противившиеся унии, почитал святого Кирилла только как борца за Православие против Нестория; деятельность же святого отца во время и после унии он считал ошибкой, если не изменой православию. Евтихий, поэтому, не признавал сочинений, написанных знаменитым Александрийским архиепископом в целях приготовления унии и для защиты ее. В этих сочинениях развивалась и усиленно утверждалась мысль о двух естествах в Лице Господа Иисуса Христа, что совершенно противоречило еретическим монофизитским воззрениям Евтихия, который учил: «После воплощения Бога Слова я поклоняюсь одному естеству – естеству Бога воплотившегося и вочеловечившегося»; «Исповедую, что Господь наш состоит из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество».

Нужно заметить, что эти изречения встречаются у святого Кирилла Александрийского, который сам заимствовал их из писаний святого Афанасия Александрийского; таким образом, они не являются изобретением Евтихия, но взяты им из сочинений святого Кирилла без связи с его прочими воззрениями и потому носят еретический характер, какого не имеют на своем месте. Однако, то обстоятельство, что приведенные изречения встречались в сочинениях святого Кирилла, придавало вид истинности еретическому учению монофизитов и привлекало к нему многих последователей из числа недальновидных христиан.

Дело об Евтихии поднял известный борьбою с Несторием Евсевий, епископ Дорилейский²²³. На одном из соборов епископских, столь частых в древнее время, и на этот раз собравшемся в Константинополе в 448 году, Евсевий сделал заявление, что Евтихий, архимандрит известнейшего монастыря в Константинополе, еретически, несогласно с преданием апостольским и учением Никейского символа, мыслит об Исккупителе и таинстве искупления. В особой записке, поданной с этим заявлением Флавиану, архиепископу

Константинопольскому, и собору епископов, Евсевий писал между прочим: «Я просил Евтихия, пресвитера и архимандрита, чтобы он не предавался такому поражению чувств, опьянению мышления и иступлению ума, что даже забывает страх Божий, дерзает называть еретиками тех отцов, которые считаются в числе святых; но он, имея невоздержные уста и необузданный язык, не перестает отрицать благочестивые догматы православия. Умоляю и прошу вашу святость: не оставьте без внимания моей просьбы, но прикажите Евтихию, пресвитеру и архимандриту явиться на Святой ваш собор и защищаться в том, в чем я обвиняю его. Я готов обличить его, что он притворно носит имя православного и совершенно чужд православной веры». Не желая придавать огласки делу и не считая в то же время возможным оставить заявление Евсевия без внимания, Флавиан, председатель собора, предложил Евсевию объясниться с Евтихием келейно. Но оказывается, Евсевий не раз и не два ходил к Евтихию для увещания и бесполезно; теперь же, решительно заявил Евсевий, «невозможно, чтобы я после того, как часто ходил и не мог убедить его, опять отправился к нему и услышал хульные слова». Видя непреклонность Евсевия, собор нашел себя вынужденным отправить к Евтихию депутацию из пресвитера Иоанна и диакона Андрея; депутация обязана была представить Евтихию записку Евсевия Дорилейского и пригласить архимандрита на собор для объяснения. Возвратившись от Евтихия, депутация заявила собору следующее: «Ходили мы к нему в монастырь, прочли ему обвинительную записку, вручили ему копию с нее. Объявили ему обвинителя и возвестили, что его вызывают оправдываться перед вашею святостью. Он идти и оправдываться совершенно отказался, говоря, что у него определено и как бы законом положено от начала никогда и никуда не отлучаться от своего братства, а жить в монастыре, некоторым образом как во гробе. Он просил нас известить вашей святости, что будто бы боголюбнейший епископ Евсевий, бывший издавна врагом ему, по ненависти и неприязни возвел на него это обвинение. Он утверждал, что готов согласиться с изложением святых отцов, составлявших

собор в Никее и Ефесе, и обещал подписать их толкования. После воплощения Бога Слова, то есть рождения Господа нашего Иисуса Христа, он поклоняется одному естеству, естеству Бога воплотившегося и вочеловечившегося. Что Господь наш Иисус Христос состоит из двух естеств, соединившихся ипостасно, этого он не встречал в изложениях святых отцов, и ежели случится ему у кого-либо вычитать что-нибудь подобное, он не примет этого, потому что Божественное Писание превосходнее учения отцов. Он исповедал, что Родившийся от Девы Марии есть совершенный Бог и совершенный человек, не имеющий плоти, единосущной нам». «Выслушанных показаний, – сказал Евсевий после доклада депутации, – достаточно для уяснения того, какое нечестивое мнение, противное изложениям святых отцов, имеет Евтихий. Я прошу вызвать Евтихия сюда снова». Решено было отправить к Евтихию вторую депутацию, в которую вошли два пресвитера – Мамма и Феофил; депутатам вручена была вызывная грамота, призывавшая Евтихия явиться на собор «без всякого отлагательства». Из доклада собору этой второй депутации видно, что Евтихий два раза отказывал депутатам в приеме под предлогом болезни, и лишь благодаря своей настойчивости депутация добилась нужного свидания. «Войдя (к Евтихию), – говорили депутаты, – мы подали ему писанную бумагу; он велел читать ее при нас и после того, как она была прочитана, сказал: „Я положил за правило – не выходить из монастыря, кроме смертной нужды; святой собор и боголюбейший епископ видят, что я стар и хил; пусть архиепископ и собор делают со мною, что хотят; я прошу только одного – никого не беспокоить здесь в другой раз, потому что у меня постановлено не выходить из монастыря“». Выслушав это заявление, собор определил: «Нужно в третий раз убеждать Евтихия, чтобы он пришел на этот святой собор; если он не исполнит этого, то сам себя обвинит».

Третья депутация состояла из пресвитеров и хранителей сосудов, Мемнона и Епифания, и диакона Германа. С этими лицами Евтихию снова отправлена была вызывная грамота, в которой говорилось: «Ты знаешь, что определено святыми

канонами против непослушных и не желающих явиться для оправдания, когда бывает к ним уже третий вызов. Поспешите прийти в следующий день утром, то есть в четвертый день недели, в семнадцатый день месяца ноября».

Накануне этого дня к отцам собора явилась депутация от Евтихия в лице архимандрита Авраамия и трех диаконов. Архимандрит доложил собору о нездоровьи Евтихия и вызывался, было, дать некоторые объяснения за болящего. Архиепископ Флавиан обещал ожидать выздоровления Евтихия, а предложение архимандрита отклонил. 17 ноября третья депутация, возвратившаяся от Евтихия, передала отцам собора такую просьбу последнего: «Прошу умолить господина архиепископа и святой собор, чтобы они дали мне отсрочку на эту неделю, а на следующей неделе, если будет угодно Богу, я приду и буду оправдываться пред господином и святым собором». Просьба была принята во внимание – архиепископ Флавиан от лица собора решил: «Мы даруем (Евтихию) испрашиваемую им отсрочку. Если же, вопреки собственному обещанию, Евтихий не явится во второй день следующей недели (22 ноября), то окончательно будет лишен и пресвитерского сана и начальства над монастырем».

Наступило 22 ноября. Члены собора собрались в судебной палате епископии. Евтихий явился на собор с множеством воинов, монахов и служителей префекта претории; кроме того, Евтихия сопровождал ²²⁴силенциарий Магнус, посланный императором для представления собору такого определения: «Мы заботимся о мире святых Церквей и православной веры и желаем охранять веру, истинно и по вдохновению Божию изложенную нашими святыми отцами в числе трехсот восемнадцати в Никее и бывшими в Ефесе при осуждении Нестория. Мы желаем этого, дабы не вторгся соблазн в упомянутое Православие. А так как знатнейшего патриция Флоренция мы знаем за верного и испытанного в Православии, то мы желаем, чтобы он присутствовал в заседании собора, так как речь идет о вере». «Господина Флоренция, – сказал архиепископ Флавиан по прочтении императорского декрета, – мы все знаем за верного и испытанного в Православии и

желаем, чтобы он присутствовал». По прибытии Флоренция на собор, открылось разбирательство дела Евтихия.

В заседании, посвященном Евтихию, Константинопольский собор 448 года свое решение по вопросу о соединении во Христе Иисусе двух естеств основывает, главным образом, на послании святого Кирилла Александрийского «к восточным», где излагается ход унии, утверждается исповедание веры Иоанна Антиохийского и – что особенно важно было для собора – решительно опровергается лжеумствование монофизитов: «Да заградятся, – говорит послание, – уста тем, кто проповедует или тождество или слияние или смешение Сына Божия с плотью». Из других сочинений святого Кирилла собор руководствовался еще одним посланием его к Несторию, в котором с полной ясностью исповедовалось учение о двух естествах во Христе.

Обращаясь к суду над Евтихием, собор старался главным образом выяснить, согласен ли Евтихий с отмеченным выше посланием святого Кирилла и с содержащимися в нем словами исповедания Иоанна Антиохийского. Диакон, читавший на соборе послание святого Кирилла «к восточным», беспрепятственно дошел до следующих слов: «Мы исповедуем, что Господь Иисус Христос едиnorodный Сын Божий есть совершенный Бог и совершенный человек, состоящий из разумной души и тела; что Он рожден прежде веков от Отца по Божеству, а в последнее время ради нас и ради нашего спасения от Девы Марии по человечеству; что Он единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству; ибо в Нем совершилось единение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа; на основании такого не слитного соединения мы исповедуем Пресвятую Деву Богородицу, потому что Бог-Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собою храм, от Нее воспринятый». На этом месте чтение послания прервано было возгласом Евсевия Дорилейского: «Евтихий не исповедует этого и никогда не был согласен с этим, но вопреки этому мудрствовал и учил». Это восклицание вызвало на рассуждение с Евтихием сначала префекта

Флоренция, а потом архиепископа Флавиана и Евсевия Дорилийского. Рассуждения привели в конце концов к такому заявлению Евтихия: «Исповедую, что Господь наш состоял из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество». Не оставалось никакого сомнения в еретичестве Евтихия. Чтобы предотвратить тяжкие последствия еретичества Евтихия для Церкви, отцы собора предложили ему анафематствовать все, противное читанным на соборе догматам. Но Евтихий с тоном ожесточения отверг это предложение. Тогда отцы собора, встав, возгласили: «Анафема Евтихию».

Затем, после совещания, сделано было такое заявление относительно Евтихия, подписанное архиепископом Флавианом, тридцать одним епископом и двадцатью тремя архимандритами: «Из всего – и из бывших уже деяний, и из теперешнего собственного сознания Евтихиева – открывается, что он страждет заблуждением Валентина и Аполлинария²²⁵. Не устыдившись нашего убеждения, он не захотел согласиться с истинными догматами; поэтому, вздыхая и оплакивая совершенную его гибель, мы о Господе Иисусе Христе, Которого он злословит, определили отчуждить его от всякой священнической службы, общения с нами и начальства над монастырем. Пусть все те, которые после этого будут разговаривать или сходиться с ним, знают, что и сами они будут повинны епитимьи отлучения, как не уклонившиеся от бесед с ним».

Собор Константинопольский 448 года не положил, однако, конца раздорам: его не признала Церковь Александрийская, или Египетская, бывшая средоточием врагов унии, и Церковь Иерусалимская, издавна, со дней I Вселенского собора шедшая рука об руку с Церковью Александрийской в решении спорных вопросов догматики; Церковь Римская в лице папы Льва Великого отнеслась вначале не совсем одобрительно к Константинопольскому собору по малой осведомленности в подробностях прений, происходивших на отдаленном Востоке. Собор Константинопольский приняла Церковь Константинопольская и те церкви Малой Азии и Сирии, которые

ранее сочувственно относились к унии. Неудивительно, поэтому, что когда собор Константинопольский не встретил нужного сочувствия в высшей светской власти, для Церкви Православной наступили тяжкие времена: друзья унии, защитники правой веры, почитаются врагами православия, и монофизиты усиливаются настолько же, насколько ариане в печальные дни императора Констанция.

При таком положении дела, естественно, постановления Константинопольского собора не сломили ожесточенного упорства Евтихия – он решил, опираясь на сочувственное отношение к нему двора, вступить в борьбу с собором и своим архиепископом: он подал императору Феодосию прошение, в котором просил пересмотра его дела на новом соборе. В то же время Евтихий отправил в Рим к святому папе Льву Великому (440–461 гг.) жалобу, что у них на Востоке, то есть в Константинополе, «старанием некоторых людей несторианская ересь вновь воскресает»; этим Евтихий хотел сказать папе, что на соборе Константинопольском его, Евтихия, осудили, будто бы, как защитника и почитателя святого Кирилла, посвятившего себя, как видели, борьбе с несторианством. В ответном послании Евтихию папа Лев одобряет его благочестивую ревность, ссылаясь при этом на малую осведомленность в деле: «Как только разузнаем полнее, – пишет святой папа, – о тех, нечестием которых это сделалось, сочтем за необходимое, при помощи Божией, позаботиться о том, как бы исторгнуть с корнем нечестивую заразу, давно уже осужденную».

С просьбой о выяснении дела святой Лев обратился к Флавиану, архиепископу Константинопольскому: «Пусть твое братство, – предлагает в письме папа Флавиану, – известит нас подробнейшим донесением о том, какая возникла у вас новизна против древней веры». Флавиан не замедлил с ответом. Он выяснил папе сущность лжеучения Евтихия, сообщил о происках последнего после осуждения его Константинопольским собором и просил папу укрепить веру «благочестивейшего императора». Вскоре Флавиан отправил папе второе послание с более подробным изложением еретического учения Евтихия.

Ответом на него и было знаменитое в истории Церкви «Окружное, или соборное послание святейшего Льва, архиепископа города Рима, писанное к Флавиану, архиепископу Константинопольскому (против ереси Евтихия)»:

«Возлюбленному брату Флавиану Лев епископ.

Прочитав послание твоей любви, так запоздавшее к нашему удивлению, и рассмотрев порядок епископских деяний, наконец, мы узнали, какой случился у вас соблазн и восстание против чистоты веры, и то, что прежде казалось тайною, ныне сделалось для нас явным. Таким образом, Евтихий, удостоенный, было, имени архимандрита и сана пресвитерского, оказался весьма безрассудным и столь великим невеждою, что и к нему могут быть отнесены слова пророка: не хочет он вразумиться, чтобы делать добро; на ложе своем замышляет беззаконие (Пс.35:4–5). А что беззаконнее, как нечестиво умствовать о вере и не следовать мудрейшим и опытейшим? Но этому-то безумию подвергаются те, которые, встретив в чем-либо неясном затруднение к познанию истины, прибегают не к пророческим изречениям, не к писаниям апостольским и не евангельскому авторитету, а к самим себе, и, таким образом, не захотев быть учениками истины, становятся учителями заблуждения. Ибо какие мог приобрести успехи в знании Священных книг Ветхого и Нового Завета тот, кто не уразумел первых слов самого ствола и что по всей вселенной исповедуется устами всех возрожденных, того еще не понимает сердцем этот старик. Поэтому, не зная того, что должно думать о воплощении Бога Слова и не желая потрудиться на широком поприще Священных Писаний, чтобы сподобиться света ведения, он должен бы был принять внимательным слухом по крайней мере то всеобщее и единогласное исповедание, которое исповедуют все верующие: „Веруем в Бога Отца Вседержителя и в Иисуса Христа, едиnorodного Сына Его, Господа нашего, родившегося от Духа Святого и Марии Девы“.

Этими тремя изречениями ниспровергаются ухищрения всех почти еретиков. Ибо когда веруем, что Бог есть и Вседержитель, и вечный Отец, то этим уже доказывается, что Сын совечен Ему и ничем не разнствует от Отца, потому что рожден от Бога Бог,

от Вседержителя Вседержитель, от Вечного Сове́чный, а не позднейший по времени, не низший по власти, не разнственный по славе, не отдельный по существу. Он же вечного Отца вечный Единородный родился от Святого Духа и Марии Девы. Это временное рождение ничего не убавило у того божественного и вечного рождения и ничего к нему не прибавило, но всецело предало себя на спасение заблудшего человека, чтобы и смерть победить, и силою своею сокрушить диавола, имущего державу смерти (см.: Евр.2:14). Ибо мы не могли бы победить виновника греха и смерти, если бы нашего естества не воспринял и не усвоил Тот, Которого ни грех не мог уязвить, ни смерть удержать в своей власти. Он зачался от Духа Святого во чреве Матери Девы, Которая как зачала Его, пребыв Девой, так и родила, сохранив девство.

Но если он не мог почерпнуть точного понятия из этого чистейшего источника христианской веры (то есть из символа), потому что он собственным ослеплением затемнил для себя блеск очевидной истины, то обратился бы к учению евангельскому, где Матфей говорит: родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Аврамова (Мф.1:1); искал бы наставления также в проповеди апостольской и, читая в послании к Римлянам: Павел, раб Иисуса Христа, призванный апостол, избранный к благовестию Божью, которое Бог прежде обещал чрез пророков Своих в писаниях святых о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти (Рим.1:1–3), с благочестивою любознательностью приступил бы к книгам пророческим и нашел бы обетование Божие, данное Аврааму: и благословятся в семени твоём все народы (Быт.22:17). А чтобы не недоумевать о свойстве этого семени, пусть последовал бы апостолу, который сказал: но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано: „и потомкам“, как бы о многих, но как об одном: „и семени твоему“, которое есть Христос (Гал.3:16). Пусть также внял бы внутренним слухом своим пророчеству Исаии, который говорил: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог (Ис.7:14; Мф.1:23); прочитал бы с верой и эти слова того же пророка: Младенец родился нам – Сын дан нам; владычество

на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира (Ис.9:6). Тогда не стал бы говорить пустословия, будто Слово стало плотью так, что Христос, рожденный из девической утробы, имел образ человека, а не имел истинного тела (такого же, как и тело) Матери. Не потому ли, может быть, он признает Господа нашего Иисуса Христа не имеющим нашего естества, что ангел, посланный к благословенной Марии, говорил: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое (от Тебя) Святое наречется Сын Божий (Лк.1:35), то есть так как зачатие Девы было действие Божественное, то и плоть Зачатого не была от естества Зачавшей? Но это рождение исключительно удивительное и удивительно исключительное должно быть понимаемо не так, чтобы необыкновенностью рождения уничтожилось свойство рода.

Плодотворность Деве дарована Духом Святым, а истинное тело заимствовано от Ее тела. И когда, таким образом, Премудрость созидала Себе дом, Слово стало плотью и обитало с нами (Ин.1:14), то есть в той плоти, которую Оно заимствовало от человека и которую одушевило духом жизни разумной.

Таким образом, при сохранении свойств того и другого естества и при сочетании их в одно лицо, воспринято величием уничижение, могуществом немощь, вечностью смертность. Для уплаты долга естества нашего бесстрастное естество соединилось со страстною природою, дабы один и тот же посредник между Богом и людьми, человек Христос Иисус (1Тим.2:5) и мог умереть по одному (естеству), и не мог умереть по другому, как того и требовало свойство нашего врачевания. Поэтому истинный Бог родился в подлинном и совершенном естестве истинного человека: всецел в Своем, всецел в нашем. Нашим же называем то, что Творец положил в нас в начале и что Он восхотел возратить нам.

Ибо в Спасителе не было и следа того, что принес в человека искушитель и что прельщенный человек допустил (в себя).

И хотя Он сделался причастным человеческих немощей, но отсюда не следует, что сделался участником и наших грехов. Он восприял образ раба без скверны греха, возвеличивая человеческое и не уменьшая Божественного, потому что то истощание, по которому невидимый соделался видимым и по которому Творец и Владыка всех тварей восхотел быть одним из человеков, было снисхождением Его милосердия, а не недостатком могущества. Поэтому Тот, Который, пребывая в образе Божиим, сотворил человека, Он же самый соделался человеком, приняв образ раба. Оба естества сохраняют свои свойства без всякого ущерба. Как образ Божий не уничтожает образа раба, так и образ раба не умаляет образа Божия. А так как диавол хвалился тем, что прельщенный его коварством человек лишился Божественных даров и, обнажившись от блага бессмертия, подпал строгому приговору смерти, а он (диавол) в своем бедственном положении нашел некоторое утешение в том, что имел участника своей измены, что будто и Бог, по требованию Своего правосудия, переменял Свое определение о человеке, которого сотворил для такой чести, – то открылась нужда в домостроительстве тайного совета для того, чтобы и неизменяемый Бог, Которого воля не может лишиться свойственной ей благодати, исполнил, посредством сокровеннейшего таинства, первое о нас определение Своей любви, и человек, впавший в грех по коварству злобы диавольской, не погиб вопреки Божественному намерению. Итак, Сын Божий, низойдя с небесного престола, приходит в эти дольные (страны) мира и, не разлучаясь от славы Отца, рождается новым способом, новым рождением. Новым способом, потому что Невидимый в собственном (естестве) стал видимым в нашем, Непостижимый благоволил соделаться постижимым, Предвечный начал быть во времени, Господь вселенной восприял образ раба, сокрыв безмерность Своего величия, бесстрастный Бог не возгнушался сделаться человеком, могущим страдать, и бессмертный – подвергнуться закону смерти. Новым же рождением рожден Он, потому что непорочное девство не познало похоти, и между тем доставило

вещество плоти. Итак, Господь принял от Матери естество, но не грех.

А из того, что рождение это чудно, не следует, что естество Господа нашего Иисуса Христа, рожденного из утробы Девы отлично (от нашего). Ибо Тот, Который есть истинный Бог, есть вместе и истинный человек. И если уничижение человека и величие Божества взаимно соединились, то в этом единстве нет никакого превращения. Ибо как Бог не изменяется чрез милосердие, так человек не уничтожается чрез прославление. Каждое из двух естеств в соединении с другим действует так, как ему свойственно: Слово делает свойственное Слово, а плоть исполняет свойственное плоти. Одно из них сияет чудесами, другое подлежит страданию. И как Слово не отпало от равенства в славе с Отцом, так и плоть не утратила естества нашего рода. Ибо один и тот же (об этом часто нужно говорить) есть истинно Сын Божий и истинно Сын Человеческий: есть Бог, потому что в начале было Слово, и Слово было у Бога, и было Слово Бог ([Ин.1:1](#)); есть человек, потому что Слово стало плотью и обитало с нами ([Ин.1:14](#)); Бог, потому что все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть ([Ин.1:3](#)); человек, потому что рожден от жены, был под законом (см.: [Гал.4:4](#)). Рождение плоти есть обнаружение человеческого естества; а что Дева рождает, это есть знамение Божественной силы. Младенчество Отрочати свидетельствуется бедными пеленами; величие же Всевышнего возвещается пением ангелов. Новорожденному человеческому (сыну) подобен Тот, Которого Ирод нечестивый хочет умертвить; но Господь вселенной есть Тот, Которому раболепно поклониться с радостью идут волхвы. Когда Он пришел принять крещение от Предтечи Своего Иоанна, тогда, дабы не утаилось, что под покровом плоти скрывается Божество, с неба возгремел глас Отца: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение ([Мф.3:17](#)). Далее, Его, как человека, искушает диавольское коварство, и Ему же, как Богу, служат чины ангельские. Алкать, жаждать, утруждаться и спать, очевидно, свойственно человеку, но пять тысяч человек насытить пятью хлебами, но жене самарянской дать воду живую, от которой

пьющий не будет уже более жаждать, но немокрыми ногами ходить по поверхности моря и утешением бури укрощать возмущение волн, без сомнения, есть дело Божественное. Как не одного и того же естества дело – и плакать из сострадания по умершем друге, и его же, по удалении камня от четверодневной могилы, воскрешать к жизни силою одного слова; или висеть на древе и в то же время превратить день в ночь и поколебать все стихии; или быть пригвожденным (ко кресту) и в то же время отверзать вере разбойника двери рая (о многом умалчиваем); так не одному и тому же естеству свойственно говорить: Я и Отец – одно (Ин.10:30) и – Отец Мой более Меня (Ин.14:28). Ибо хотя в Господе Иисусе одно лицо Бога и человека, однако, иное то, откуда происходит общее того и другого уничижение, и иное то, откуда проистекает общее их прославление.

От нашего (в Нем естества) у Него есть меньшее Отца человечество, а от Отца у Него есть равное с Отцом Божество. По причине этого-то единства лица, которое должно разуметь по отношению к тому и другому естеству, и о Сыне Человеческом читаем, что Он сошел с неба, тогда как Сын Божий восприял плоть от Девы, от Которой родился; и обратно о Сыне Божиим говорится, что Он распят и погребен, тогда как Он потерпел это не Божеством, по которому Единородный совечен и единосущен Отцу, а немощным человеческим естеством. Отсюда все мы и в Символе (веры) исповедуем Единородного Сына Божия распятым и погребенным, сообразно с этими словами апостола: ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы (1Кор.2:8). А когда Сам Господь наш и Спаситель, научая Своих учеников вере посредством вопросов, спросил: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? и когда на их ответ, что различные различно об этом думают, Он сказал: а вы за кого почитаете Меня? Меня, то есть Сына Человеческого, Которого вы видите в образе раба и в истинном теле, за кого вы Меня считаете? – Тогда блаженный Петр, по вдохновению свыше и на пользу от своего исповедания всем народам отвечал: Ты – Христос, Сын Бога Живого (Мф.16:13–16). И достойно назван блаженным от Господа и от этого первообразного Камня стяжал

твердость и силы и имени своего тот, который по откровению Отца исповедал одного и того же и Сыном Божиим и Христом; потому что одно из этих (наименований), взятое отдельно от другого, не служило во спасение, напротив, одинаково было опасно исповедать Господа Иисуса Христа только Богом, а не вместе и человеком, или признавать Его простым человеком, а не вместе и Богом!

По воскресении же Господа, которое, конечно, есть воскресение истинного тела, так как не иной кто воскрес, а Тот же, Кто был распят и умер, что иное делалось в продолжение сорокадневного Его пребывания (на земле), как не го, чтобы чистота веры нашей была свободна от всякого мрака? Так, Он то беседовал с учениками Своими, общался и ел с ними, а тех из них, которых беспокоило сомнение, допустил осязать Себя тщательным и нарочитым осязанием, то входил к ученикам Своим, тогда как двери были заперты, давал им Духа Святого дуновением Своим и, даровав им свет разумения, открывал тайны Священных Писаний, то опять показывал рану в боку Своем, язвы от гвоздей, и все знаки недавнего страдания, говоря: посмотрите на руки Мои и на ноги Мои, это Я – Сам: осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня (Лк.24:39). И все это для того, чтобы убедить, что в Нем свойства божественного и человеческого естества пребывают нераздельно, и чтобы, таким образом, мы знали, что (в Нем) Слово не то же, что плоть, и исповедовали единого Сына Божия и Словом, и плотью (вместе). Этого-то таинства веры должно считать вовсе чуждым этого Евтихия, который в Единородном Сыне Божиим не признает нашего естества ни в унижении смерти, ни в славе воскресения.

И не ужаснулся он суда блаженного апостола и евангелиста Иоанна, который сказал: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога, и всякий дух, который разделяет Иисуса, не есть от Бога, но это дух антихриста (ср.: 1Ин.4:2–3). А что значит разделять Иисуса, как не отделять от Него человеческое естество и бесстыдными вымыслами упразднять таинство веры, которым одним мы спасены? Слепотствуя же в отношении к природе тела

Христову, он по необходимости с такою же слепотою будет безумствовать о ней в состоянии страдания Его. Ибо если он не считает креста Господня за призрак и не сомневается, что страдание, воспринятое за спасение мира, было истинное (страдание), то он должен признать и плоть Того, смерти Которого он верует. Пусть не говорит он, что не нашего тела был Тот человек, Которого сам признает страдавшим, ибо отрицание истинной плоти есть отрицание и страдания плоти. Итак, если он приемлет христианскую веру и не отвращает своего слуха от проповеди евангельской, то пусть рассудит, какое естество, пронзенное гвоздями, висело на древе крестном; пусть размыслит, когда воин копьем отверз бок Распятого, откуда тогда истекла кровь и вода для омовения Церкви Божией банею и напоения чашею.

Пусть послушает и блаженного Петра, который проповедует, что освящение Духом бывает чрез окропление кровью Христовою (см.: 1Пет.1:2). Пусть не мимоходом прочтет слова того же апостола: зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною кровью Христа, как непорочного и чистого агнца (1Пет.1:18–19). Пусть не противится и свидетельству блаженного апостола Иоанна, который говорит: и кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха (1Ин.1:7), и в другом месте: сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий? Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровью... не водою только, но водою и кровью. И Дух свидетельствует о Нем (о Христе)... И три свидетельствуют... дух, вода и кровь; и сии три ободном (1Ин.5:4–6,8), то есть дух освящения, кровь искупления и вода крещения. Эти три составляют одно и пребывают нераздельными; ни одно из них не отделяется от своего единства, так как Кафолическая Церковь живет и преуспевает тою именно верою, чтобы во Христе Иисусе не исповедовать ни человечества без истинного Божества, ни Божества без истинного человечества.

Евтихий, отвечая на пункты вашего вопроса, говорил: „Исповедую, что Господь наш прежде соединения был из двух

естеств, по соединении же исповедую одно естество“. Удивляюсь, что столь безрассудное и столь нечестивое исповедание его не было порицаемо никакою укоризною со стороны судивших (его), и что эти слишком безумные и слишком хульные слова оставлены без внимания, как бы не было выслушано ничего оскорбительного! Тогда как столько же нечестиво говорить, что Единородный Сын Божий был двух естеств до воплощения, сколько нелепо утверждать, что в Нем одно естество после того, как Слово плоть бысть. Чтобы Евтихий не стал считать мнения своего или верным, или сносным на том основании, что оно не было опровергнуто ни одним вашим голосом, то убеждаем тщание любви твоей, возлюбленный брат, очистить невежественного человека и от этого пятна на его сознании, если, по действию милосердия Божия, дело его примет добрый оборот, ибо он хорошо начал было отступать от своего убеждения (как видно из хода соборных деяний), когда по вашему требованию обещался признавать то, чего прежде не признавал, и успокоиться на той вере, которой прежде был чужд. Но когда он не захотел изъяснить согласия предать анафеме (свой) нечестивый догмат, то ваше братство из этого заключило, что он остается в своем нечестии и заслуживает приговора осуждения. Впрочем, если он искренно и нелицемерно кается и сознает, хотя бы и поздно, как справедливо подвиглась против него власть епископская, или если он, для полного оправдания, осудит все свои худые мысли и устно, и собственноручною подписью, то милосердие к исправившемуся, как бы оно ни было велико, не будет предосудительно. Ибо Господь наш, истинный и добрый Пастырь, душу Свою положивший за Своих овец и пришедший спасти души человеческие, а не погубить, хочет, чтобы мы были подражателями Его человеколюбия, то есть чтобы согрешающих обуздывала правда, а обратившихся не отталкивало милосердие.

Тогда, собственно, с полным успехом защищается истинная вера, когда ложное мнение осуждается самими последователями своими.

Уповаем на содействие помощи Божией, что заблудивший, осудив неправоту своего образа мыслей, спасется.

Бог да сохранит тебя в здравии, возлюбленный брат!»

Послание заканчивалось заявлением папы: «Для верного и беспристрастного исследования всего дела мы отправили (на предстоящий собор) вместо себя братьев наших – епископа Юлиана и пресвитера Рената и еще сына моего, диакона Илария. К ним присоединили мы нотарию нашего Дульцития, которого вера много раз испытана нами». Из этого заявления папы видно, что ходатайство Евтихия пред императорской властью о созвании нового собора было уважено. Действительно, пользуясь покровительством недруга архиепископа Флавиана, всемогущего министра Хрисафия, руководившего волею слабого и бесхарактерного императора Феодосия, Евтихий добился, что через четыре месяца после его осуждения императором объявлено было созвание нового общецерковного собора для исследования неодинаковых догматических воззрений на Лицо Богочеловека и образ соединения в Нем двух естеств и для пересмотра определений Константинопольского собора по делу Евтихия. Предполагалось, что вновь созываемый собор будет Вселенским, как и собор 431 года, – на него созывались представители-иерархи от всех главнейших церквей времени. Но не таков был суд промысла Божия: в истории этот собор приобрел наименование не IV Вселенского, а «разбойничьего» собора²²⁶ за его деятельность, направленную к торжеству не Православия, но еретического мудрования. Уже одно то обстоятельство, что собор созывался по желанию Евтихия и его приверженцев, мало предвещало хорошего для Православия и его защитников. Поэтому-то видные поборники истины православной, как, например, Флавиан, архиепископ Константинопольский, и папа Лев, несочувственно относились к созыву нового собора, предугадывая, какие смуты и беспорядки он внесет в Церковь. Основание для подобных опасений находилось в распоряжениях высшей светской власти, предшествовавших открытию собора. Так, указом императора устранялся от присутствия на предстоящем соборе

проницательный враг монофизитства блаженный Феодорит, имевший горькие недоразумения и пререкания со святым Кириллом, – и устранился, конечно, не как противник святого Кирилла, а как возможный и сильный противник Евтихия²²⁷; наоборот, на собор нарочитым указом с правом голоса призывался архимандрит Варсума из Сирии, хотя по канонам членами собора могли быть только епископы. Такое исключение для Варсумы делалось потому, что он, как говорил указ, «ведет борьбу против некоторых восточных епископов, зараженных нечестием Нестория», то есть, вернее, против православных епископов, которых монофизиты называли несторианами за то, что, вопреки Евтихию, они учили о двух естествах во Христе и по воплощении. Указом же императора председательство на соборе поручено было Диоскору, архиепископу Александрийскому примкнувшему к сторонникам Евтихия и находившемуся в связях с Хрисафием²²⁸. Елпидию, члену императорского совета, и Евлогию, трибуну и нотарию претории, особой инструкцией повелено было императором, чтобы они следили, «что будет сделано святым собором в Ефесе, и не допускали ни в каком случае никакого беспорядка. Если же усмотрите, что кто-нибудь начинает возмущение или беспорядки (на соборе) в оскорбление святой веры, такового отдавать под стражу... Те, кто прежде судил архимандрита Евтихия, должны присутствовать и молчать на соборе, не имея звания судей, но ожидать общего мнения всех прочих отцов, потому что ныне осуждается то, что определено было прежде самими ими». То есть у архиепископа Флавиана с его сторонниками отнималось даже право говорить в свою защиту под страхом за нарушение императорской воли попасть под стражу. Инструкция заканчивалась указанием на то, что Елпидию с Евлогием давалась в распоряжение воинская сила, а через них она поступала на служение монофизитствующим, преобладавшим на соборе.

Эти предсоборные распоряжения императора заключились его посланием к самому собору. Послание так объясняло причины созыва собора и указывало такую общую цель его деятельности: «Так как боголюбезный епископ Флавиан захотел

возбудить какой-то вопрос о святой вере против почтеннейшего архимандрита Евтихия и, созвав совет, начал что-то делать, то мы, относясь несколько раз к этому боголюбнейшему епископу, желали воспрепятствовать возбужденному беспорядку, будучи достаточно убеждены в православной вере, преданной нам святыми отцами, бывшими в Никее, и утвержденной святым собором, бывшим в Ефесе. Но хотя мы и многократно убеждали этого благочестивейшего епископа оставить такое исследование, чтобы это не сделалось причиной беспорядков во всей вселенной, однако же он не успокоился. Рассудив, что небезопасно без вашего святого собора и без предстоятелей святых церквей произвести такое исследование о вере, мы сочли необходимым собраться вашей святости, чтобы вы исторгли весь диавольский корень из святых церквей и извергли ревнующих о богохульстве нечестивого Нестория или благоприятствующих ему, и неприкосновенность православной веры сделали бы прочною и непоколебимою, потому что вся наша надежда и крепость нашей империи зависят от православной веры в Бога и от ваших святых молитв».

При столь неблагоприятных условиях для защитников православной истины собор открылся в Ефесе 8 августа 449 года; заседания его происходили в храме Пресвятой Девы Марии, как и заседания III Вселенского собора. Число отцов собора колеблется между ста двадцатью двумя и ста тридцатью. Из деяний собора, предшествовавших появлению на нем Евтихия, нельзя не отметить, что на соборе не было допущено прочтение послания Льва Великого, очевидно, как неблагоприятного для Евтихия и Диоскора – как направленного против их еретического учения.

Когда, по предложению Елпидия, на собор был позван Евтихий, то ему предложили изложить пред собором «полезные для него оправдания». Свое объяснение Евтихий начал словами, показывавшими, что в отцах собора он видел своих единомышленников: «Я поручил себя, – сказал Евтихий, – Отцу, Сыну и Святому Духу, и вас имею свидетелями своей веры, за которую я подвизался вместе с вами». Затем он подал отцам собора две письменные статьи, содержащие его исповедание

веры. Здесь Евтихий, прежде всего, жаловался на «наветы» против него Константинопольского собора за то, что он «не согласился мудрствовать против той веры, которая изложена святыми отцами в Никее». Далее, не высказывая прямо своего учения о соединении двух естеств во Христе, Евтихий приводит полностью Никейский символ и добавляет, что он твердо держит постановления Никейского и Ефесского соборов и проклинает всех еретиков, начиная с Симона-волхва. За таким исповеданием следовал ряд жалоб Евтихия на архиепископа Флавиана и Константинопольский собор: что (будто бы) Евсевий Дорилейский, обвиняя его на соборе в ереси, не указал последней прямо и определенно; что собор, знавший об обещании Евтихия не выходить из монастыря и тем не менее вызывавший его для судебного разбирательства, хотел только осудить его как человека непослушного Церкви, в расчете, что он не придет на собор; что на самом соборе, когда он, вопреки ожиданию, явился, ему не дали возможности говорить в свое оправдание, но «вдруг, – клеветал Евтихий, – прочитано было осуждение против меня, составленное заранее»; что самые деяния Константинопольского собора (будто бы) впоследствии были переделаны ко вреду для него, Евтихия. «Итак, прошу теперь, – заканчивает Евтихий свое исповедание или, вернее, клеветнические обвинения собора Константинопольского и его председателя, – обсудить возведенную на меня клевету и неправду и происшедшее от этой причины беспокойство во всех Церквях и возникший отсюда для многих соблазн, предать виновников всего этого церковным наказаниям и вырвать всякий корень хуления и нечестия».

Архиепископ Флавиан, обвиняемый Евтихием, потребовал было, чтобы на собор вызван был Евсевий Дорилейский для представления обвинительных пунктов на Евтихия. Но Елпидий, чиновник императора, не дозволил этого, заявив о повелении императора, чтобы судьи Евтихия (на Константинопольском соборе) стали в ряду подсудимых и не имели права голоса. Вместо исполнения просьбы Флавиана он повелел, чтобы прочтены были и подвергнуты обсуждению деяния собора Константинопольского 448 года.

При чтении этих деяний с полной очевидностью обнаружилось еретичество (монофизитство) председателя собориса Диоскора и большей части составлявших его епископов. Когда чтение привело к вопросу, заданному Евсевием Евтихию на Константинопольском соборе: «Исповедуешь ли ты два естества после воплощения?», то многие из членов собориса закричали: «Возьмите, зажгите Евсевия (Дорилейского), пусть он живой горит, пусть он обратится в двух; как разделил он Христа, пусть он сам разделится». Видя благоприятный для себя оборот дела, Диоскор обратился к епископам с вопросом: «Терпимо ли для вас это выражение, где говорится о двух естествах после воплощения?» «Анафема тому, кто говорит это!» – воскликнул собор. Так провозглашена была за истину ересь монофизитская на незаконном соборисе, а Православие было попрано. Конечно, Евтихий, как главный поборник монофизитской ереси, был затем объявлен православным и восстановлен в достоинстве архимандрита и сани пресвитера.

Теперь пришел черед суда над Флавианом, архиепископом Константинопольским. По заранее составленному плану как раз в это время на собор явилось несколько монахов из монастыря Евтихия с челобитной, содержащей самые несправедливые жалобы на архиепископа. «Флавиан, – говорила челобитная, прочитанная по приказанию Диоскора на соборе, – осыпал клеветами и хулами нашего пастыря Евтихия и под видом благочестия нашел несправедливый предлог к его осуждению, нам же приказал избегать своего пастыря и не говорить с ним, а монастырское имущество под предлогом помощи бедным велел беречь для самого себя, ибо он торговал им; Святой алтарь, который водрузил Евтихий за шесть месяцев до умышленного извета на него, стоит без божественного жертвоприношения... Мы же сами были связаны несправедливым его осуждением. Поэтому, – заканчивалась челобитная, – умоляем ваш Святой собор сжалиться над нами, потерпевшими такое несправедливое наказание, возратить нам церковное общение, несправедливо отнятое, и ему, совершившему это (то есть Флавиану), воздать возмездие за то, что он несправедливо

судил». Из трехсот монахов Евтихиева монастыря челобитную подписало только тридцать пять, так что дело здесь, без сомнения, не совсем чисто. Монахи были приняты собором в церковное общение, а челобитная их создала Диоскору удобную почву для дальнейших козней против неповинного Константинопольского архиепископа. Диоскор приказал прочесть определения III Вселенского собора и затем спросил: «Думаю, всем нравится Никейское определение веры, которое собор Ефесский утвердил и определил содержать его одно? Мы знаем, что отцы этого собора постановили: если кто вопреки этому будет говорить или мудрствовать, или вводить новое, тот подвергается осуждению. Что вы думаете об этом? Можем ли мы исследовать или вводить новое вопреки этому? Если кто-либо исследовал свыше того, что сказано, определено и одобрено, не будет ли он по всей справедливости подлежать осуждению отцов? Пусть каждый скажет, того ли он мнения?»²²⁹ Собор дал утвердительный ответ большинством голосов. Тогда Диоскор, поднявшись со своего места, в следующих словах внес предложение о применении Ефесского правила к Флавиану и Евсевию Дорилейскому: «Флавиан, бывший епископ Церкви Константинопольской, и Евсевий Дорилейский, как ясно видит это Святой и Вселенский собор, оказываются почти все отвращающими и перестраивающими, и подали повод к соблазну и смятению святым церквам и всем православным народам. Ясно, что они сами себя подвергли наказанию, некогда соборно определенным нашими святыми отцами; поэтому и мы, утверждаясь на определениях отцов, присуждаем упомянутых Флавиана и Евсевию к лишению всякого священнического и епископского достоинства». Мнение Диоскора было единодушно принято монофизитами и подписано всеми членами собора. Флавиан с Евсевием были лишены церковного достоинства. Впоследствии Флавиан был изгнан и в изгнании окончил свою жизнь. Евсевий Дорилейский после собора претерпел столько бед, что позднее называл Диоскора своим убийцей. Диакон Иларий, легат папы, «едва убежал» с собора и лишь окольными путями добрался до Рима. Блаженный Феодорит, не присутствовавший на соборе, был

лишен сана и заточен в монастырь. Ива, митрополит Эдессы, был анафематствован.

Так монофизитская ересь восторжествовала над истиною Православия и восторжествовала, как открылось позднее на истинном соборе Вселенском – Четвертом, путем неправды и насилия. Мрачная туча еретичества нависла почти над всем Востоком. Но Господь не замедлил прийти на помощь Своей Церкви чрез Своего достойного служителя святого Льва Великого. Получив известия от диакона Илария и от архиепископа Флавиана о деяниях «разбойничьего» собора, Лев Великий обратился с посланием к императору Феодосию и к сестре его Пульхерии, где, отмечая незаконные действия только что закончившегося собора, указывал на необходимость созвания нового Вселенского собора, «который бы все возникшие несправедливости так порешил или укротил, чтобы более не оставалось какого-нибудь сомнения в вере или разделения в любви». Святой Лев обратился также с двумя посланиями, одно за другим, к клиру и народу константинопольскому. «Кто мыслит по-монофизитски, – внушал в своих посланиях ревностный ратоборец Православия, – того увлекает в сообщество с собою Арий, развращению которого много благоприятствует это нечестие, отрицающее естество человеческое в Боге Слове... Кто не признает человеческого естества, воспринятого Единородным Сыном Божиим во чреве Дщери Давидовой, тот отлучает себя от всякого таинства веры христианской и, не зная Жениха (Христа), не разумея и Невесты (Церкви), не может быть участником в братском пиршестве (спасении). Плоть Христа есть покров Слова, которым облекается всякий, кто исповедует это Слово. А кто стыдится Его и отвергает как бы недостойное (плоть Его), тот не может получить от Него никакого украшения, и хотя бы такой приступил к царскому торжеству и присоединился нагло к священной вечери, впрочем, как бесчестный собеседник, (он) не может утаиться от разборчивости Царя, но, как засвидетельствовал Сам Господь, будет взят и, связанный по рукам и ногам, отошлется в кромешную тьму, где будет плач и скрежет зубов (см.: Мф.22:13). Поэтому; кто не исповедует во

Христе человеческого тела, тот сам признал себя недостойным таинства воплощения и не может иметь участия в этом таинстве». «Не думайте, возлюбленные, – обращался святой папа со словами ободрения к Восточным Церквам, – будто над святою Церковью или теперь не достает, или не будет впредь Божественного промысла. Чистота веры тогда-то и сияет, когда отделяется от нее примесь заблуждений. Провидение всегда являет своим необходимую помощь», и всемогущий Глава Церкви не замедлил явить оправдание такой веры в Его промыслительную деятельность: покровитель монофизитов император Феодосий вскоре скончался; его место занял в августе 450 года, по избранию войска и сената, глубоко преданный Православию²³⁰ полководец Маркиан, вступивший, затем, вскоре в супружество с известною своею ревностью к Православию сестрою Феодосия Пульхериею²³¹. Дела церковные приняли новый благоприятный для православных оборот. Мысль Льва Великого о созвании нового собора Вселенского пришла в осуществление. Собор был назначен в Никее²³², а затем, для удобства наблюдения за ходом его дел для императора, он перенесен был в Халкидон, отделявшийся от Константинополя только проливом Босфорским. Здесь собор открылся 8 октября в великолепном и обширном храме святой мученицы Евфимии. Число отцов собора было очень велико – от шестисот до шестьсот тридцати, столько не бывало ни на одном из бывших до него соборов. Наиболее видными членами его были: Анатолий, архиепископ Константинопольский, Максим, архиепископ Антиохийский, Ювеналий Архиепископ Иерусалимский, Фалласий, епископ Каппадокийский, и легаты папы – епископы Пасхазин и Луценций и пресвитер Бонифаций; присутствовало также множество сановников военных и гражданских, не принимавших, впрочем, участия в деяниях собора при рассмотрении дел чисто церковных, например в случае суда над епископом.

Деятельность IV Вселенского собора в Халкидоне состояла 1) в суде над «разбойничьим» собором 449 года и главою этого собора Диоскором Александрийским и 2) в раскрытии истинного вероучения о соединении двух естеств в лице Богочеловека.

1. На первом же заседании собора, происходившем 8 октября, по настоянию папских легатов Диоскор Александрийский, занимавший место наряду с прочими отцами, должен был выйти из ряда епископов и сесть посредине, как подсудимый, лишившийся права подавать голос. Тогда выступил на средину в качестве истца Евсевий Дорилейский, много претерпевший на соборе «разбойничьем». «Я оскорблен Диоскором, – заявил Евсевий, – оскорблена вера, он умертвил епископа Флавиана и несправедливо осудил его вместе со мною; повелите принять мое прошение». В этом прошении Диоскор обвинялся главным образом в том, что «собрав буйную толпу народа и приобретши себе могущество деньгами, оскорбил веру православных, сколько мог, и утвердил нечестие монаха Евтихия». «Так как, – писал Евсевий, – посягательство его (то есть Диоскора) на веру и на нас (то есть самого Евсевия и Флавиана) велико, то просим, чтобы повелено было Диоскору защищаться против того, в чем мы его обвиняем». Начался пересмотр деяний Константинопольского собора 448 года и Ефесского «разбойничьего» собора. Чтение деяний последнего собора было прервано, когда оглашался уже известный нам императорский указ, разрешавший Феодориту Кирскому присутствие на соборе условно, если того пожелает самый собор. При этом упоминании о Феодорите Кирском потребовали, чтобы этот ревностный защитник Православия против монофизитства был допущен на соборные заседания. Появление Феодорита вызвало целую бурю среди отцов: одни, сторонники Диоскора, кричали, чтобы удалили Феодорита; другие, защитники православия, требовали удаления Диоскора. Восклицания, которыми обменивались обе стороны между собою, произвели немалый шум и смятение, которые удалось утишить лишь сановникам и сенаторам, обратившимся с такой просьбой к виновникам смуты: «Ради Бога! Лучше не препятствуйте слушать, позвольте прочесть все по порядку». Когда дошли до указа императора, назначавшего Диоскора председателем собора, и когда последний пытался было сложить с себя часть ответственности за незаконные действия на епископов Ювеналия, Фалласия, на весь собор и

императора, то епископы Антиохийского округа заявили: «На осуждение епископа Флавиана и епископа Евсевия на соборе Ефесском никто из православных епископов не был согласен: сделано было насилие – с побоями мы подписали нужную бумагу, на которой после и написано осуждение упомянутых епископов. Нам угрожало осуждение, нам угрожала ссылка; воины стояли с палками и мечами, и мы были приведены ими в страх: где палки и мечи, какой тут собор. Воины низложили Флавиана и Евсевия более чем мы, а что мы сделали, то сделали из страха». Это общее заявление о насилиях и устрашениях, производимых Диоскором, подтвердили с уяснением более частных и поистине вопиющих по нарушению справедливости подробностей: Стефан, епископ Ефесский, Феодор, епископ Клавдиопольский, Василий, епископ Селевкии Исаврийской. По заявлению многих обнаружилось также, что знаменитое послание папы Льва «умышленно было удержано (от чтения) Диоскором», хотя он «семь раз клялся пред всеми, что велит его прочитать». К концу чтения деяний собора Ефесского, раскрывавшего все новые и новые злоупотребления Диоскора, осветившего всю преступность его действий, епископы, принимавшие участие в Ефесском соборе и в той или иной степени повинные в его незаконных деяниях, глубоко раскаялись в своем грехе и много раз восклицали пред лицом собора: «Все мы просим прощения». Лишь Диоскор с несколькими египетскими епископами продолжал упорствовать в еретичестве и даже открыто, пред лицом собора, заявил свои еретические монофизитские воззрения.

Убедившись в злоупотреблениях «разбойничьего» собора, отцы IV Вселенского собора произнесли свой приговор над ним, но так, что большинство составлявших его лиц, ввиду их искреннего раскаяния, не было лишено епископского сана. Приговор был встречен отцами собора с восторженными кликами.

Вопрос о Диоскоре, по причине ожесточенного пребывания последнего в ереси, рассматривался особо на заседании 13 октября. На этом заседании Евсевий Дорилейский вошел в собор с просьбой подвергнуть Диоскора наказаниям за его

нарушавшее справедливость отношение к нему, Евсевию, к архиепископу Флавиану и «к благочестию и священным канонам», чтобы в продолжение остальной жизни (Диоскор) «служил примером для вразумления тех, которые бы вздумали поступать подобно ему». Вместе с этим на Диоскора подано было множество жалоб клириками и одним мирянином Александрийской церкви – жалоб, обвинявших ее предстоятеля Диоскора в гонениях на родственников и близких святого Кирилла и в присвоении церковного имущества. Все эти прошения были приняты собором, который и решил пригласить Диоскора для личных объяснений. Но, несмотря на трехкратное приглашение, Диоскор под разными предлогами отказывался явиться на собор; последний, поэтому, постановил свой приговор об нем заочно. «Собор узнал, – обратился легат папы Пасхазий к отцам собора, – что епископ Диоскор, вызванный три раза к ответу своим обвинителем, сознавая себя виновным, презрел приказание собора прийти сюда. Пусть святые отцы объявят своими устами, чего достоин презирающий таким образом волю собора!» Собор отвечал: «Осуждения, положенного канонами против непокорливых». Диоскор был низложен, и приговор собора утвержден императором; затем Диоскор был сослан на жительство в город Гангры²³³.

2. Обсуждение отцами собора вопроса о соединении во Христе Иисусе двух естеств открылось заявлением собору предложения о составлении нового вероопределения, устраняющего лжеучение монофизитов и примиряющего всех: «Должно исследовать, рассуждать и стараться о том, – говорило предложение, – чтобы утвердить истинную веру, ради которой по преимуществу и составилась собор; желательно было бы, чтобы учение о предметах веры было правильное и всякое сомнение было устранено согласным изложением и учением всех святых отцов (собора); потщитесь без страха, без угодливости и вражды изложить веру в чистоте, так, чтобы и те, кои мудрствуют неодинаково со всеми, снова приведены были познанием истины к единомыслию».

При обмене мнений по поводу этого предложения, после некоторых, довольно продолжительных разногласий, собор

пришел к единодушному решению прочесть некоторые творения соборов и отцов Церкви, где с особенною ясностью выражалась истина Православия. Прежде всего прочитан был символ Никейский, законченный при кликах отцов собора: «Это вера православных! Ею все веруем, в ней мы крестились, в ней крестим. Все так веруем!» Нашел единодушное признание, по его прочтении, и символ Константинопольский 381 года, церковный авторитет которого до сих пор еще не был прочно установлен. Все епископы собора, выслушав Константинопольский символ, восклицали: «Это вера всех! Это вера православных!» Вслед за чтением символов собор приступил к чтению святоотеческих писаний, в которых находилось ясное и определенное учение о целостности и полноте во Христе Иисусе двух естеств, причем указание на единение их отмечалось не с такою силою, как указание на различие. Сначала прочитаны были сочинения святого Кирилла Александрийского, читанные ранее на Константинопольском соборе 448 года: послание святого Кирилла к Несторию и знаменитое послание святого отца, написанное по совершении унии. Чтение этих произведений святого Кирилла было покрыто радостными кликами: «Так веруем! Как Кирилл, так веруем!» За этими сочинениями святого Кирилла Александрийского прочитано было окружное послание святого Льва Великого; чтение последнего послания сопровождалось пререканиями, так как некоторые епископы, бывшие ранее на стороне Диоскора, находили послание по местам сомнительным относительно Православия; поэтому собор был вынужден разъяснять истинный смысл подозрительных мест послания чрез сличение их с авторитетными для сомневающихся сочинениями святого Кирилла. Сомневающиеся, однако, не удовлетворились этим и потребовали, чтобы отцы, принимающие послание святого Льва Великого, анафематствовали разделяющих во Христе два естества в смысле несторианском, и только после этого они приняли послание. Затем следовали отрывки из отеческих творений, в которых, как и в послании Льва Великого, с особенною выразительностью отмечалось учение о полноте двух естеств

во Христе. Так, читались: из сочинений Илария Пуатьерского († 366 г.): «Видишь ли, что Христос Богом и человеком исповедуется так, что смерть приписывается человеку, Богу воскрешение плоти. Естество Бога познай в силе воскресения, домостроительство человека уразумей в смерти. Однако помни, что единый Христос Иисус есть то и другое»; из сочинений святого Григория Богослова: «Произошел от Девы Бог с восприятием (естества человеческого), един из двух между собою противоположных – плоти и Духа, из которых одно возведено в Божеское достоинство, а другое дало благодать обожения»; «Правда, Он послан, но как человек, ибо в Нем было сугубое естество: почему Он утомлялся и алкал, и жаждал, и подвизался, и плакал по закону человеческого тела». Среди отрывков из сочинений святого Амвросия Медиоланского, между прочими, читано было: «Удержим различие Божества и плоти. В том и другом говорит Сын Божий, потому что в Нем то и другое естество. Хотя говорит один и тот же, но не всегда одинаковым образом. Примечай в Нем то славу Бога, то страдания человека. Как Бог, Он говорит о Божественном, потому что Он есть Слово (Божие); как человек, говорит о человеческом, потому что говорит в этом (человеческом) естестве». Из сочинений святого Иоанна Златоуста избрано было для чтения следующее место: «Итак, Он принес начатки нашего естества Отцу: Отец столь был щедрен даром, как по великому достоинству Принесшего, так и по чистоте Принесенного, что принял его (дар) собственными руками, соделал участником Своего престола, и даже более того – положил его одесную Себя». В заключение собором читаны были отрывки из сочинений святого Кирилла «О вочеловечении» и между ними такие изречения святого отца: «Он (то есть Христос) явился на земле, не оставляя того, чем был, но восприяв наше человечество, совершенное в своем смысле»; «Обитающее понимается обыкновенно, как иной в ином, то есть Божеское естество в человечестве, не потерпевшее смешения или слияния какого и превращения в то, чем прежде не было. Ибо то, о чем говорится как обитающем в

другом, не стало тем же, в чем обитает, напротив, считается иным в ином».

Наконец собор приступил к составлению вероопределения, чтобы провозгласить православное учение о Богочеловеке. При этом «было много споров, прений, высказано много недовольства, недоверия; но все это не помешало собору иметь самый вожделенный конец: провозгласить чистейшее учение о Богочеловеке. Споры и раздоры были как бы горнилом, в котором испытывалось достоинство истины. После этого испытания истина должна была воссиять во всем своем блеске, стать истинною непререкаемою во все времена. Кратковременная распря положила конец столетнему спору, который имел место в Церкви до этого времени, и предотвратила споры в Церкви на будущее время». Как только открылось пятое заседание, так в слух отцов собора прочитано было вероопределение, очевидно, составленное не в присутствии всего собора и не на его официальных заседаниях. Чтение этого вероопределения вызвало горячие и продолжительные прения между отцами собора; Иоанн, епископ Германикийский, первый возвысил голос протеста, сказав по прочтении вероопределения: «Нехорошо составлено вероопределение и должно быть исправлено». Тогда патриарх Анатолий предложил вопрос отцам собора: «Нравится ли вам определение?» Большинство епископов воскликнуло: «Определение нравится всем. Это вера отцов. Мудрствующий противно этому – еретик. Если кто мудрствует иначе, да будет анафема. Несториан – вон». Но римские и некоторые восточные епископы не были довольны вероопределением, так как оно не с тою осязательною ясностью, какая была желательна им, излагало учение о полноте двух естеств во Христе Иисусе. Видя разногласие и желая его уничтожить, патриарх Анатолий заметил, что накануне «всем нравилось определение веры». Епископы, принимавшие определение, опять воскликнули: «Определение всем нравится, иначе не веруем. Анафема верующему иначе. Вера пусть не терпит обмана. Святая Дева пусть пишется Богородицею; так в Символ прибавить». Этим требованием прибавления слова Богородица епископы,

очевидно, хотели указать на нераздельное единение естеств во Христе. Легаты с своей стороны опять заявили: «Если не соглашаются с посланием папы Льва, то прикажите дать нам грамоты на возвращение, и этим собор окончится». Очевидно, легаты находили мало соответствия между составленным вероопределением и посланием папы Льва, которое решительно и определенно выражало мысль о двух совершенных природах во Христе. Видя, что прения между епископами затягивались и не замечалось благоприятного исхода, в них вступают императорские сановники, присутствовавшие на заседаниях. Став на сторону протестующих, сановники предложили пересмотреть вероопределение чрез особо на то уполномоченных от собора епископов по шести и по три от важнейших округов под председательством Анатолия, в присутствии легатов и в особом урочном месте. Но это предложение было с криками отвергнуто теми епископами, которые принимали вероопределение. Тогда императорские чиновники обратились с увещанием к епископам, не желавшим пересмотра; убеждая отцов собора изъять из вероопределения выражение «из двух естеств», как употребляемое осужденным еретиком Диоскором, а вместо него внести изречение «два естества», за которое пострадал муж Православия Флавиан и которое, за его точность, употреблялось и Львом, и Халкидонским собором. «Ведь, – говорили они, – вы все приняли послание Льва?» и после утвердительного ответа на этот вопрос, заметили: «Итак, заключающееся в нем внести в определение». Но и убеждения сановников не могли заставить отцов, желавших оставить вероопределение без изменения, отказаться от этого желания. Об этом доложено было императору Маркиану. Последний обратился к собору с таким именным указом: пусть вероопределение будет пересмотрено или тем путем, какой указывали сановники, или же чрез первенствующих митрополитов на самом соборе. В случае же несогласия на это предложение собор объявлялся закрытым. Но и строгое решение императора осталось без воздействия на епископов, не хотевших пересмотра; они говорили: «Или пусть имеет силу

определение, или мы уйдем». Таким образом дело еще более осложнялось. Но что казалось едва достижимым для человеческих сил, то, по благодати Святого Духа, осуществилось самым простым образом.

Императорские чиновники снова повторили свои слова, уже сказанные, было, собору, «и единодушие самое полное, вожденное, самое священное водворилось на соборе». «Диоскор, – сказали сановники, – говорил: „из двух“ естеств (то есть Христос слагается) принимаю, но „два“ естества (то есть неслиянные) не принимаю.

А святой Лев говорит, что во Христе два естества соединены неслитно, неизменно и нераздельно в одном Единородном Сыне, Спасителе нашем. Итак: кому следуете, Льву или Диоскору?» «Как Лев веруем! Противоречащие евтихианисты! Лев изложил православно!» – единодушно воскликнули отцы собора. Воспользовавшись этим единодушием, сановники предложили внести в вероопределение мысль Льва Великого, что во Христе два естества соединены неслитно, неизменно и неразлучно. Это предложение было принято без возражений. Тотчас, по прошению всех, избрана была комиссия из епископов – предстоятелей важнейших округов, которые на короткое время и удаляются с собора для произведения изменений в вероопределении. По возвращении членов комиссии было прочитано вероопределение Халкидонского собора, покрытое единодушными кликами восторга.

Этот замечательный в истории христианства документ состоит из обширного введения и краткого вероопределения. Во введении указываются те догматические произведения христианской Церкви, которые необходимо признавать каждому верующему, желающему по истине, а не по имени только, носить имя православного. Здесь отмечен был символ Никейский, а за ним Константинопольский II Вселенского собора, причем о последнем символе вероопределение говорит с особенною похвалою и уважением. Так «символ Константинопольский после продолжительного бурного плаванья среди споров и разногласий о нем, наконец,

благодаря Халкидонскому собору, вступает в тихую пристань». Вероопределением утверждались постановления III Вселенского собора, о котором все еще ходили споры, вселенский он или нет. Вероопределение отличает следующие святоотеческие писания, имевшие важное значение для решения вопроса о лице Богочеловека: послание святого Кирилла Александрийского к Несторию, читанное на Константинопольском соборе 448 года, и его же послание «к восточным», писанное по совершению унии. Таким образом, святые мужи, стоявшие за унию, «недаром пострадали от собора „разбойничьего“ – их кровь вопияла к небу, и Дух Святой устами отцов Халкидонского собора благословил их дело, увенчал их труды». После сочинений святого Кирилла вероопределение с самой высокою похвалою относится к окружному посланию святого Льва Великого.

За этим введением идет следующее определение о вере IV Вселенского собора в Халкидоне:

«Последуя святым отцам, все согласно научаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве, совершенного в человечестве, истинно Бога, истинно человека, того же из разумной души и тела, единосущного Отцу по Божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам, кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа едиnorodного в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лицо, в одну ипостась – не в два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына, Единородного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки (учили) о Нем и как Сам Господь Иисус Христос научил нас и как предал нам символ отцов».

Отцы собора свое единодушное согласие с символом выражали кликами: «Это вера отцов! Архиепископы пусть

подпишут тотчас; хорошо определенное пусть не подвергается отсрочке. С этою верою все мы согласны. Все так мудствуем!»

Об установлении вероопределения отцы собора довели до сведения императора особым донесением, имевшим такой вид:

«Послание Халкидонского собора к императорам – Валентиниану и Маркиану.

Благочестивейшим, благовернейшим и христианнейшим императорам, победителям и триумфаторам, Валентиниану и Маркиану святой и великий собор, по благодати Божией и по повелению вашего благочестия собравшийся в городе Халкидоне (для сильных болезней нужны и сильное лекарство, и мудрый врач). Поэтому-то Господь всех приставил ваше благочестие к страданиям вселенной, как наилучшего врача, чтобы вы исцелили их приличными лекарствами. И вы, христианнейшие, приняв Божественное определение, пред всеми другими приложили приличную заботливость о Церкви, предписывая первосвященникам врачевство согласия. Ибо, собрав нас отовсюду, вы употребили все средства, чтобы уничтожить случившееся разногласие и укрепить учение отеческой веры. А мы, размышляя и отыскивая причину бури, поднявшейся во вселенной, нашли, что виновник этого дела Диоскор, бывший епископ Александрийский. Во-первых, потому, что он запретил прочесть почтеннейшим епископам, собравшимся в Ефесе, послание святейшего архиепископа древнего Рима Льва, отправленное к святой памяти Флавиану, бывшему епископу города Константинополя, и это после своих обещаний и многих клятв, как мы узнали, присутствуя (там). Во-вторых, потому, что он Евтихию, страждущему нечестием Манихея и законно низверженному, возвратил как священство, так и начальство над монахами незаконно, прежде соборного определения, и притом тогда, как святейший и блаженнейший архиепископ великого Рима Лев в том же послании определил должное (ему) и осудил преступное нечестие Евтихия, который говорил: „Исповедую Господа нашего Иисуса Христа прежде соединения двух естеств, а после соединения одно естество“. Далее потому, что он причинил оскорбления боголюбнейшему епископу Евсевию. Еще и потому, что он собственною властью

принял в общение некоторых, осужденных различными соборами, тогда как святые правила предписывают, что лишенных общения одними не должны принимать в общение другие, и между тем он мог бы получить прощение в таких и стольких проступках, если бы чрез надлежащее раскаяние искал врачевства у этого Вселенского собора. Но так как он, сверх других своих не потребств, ратовал против самого апостольского престола и старался составить грамоту отлучения против святейшего и блаженнейшего папы Льва, высокомерно упорствовал в прежних проступках и оказался дерзким против настоящего святого Вселенского собора, потому что не захотел ответить на сделанные против него обвинения, совершенно презирая их, а также, будучи вызван в первый, второй и третий раз согласно святым правилам, презрел это и не явился, то справедливо Вселенским собором лишен священства и приговорен к отчуждению от епископского достоинства, чтобы для других, покушающихся делать подобное, явить пример порядка и строгости, ибо и божественные законы повелевают, говоря: извергните развращенного из среды вас (1Кор.5:13). Что может быть хуже погрешающего в таких делах, так попирающего Божественные каноны, наполняющего волнением и бурей всю вселенную, расточающего членов Церкви и вооружающего их взаимно друг против друга? Подлинно, всякий, видя, что член тела подвергся неизлечимой болезни и может заразить все тело, найдет врача, который бы употребил железо и отсек больную часть, чтобы сохранить здоровыми другие части тела. О чем истинно доносим вашей благочестивой власти, чтобы вы рассмотрели и его преступность, и чистоту справедливого приговора, произнесенного над ним как бы пред лицом Божиим. Мы уверены, что и вы, благочестивейшие и христианнейшие императоры, согласитесь с нами; мы знаем, какой страх внушает злым ваша почтенная власть и какую заботливость вы оказываете о церковном мире, будучи научены опытом. А чтобы ваша христианнейшая власть знала яснее, что определено верно и согласно со святыми правилами и волею Божьею,

мы присовокупили к этому донесению и самые состоявшиеся документы деяний с подписью всех нас».

Вероопределение установлено и прочитано было на соборе в воскресенье, 22 октября 451 года. На следующем, шестом заседании, 25 октября, происходило торжественное утверждение вероопределения, совершенное в присутствии императора Маркиана, императрицы Пульхерии и многочисленного собрания придворных чинов. Император открыл это радостное заседание речью к отцам собора, в которой, между прочим, говорил: «В недавнее время открылись некоторые, одни по жадности к деньгам, а другие по худым пристрастиям, мудрствующие разное и излагавшие пред толпою учения, полные вредных заблуждений. Желая уврачевать зло, мы собрали святой ваш собор в уверенности, что от ваших трудов по путешествию будет величайший успех в деле утверждения Богопочитания, так что отнимется тьма, лежащая на умах заблуждающихся людей. Итак, пусть обнаружится истина, заключающаяся в ваших изложениях. Мы же, чтобы придать твердость деяниям соборным, а не для показания силы, решились присутствовать на соборе, взяв во образец блаженной памяти Константина». За речью императора, покрытой радостными кликами отцов собора, последовало чтение вероопределения, за которым государь спросил отцов: «Пусть скажет святой собор, по согласию ли всех епископов провозглашено прочитанное теперь определение?». «Все так веруем, – послышалось в ответ, – все так мудствуем. Маркиану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду многая лета; вы – мир вселенной; вы – светила Православия; Господи, сохрани светила вселенной; Пульхерия – новая Елена, ты явила ревность Елены; Несторию, Евтихию и Диоскору анафема, Троица извергла троих!»

После такого торжественного утверждения вероопределения IV Вселенского собора император Маркиан издает ряд указов, направленных к пресечению ереси и упрочению православного учения²³⁴. Но подобные указы бессильны были прекратить волнения в Церкви, продолжавшиеся в разных местах ее и после Халкидонского

собора. Задачу окончательного умирения Церкви, взволнованной спорами о двух естествах во Христе, берет на себя следующий V Вселенский собор.

Воспоминание V Вселенского собора

(совершается Православной Церковью 25 июля)

Торжество Православия над монофизитскою ересью на Халкидонском IV Вселенском соборе не было окончательным: еретики-монофизиты продолжали существовать в Восточной Церкви. В некоторых местах ее вероопределения Халкидонского собора были встречены беспорядками и открытыми возмущениями; главное ядро возмущавшихся составляли монахи-преступники, верившие искренне нелепым внушениям сторонников ереси, что Халкидонский собор изменил древней вере и ввел какую-то новую. Возмущения, поднятые подобными внушениями, доходили до низвержения и даже убийства еретиками православных епископов и священников, причем для подавления таких восстаний иногда требовалось вмешательство вооруженной силы. Такими местами была Палестина, Египет в особенности, Сирия со столичным городом Антиохией во главе и даже Константинополь. В целях умиротворения Церкви некоторые императоры, преемники Маркиана, издавали указы, которыми, однако, достигали обратных результатов, еще более разжигая недовольство. Император Василиск (476–477 гг.) издал окружную грамоту (энциклион), где анафематствовался IV Вселенский собор и его деяния: «Что, — читаем здесь, — нарушило единение святых Божиих Церквей и мир всего мира, как то сочинение Льва (папы) и все постановленное в Халкидоне для определения веры, в каждой церкви, где будет найдено, повелевается всюду находящимся епископам предавать анафеме и огню». Император Зенон (477–491 гг.) издает грамоту единения (энотикон), где говорит двусмысленно о Халкидонском соборе; император Анастасий (491–518 гг.) хотел ввести в Константинополе монофизитское добавление к Трисвятому «распныйся за ны»²³⁵. Подобные указы императоров содействовали все большому и большому распространению на Востоке монофизитства.

Эти монофизитские волнения, раздиравшие Церковь и после Халкидонского собора, осложняло и усиливало еще следующее обстоятельство.

В истории появления и развития ереси Нестория значительное участие принадлежало трем лицам, скончавшимся в V веке:

Феодору, епископу Мопсуестскому, Феодориту, епископу Кирскому, и Иве, епископу Едесскому. Феодор Мопсуестский был одним из учителей Нестория; Феодорит писал резкие анафематизмы против учения святого Кирилла Александрийского; под именем же Ивы ходило послание к некоему Марию Персу, в котором содержались непочтительные отзывы о III Вселенском соборе, будто бы несправедливо осудившем Нестория, и находились выражения, оскорбительные для святого Кирилла. Несмотря на участие помянутых лиц в борьбе с Православием за ересь Нестория, они не были осуждены ни на III Вселенском соборе, осудившем Нестория, ни на Халкидонском IV Вселенском, хотя последний собор имел случай касаться деятельности Феодорита и Ивы, которым на этом соборе возвращены были епископские кафедры, а о Феодоре Мопсуестском собор даже имел повод выразить до некоторой степени и свое суждение, коснувшись его сочинений. Такое отношение со стороны православных к Феодору Мопсуестскому, Феодориту Кирскому и Иве Едесскому открывало возможность монофизитам укорять Церковь в скрытой приверженности к несторианству. По свидетельству одного современника «еретики (монофизиты) поносили священников Церкви как последователей Нестория». С другой стороны, и несториане, которых все еще было не мало на Востоке, извлекали выгоды из того обстоятельства, что помянутые сторонники несторианства не были осуждены Православной Церковью. Дело в том, что сочинения Нестория были изъяты из публичного обращения императорскими указами; тогда для распространения своей ереси несториане и прибегли к распространению тех сочинений Феодора, Феодорита и Ивы, в которых проводились несторианские воззрения. На восьмом заседании V Вселенского собора прямо

засвидетельствовано: «Последователи Нестория старались навязать Церкви Божией свое нечестие чрез нечестивого Феодора, который был епископом Мопсуеста, чрез его нечестивые сочинения, и кроме этого, посредством того, что написал нечестиво Феодорит, и посредством злостного послания, которое, говорят, написал Ива Марию Персу».

Для Церкви, таким образом, было необходимо произвести осуждение на Феодора, Феодорита и Иву, поскольку они являлись писателями и деятелями, враждебными Православию и дружественными Несторию. Через это у монофизитов отнимался повод для нападков на Православную Церковь, а у несториан – возможность к распространению еретических (несторианских) воззрений. Император Юстиниан, принимавший самое близкое участие в делах Церкви и горевший желанием примирить многочисленных монофизитов империи с православными и тем достигнуть на единении религиозном единения государственного, и принял на себя заботу устранить церковное разделение. По совету имевшего на него влияние Феодора Аскиды, архиепископа Кесарии Каппадокийской, император около 544 года издал указ, в котором подвергались анафеме Феодор Мопсуестский со всеми его сочинениями и учением, Феодорит Кирский за сочинения, направленные против святого Кирилла Александрийского и III Вселенского собора, и Ива Едесский – за послание к Марию Персу, в котором усматривалось тяготение к несторианству. Указ императора не дошел до нас; сохранились только отрывки из него у писателей, современных его изданию. Император надеялся, что указ будет принят всеми представителями церковной власти и, таким образом, получит общецерковное значение. Но случилось обратное. Указ вызвал новые великие смятения в Церкви, известные под именем «спора о трех главах»²³⁶. Спорящие стороны, та и другая, имели под собою почву так как в жизни и деятельности Феодора, Феодорита и Ивы в отношении к Церкви находились основания и для их защиты, и для их осуждения. Естественно, что с первым требованием о подписании указа император обратился к Мине, патриарху Константинопольскому. Мина пришел в раздумье, как бы своею подписью указа,

призывающего к осуждению того, чего не осуждал Халкидонский IV Вселенский собор, не нанести укоризну последнему. Впрочем, после некоторого колебания патриарх Константинопольский подписал указ, но с оговоркой, что если папа Римский откажется это сделать, то и его подпись должна считаться недействительной. Остальные восточные патриархи: Зоил Александрийский, Ефрем Антиохийский и Петр Иерусалимский – тоже не без колебаний подписали указ, понуждаемые к этому отчасти чувством приличия и отчасти страхом наказания за сопротивление. За патриархами подписали и прочие восточные епископы.

Совершенно иное отношение указ встретил на Западе, епископы которого менее боялись императора и потому в своих суждениях и действиях были более независимы. Западные епископы поднялись на открытую борьбу с указом императора. Прежде всего императору пришлось натолкнуться на это сопротивление Западной Церкви в самом Константинополе. Поверенный (апокрисиарий) папы в Константинополе Стефан, узнав о подписи патриархом Миною указа, прервал с ним общение и других призывал к тому же. Декий, епископ Медиоланский, находившийся в Константинополе при обнародовании указа, тоже заявил открытый протест. С особенною решительностью и как один человек восстали епископы африканские, выразившие свое неодобрение указу даже особым посланием к императору, составленном от лица их епископом Понтианом. «Все те сочинения, о которых началась речь, – писали Юстиниану африканские епископы чрез Понтиана, – нам мало известны. Когда они дойдут до нас и когда, прочтя их, мы усмотрим, что они противны правой вере, то мы осудим их, но не самих авторов, уже умерших. Ежели бы они живы были доселе и не захотели осудить своих погрешностей, то только в таком случае они сами могли бы подлежать справедливому осуждению. К чему послужит осуждение наше, ежели они не могут исправиться в своих заблуждениях? Мы боимся, чтобы осуждение их не послужило в пользу монофизитов. Зачем нам беспокоить умерших? Они теперь пред лицом Судии истинного, выше Которого нет другого

судии». Когда указ дошел до Рима, то папа Вигилий через двух своих диаконов, Пелагия и Анатолия, пожелал прежде всего навести справку, как судят об указе африканские епископы. На запрос Римской Церкви отвечал ученый карфагенский диакон Фульгенций Ферранд особым посланием в Рим, которое послужило для Рима руководством в его отношении к указу Юстиниана.

В своем послании Фульгенций Ферранд развивает следующие основные положения: 1) согласие с указом Юстиниана равносильно с пренебрежением к значению Халкидонского IV Вселенского собора²³⁷; 2) умерших осуждать не следует²³⁸; 3) своим указом император насилует совесть членов Церкви²³⁹. Папа отклонил от себя подписание указа. Враждебно встречен был указ и в других местах Запада, и в Элладе и Иллирике.

Видя противодействие Запада, император решил склонить на свою сторону папу Римского, как патриарха Запада. В целях более успешного воздействия на тогдашнего папу Вигилия император вызвал его в 547 году в Константинополь; Вигилию был повод отправиться в Византию и по делам политическим – по причине нашествия на Рим готов. Но, и по прибытии в Константинополь, папа вначале не изменял своего отношения к указу; он даже отлучил патриарха Мину от церковного общения на четыре месяца за его согласие на осуждение «трех глав». Мина ответил тем же Вигилию. Однако затем, частью вследствие твердого отпора со стороны Константинопольского патриарха, частью вследствие большего ознакомления с делом на месте его возникновения, частью по слабыхарактерности, уступая влиянию двора и имея в виду согласие всех восточных епископов на осуждение «трех глав», папа Вигилий изменил свое решение: он согласился с осуждением «трех глав» и обнародовал в этом смысле особый документ, известный под названием *Iudicatum*, где выражал свое согласие с решением императора и церкви Восточной, осуждая Феодора за его учение и сочинения, Феодорита – за некоторые сочинения, написанные против Православия, и Иву – за послание к Марию Персу. Но согласие папы Вигилия, как показало дальнейшее, вовсе не

означало согласия на осуждение «трех глав» Западного духовенства. Оно вступило в борьбу со своим патриархом, как отступником от веры. Эту борьбу с папою начали два диакона из его же свиты в Константинополе: родной племянник папы Рустик и Севастиан. Осуждая святого Кирилла Александрийского, вероятно за его стремление подвергнуть анафеме сочинения Феодора Мопсуестского, Рустик и Севастиан, напротив, горячо защищали последние, объявляя, при этом, что папа сделался противником Халкидонского собора; они рассылали письма, в которых доказывалась неправильность осуждения «трех глав»; эти письма в иных местах вызывали столь сильные разногласия, что спорящие доходили до кровопролития. Рустик и Севастиан обратились с прошением даже к самому императору, где доказывали, что папа Лев, современник Халкидонского собора, был защитником сочинений Феодора Мопсуестского. За свою деятельность Рустик и Севастиан, вместе с другими участниками их «заговора и скопа», лишены были принадлежащего им церковного достоинства. Но это не остановило сопротивления папе. Вместе с распространением на Западе слухов о поведении Вигилия все более и более возрастала церковная смута. Иллирийские епископы собрали в 549 году собор, который обратился с посланием к Юстиниану, доказывая несправедливость осуждения «трех глав»; этот же собор осудил епископа Бенената, который порицал «три главы». Африканские епископы на соборе 550 года отлучили папу Вигилия от церковного общения, пока он не принесет покаяния за свое согласие осудить «три главы»; собор обращался к императору с посланием с защитой последних. Не говоря уже о других местах Запада, даже в отдаленной Галлии началось возмущение против Вигилия. Среди многочисленных борцов с указом императора бесспорно выходящее место принадлежит епископу Гермиянскому (в Африке) Факунду. Он издал обширное сочинение под заглавием «В защиту трех глав», где на основании исторических данных, приведения из сочинений осуждаемых мест, говорящих за их Православие, на основании установления понятия еретик и доказательств невозможности

применять суд к умершим строит свою апологию. В защиту Феодора Мопсуестского Факунд писал: «Феодор умер в мире с Церковью; он был хвалим мужами достоуважаемыми; целый собор епископов Антиохийских писал в его защиту. О нем не произнес осуждения собор Халкидонский, когда читалось на том соборе послание Ивы, где Феодор украшается похвалами. Изыскивая основания к порицанию Феодора, ссылаются на Кирилла, который порицал Феодора; но ежели руководиться такими образцами, то мы встретимся со многими примерами, где одни из отцов неуважительно отзываются о других; но главное, как мы будем следовать Кириллу в осуждении Феодора, когда это будет нападением на собор Халкидонский, на котором не осужден Феодор? Напрасно хотят осудить Феодора, как еретика, принимая во внимание его заблуждения: еретик не тот, кто заблуждается, а тот, кто, будучи уличен в не православии, остается упорным; как осуждать Феодора как еретика, когда он умер! Кто явится обвинителем против Феодора? Может ли обвинитель доказать, что все приписываемое Феодору действительно принадлежит ему? На суде людском каждый может отречься, что он не делал того, в чем его обвиняют, или как-нибудь объяснить дело к своей выгоде, или, наконец, отказаться от заблуждений, в каких обвиняется; но Феодор не может воспользоваться всеми этими выгодами для подсудимого, находящегося в живых. Христос Спаситель заповедал: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе (Мф.18:18); этим дается знать, что как не должно по смерти разрешать тех, которые связаны были на земли, так не должно и связывать по смерти тех, кои не были связаны на земли. Наконец, у Феодора есть в сочинениях много мыслей правильных, общих с знаменитыми отцами Церкви, поэтому осуждать Феодора – значит осуждать и святых отцов, писавших в том же духе, как Феодор». В защиту Ивы Факунд писал: «Осуждать письмо Ивы – значит нападать на Халкидонский собор; авторитет этого собора защищает сам император Юстиниан; но каким образом письмо Ивы может быть осуждено, как нечестивое и несторианское, когда этого не сделал этот

собор? Письмо Ивы не все нечестиво и безбожно; в нем содержится исповедание двух естеств в Иисусе Христе, а этого нельзя назвать ни нечестием, ни безбожием. Ива худо отзывается о святом Кирилле, писал против Кирилловых анафематизмов? Но ежели мы станем обращать внимание на подобные стороны дела, то придем к необходимости осудить и некоторых других досточтимых мужей, кои также неодобрительно отзывались о святом Кирилле». В защиту Феодорита Факунд говорит очень немного: оправдание его он основывает на деяниях Халкидонского собора и на отношении отцов этого собора к Феодориту. В противовес стремлениям Западной Церкви, находившей все новые и новые основания к оправданию «трех глав», император Юстиниан отыскивает факты в доказательство совершенной законности осуждения «трех глав». В Мопсуесте, где находилась кафедра Феодора, в мае 550 года император созывает Поместный собор для исследования и решения вопроса: было ли имя Феодора здесь занесено в церковные диптихи?²⁴⁰

Собор, под председательством Иоанна, митрополита из города Аназарва, состоял из восьми епископов с участием пресвитеров, диаконов, иподиаконов, чтецов Мопсуестской Церкви и представителей светской власти. Множество свидетелей, из пожилых людей, светских и духовных, призвано было для ответа на вопрос: помнят ли они, чтобы имя Феодора читалось в церковных диптихах, и не известно ли им, когда оно исключено оттуда? Показания свидетелей, из которых некоторым было от семидесяти до восьмидесяти лет, сводились к следующему: «Не знаем и не слыхали, чтобы Феодор, бывший некогда епископом этого города, был провозглашен в церковных диптихах. Но слышали, что святой Кирилл, бывший епископ великого города Александрии, помещен вместо Феодора в диптихах и даже доселе он провозглашается с другими епископами. Не знаем и не слыхали, чтобы в нашем городе был епископ по имени Кирилл; а тот епископ Феодор, который читался в диптихах, умер три года тому назад».

Принесены были на собор древнейшие диптихи, писанные на пергамене и уже не употреблявшиеся за богослужением;

оказалось, что в них на том месте, где по порядку следования во времени должно быть имя Феодора, помещено имя Кирилла. Результат изысканий собора был изложен председателем его в следующих словах:

«Ясно показано, что прежний Феодор, который был епископом в этом городе, в древние времена не был провозглашаем при Божественном таинстве и исключен был из священных диптихов и вместо его имени вписан был святой памяти Кирилл», о чем и сообщено было императору и папе.

С тою же целью – обнаружить неосновательность защиты «трех глав» – император, вероятно в 551 году, издал указ, где с большою тщательностью опровергаются возражения, какие делались против осуждения «трех глав». Этот указ разделяется на три части. Первая содержит богословствование о Святой Троице и соединении во Христе Иисусе двух естеств с опровержением тех доказательств, какие приводили в защиту монофизитства сами еретики. Вторая часть содержит анафематства на различные заблуждения и еретиков Церкви древней и современной: произносит анафему на Феодора Мопсуестского, на некоторые сочинения Феодорита и на письмо Ивы к Марию Персу. Третья часть опровергает возражения, приводимые защитниками трех глав против их осуждения указом императора. Так, в защиту Феодора Мопсуестского противники указа говорили: а) если в сочинении Феодора и замечаются заблуждения, то отсюда только тот правильный вывод, что их и нужно анафематствовать, а никак не лицо сочинителя. Юстиниан в ответ на это возражение приводит текст Священного Писания, что равноненавистны Богу и нечестивец и нечестие его (Прем.14:9); б) В устранение возражения, что нельзя анафематствовать Феодора, как уже умершего, Юстиниан указывает, что подобное анафематствование совершалось в Церкви как в древности, так и в более близкое время. Это видно из деяний святых соборов, например Никейского, безыменно анафематствовавшего всех последователей Ария; видно из слов блаженного Августина, который говорит о себе, что он, в случае нужды, «подверг бы» одного епископа (Цецилиана), если было доказано его

еретичество, «анафеме и после его смерти». Затем, если нельзя осуждать еретиков по смерти, то, с другой стороны, нельзя и оправдывать после смерти невинно осужденных, тогда как церковь после смерти именно оправдала Иоанна Златоуста и Флавиана, архиепископов Константинопольских, в) Что же касается указания, что не следует анафематствовать Феодора, как умершего в общении с Церковью, то по мысли указа, в общении с Церковью находятся лишь лица, до конца своей жизни соблюдающие содержимое ею учение благочестия; Феодор же постоянно пребывал в нечестии, поэтому и умер вне общения с Церковью. При этом приводится, как доказательство, уже известное решение Поместного собора в Мопсуестсе. г) Указание защитников Феодора на добрые отзывы о нем чтимых Церковью лиц, например святого Кирилла Александрийского, Иоанна Антиохийского с собором, в доказательство невозможности осуждения Мопсуестского епископа не оставлено Юстинианом тоже без рассмотрения. Соглашаясь, что святой Кирилл говорил нечто за Феодора, Юстиниан замечает, что гораздо более святым отцом сказано против Феодора. Похвала же Иоанна Антиохийского и собора Антиохийских епископов произнесена ими во дни вражды с Кириллом, когда они были сторонниками Нестория. Притом Церковь знает примеры, что похвала даже святых отцов некоторым еретикам не освободила последних от осуждения и анафемы после того, как обнаружено было их нечестие.

Обращаясь к рассмотрению доказательств незаконности осуждения послания Ивы, император останавливается прежде всего на указании, 1) что послание Ивы принято святым Халкидонским собором. Но это указание отвергается на следующем основании: по прочтении послания собор прямо и решительно потребовал от Ивы анафематствования Нестория и его учения, на защиту которых и направлено было послание, то есть принятие собором послания и осуждение Нестория – две вещи, исключаящие друг друга взаимно. 2) Не избавляет послание от осуждения и нахождение в нем православных выражений: в Христе два естества, одна сила (власть), одно лицо. Но ведь, указывает император, и Несторий учил о двух

естествах и при этом осужден: нужно не только исповедовать во Христе два естества, но и признавать их ипостасное соединение, чего и не делает Ива в своем послании, полном несторианских мыслей. Наконец, защитники «трех глав» говорили, что порицать послания Ивы нельзя и потому еще, что оно внесено в соборные записи. Но, замечает император, из сочинений Нестория и Евтихия многое приведено в соборных деяниях; значит, и их нужно оправдать. Кто же не знает, что многое из еретического лжеучения приводится в соборных записях, но, конечно, не для того, чтобы показать правильность учения еретиков, а как раз для обратной цели – обличить их мудрствования, противные Православию.

Однако несмотря на все усилия императора Западная Церковь не переставала противиться осуждению «трех глав». Эта стойкость отразилась и на папе Вигилии, который начал колебаться в своем решении анафематствовать «три главы». Видя такое положение вещей, император для окончательного решения вопроса созывает V Вселенский собор.

V Вселенский собор открылся в Константинополе и имел восемь заседаний. Он начался 5 мая 553 года. На первых заседаниях собора было сто пятьдесят епископов, а при закрытии его число их доходило до ста шестидесяти четырех. На соборе председательствовал Евтихий, патриарх Константинопольский. Среди членов собора более выдающимися были Аполлинарий, патриарх Александрийский, Домн, патриарх Антиохийский; за патриарха Иерусалимского представляли три палестинских епископа. В числе отцов собора западных епископов было очень немного (от шести до восьми) и все они были из Африки. Папа Вигилий все еще жил в Константинополе, и император желал видеть его на соборе. Собор отправил к папе посольство с предложением явиться на собор. Приглашать папу отправились три патриарха (Константинопольский, Александрийский, Антиохийский) и семнадцать епископов. Возвратившись от папы, депутация поведала членам собора, собравшимся в епископии: «Прибыв к святейшему папе, мы стали просить, чтобы, согласно переписке, бывшей между нами и им, его блаженство

пожаловал на собор и вместе с нами рассудил о „трех главах“, объявив при этом его блаженству, что благочестивейший наш император прислал нам грамоту и просит дать ответ относительно „трех глав“.

Хотя он сказал, что по слабости телесной не может выполнить этого требования, однако же обещал на следующий день объявить, какого он мнения о таком соборе». Собрание епископов разошлось по домам. Вторичное посольство к папе из нескольких епископов и светских чиновников, как депутатов от лица императора, тоже получило отказ, но на этот раз свое нежелание идти на собор папа не оправдывал болезнью, а прямо заявил, что на соборе очень мало западных епископов по сравнению с числом восточных. Папа обещал, впрочем, письменно высказаться по вопросу об осуждении «трех глав». Третье посольство, по обычаю отправленное к папе, тоже ничего не достигло: папа отказался присутствовать на соборе, и посланные объявили ему, что собор вынужден будет открыться без него. Некоторые из западных епископов, прилучившихся в Константинополе, ссылаясь на отказ папы, тоже отказались идти на собор. Истинная же причина подобных отказов заключалась в том, что папа опять возвратился к мысли, что не следует производить осуждения «трех глав»²⁴¹; зная же, что восточные епископы держатся противоположного взгляда, папа счел за лучшее вовсе не являться на собор.

Император обратился к отцам собора с указом, прочитанным при открытии соборных заседаний. В этом указе намечался порядок рассмотрения спорного вопроса о «трех главах»: «Просим вас, – писал император, – рассмотреть то, что написано как в других сочинениях (Феодора Мопсуестского), так и в его символе; просим также рассмотреть и то, что о нем и его хулениях написали святые отцы и обнародовали наши предшественники, равно и то, что написали о нем писатели церковной истории. Просим вас порассудить и о мнении тех, которые утверждают, будто не следует анафематствовать еретиков по смерти, и просим держаться в этом случае учения святых отцов, которые и по смерти анафематствовали умерших в своем нечестии. Просим вас обратить внимание на то, что

нечестиво написано Феодоритом против правой веры и против Ефесского собора, против памяти Кирилла и против его двенадцать глав, и что тот же Феодорит написал в защиту Феодора и Нестория и их хулений против памяти Кирилла. Просим также сделать исследование и о нечестивом послании, которое написал Ива к Марию Персу. И так как некоторые дерзают утверждать, что послание это, содержащее нечестие, принято и святым Халкидонским собором, то просим вас сличить то, что сказано этим святым собором в определениях его, изложенных в защиту веры, и то, что содержится в нечестивом послании, чтобы всесторонне доказать справедливое, а нечестивое осудить».

Взяв в руководство распорядка своей деятельности указ императора, отцы собора прежде всего занялись вопросом о Феодоре Мопсуестском. Из сочинений последнего на соборе извлечено и прочитано было очень много мест, причем обнаружилось, что Феодор в сущности повторял учение Нестория, осужденное III Вселенским собором. Неправославные мнения Феодора, открытые и изобличенные собором и названные им «сокровищами нечестия», сосредоточивались, главным образом, на учении о двух естествах во Христе и образе их соединения и заключались в следующем: 1) от Пресвятой Девы Марии родился не Бог, а человек²⁴²; 2) Бог-Слово не рождался от Девы Марии, а лишь присутствовал в человеке Иисусе при Его рождении и во время остальной Его жизни²⁴³; 3) из такого воззрения Феодор, естественно, приходил к составлявшему сущность несторианства учению о разделении естеств в Богочеловеке: по его утверждению во Христе Иисусе существовали как бы два лица – Божеское и человеческое, не соединяясь одно с другим²⁴⁴; 4) при этом Феодор, вопреки учению Православной Церкви, не полагал никакого различия между человеком-Христом и всяким другим человеком; он считал свойственной человеку Иисусу борьбу со страстями и похотями, так что, по мысли Феодора, «только чрез свое воскресение Христос, как человек, сделался неизменяемым, то есть неудобопреклонным ко злу. Почему до воскресения мертвых он укорял Петра за то, что тот соблазняет Его своими

словами (см.: Мф.16:23). Чрез воскресение же Христос сделался совершенно непорочным». Если же Христос, как человек, не обладал нравственным совершенством, то, учил Феодор, 5) он нуждался в руководстве Духа Святого и в содействии Бога-Слова в достижении непорочности²⁴⁵. Признавая, что от Пресвятой Девы Марии родился не Богочеловек, а человек Христос, Феодор почитал возможным только в относительном, а не буквальном смысле именовать Деву Марию Богородицею: «Когда спросят, – рассуждал Феодор, – мать человека или мать Бога Мария, мы должны отвечать: и то и другое, первое по естеству, второе относительно. Она мать человека, потому что человек был во чреве Ее; но Она мать Бога, потому что Бог был в рожденном человеке, но Он был в нем по благоизволению».

Кроме того, собором в сочинениях Феодора Мопсуестского были открыты хотя и не столь важные, но все же значительные заблуждения, из которых некоторые граничили с ересью, а именно: его хульные отзывы о включенных в священный канон книги Иова и книги Песнь песней, его отрицание за многими ветхозаветными пророчествами, относящимися к Мессии, мессианского значения, и, наконец, его мнение, что наименование «христиане» однородно с наименованием других людей следующих, по его выражению, какойлибо секте.

Это чтение отрывков из сочинений Феодора собор по временам прерывал такими или подобными восклицаниями: «Это мы уже осудили, это уже предали анафеме, анафема Феодору Мопсуестскому и его сочинениям; они чужды Церкви, они чужды православным, они чужды отцам, они полные нечестия, они восстают на Священное

Писание, анафема Феодору: он опозорил Евангелие, он поругался над домостроительством нашего спасения».

Затем на соборе были читаны, с тою же целью суждения о виновности Феодора в еретических заблуждениях, послания и сочинения святого Кирилла Александрийского против Феодора, сочинения Прокла Константинопольского, Равулы Едесского и другие, служившие выражением голоса Церкви о Феодоре. Когда, на основании этих документальных данных, выяснился

еретический образ мыслей Феодора, собор все еще не спешил с его осуждением: отцы собора, прежде чем изнести свой окончательный приговор, считают себя обязанными разобраться с возражениями, какие делались в защиту Феодора противниками осуждения «трех глав». Так, защитники Феодора отрицали возможность его осуждения на том основании, что в одном из посланий святой Кирилл Александрийский называет Феодора «добрым Феодором». Но чтение послания показало отцам собора, что святой Кирилл, называя Феодора «добрым» за его борьбу с арианством и труды по истолкованию Священного Писания, в том же послании порицает того же Феодора за неправильные мысли о соединении двух естеств во Христе. Притом отцы собора пояснили, что хороший отзыв уважаемого Церковью лица о другом, оказавшемся еретиком, не избавляет последнего от осуждения: одобрительный отзыв святого Василия Великого об Аполлинарии не избавил Аполлинария от осуждения за еретичество. Папа Лев, одобрявший в своем послании Евтихия, впоследствии анафематствовал его как еретика. Кроме того, снисходительный отзыв о заблуждающемся лице делается иногда в целях достижения церковного мира. Святой Кирилл отзывался кротко о Феодоре единственно в тех видах, чтобы не усилить вражду несториан к Церкви. Далее, защитники Феодора говорили, что его нельзя осуждать, так как он уже умер. Собор доказывает неосновательность подобного суждения, ссылаясь в подтверждение своего взгляда на примеры, показывавшие, что не безвременно осуждение еретика и после его смерти. Здесь собор останавливается главным образом на свидетельствах святого Кирилла Александрийского и блаженного Августина. Святой Кирилл писал: «И так должно осуждать тех, которые повинны в дурных поступках, в живых ли они находятся или нет». «Если когда-либо это было доказано нам, – говорит блаженный Августин об епископе Цецилиане Карфагенском, которого выставляли перед ним как нарушителя церковного мира, – мы сами анафематствовали бы его после смерти». Третье возражение защитников Феодора, указывавших на то, что последний умер в мире с Церковью и потому не может быть осужден, отцы собора

устранили, считая умершими в мире с Церковью лишь христиан, соблюдавших догматы веры до конца жизни. При этом перечитаны были на соборе деяния Мопсуестского Поместного собора, обнаружившего, что в Мопсуесте имя Феодора с давних лет было вычеркнуто из церковных диптихов.

Окончив суждение о Феодоре Мопсуестском и отложив осуждение его до времени рассмотрения дела всех «трех глав», собор, согласно пожеланию императорского указа, приступил к рассмотрению сочинений Феодорита Кирского, написанных для содействия несторианству в борьбе с православием. Собор признал заслуживающими особого порицания следующие сочинения Феодорита:

1) разбор двенадцати анафематизмов Кирилла, в котором несторианские воззрения Феодорита нашли открытое выражение, как видно, например, из следующего места: «Бог-Слово не родился от Девы естеством, зачавшись и образовавшись и с того времени получив начало существования, но образовавший себе храм в девической утробе был вместе с образованным и рожденным. Поэтому и святую Деву называем Богородицей не потому, что Она родила Бога по естеству, но потому, что Она родила человека, соединенного с Богом, Который образовал его»; 2) некоторые послания, где Феодорит поносил незаслуженными укоризнами защитника правой веры святого Кирилла Александрийского. В числе их прочитано было на соборе и то послание Феодорита, которое им написано было вслед за смертью святого Кирилла: послание это полно насмешек и издевательств над почившим великим святителем²⁴⁶; 3) послание Феодорита к Андрею, епископу Самосатскому, полное ужасных хулений на III Вселенский собор, — православные епископы собора представляются в нем злодеями, державшиеся же несторианской ереси — как невинные страдальцы за веру²⁴⁷; 4) Послание Феодорита к Несторию после III Вселенского собора, из которого видно, что Феодорит оставался другом и преданным учеником Нестория и после анафематствования его Вселенскою Церковью, как обнаруживается это из самого заглавия послания: «Господину моему, достопочтеннейшему и

благочестивейшему и святейшему отцу, епископу Несторию». Выслушаны были собором и писания Феодорита в защиту Феодора Мопсуестского. Свое суждение о Феодорите, как авторе неправославных сочинений, и об отношении к нему IV Вселенского собора в Халкидоне отцы V собора Вселенского кратко выразили так: «Имея в виду то, что нечестиво написал Феодорит, должно удивляться проницательности святого Халкидонского собора, ибо, зная его богохульства, он прежде довольно часто употреблял против него многие воззвания, а после иначе не принял бы его, ежели бы он наперед не анафематствовал Нестория и его богохульства, в защиту которых прежде писал».

По рассмотрении сочинений Феодорита, несогласных с учением правой веры, собор начал рассмотрение дела «третьей главы» – Ивы Едесского с его посланием к Марию Персу. Здесь отцам собора, собственно, предстояло решить вопрос: можно ли признавать справедливым утверждение некоторых, что послание Ивы принято IV Вселенским собором в Халкидоне? Чтобы ответить на этот вопрос, отцы прежде всего выясняют, как поступлено было на Халкидонском соборе с самим Ивою? При этом некоторые епископы в своих речах развивали ту мысль, что оправдание Ивы на Халкидонском соборе не простиралось на его послание: на соборе Ива заявлял, что он неповинен в том, в чем его обвиняют, и этим самым отказывался от своего послания – сам не признавал его мыслей истиною. Правда, некоторые отцы Халкидонского собора – как поставляли это на вид противники осуждения «трех глав» – говорили, что Ива невиновен и послание его православно. На это отцы V Вселенского собора возражали в том смысле, что так смотрело меньшинство из отцов IV Вселенского собора, большинство же видело в Иве раскаявшегося человека, а на соборе и должно руководиться мнением не отдельных лиц, а всех или, по крайней мере, большинства. Для совершенного и окончательного удостоверения, что послание Ивы не было принято Халкидонским собором, отцы сличили послание к Марию Персу с его вероопределением; из этого сличения с непререкаемою ясностью открылось, что мнения послания

отвергались отцами Халкидонского собора. Тогда единодушно послание Ивы было объявлено еретическим:

«Все мы, – воскликнули отцы V Вселенского собора, – осуждаем послание; все мы анафематствуем оное; послание чуждо собору, послание противно определениям, все послание еретическое, все богохульное. Кто его не анафематствует, тот еретик. Кто принимает послание, тот отвергает святых Халкидонских отцов.

Осуждаем и анафематствуем вместе со всеми другими еретиками и Феодора, который был епископом в Мопсуесте и его нечестивые сочинения, и то, что нечестиво написал Феодорит против правой веры, против двенадцати глав святого Кирилла и против Ефесского собора, и что написано им в защиту Нестория. Кроме того, анафематствуем и нечестивое послание, которое написал Ива к Марию, отвергающее, что Бог-Слово, воплотившись от святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался Человеком, и порицающее святую память Кирилла, учившего православно, – как еретика и как писавшего подобно Аполлинарию, и обвиняющее Ефесский собор в том, что им низложен Несторий без суда и следствия, и защищающее Феодора и Нестория и их нечестивые учения и сочинения. Итак, анафематствуем вышеупомянутые «три главы», то есть нечестивого Феодора с его непотребными сочинениями и то, что нечестиво написал Феодорит, и нечестивое Послание, которое приписывается Иве, и их защитников, и тех, которые писали или пишут в защиту их, или дерзают называть их православными, или вообще, защищая их, стараются защитить их нечестие именем святых отцов и святого Халкидонского собора».

Таким образом собор осудил лицо и сочинения Феодора Мопсуестского, Феодорита же и Иву не осудил, а анафематствовал только некоторые сочинения первого и послание второго.

Затем, «возжигая свет знания из Божественного Писания и учения святых отцов», отцы собора, кроме помянутого вероопределения, сочли необходимым изложить вкратце по пунктам проповедание истины и осуждение еретиков с их

учением. Всех таких пунктов четырнадцать. В первых 11 излагается сущность вероучения, направленного против ересей, осужденных на предшествовавших Вселенских соборах; остальные пункты (– 12, 13 и 14 следующим образом излагают более подробные постановления относительно Феодора Мопсуестского, Феодорита и Ивы: 12) «Если кто защищает нечестивого Феодора Мопсуестского, говорившего, что иной есть Бог-Слово и иной Христос, Который был обуреваем страстями душевными и вожделениями плотскими и отдалялся от более дурного мало-помалу и, таким образом, преуспевая в делах, улучшился и путем жизни стал непорочен, Который крестился как простой человек, во имя Отца и Сына и Святого Духа и чрез крещение получил благодать Святого Духа и удостоился усыновления и по подобию царского изображения принимает поклонение в лицо Бога-Слова и после воскресения сделался неизменяемым в помышлениях и совершенно безгрешным, и еще говорившего, что соединение Бога-Слова со Христом совершилось такое же, о каком говорит апостол относительно мужа и жены: и будут двое одна плоть (Еф.5:31), и сверх других бесчисленных богохульств дерзнувшего сказать, что когда Господь по воскресении дунул на учеников и сказал: примите Духа Святого (Ин.20:22), то не дал им Святого Духа, а дунул только образно; говорившего также, что и исповедание Фомы по осязании рук и ребр Господа после воскресения: Господь мой и Бог мой! (Ин.20:28), сказано Фомой не о Христе, но что, пораженный необычайностью воскресения, Фома прославил Бога, возбудившего Христа, и что еще хуже – в своем будто бы толковании на „Деяния апостольские“, сопоставлявшего Христа с Платоном, Манихеем, Епикуром и Маркионом и говорившего, что как каждый из них, изобретши собственное учение, дал ученикам своим названия платоников, манихеев, епикурейцев и маркионитов, подобным же образом, когда Христос изобрел учение, от Него стали называться христиане, – итак, если кто защищает вышесказанного нечестивого Феодора и нечестивые его сочинения, в которых он излил как вышесказанные, так и другие неисчислимые богохульства против великого Бога и Спасителя Иисуса Христа,

а не анафематствует его и нечестивые его сочинения, и всех, которые поддерживают или защищают его и говорят, что он изложил православно, и которые писали в защиту его и мудрствуют, или когда-нибудь мудрствовали подобно ему и до смерти остались в таком нечестии, тот да будет анафема». 13) «Если кто защищает нечестивые сочинения Феодорита, которые он написал против истинной веры и против первого Ефесского святого собора и святого Кирилла и двенадцати его глав, и все, что написал он в защиту нечестивых Феодора и Нестория и в защиту других, которые мудрствовали одинаково с вышесказанными Феодором и Несторием, защищая их и их нечестие, и по причине этого называя нечестивыми учителей церкви, которые исповедуют ипостасное соединение Бога-Слова (с плотью), а не анафематствуют упомянутые нечестивые сочинения и тех, которые мудрствовали и мудрствуют подобно им, и всех, которые писали против правой веры и святого Кирилла и двенадцати его глав и умерли в таком нечестии, тот да будет анафема». 14) «Если кто защищает послание, которое, говорят, написал Ива к Марию Персу еретику, которое отвергает, что Бог-Слово, воплотившись от Святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался человеком, а говорит, что от Нее родился человек, которого называем храмом, так что иной есть Бог-Слово и иной человек, и клеветает на святого Кирилла, проповедавшего правую веру христианскую, будто он еретик и писал подобно нечестивому Аполлинарию, и кто обвиняет первый Ефесский святой собор, будто он без суда и следствия осудил Нестория, и кто двенадцать глав святого Кирилла называет (как тоже нечестивое послание) нечестивыми и противными правой вере, и кто защищает Феодора и Нестория и нечестивые их учения и сочинения, итак, если кто защищает упомянутое нечестивое послание, а не анафематствует его и защитников его и тех, которые говорят, что оно правое или часть его, и тех, которые писали или пишут в защиту его или нечестия, в нем содержащегося, и дерзают защищать его или заключающееся в нем нечестие именем святых отцов или святого Халкидонского собора и в этом пребывают до смерти, тот да будет анафема».

Вместе с делом о «трех главах» отцы собора рассматривали вопрос о заблуждениях Оригена, знаменитого по своим дарованиям церковного учителя III века. Это было сделано во исполнение желания императора, выраженного им в обширнейшем послании к Мине, патриарху Константинопольскому. В этом послании между прочим находится такой перечень еретических заблуждений Оригена, требовавших, по мнению императора, осуждения: 1) Кто говорит или думает, что души человеческие предсуществовали, что они были прежде умами и святыми силами, наслаждались полнотою Божественного созерцания, а затем обратились к худшему и чрез это охладели в любви к Богу, отчего и называются душами и в наказание посланы в тела, тот да будет анафема. 2) Кто говорит или думает, что душа Господа прежде существовала и соединялась с Богом-Словом прежде воплощения и рождения Его от Девы, да будет анафема. 3) Кто говорит или думает, что сначала во чреве Святой Девы образовалось тело Господа нашего Иисуса Христа и затем с ним соединились Бог-Слово и душа существовавшего уже прежде, да будет анафема. 4) Кто говорит или думает, что Слово Божие уподоблялось всем небесным чинам, было для херувимов херувимом, для серафимов серафимом и уподоблялось всем вообще высшим силам, да будет анафема. 5) Кто говорит или думает, что тела человеческие в воскресении восстанут шарообразными, и не исповедует, что мы восстанем в правильном виде, да будет анафема. 6) Кто говорит, что небо, солнце, луна, звезды, воды, которые выше небес, суть существа одушевленные и некоторые разумно вещественные силы, да будет анафема. 7) Кто говорит или думает, что Господь Христос распнется в будущем веке за демонов, как и за людей, да будет анафема. 8) Кто говорит или думает, что могущество Бога ограничено или что Он создал столько, сколько мог обнять, да будет анафема. 9) Кто говорит или думает, что наказание демонов и нечестивых людей временно и что после некоторого времени оно будет иметь конец, или что будет после восстановление демонов и нечестивых людей, да будет анафема. 10) Анафема и Оригену, прозванному адамантовым, изложившему это, вместе с его

нечестивым, непотребным и преступным учением, и всякому, кто держится этих мыслей, или защищает их, или каким-нибудь образом когда-либо осмелится повторять их. Послание заключается следующим требованием: «Желая удалить всякий соблазн из святейшей Церкви, так, чтобы в ней не оставалось никакого порока, и следуя Божественному Писанию и писаниям святых отцов, отвергших как самого Оригена, так и его зловерное и нечестивое учение и праведно подвергших его и его учение анафеме, мы посылаем к твоему блаженству это наше послание, которым убедительно просим тебя собрать всех находящихся в этом царствующем городе святейших епископов и боголюбивейших игуменов здешних честных монастырей и устроить так, чтобы все решительно анафематствовали упоминаемого выше нечестивого и богоборного Оригена, прозванного адамантовым, бывшего пресвитером святейшей Церкви Александрийской, и его зловерное и нечестивое учение и все приведенные ниже главы, а также просим тебя копии с того, что будет сделано твоим блаженством по этому поводу, послать ко всем святейшим епископам и игуменам честных монастырей с тем, чтобы и они собственной подписью анафематствовали Оригена и зловерное его учение со всеми, какие обнаружатся, еретиками».

Неизвестно, каким образом происходил на соборе разбор и суд над лжеучением Оригена. Знаем только из 1 правила VI Вселенского собора, что отцы V Вселенского собора «Феодора Мопсуестского и Оригена, и Дидима, и Евагрия, возобновивших эллинские басни, соборно предали проклятию и отринули».

В Восточной Церкви, еще до собора склонившейся на осуждение «трех глав», V Вселенский собор не встретил себе противодействия. Не то видим в Церкви Западной, которая и до и во время V Вселенского собора противилась осуждению «трех глав». Лишь спустя полстолетия, при деятельной поддержке самих Римских пап, собор 553 года в Константинополе был признан на Западе наравне с четырьмя предшествующими ему Вселенскими соборами.

Воспоминание VI вселенского Собора

(совершается Православной Церковью 23 января)

Монофизитство, осужденное Церковью на IV Вселенском соборе в Халкидоне в 451 году, продолжало, однако, существовать, имея многочисленных последователей, в VI и VII веках. В последнем веке ересь монофизитская порождает родственную ей ересь монофелитскую, состоявшую в утверждении, что во Христе одна воля и одно действие – Божеское; человеческая же воля и человеческое действие отрицались монофелитами в Богочеловеке. Такое утверждение со стороны монофизитов было вполне естественным делом: учение монофизитов об одной природе, Божественной, во Христе и отрицание в Нем природы человеческой с необходимостью приводило к признанию во Христе одной лишь воли Божественной с отвержением существования у Него и воли человеческой. Современник VI Вселенского собора папа Агафон прямо свидетельствует: «Те, кои сливают таинство святого воплощения, уже тем самым, что исповедуют единое естество (монофизитство) во Христе, составившееся из Божеского и человеческого, стремятся признать в Нем, как едином, единую волю и единое личное действие».

Кроме монофизитов к монофелитству склонились и те из православных, кои, основываясь на учении Церкви о единстве Лица Богочеловека и забывая учение же Церкви о двойстве природ во Христе, приходили к такому заключению: «Господь наш Иисус Христос и по воплощении пребывает в двух совершенных естествах неслитно и нераздельно в одном Лице и одной ипостаси; особенности того и другого естества стеклись в одно лицо, в одну ипостась; поэтому мы исповедуем Христа в новом образе без телесных хотений и человеческих помыслов, исповедуем в Нем одно ипостасное хотение и действие». Но такое утверждение и было монофелитской ересью, а не православным учением, которое признает во Христе две природы – Божескую и человеческую, как природы полные и

всецелые, следовательно, с волями Божественной и человеческой.

Монофелитство своим широким распространением обязано императору Ираклию. Видя, что миллионы его подданных исповедуют монофизитство и потому находятся во вражде с православными, император, желавший упрочить единство империи на единении религиозном, хотел примирить православных и монофизитов. Достигнуть этого он думал чрез монофелитское учение, которое, несомненно, должно было явиться приемлемым, как ему казалось, и для монофизитов, учивших об одной природе Божественной во Христе, и для православных; для последних потому именно, что дорогая Православию истина о двойстве природ во Христе, по-видимому, не устранялась монофелитским учением.

Находясь по военным делам с 622 года в Армении и Колхиде, гнезде монофизитства, император вел беседы с видными представителями этого еретического учения о том, не присоединятся ли монофизиты к Православной Церкви под условием провозглашения последнею сродного монофизитству учения об одной воле и одном действии во Христе.

Представители монофизитства, из которых император особенно близко сошелся с митрополитом Колхидским Киrom, по-видимому, обнадежили Ираклия, одобрили его план. Император обратился с запросом к Константинопольскому патриарху Сергию, без сомнения еще ранее посвященному императором в его намерения. Сергей отвечал Ираклию в том смысле, что учение об одной воле и одном действии во Христе более согласно с преданием Церкви, чем учение о двух волях и двух действиях.

Унию, или объединение, монофизитов с православными на почве признания теми и другими монофелитского учения решено было начать с Египта, где в то время на триста тысяч православных приходилось пять-шесть миллионов монофизитов. Главным деятелем здесь, при осуществлении целей императора, был Кир, возведенный теперь, конечно, стараниями Ираклия и Сергия, из митрополитов Колхиды в патриархи Александрии. Под надзором Ираклия и Сергия²⁴⁸,

Кир, как человек ловкий, повел дело очень умело. В Александрии к унии примкнули тысячи монофизитов: клирики, сановники и военачальники города вместе с народом в знак своего присоединения к Церкви приняли причастие из рук патриарха Кира. За Александрией почти весь Египет, Фиваида и Ливия «подали руку примирения православным». «Таким образом, – писал Кир Сергию, – составилась праздник, как написано, праздник во учающих до рог олтаревых (см.: слав. Пс.117:27), а если сказать правдивее, то не до рог олтаревых, но до самых облаков и за облаками до небесных чинов, радующихся о мире церковей и обращающих к нему». Но эта «радость» воссоединения монофизитов с Православной Церковью достигалась ужасною ценою – ценою измены Православию. В исповедании веры, изданном Киром в Египте для привлечения монофизитов к Православию, прямо провозглашалось монофелитское учение, продолжавшее собою монофизитскую ересь: «Один и тот же Христос и Сын, – читаем мы здесь, – производил, что прилично Богу и человеку, одним богомужным действием». Православные поняли это и назвали унию «водяною», как непрочную затею монофелитов. Стремление привить сознанию православных христиан учение об одной воле и об одном действии во Христе вызвало в Церкви, по словам патриарха Сергия, сильные «прения» и «любопрения». Чтобы прекратить эти споры, опасные для унии, патриарх Сергий писал Киру Александрийскому, что «не должно никому позволять проповедовать об одном или двух действиях во Христе Боге». Подобный совет Сергий давал и императору Ираклию. В целях усиления монофелитов, Сергий вступил в сношения с папой Гонорием: Сергий представлял папе действия Кира в Египте делом необходимости, жаловался на поднимающих споры по вопросу о волях во Христе и прямо высказывал, что учение об одной воле и одном действии во Христе предпочтительнее учения о двух волях и двух действиях в Нем. Гонорий, не бывший искусным богословом, запутался в еретических сетях, расставленных ему Сергием. В ответном послании Сергию папа соглашается, что не должно мудрствовать о вопросе, еще не разъясненном соборами, и

признает монофелитство за истинное учение: «Мы исповедуем, – говорит он, – в Господе Иисусе одну волю».

Однако несмотря на то, что монофелитство все более и более усиливалось, волнения, порожденные им, не только не угасали, а еще сильнее разгорались, грозя разрушить с таким трудом и искусством налаженную было унию. Чтобы утишить волнения, император Ираклий в 638 году издал следующий, известный под именем «изложения», указ (эктесис): «Мы совершенно не позволяем, чтобы кто-нибудь утверждал и учил об одном и двух действиях вочеловечившегося Господа. Ибо хотя выражение одно действие употребляется некоторыми отцами, однако же, для слуха некоторых лиц оно чуждо и беспокоит их: таковым кажется, что оно употребляется для того, чтобы подорвать учение о двух природах во Христе, которые соединены в Нем ипостасно. Что же касается до выражения: два действия, оно соблазняет многих, ни у кого из отцов не встречается; оно ведет к допущению учения о двух одна другой противодействующих волях во Христе, как будто бы Слово Божие, имея в виду наше спасение, хотело претерпеть страдание за нас, а Его человечество противодействовало этому намерению Его; но это нечестиво и чуждо христианскому учению; сам нечестивый Несторий, хотя и вводил в учение о Христе учение о двух сынах, но он не дерзал утверждать двух волей в Нем. Мы должны признавать одну волю Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога; ни в какое время Его плоть не противодействовала Слову Божию, ипостасно соединенному с нею». Но этот указ Ираклия вместо примирения давал повод к новым раздорам: призывая к прекращению споров об одной и двух волях во Христе, указ в то же время признавал учение об одной воле за истинное. Поэтому все царствование Ираклия наполнено было распрями между монофелитами и православными, не хотевшими исполнять незаконную волю императора. Преемник Ираклия Констанс II тоже думал утишить бурю церковную изданием указа, известного под наименованием «Образца» (типоса): «Так как мы привыкли, – гласил указ, – употреблять всякое старание о том, что служит благосостоянию нашего христианского государства, и в

особенности о том, что касается непреложного христианского учения, то мы, узнавши, что наш народ пришел в великое движение, что одни в вочеловечившемся Боге признают одну волю, другие две воли, объявляем: пусть никто с настоящего времени не позволяет себе вступать в споры с другими об одной воле и об одном действии и двух волях и двух действиях; никто не должен возбранять и обвинять тех, кои признают одну волю и одно действие, ни тех, кои признают две воли и два действия. Кто настоящие повеления преступит, тот прежде всего будет подлежать суду страшного Бога; но он также не избегнет наказаний, определенных для презрителей императорских законов. Если презрителем будет клирик или епископ, таковой будет отставлен от должности; если монах – отлучен от Церкви и изгнан из монастыря; если гражданский чиновник и офицер – будут лишены своего достоинства; если частный человек из привилегированного сословия – будет наказан отнятием имущества; если же из низших сословий, то, по телесном наказании, будет сослан в вечную ссылку». Много бедствий причинил указ православным членам Церкви, благодаря ему за исповедание правой веры поплатившимся даже жизнью.

При подобных обстоятельствах, столь благоприятствующих развитию монофелитства, последнее пустило глубокие корни на Востоке. В Церкви Константинопольской, руководительнице всех других церквей Востока, видим, начиная с Сергия, целый ряд других патриархов-монофелитов: Пирра, Павла, Петра. Так, по свидетельству современника, «иерархи сделали ересиархами и вместо мира возвещали народу распрю, сеяли на церковной ниве вместо пшеницы плевелы; вино (истина) смешалось с водою (монофелитскою ересью), и поили ближнего мутною смесью; волк принимался за ягненка, ягненок – за волка, ложь считалась истиной и истина – ложью; нечестие пожирало благочестие. Перепутались все дела Церкви».

В эту тяжкую годину для Православной Церкви Господь воздвиг в ней святых мужей, пылавших ревностью по истине и громко, несмотря на прещения и мучения, вопиявших в защиту поруганной правды; то были святой Софроний, патриарх

Иерусалимский, святой Максим исповедник и святой папа Мартин.

Святой Софроний первый выступил на защиту православия в борьбе с монофелитством. Он начал ее, еще будучи простым палестинским монахом. Святой Софроний находился в Египте в то самое время, когда Кир, патриарх Александрийский, обнародовал вышеупомянутую грамоту единения, где открыто провозглашалось монофелитское лжеучение. В святом Софронии Кир встретил ревностного противника своим начинаниям. Святой Софроний явился к Киру и пал пред ним на колена, умоляя не возвещать в церкви учения об одном действии во Христе. Напрасно Кир убеждал святого Софрония встать на сторону монофелитов, доказывая ему, главным образом, что при вопросе о спасении тысяч верующих не должно спорить из-за выражений. Святой Софроний остался непреклонным и, видя в то же время, что Кир твердо стоит на своем решении, он отправился в Константинополь, рассчитывая в патриархе Сергии найти союзника в борьбе с Киром, и, конечно, ошибся в своих расчетах. За свою ревность по вере правой святой Софроний был избран на патриаршую кафедру Иерусалима (ок. 634 года). Окружное послание, которое, по обычаю, святой Софроний разослал другим патриархам с извещением о своем вступлении на кафедру, он начал с указания на опасность, грозящую Церкви от монофелитства: «Отцы! Отцы всеблаженнейшие! Вижу поднявшуюся волну и за волною следующую опасность». Это обширное послание, направленное против монофелитов, написано в духе кротости, обличающей без указания лиц, и с замечательною силою и ясностью излагает православное учение о двух волях и двух действиях во Христе: «Называя Христа состоящим из Божества и человечества, мы проповедуем, что Он – и Бог и Человек – состоит из двух естеств и двойствен по отношению к естествам, и естественно совершает то, что свойственно тому и другому существу, в силу присущего тому и другому существенного качества и естественной особенности. Как Бог совершал Он Божественное, как Человек – человеческое». Захват Иерусалима магометанами нарушил связь Иерусалимской

Церкви с Востоком и лишил святого Софрония возможности действовать на защиту православной истины. В таких стесненных обстоятельствах святой Софроний решил призвать к борьбе с монофелитством Рим. Он поручил исполнить это Дорийскому епископу Стефану. Отправляя Стефана со столь важным поручением для Церкви в Рим, святой Софроний привел его на Голгофу и здесь, на месте крестных страданий Христа Спасителя, заповедал Стефану следующее: «Помни, что ты дашь ответ Распятому на этом самом месте, когда Он придет во славе судить живых и мертвых, если вознерадишь и пренебрежешь опасностью, в которой находится Его святая вера. Соверши то, чего я не могу сделать сам по причине нашествия сарацин, обойди в случае нужды всю вселенную, потщись преодолеть все препятствия, чтобы достигнуть Рима; открой там пред мужами благочестивыми по сущей правде все, что делается в наших странах, и не переставай умолять, пока они не восстанут на поражение врагов веры и совершенно не отвергнут нововведенного учения». Стефан отправился в Рим, где призывал Римский собор к защите попираемой монофелитством истины. Святой Софроний почил около 640 года.

Великий подвиг служения Православию сосредоточился на Востоке, со смертью святого Софрония, в руках святого Максима Исповедника, претерпевшего мучение за исповедание двух волей во Христе Иисусе. Святой Максим занимал при дворе Ираклия высокопочетную должность государственного секретаря; император очень ценил таланты и познания святого Максима. Постригшись впоследствии, святой Максим сделался игуменом одного из константинопольских монастырей; с появлением монофелитства, святой Максим покинул Константинополь, где царь и патриарх покровительствовали лжеучению; он жил частью в Африке, частью в Риме, отдавая всего себя на борьбу с монофелитством. Особенно замечательна деятельность святого Максима на защиту Православия в Африке; здесь, по словам его жизнеописателя, «он утверждал в вере (самых епископов), наставлял и вразумлял, потому что, хотя они превышали его саном, но

мудростью были гораздо ниже его». Здесь же в Африке произошло в 645 году знаменитое публичное прение святого Максима с Пирром, бывшим патриархом Константинопольским, защитником монофелитства; святой Максим одержал решительную и блистательную победу над монофелитством в лице Пирра, что сильно содействовало утверждению Православия в Африке.

Святой Максим подвизался за истину не один – одновременно и частью даже совместно с ним действовал святой папа Мартин. Будучи ранее папским поверенным в Константинополе, святой Мартин на месте зарождения монофелитства ознакомился подробно с сущностью ереси и с действиями монофелитов. Неудивительно, что, сделавшись папой, он явился деятельным борцом с ересью. В 648 году святой Мартин в Латеране, в Риме, созывает многочисленный собор, издавший двадцать правил против монофелитов, утвердивший учение о двух волях и двух действиях во Христе, осудивший патриархов Константинопольских – монофелитов, начиная с Сергия, и два императорских указа – «изложение» и «образец». В это время в Рим прибыл Олимпий, новый экзарх Равеннский, управлявший Италией от имени восточного императора. Олимпий имел приказание императора побудить всех к принятию «образца», папу же, в случае сопротивления, велено было арестовать. Но Олимпий, сам поднявший в Италии возмущение на императора, конечно, не исполнил поручения последнего. В 653 году вступил в Рим с множеством войска новый экзарх – Феодор Каллиопа. Святой Мартин был болен и, предчувствуя недобрый конец, укрылся в Константиновском храме Спасителя. Узнав от клириков, встретивших экзарха при вступлении в город по приказанию папы, что последний болен, Каллиопа объявил о своем желании наутро в воскресенье приветствовать папу. Множество христиан собралось к воскресному богослужению в храм, где находился болящий папа; Каллиопа, рассчитывавший силою захватить папу, побоялся народа и потому отложил свое посещение под предлогом усталости с дороги. В понедельник Каллиопа с многочисленным войском вступил в храм, предварительно

обыскав его и убедившись, что в нем нет оружия и камней, собранных папой, как, было, донесли экзарху. «Гром оружия раздался на месте молитвы». Каллиопа объявил папе приказ императора, по которому святой Мартин должен быть арестован и отправлен в Константинополь, и кафедра его становилась праздною. Из храма святого Мартина перевели во дворец под стражу. Этот перевод папы в заключение совершался при громких безбоязненных возгласах клириков: «Анафема тому, кто думает, что папа изменил или намерен изменить вере; анафема тому, кто не пребудет в правой вере, даже если за это пришлось бы принять смерть». Смятение было столь сильно, что Каллиопа для его усмирения оказался вынужденным объявить, что на Востоке содержится та же самая вера, как и в Риме. Многие из клириков, привязанные любовью к святому Мартину, восклицали: «С ним мы пойдём, с ним мы умрём», выражая этим желание повсюду сопровождать папу. Каллиопа сначала обещал, что с папою будет дозволено отправиться каждому желающему. А затем он тайно вывел святого Мартина из Рима и посадил на корабль, на котором больной папа вынужден был терпеть большую нужду; с ним находилось всего лишь несколько служителей. К тому же путешествие до Константинополя было крайне продолжительно и связано с большими стеснениями для папы. Целый год он прожил в одной гостинице на острове Наксосе, и за все это время, да и то в виде особенной милости, ему дозволили только три раза совершить омовение. Римские клирики, приезжавшие к папе сюда и привозившие необходимое для страдальца, со стыдом и бесчестьем отгонялись стражею, которая себе забирала приносимое святому Мартину. В сентябре 654 года папа был привезен в Константинополь. С насмешками и оскорблениями он был переправлен в городскую тюрьму, где находился в заключении среди самых тяжелых условий девяносто три дня: его болезнь для излечения требовала частых омовений, а ему в первые сорок семь дней заключения не давали даже и холодной воды, не говоря уже о теплой. На девяносто третий день заключения святого Мартина потребовали на суд, куда и принесли его, ввиду крайней телесной слабости, на носилках;

однако судьи потребовали, чтобы он давал показания стоя, и открыли допрос вопросом: «Жалкий человек, какое зло тебе сделал император?» Папа молчал. Тогда приведены были лжесвидетели, несправедливо обвинявшие неповинного папу в участии в заговоре экзарха Олимпия против императора. Когда святой Мартин, не желая губить души лжесвидетелей, которых намеревались привести к присяге, начал свое объяснение словами: «В то время как составлен был „Образец“ и послан от императора в Рим», то судьи прервали его: «Ничего не говори о вере, мы сами христиане и православные». На это папа заявил: «Делайте со мною, что хотите, и чем скорее, тем лучше; знает Бог, что не можете более облагодетельствовать меня, как если отсечете мою голову мечом». О происходившем на суде было доложено императору, который повелел: совлечь со святого Мартина первосвященнические одежды и предать его казни. С папы публично сняли принадлежности первосвященнического достоинства и при этом разодрали ему даже нижнюю одежду, так что он оказался полуобнаженным; затем на шею ему надели железные кандалы и в таком виде в предшествии воина с обнаженным мечом его провели по улицам Константинополя в тюрьму. Здесь от сильной стужи святой Мартин едва не умирал. Господь не судил ему скончаться от мечаного посечения. Во дни суда над святым Мартином патриарх Константинопольский Пирр лежал на смертном одре; император Констант пришел его навестить и передал, что папу решено казнить. Умиравший Пирр просил даровать жизнь святому Мартину, хотя для последнего смерть, по его собственному сознанию, была несравненно желательнее. После восьмидесятипятидневного пребывания во второй тюрьме папу отправили в ссылку в Херсонес в Крыму, куда он прибыл в мае месяце. Здесь, среди варваров, святой Мартин терпел ужасную нужду, не имея даже хлеба. К этим физическим страданиям присоединялись душевные, вследствие оставленности друзьями и родственниками из Рима, очевидно опасавшимися сношений с ссыльным папою из рабского страха пред императором. «Я удивлялся и удивляюсь, – пишет папа в одном письме своим друзьям в Константинополь, – безучастию моих друзей и

родственников: они совершенно забыли о моем несчастье; кажется, не хотят даже знать, существую еще я на свете или нет. Хотя Церковь Римская и не имеет денег, но она богата, по благодати Божией, хлебом, вином и всем, нужным для жизни». «Я надеюсь, – писал также папа в одном письме, – на милосердие Божие, что жизненный путь мой скоро достигнет цели, от Бога предназначенной». Надежда святого Мартина исполнилась: в сентябре 655 года он почил в Господе.

С папою Мартином взят был в Риме и святой Максим Исповедник, подвергшийся, как и святой Мартин, страданиям за веру. Как только корабль, на котором находился святой Максим вошел (в сентябре 654 года) в пристань Константинопольскую, тотчас явился отряд воинов с оружием; с грубым издевательством повлекли воины святого Максима, босого и полуодетого, в мрачную темницу. Отсюда его не раз вызывали на суд, но судьи, несмотря на все свои хитросплетенные ухищрения, не могли склонить к монофелитству святого Максима: «Делайте со мной, что хотите, – заявил он, – кто как я почитает Бога, тот не боится обид и неправды от людей». Тогда решено было достигнуть хотя только внешнего видимого соглашения монофелитов со святым Максимом. Ему предложено было подписать следующее исповедание веры, которое вместе с монофелитским учением содержало в себе и учение православное: «Исповедуем во Христе две воли и два действия по причине различия естеств, и одну волю и одно действие по причине соединения их». Святой Максим отверг это исповедание, за что и был сослан вглубь Фракии. Отсюда, через некоторое время, его снова приводят в Константинополь и помещают в одном монастыре. На другой день к нему являются два патриция, Епифаний и Троил, и епископ Феодосий. Троил заявил святому Максиму, что они пришли к нему для передачи воли императора: «Скажи нам прежде, исполнишь ли ты волю императора или нет?» – спросил Троил. Святой Максим обещал под клятвою исполнить все, что «государь повелит касательно дел мира сего». Тогда патриций Епифаний сказал: «Вот что государь приказал объявить тебе: так как весь Запад и на Востоке те, которые увлечены в соблазн, взирая на тебя,

производят смуты и смятения и не хотят в делах веры иметь с нами общения, то да вразумит тебя Господь принять изданный нами „Образец“ и вступить с нами в общение. Тогда мы лично пойдём к тебе навстречу, открыто пред всеми будем приветствовать тебя, подадим тебе нашу руку, с честью и славою введем тебя в великую церковь (Софийскую), поставим на нашем императорском месте, вместе выслушаем литургию и приобщимся Тела и Крови Христовой, потом провозгласим тебя нашим отцом, и будет радость не только в этом городе, но и во всем христианском мире. Ибо мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение с нами, то присоединятся к нам все, которые ради тебя и под твоим руководством отпали от общения». Святой Максим отвечал: «Поистине, меня все силы небесные не убедят сделать то, что вы предлагаете, ибо какой ответ дам, я не говорю Богу, но моей совести, если из пустой славы и мнения людского отвергну спасительную веру?» После этого ответа святого Максима патриции в ярости набросились на него: они бросили мужественного исповедника на пол, терзали его руками, топтали ногами и оплевали всего. Остановленные в своем бесчеловечии епископом Феодосием, патриции перешли к ругательствам и злословию святого Максима, хвалясь при этом своим православием. Так ничем кончились их переговоры со святым Максимом, который опять был отправлен в прежнюю ссылку. Долго томился здесь исповедник в заключении. Но этого мало было для ненасытной злобы мучителей: святой Максим был снова привезен в Константинополь и отвезен в преторию; здесь его били воловьими жилами, отрезали ему до корня язык, отсекали правую руку и изувеченного таким образом провели по всем кварталам Константинополя. После этого святой Максим был сослан в Колхиду, где и окончил свою страдальческую жизнь.

В продолжение почти полувека происходила в Церкви борьба монофелитства с православием, но единения церковного не достигалось; лишь, по отзыву современника, «все дела Церкви перепутались». Оставалось для умиротворения Церкви, покинув несвойственный ей путь насилия и мучительства от светской власти, обратиться к самой Церкви,

что и сделал преемник Констанса император Константин Погонат, решивший призвать «глаза Церкви – иереев к рассмотрению истины».

Мысль о необходимости созыва Вселенского собора для решения вопроса о монофелитстве созрела у императора Константина Погоната главным образом под влиянием внушений со стороны патриарха Константинопольского Феодора. Старанием императора собор открылся в 680 году. Среди отцов собора наиболее видными по занимаемому ими положению в Церкви или представительству на соборе были Георгий, патриарх Константинопольский, Макарий, патриарх Антиохийский, пресвитер Петр, представитель патриарха Александрийского, и пресвитер Феодор, представитель патриарха Иерусалимского. Император, по обычаю, обратился и к папе Римскому Домну с требованием прислать на предстоящий собор представителей папского престола: «Просим, – писал император, – прислать благопотребных и способных мужей, имеющих познание во всяком богодухновенном писании и обладающих безупречным знанием догматов, мужей, которые бы принесли с собою нужные книги». Послание императора не застало Домна в живых: его получил преемник последнего – папа Агафон. Отправляя своих представителей на собор, папа писал в Константинополь, что он не может прислать, как желал того император, людей ученых, так как по обстоятельствам времени наука не могла процветать в Риме²⁴⁹; в своих представителях, коими были пресвитеры Феодор и Георгий и диакон Иоанн, папа отмечает главным образом глубокую веру. Всех епископов и их заместителей, присутствовавших на соборе, к концу его насчитывалось до ста пятидесяти трех²⁵⁰; на первых заседаниях и десяти последующих присутствовал сам император с тринадцатью сановниками – патрициями и консулами. Собор продолжался почти год²⁵¹.

Деятельность собора сосредоточивалась, в сущности, на двух главных вопросах: 1) на тщательном исследовании лжеучения монофелитов и 2) на изложении православного учения, направленного против ереси монофелитской.

Заседания собора открылись заявлением легатов папы: «Около сорока шести лет тому назад бывшие в различное время предстоятелями этого царствующего града Сергей, Павел, Пирр и Петр, также Кир, бывший некогда предстоятелем Александрийским, и Феодор, бывший епископом города Фаран, и некоторые другие, последовавшие им, ввели некоторые новые выражения, противные православной вере, и произвели смуты во Вселенской Церкви, исповедуя и уча, что в домостроительстве воплощения единого от Святой Троицы Господа нашего Иисуса Христа одна воля, одно действие, и много раз верноподданный вам наш апостольский престол отвергал это учение, потом умолял и доселе нисколько не успел отвратить их от такого злославного мнения; потому мы просим боговенчанное ваше могущество: пусть представители святейшей Константинопольской Церкви скажут, откуда явилось это нововведение?» Ответ легатам папы император поручил Макарию, патриарху Антиохийскому, который выступает на соборе как горячий приверженец монофелитства; Макарию, по крайней мере в начале собора, бесспорно сочувствует патриарх Константинопольский Георгий. Исполняя повеление императора, Макарий отвечал легатам папы не только от своего лица, но и от лица Церкви Антиохийской и Константинопольской: «Мы не делали никаких нововведений в учении, но как приняли от Вселенских соборов и святых уважаемых отцов, также от предстоятелей этого святого города Сергия, Павла, Пирра и Петра, также от Гонория, бывшего папы древнего Рима, и Кира, бывшего папы Александрийского, то есть о воле и действии, так и уверовали, веруем и проповедуем и готовы отстаивать это». Император потребовал от Макария доказательства истинности разделяемого Макарием монофелитского учения «из святых Вселенских соборов и святых уважаемых отцов». Поэтому на соборе начато было чтение деяний III и IV Вселенских соборов, решавших вопрос о двух естествах в лице Богочеловека. Когда пресвитер Стефан, ученик патриарха Макария, стал читать из деяний Ефесского собора увещательное слово святого Кирилла Александрийского к императору Феодосию и дошел до слов: «Непоколебимое

утверждение нашего царства есть Сам Господь наш Иисус Христос; чрез Него цари царствуют и сильные творят правду, – ибо Его воля всемогуща», то Макарий, оттеняя последнее выражение, воскликнул: «Вот, государь, я доказал, что во Христе одна воля». Собор чрез папских легатов и некоторых епископов отверг такое неправильное истолкование выражения святого Кирилла: «Макарий преувеличенно и неосновательно полагает на основании прочитанного сейчас текста, что в двух естествах Иисуса Христа, в Божестве и человечестве, одна воля. Святой Кирилл, писав эти слова, имел в виду лишь Божественное естество Христа, которое у него общее со Отцом и Святым Духом, а потому всемогущее. Говоря о Божественном естестве Иисуса Христа, Кирилл назвал и волю, принадлежащую этому естеству, всемогущею. Здесь нет речи о том, одна или две воли во Христе». Затем беспрепятственно дочитаны были деяния собора Ефесского и этим закончилось первое заседание. На втором заседании, происходившем, как и первое, в присутствии императора, были читаны деяния IV Вселенского собора, причем снова возникают прения между отцами собора и Макарием, патриархом Антиохийским. Когда среди деяний Халкидонского собора читалось послание папы Льва Великого, легаты папы остановили внимание отцов на следующих словах послания: «То и другое естество во взаимном общем и обнаруживает действия, свойственные их природе. Слово действует так, как свойственно Слову, плоть так, как свойственно плоти; одно из них блистает чудесами, другое подвергается унижениям». «Святой четвертый собор, – заметили легаты по поводу приведенных слов послания, – внес это послание, как утверждение православия и осуждение всякой ереси. Что благоволят сказать на это почтеннейший Макарий и единомысленные с ним боголюбезные мужи?» «Я, – отвечал Макарий, не скрывая своего еретичества, – не исповедую двух действий и не думаю, чтобы святой Лев в этих словах говорил о двух действиях». «Ты полагаешь, – задал вопрос император, – что он исповедовал одно действие?» «Я не говорю о числе, – возразил Макарий, – следуя святому Дионисию, называю Его (то есть Христа) действия

богомужным». «Как же ты понимаешь богомужное действие?» – допытывался император. «Я не считаю нужным отвечать», – уклонился от разъяснения Макарий.

На следующем заседании читаны были деяния V Вселенского собора. Здесь отцами собора была установлена подложность документов, которыми, как документами первостепенной важности, монофелиты пользовались в качестве доказательства правоты своего учения. Такими документами, заключавшими в себе монофелитские мысли, были: послание патриарха Константинопольского Мины к папе Вигилию под заглавием: «Слово Мины к Вигилию о том, что во Христе одна воля» и две статьи папы Вигилия, адресованные императору Юстиниану и его супруге Феодоре. В этих статьях, между прочим, говорилось: «Анафемствуем и Феодора, бывшего епископа Мопсуестского, как всегда чуждого Церкви, за то, что он не исповедует, что воплотившийся Бог Слово, то есть Христос, имеет одно естество, одно лицо и одно действие». Подложность послания патриарха Мины была раскрыта отцами собора на следующих основаниях: 1) патриарх Мина умер за шесть лет до V Вселенского собора, во дни которого Константинопольским патриархом был Евтихий; 2) послание Мины помещалось на первых трех листах соборных деяний, а эти листы по почерку не были похожи на остальные листы рукописи, и при том на них отсутствовала нумерация, которая начинается с четвертого листа, коим и полагалось начало подлинным актам V Вселенского собора; отсюда вполне справедливо заключение, что первые, нумерованные и отличные по почерку, три листа внесены в деяния позднее, а не одновременно с перепискою подлинных актов; 3) в библиотеке патриарха Константинопольского находился реестр посланий Мины, в котором не значилось послания Мины к Вигилию. Подобное же замечено было отцами собора и по отношению к посланиям папы Вигилия Юстиниану и Феодоре. Статьи Вигилия находились в 7-м деянии V Вселенского собора, представлявшем собою особый том с особым счетом страниц. Пятнадцатый лист этого тома был вырван, как открыл осмотр, и

заменен новым со статьей Вигилия; лист этот не имел и должной нумерации. Каким же путем произошел подлог?

Отцы собора путем тщательного исследования открыли ту печальную истину, что подложная вставка в подлинные деяния V Вселенского собора обязана своим происхождением Макарию, патриарху Антиохийскому. Член собора епископ Селевкийский заявил, что ранее им был получен от одного военачальника Филиппа экземпляр деяний V Вселенского собора, в котором оказались поддельные статьи папы Вигилия. Из объяснения по этому поводу с военачальником Филиппом епископ узнал, что полученный им от Филиппа экземпляр деяний находился в руках пресвитера Стефана, ученика Макария. В почерке же, которым были сделаны подделки, епископ узнал хорошо известный ему почерк монаха Георгия, тоже ученика Макария. В подтверждение своего заявления епископ представил собору и самый экземпляр деяний с подделками. Указанный епископом Селевкийским монах Георгий был призван на собор; здесь, по требованию отцов, он открыл, что поддельные вставки в деяния V Вселенского собора обязаны своим происхождением, насколько ему, Георгию, известно, Макарию и Стефану: когда между Константинопольским патриархом Феодором и Макарием возник спор о волях во Христе, то Макарий начал переписку статей Вигилия, будто бы найденных им в патриаршей библиотеке; эти статьи Макарий и Стефан и вставляли потом во все списки V Вселенского собора, если только копия им попадала в руки. Из их рук, между прочим, вышел и экземпляр деяний, через военачальника Филиппа перешедший к помянутому Селевкийскому епископу. Вместе с этим Георгий признался, что и сам он, по приказанию патриарха Макария, занимался подделкой статей Вигилия. Один клирик показал еще, что помянутые подлоги были сделаны и в одном латинском экземпляре деяний V Вселенского собора. После этих показаний, уничтожающих всякое сомнение в виновности патриарха Макария с учениками, собор провозгласил анафему: 1) на подделывателей деяний и 2) на самые подделки.

Закончившееся чтение деяний III и IV Вселенских соборов выяснило, что в этих деяниях, как и следовало того ожидать,

нет учения об одной воле и одном действии в Лице Господа нашего Иисуса Христа. Когда на это было указано патриарху Макарию и его единомышленникам, защищавшим монофелитскую ересь, то последние попросили у императора и собора отсрочки для представления свидетельств из писаний святых отцов, будто бы развивающих монофелитское учение. Император дал отсрочку до следующего заседания. В то же время Константинопольский патриарх Георгий и члены подчиненного ему Синода просили императора ознакомить собор с теми посланиями, которые были адресованы собору, «как от самого папы, так и от его собора». Император дал обещание исполнить и эту просьбу в следующем, четвертом заседании. Это заседание, действительно, и было посвящено всецело чтению послания папы Агафона и другого послания, присланного одновременно с первым от Римского собора, состоявшегося из ста двадцати пяти епископов, подчиненных папе.

Послание папы Агафона представляет собою замечательнейшее богословское произведение VII века. Он с особенною силою и ясностью развивает православное учение о двух волях и двух действиях во Христе; поэтому оно оказало преимущественное влияние на отцов VI Вселенского собора при составлении ими православного исповедания веры относительно спорного вопроса о двух волях и двух действиях во Христе Иисусе. В «деяниях» собора прямо говорится, что отцы его послание папы Агафона приняли «с распростертыми объятиями», как «объяснившие тайну богословия». Послание было написано на латинском языке; поэтому для отцов собора, не знакомых с этим языком, оно было переведено на греческий секретарем и советником императора Диогеном. Главные мысли этого выдающегося по своему значению творения заключались в следующем. За вступлением о поводах, побудивших папу составить Послание, и о причинах, вызвавших замедление в прибытии на собор делегатов, папа после краткого изложения учения о Святой и Нераздельной Троице переходит к предмету, составлявшему главное содержание Послания, – к учению о Боге-Слове. «Следуя евангельскому преданию, – пишет папа, –

мы утверждаем в едином и том же Господе Спасителе нашем Иисусе Христе все двоякое, то есть исповедуем в Нем два естества – Божеское и человеческое; исповедуем также, что каждое из Его естеств имеет естественные свойства: Божеское имеет все Божеские свойства, человеческое – все человеческие, кроме греха. Исповедуя два естества, два естественные хотения и два естественные действия в едином Господе нашем Иисусе Христе, мы не учим, что они противны и враждебны друг другу, не учим, что они разделены как бы на два лица или ипостаси, а говорим, что один и тот же Господь наш Иисус Христос имеет в Себе как два естества, так и два естественные хотения и действия, то есть Божеское и человеческое, что Божеское хотение и действие Он имеет от вечности общие с единосущным Ему Отцом, человеческое же принято от нас вместе с нашим естеством во времени». «Дабы смысл этого истинного исповедания, – продолжает папа, приводя основания, на которых оно зиждется, – открылся умам вашего благочестия из богодухновенного учения Ветхого и Нового Заветов, Сам же Господь в Своих святых Евангелиях открывает в Себе то человеческие, то Божественные свойства, то те и другие вместе, и тем учит верных своих веровать, что Он есть истинный Бог и истинный человек». Приведя затем слова Спасителя: Отче, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия, папа сопровождает их следующим толкованием из послания святого Амвросия к Грациану: «Воля, которую Он назвал Своею, есть моя, потому что Он восприял скорбь мою как человек и говорил как человек и потому сказал: не яко же Аз хочу, но якоже Ты. Та скорбь, которую Он принял моим способным к страданию естеством, есть моя скорбь». Далее папа приводит свидетельства из творений святого Афанасия Великого, блаженного Августина, святого Амвросия Медиоланского, святого Григория Богослова; из этих свидетельств видно, что, по учению помянутых отцов, каждое из естеств во Христе имеет свое собственное, свойственное ему хотение, то есть или Божеское, или человеческое. И по причине ипостасного соединения естеств и то и другое хотения должны быть признаваемы принадлежащими одному и тому же Господу

нашему Иисусу Христу. Для вящего подтверждения этой истины папа буквально приводит определение Халкидонского собора, а за ним и свидетельство из V Вселенского собора. Свидетельства этих Вселенских соборов, говоря строго, утверждали, собственно, ту лишь истину, что в соединении естеств во Христе Иисусе не уничтожалось их различие. Но, основываясь на этой истине, папа рассуждает таким образом: «Если никоим образом не уничтожилось различие естеств Господа нашего Иисуса Христа, то необходимо, чтобы мы сохраняли это различие во всех свойствах. Ибо тот, кто учил никоим образом не уничтожать различия, тем самым показал, что различие это должно сохранять во всех отношениях. Но если еретики и их последователи признают одно хотение и одно действие, то какое же в них может быть признано различие? Когда утверждают, что в Нем одна воля, то утверждающие это должны признать ее или Божеской или человеческой, или составленной из той и другой, смешанной и слитной, или же признать, что Христос имеет одно хотение и одно действие, как истекающие из одного составного естества. Во всяком случае, здесь уничтожается естественное различие, которое после чудного соединения святые соборы утвердили и повелели нам сохранять». За этим следуют новые свидетельства из писаний святых Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Илария, Афанасия Великого, Дионисия Ареопажита, Амвросия, папы Льва Великого. Обращаясь к разысканию источника, из которого берет начало лжеучение монофелитов, папа находит такой источник в сочинениях еретиков: Аполлинария²⁵², Севера²⁵³, Нестория²⁵⁴, Феодосия Александрийского²⁵⁵. Переходя к ближайшему времени, папа пишет: «Посмотрим, по каким образцам составилось содержание нового учения и на чей авторитет оно опирается. Кир Александрийский в седьмой главе своих определений говорит: „Один и тот же Христос и один Сын совершает, по свидетельству святого Дионисия, одним богومужным действием и Божественные, и человеческие действия“. Феодор, бывший епископ Фаранский, в послании к Сергию, епископу Арсинойскому, говорит: „Так как Спаситель

есть един и тот же, то и действие у Него, как целого, есть единое“. Сергей Константинопольский в послании к Киру Александрийскому говорит: „Вы сказали, что один и тот же Христос совершает Божеские и человеческие действия одним действием, и изложили это благочестиво“. В Изложении своем и в других сочинениях он также утверждает, что Господь наш Иисус Христос имеет одно хотение и всякое Божественное и вместе человеческое действие. Пирр в догматической книге и в подписи „изложения“ исповедует одно хотение во Христе. Павел, преемник Пирра, в послании к папе Феодору (предшественнику Агафона) исповедует, что Христос имеет одно хотение; преемник его Петр в послании к папе Виталиану исповедует, что он признает и одно и два хотения, и одно и два действия в домостроительстве воплощения». «Кто же, – восклицает папа по поводу этого еретичества Константинопольских патриархов, – не повергнется в печаль и не будет с трепетом взирать на такие угрожающие человеческой жизни сети и с внутренним воплем не обратится к источнику милосердия – Богу – с молитвою об избавлении от ков врага, всюду уготованных для соращения человеческого ума, при виде того, как люди, почитающие себя достойными славы за свои великие познания, впали в сети еретического заблуждения и притом являются непостоянными и колеблющимися в самом заблуждении (колебание разумеется то, что некоторые из лжеучителей выражались и так и иначе, то одну волю исповедуют, то две, то одно действие, то два). Итак, пусть ваше от Бога поставленное величество внимательно рассмотрит оком внутреннего рассуждения, кому из этих учителей должен следовать христианский народ, которого из них учение принять, когда они всех и друг друга взаимно предают осуждению». Послание папа заключает такими словами: «Мы уверены, что не осталось ничего темного и двусмысленного, что могло бы препятствовать вразумлению тех, которые последовали изобретателям нового учения. Ибо и поставлена пред очами сладость духовного разумения, какую дышат речения отцов, и выставляется на вид отвратительный смрад еретический, заслуживающий презрения всех верных. Так как изобретатели

нового учения оказались последователями еретиков, а не святых отцов, то и это поставлено на вид. Так как по внушению Божию пред очами вашего благочестия воссияла истина и обнаружилась ложь, то остается, чтобы благочестивыми милостями вашего благовенчанного милосердия не была лишена света своего истина, получив победный венец, а новое заблуждение, его изобретатели и последователи подверглись достойному своей гордыни наказанию. Итак, если предстоятель Константинопольской церкви согласится вместе с нами содержать и проповедовать это неповрежденное апостольское правило веры, то великий будет мир для любящих имя Божие; если же (от чего да сохранит Бог) он лучше захочет охранить недавно введенную другими новизну, то пусть подумает, какой удовлетворительный ответ даст он за такое пренебрежение на Божественном суде Христа. Я умоляю, благочестивейший и милосерднейший Август, и вместе с моею малостью умоляет всякая христианская душа, чтобы вы даровали безнаказанное слово и свободное право всякому желающему говорить и защищать свою веру, дабы все единодушно во все продолжение своей жизни прославляли за такое неизреченное благо ваше императорское величество и единодушно изливали непрестанные мольбы Христу Господу о целостности и возвеличении вашей мужественнейшей власти. Верховная благодать да сохранит власть благочестивейших государей и преклонит пред нею боги всех народов». За этим посланием папы Агафона было прочитано приложенное к нему послание собора епископов в Риме, в сущности повторявшее послание Римского первосвященника.

Вслед за этим чтением посланий из Рима император напомнил Макарию Антиохийскому, чтобы последний, согласно обещанию, представил собору свидетельства святых отцов о единой воле в лице Господа Иисуса Христа. Макарий и его единомышленники к следующему заседанию собора представили два свитка под заглавием: «Свидетельства святых отцов, учащие об одной воле Господа нашего Иисуса Христа, которая есть также воля Отца и Святого Духа». Два заседания посвящены были выслушиванию этих двух свитков. Третье,

следующее, заседание заключалось в ознакомлении отцов собора, путем чтения, с третьим свитком, еще представленным Макарием и носившим такое заглавие: «Дальнейшие свидетельства о воле». Когда было окончено чтение и этого третьего свитка, Макарию Антиохийскому предложили сказать еще что-либо в добавление. Но Макарий ответил: «Мы считаем, государь, достаточными уже представленные нами свидетельства святых и уважаемых отцов и не желаем представлять ничего другого».

Тогда легаты папы выступили с опровержением доказательств Макария Антиохийского и его сторонников. Легаты начали с такого заявления: «Боголюбезный Макарий и сторонники его: Стефан, ученик Макария, Петр, епископ Никомидийский, и Соломон, епископ Кланейский, – нисколько не доказали одного хотения и одного действия в домостроительстве Господа нашего Иисуса Христа. Но они исказили и самые эти свидетельства, представленные вашему благочестию и святому собору. Они выдали за свидетельства об одном хотении в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа те, которые относятся к учению об одной воле Троицы, а те свидетельства, которые идут к делу и относятся действительно к домостроительству воплощения Господа нашего Иисуса Христа, они исказили в смысле и выражениях. Поэтому мы просим ваше благочестивейшее мужество, чтобы были принесены из почтенной патриархии этого царствующего града подлинные тексты представленных ими отеческих свидетельств и сличены с свитками, которые представлены ими, и мы покажем, какое в этих текстах сделано ими искажение. Имея же с собою свиток, содержащий многочисленные свидетельства святых и уважаемых отцов, ясно показывающие, что в домостроительстве Господа нашего Иисуса Христа два естественные хотения и два естественные действия, неслиянно и нераздельно, (имея) также и еретические свидетельства, говорящие об одном хотении и одном действии и благоприятствующие учению Макария, боголюбезного архиепископа Антиохийского, и находящихся с ним, об одном

хотении и одном действии, мы просим, чтобы все это прочтено было пред вашим благочестием».

На следующем заседании легаты и представили свидетельства (из писаний отцов Церкви), «которые яснее света показывают два естественные хотения и два естественные действия в домостроительстве спасения Господа нашего Иисуса Христа». После оглашения на соборе этих свидетельств легаты папы заявили: «Мы нашли бы и могли бы представить много и других свидетельств; но чтобы не утомить ваш богонаставляемый слух, мы почитаем достаточным для доказательства истины и приведенных свидетельств». «Просим, – обратились затем легаты к императору, – богоутвержденное могущество ваше спросить Георгия, архиепископа Константинопольского, и подчиненный ему собор, также и Макария, архиепископа Антиохийского, и подчиненных ему епископов, согласны ли они с содержанием двух прочитанных посланий, то есть с содержанием послания святейшего Агафона, папы апостольского престола древнего Рима, и с содержанием послания подчиненного ему собора?» В ответ на это Георгий и Макарий с единомышленниками просили о выдаче копий с посланий, чтобы сличить «находящиеся в них свидетельства святых и уважаемых отцов с книгами патриархии (Константинопольской), обещаясь в то же время дать ответ «в следующем заседании». В этом следующем заседании Георгий, патриарх Константинопольский, на вопрос отцов собора об отношении его к посланию папы Агафона и собора его епископов, отвечал таким образом: «Видя всю силу посланий, присланных как от святейшего Агафона, так и от его собора, и справившись с книгами святых и уважаемых отцов, находящимися в досточтимой моей патриархии, я нашел все свидетельства, находящиеся в упомянутых посланиях, согласными и ни в чем не разнящимися от книг святых и уважаемых отцов, поэтому соглашаюсь с этими посланиями, так исповедую и верую». Подобное же заявление было сделано и со стороны епископов, подведомых патриарху Георгию.

Но когда спросили патриарха Макария о его исповедании относительно хотений и действий в Христе, то Макарий, не

обинуясь, заявил: «Я говорю, что не два хотения или два действия в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа, но одно хотение и богомужское действие». Собор потребовал, чтобы Макарий свое еретическое учение подтвердил доказательствами. Макарий сослался на свой свиток, посланный ранее императору. Собор повелел прочесть этот довольно обширный свиток, заключавший в себе «исповедание» еретичествующего патриарха. Сущность этого исповедания видна из содержания находящейся под ним подписи: «Макарий, милостью Божьею епископ Феопольский²⁵⁶, диктовавший всю вышеприведенную основу Православия согласно изложению пяти святых и Вселенских соборов и поименно упомянутых мною святых уважаемых отцов, изъяснявших по мере сил своих, что в Господе нашем Иисусе Христе Боге нашем одно хотение и что Он являл нам свое богомужское действие, убежденный внутренно и исповедавший, что нечестиво говорит, будто в одном и том же Христе Боге нашем два хотения». Когда прочтено было «исповедание», то император и собор предложили: «Пусть боголюбезнейший Макарий объяснит, исповедует ли он два естественные хотения и два естественные действия в домостроительстве воплощения Христа Бога нашего».

«Я не скажу, – отвечал Макарий, – что два естественные хотения или два естественные действия в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа, хоть бы меня разрубили на мелкие части и бросили в море».

Собор приступил к тщательной проверке свидетельств, заключающихся в представленных Макарием собору сочинениях, причем открылось, что свидетельства из писаний отцов Макарий, в целях хотя бы и недобросовестной защиты своего ересеучения, приводил или в неполном, или искаженном виде. В видах сохранения полного беспристрастия при суждении о еретичестве патриарха Макария собором были подвергнуты рассмотрению и другие его сочинения, которые также оказались исполненными лжеучения. Поэтому сочинения были осуждены. Во все время обсуждения сочинений патриарха Макария и содержащихся в них еретических мнений отцы

собора неоднократно обращались к нему с увещаниями исповедовать во Христе Иисусе два естественные хотения и действия, но патриарх Макарий, по выражению «деяний» собора, «шею натянул, как железный нерв, лицо сделал медным, уши заградил от слушания, сердце сделал упорным в непослушании закону». Видя такое упорство еретическую патриарха, собор сначала лишил его омофора, а потом произнес такое осуждение:

«Божественное правило отнюдь не дозволяет сидеть на учительском престоле Макарию, состарившемуся в догматах нечестия и не только наполнившему подпольным извращением весь христолубивый народ и подделавшему свидетельства святых и славных отцов, но и возмущившему посредством своих писем и посланных людей всех от востока солнца до запада и справедливо и законно лишенному святительского облачения».

Низложенный патриарх предан был анафеме, причем отцы собора положили просить императора об изгнании его из Константинополя. На место Макария на патриарший престол Антиохии избран был Феофан, который затем, в качестве патриарха Антиохийского, принимал участие в дальнейших деяниях собора.

В лице патриарха Макария отцами собора был осужден главный защитник и опора монофелитской ереси.

Но к концу соборной деятельности отцам пришлось иметь дело и с менее видными сторонниками ереси, которые добровольно приходили на собор для защиты своего лжеучения. Из этих прений отцов собора с отдельными монофелитами заслуживает упоминания прение с монахом Полихронием.

В конце одного из последних заседаний собора епископ Прусиадский Дометий доложил собору, что какой-то монах-пресвитер Полихроний, разделяющий еретические воззрения патриарха Макария, с успехом рассеивает семена пагубной ереси среди простых, малосведущих в вопросах веры людей. «Не угодно ли вашей святости, – предложил епископ, – чтобы Полихроний прибыл к вам и дал показание относительно своей веры». Собор определил отложить рассмотрение дела

Полихрония до следующего заседания. Когда на этом следующем заседании Полихрония, допущенного в залу занятий собора, спросили, как он исповедует таинство воплощения Сына Божия, то получили такой странный ответ: «Я дам исповедание своей веры на гробе мертвеца с призыванием Сына Божия, чтобы Он воскресил его; если же мертвец не встанет, то вот собор и император, – пусть будет со мною, что им угодно». Собор выразил желание знать, какое именно исповедание веры намерен Полихроний положить на мертвеца, чтобы воскресить последнего. Полихроний на это ответил: «Я положу мое исповедание поверх мертвеца, и тогда вы прочтете». Но собор потребовал, чтобы хартия, содержащая исповедание веры Полихрония, была распечатана и прочтена, а потом уже положена на мертвеца. В хартии оказалось написанным следующее: «Я, Полихроний, приветствую и поклоняюсь кротчайшему и боговенчанному императору Константину так, как бы я был в его присутствии. И видел я множество мужей в белых одеждах и в середине мужа, о доблести которого я не могу рассказать, который говорил мне: поспешай, скажи императору Константину, чтобы он не выдумывал новой веры и не принимал. И когда я шел из Ираклии в Хризополь и остановился под палящим солнцем, видел я мужа страшного и очень блистающего. Он стал против меня, говоря: кто не исповедует одной воли и богомужного действия, тот не христианин. Я сказал: это определил и премудрый император Константин – одну волю и богомужное действие; он сказал: очень хорошо и богоугодно». Когда хартия была прочтена, отцы собора предложили Полихронии два вопроса: им ли написана эта хартия и ее ли именно желает Полихроний положить на мертвеца, чтобы его воскресить? И на тот, и на другой вопросы Полихроний отвечал в утвердительном смысле. Собор разрешил, после этого, Полихронии исполнить его намерение. И вот, на большой площади города, недалеко от дворца, в присутствии собора, сановников и множества народа, Полихроний положил на одного мертвеца, которого несли в могилу, свою хартию. Несколько часов лежала хартия на мертвеце, но последний не обнаруживал никаких признаков

жизни, так что в конце концов Полихроний принужден был сознаться: «Я не могу воскресить мертвеца». Народ поднял крик: «Анафема новому Симону, анафема Полихронию, обольстителю народа». Когда волнение утихло, отцы собора и сановники снова собрались в зале заседания. Все предполагали, что неудача, постигшая Полихрония, расположит его к раскаянию. В надежде на последнее Полихронию снова повторили вопрос: исповедует ли он две естественные воли и два естественных действия в домостроительстве воплощения Сына Божия? К удивлению всех, от упрямого еретика послышался прежний ответ: «Как говорится в хартии, которую я подал и положил на мертвеца, так я верую в одну волю и богومужное действие и другого ничего не говорю». «Кто написал хартию, которую ты подал?» – снова спросил собор. «Я собственной рукою», – опять подтвердил Полихроний. Видя упорство нераскаянного еретика, собор постановил о нем следующее: «После того, как пресвитер и монах Полихроний дожил в своем зломыслии до старости, а ныне, несмотря на наши увещания относительно того, как он мудрствует о вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа, дерзнул искушать Святого Духа и составил богохульную хартию, не устыдился сказать, что, положив эту хартию на мертвеца, он воскресит его из мертвых, мы уже предали его в душе анафеме, о которой говорит святой апостол Павел. Но для удостоверения христоролюбивых народов, из которых очень многих обольщали в прежнее время и он, и его единомышленники, мы дозволили, чтобы совершилась всенародно его несбыточная затея и безумное и дерзкое предположение. И вот, после того, как принесен был на средину найденный им мертвец, в присутствии нашем и славнейших сановников, и множества христоролюбивого народа он положил на мертвеца свое нечестивое сочинение, как предполагал, и очень долгое время, сколько хотел, стоял у этого мертвеца и нашептывал про себя, что думал, пока не сказал, что он ничего не может сделать, постановляем, чтобы он, как соблазнитель и обольститель народа и явный еретик, лишен был всякого священного чина и священнослужения: еретику Полихронию и мудрствующим заодно с ним – анафема;

Макарию, Стефану и Полихронию – анафема; Троица низложила этих трех».

В личных беседах с еретиками-монофелитами и разбором их сочинений собор опроверг все доводы, которыми монофелиты хотели защитить свое лжеучение. Теперь, после обличения монофелитской ереси, отцы собора провозглашают истину православия по столь долго волновавшему Церковь вопросу о соединении во Христе Иисусе двух естеств, Божеского и Человеческого.

Указав на повод, которым оно вызвано, определение веры VI Вселенского собора утверждает затем авторитет предшествовавших Вселенских соборов и приводит Символы веры соборов Никейского и Константинопольского. «Конечно, – говорит вслед за этим вероопределение VI Вселенского собора, – для совершенного познания и утверждения православной веры достаточно этого благочестивого и православного символа божественной благодати. Но как искони не бездействовал изобретатель зла, нашедший себе помощника во змие и чрез него привнесший в человеческую природу смертоносный яд, так и ныне, найдя пригодные для собственного своего желания органы, именно: Феодора, бывшего епископа Фаранского, Сергия, Пирра, Павла и Петра, бывших предстоятелей этого царствующего града, и еще Гонория, бывшего папу древнего мира, Кира, епископствовавшего в Александрии, Макария, бывшего в недавнее время предстоятелем Антиохии, и Стефана, ученика этого последнего, он не замедлил возбудить чрез них соблазн заблуждения, в новых словах посеяв в православном народе ересь одной воли и одного действия в двух естествах единого от Святой Троицы Христа, истинного Бога нашего, (ересь) старающуюся посредством какой-то коварной выдумки уничтожить полноту вочеловечения того же Самого единого Господа Иисуса Христа Бога нашего, бесславно вводящую в нем плоть без воли и деятельности одушевленную духовно». Основываясь, далее, главным образом на послании папы Агафона, также на вероопределении V Вселенского собора, окружном послании Софрония, патриарха Иерусалимского, и послании папы Льва Великого, VI Вселенский

собор так выражает православное учение о волях и действиях во Христе:

«Проповедуем согласно учению святых отцов, что в Нем (Христе) два естественных хотения или воли нераздельно, неизменно, неразлучно, неслитно и две естественные воли не противоположные, как говорили нечестивые еретики, да не будет, но человеческая Его воля уступает, не противоречит или противоборствует, а подчиняется Его Божественной и Всемогущей воле. Утверждаем, что в одном и том же Господе нашем, Иисусе Христе, истинном Боге нашем, два естественные действия нераздельно, неизменно, неразлучно, неслитно. Мы признаем две естественные воли и действия (во Христе), согласно сочетавшиеся между собою для спасения рода человеческого».

Провозглашение и утверждение этого соборного вероопределения совершилось 16 сентября 681 года в торжественном заседании собора. На этом заседании присутствовал и император Константин. Когда император предложил отцам собора: «Пусть святой и Вселенский собор скажет, по согласию ли всех епископов провозглашено вероопределение», то в ответ послышались единодушные восклицания отцов: «Все так веруем, все так думаем, все мы подписали по согласию и сочувствию, все веруем православно! Проповедовавшим, проповедующим и имеющим проповедовать одну волю и одно действие в воплотившемся Христе Боге, анафема!» Император обратился к отцам собора с приветственной речью, выражая, между прочим, свою уверенность, что вероопределение собора соответствует истине:

«Мы не избегнем, – говорил император, – с вами суда на страшном судилище Божию, когда Он будет судить живых и мертвых, если вы знаете, что есть какой-нибудь пропуск в вероизложении или если что-нибудь в нем недоговорено». Собор ответил императору речью, в которой высказывалась радость по поводу ниспровержения ереси и утверждения православной истины. «Рим-старец, – говорила речь, – простер тебе (императору) богоначертанное исповедание, хартия

превратила в отношении догматов вечер в день, чернила издавали свет, чрез (папу) Агафона говорил Петр (апостол) и вместе с царствующим Вседержителем постановлял ты, самодержец, – ты, богопоставленный. Симоны (еретики), заметные по перью отступления, упали с высоты полета, и памятником этого служит низложение, и вера встает, и согласие народов восстанавливается в собственную красоту. Воздвигнется солнце и луна ста в чине своем (Авв.3:11). Воздвигнется солнце к свету – это значит: ваш ум поднялся к солнцу правды, чисто узрел чистейшего и принес нам оттуда умиротворение. И луна ста в чине своем – это значит: Церковь и невеста Христова одевается в свое благолепие и украшается благочестием и, вполне восстановив чистоту Православия, блистают миру прочным спокойствием».

Копии с деяний собора, по его определению, были доставлены патриархам Римскому, Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому. Римскому папе, кроме того, от собора было препровождено особое послание, в котором Восток с радостью известил Западную Церковь о торжестве веры. «Где произведшие соблазн сокрушенной ереси?» – спрашивает, между прочим, послание и отвечает: «Сняты покровы с лиц, обличены подделки обольстителей. Волк (Макарий) снял с себя кожу и торжественно выступает нагим волком. Истина торжествует, ложь ниспровергнута. Сеятель плевельных догматов отлучен. Пшеница, христоролюбивый народ, собрана в одну житницу Церкви Христовой. Свет Православия взошел, тьма скрылась из глаз. Кончилось время траура, печаль превратилась в веселие, скорбь, в радость. Поэтому и мы, сорадуясь церквам Божиим, принявшим благодать мира, взываем по-апостольски: радуйтесь, радуйтесь и паки реку, – радуйтесь (см.: слав. Флп.4:4).

Император Константин прилагал все усилия к тому, чтобы вероопределение VI Вселенского собора распространилось и утвердилось в империи. Сохранился указ его, который был прибит в притворе Софийской церкви в Константинополе для обнародования. Указ этот содержит в себе историю собора и его

постановлений и оканчивается таким определением: «Кто любит Бога и желает будущего спасения, тот пусть держится этой православной веры. Если же кто не окажет ревностной любви к Богу и презрит настоящее наше благочестивое объявление, тот, если он епископ или клирик или одет в монашеское одеяние, подвергается извержению; если же состоит в чине должностных людей, будет наказан конфискацией имущества и лишением пояса (знак воинского достоинства); если же находится в состоянии частного человека, будет осужден на изгнание из столицы и вообще из всякого города, и сверх всего этого не избежит наказания от страшного и праведного суда».

О том глубоко, благоговейном уважении, каким пользовались «Деяния» VI Вселенского собора на Востоке, можно судить по следующему событию из царствования преемника Константина Погоната – Юстиниана II.

Подлинный экземпляр актов VI Вселенского собора попал каким-то образом в руки каких-то сенаторов. Об этом узнал император. Находя, что столь великая драгоценность, как подлинные акты собора, должна храниться в царских руках, император созвал собор из патриархов, апокрисиария²⁵⁷ Римского папы, из митрополитов и епископов, – вообще всех высших духовных лиц, находившихся в Константинополе; приглашены были также на собор: сенат, представители народа, почетная императорская стража и военачальники различных областей. В этом торжественном собрании «Деяния» собора были взяты у сенаторов и прочтены на соборе, а после этого запечатаны и переданы в руки императора во избежание порчи или подмены. При этом император говорил: «Эти бумаги мы всегда будем сохранять неприкосновенными и неизменными; доколе положено Богом пребывать в нас нашему духу».

К деятельности VI Вселенского собора самым тесным образом примыкает деятельность Пятошестого, или Трулльского собора. Определения его Восточною Церковью почитаются наравне с определениями Вселенских соборов. Собор этот носит название Пятошестого потому, что на нем были составлены правила относительно положения Церкви и христианской жизни, каковых правил не было составлено на V и

VI Вселенских соборах, и поэтому они являются дополнением к их догматической деятельности. Собор был созван в 691 или 692 году в царствование императора Юстиниана II. Заседания его происходили в императорском дворце в Константинополе – в зале, носившей имя Труллы, – отсюда и второе наименование собора Трулльским. Председательствовал на соборе патриарх Константинопольский Павел; кроме него, на соборе присутствовали патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский; представителем Римского папы был митрополит Гортинский (с острова Крита) Василий, имевший полномочие от всей Римской Церкви. Всех отцов, скрепивших деяния собора подписями, было двести тридцать. В «приветственном слове» императору отцы собора так выясняют причины его созвания: «Народ, раздираемый и истощаемый страданиями, происходящими от бесчиния, мало-помалу отторгся от божественного стада, блуждает в неведении и забвении успехов в добродетели, говоря по-апостольски: Сына Божия попирают, не почитают за святыню кровь Завета и Духа благодати оскорбляют (Евр.10:29); в зрелую пшеницу истины замешались кое-какие остатки языческой и иудейской незрелости». Поэтому собор должен был «обсудить все средства к обращению народа на путь спасения», чтобы «по подобию пастыря Христа разыскать заблудшую овцу по горам, возвратить в дом Его и убедить сохранять заповеди и божественные повеления». Чтобы «отвратить народ от худого и порочного поведения и обратить к лучшей жизни», собор составил целый ряд правил (числом сто два), упорядочивающих 1) отправление богослужения, 2) жизнь клира, 3) монахов и 4) мирян.

Правила Трулльского собора не признаются Западной Церковью, потому что некоторые определения этого собора направлены против обычаев и учения Римской Церкви. Например: собор принимает в руководство Церкви восемьдесят пять апостольских правил, а Западная Церковь принимала только пятьдесят (пр. 2); тринадцатое правило обличает римское учение об обязательном безбрачии священников; пятьдесят пятое правило осуждает посты в субботу, введенные

Римской Церковью; восемьдесят второе правило запрещает употреблять в храмах изображение Христа в виде агнца, что было распространено на Западе.

Примечания

¹ - Наименование месяца март – римского происхождения. Март у римлян был первым месяцем юлианского (то есть введенного Юлием Цезарем в 46 году до Рождества Христова) года и был назван так в честь бога войны Марса, считавшегося отцом Ромула – основателя Рима и первого его царя.

² - Пленением вавилонским называется тот период истории народа иудейского, когда иудеи, потеряв свою политическую самостоятельность, были уведены в плен вавилонянами. Пребывание иудеев в плену продолжалось семьдесят лет (с 605 по 536 год до Рождества Христова).

³ - Этот месяц носил еще наименование Авива – то есть месяца колосьев (Исх.13:4; – см. по русскому переводу Библии).

⁴ - Нисан – месяц цветов.

⁵ - Моисей – знаменитый вождь и законодатель народа еврейского и вместе с тем священный писатель, живший в конце XVI – начале XV века до Рождества Христова. Им написаны первые пять книг Священного Писания Ветхого Завета: «Бытие», «Исход», «Левит», «Числ» и «Второзаконие» («Пятикнижие Моисеево»), Житие его см. 4 сентября.

⁶ - Аарон – брат и сподвижник пророка Моисея, бывший первым первосвященником народа Божия. Память его празднуется святой Церковью в Неделю святых праотец (между 11 и 17 декабря).

⁷ - Египет – страна, занимавшая северо-восточную часть Африки. Современное наименование этой страны – греческого происхождения (Αἴγυπτος) и, вероятно, было заимствовано греками от имени одного из действующих лиц греческой мифологии Египта (Αἴγυπτος) – сына Бела и брата Даная, овладевшего, по сказаниям греческой мифологии, этой страной. – Евреи переселились в Египет при Иосифе, сыне Иакова, и пробыли здесь четыреста тридцать лет, размножившись в это время до двух миллионов.

⁸ - Чермное, или Красное, море представляет собой большой залив Индийского океана, отделяющий Аравию от Египта и Абиссинии. Через это море чудесно перешли евреи при выходе из Египта (Исх. 14).

⁹ - Кругом солнечным, или кругом солнца, называется период в двадцать восемь лет, по прошествии которого дни недели приходятся постоянно на одни и те же числа. Так, например, если в 1906 году 1 марта падает на среду, 2-е на четверг и так далее, то то же самое будет в 1934, 1962, 1990 годах и так далее. Объясняется это из следующего: простой год содержит в себе пятьдесят две седмицы и один день, а високосный год (см. ниже, примеч. 12) – пятьдесят две седмицы и два дня; вследствие этого дни седмицы в отношении к числам месяцев каждый год переменяются. Если бы все годы были простые, то каждый седмичный день приходился бы постоянно на одно и то же число месяца через каждые семь лет. Но так как високосный год имеет один лишний день против простого года, то сверх семи простых лет должно пройти еще семи високосным годам для того, чтобы этот избыточный день мог составить седмицу или, что то же, обойти все дни седмичные. Итак, чтобы все дни седмицы возвратились на старые числа месяцев, должно пройти семи простым годам и семи годам високосным; високосные же годы бывают через три года на четвертый; следовательно, для того, чтобы все дни седмицы возвратились на старые числа, должно пройти семи простым годам, повторенным трижды, и семи високосным годам, что и составляет двадцать восемь лет. Из сказанного должно быть ясно, что «круг солнца» не имеет никакого отношения к движению солнца.

¹⁰ - Кругом луны называется период в девятнадцать лет, по истечении которого фазы луны приходятся постоянно в одни и те же числа. Так, например, в 1893 году новолуние падало на 10 марта; следовательно, оно будет опять 10 марта в 1912, 1931, 1950 годах и так далее. Объясняется это из того, что через каждые девятнадцать лет уничтожается разница между принятым нами юлианским годом и лунным годом (юлианский

год длиннее лунного на десять дней, двадцать один час, одиннадцать минут и двадцать четыре секунды).

¹¹ - Вруцелетом в пасхалии называется буква, которой соответствуют в данном году воскресные дни. Всех «вруцелетних» букв семь и заимствованы они из славянского алфавита; эти буквы суть: д, в, г, д, є, ѕ, з; и все они последовательно обозначают семь целых чисел и соответствуют тому или другому дню седмицы, причем буква а должна соответствовать первому воскресенью первого года творения. При расположении вруцелетних букв, за первый месяц творения принимается месяц март и счет дней ведется с пятницы, как дня сотворения Адама; первым воскресным днем первого года должен быть, следовательно, третий день или третье число марта, которое означает буквой а. Это и будет вруцелето первого года.

¹² - Високос – испорченное латинское bissextilis – дважды шестой. Так назван был первоначально 46 год до Рождества Христова, потому что Юлий Цезарь, делая реформу современного ему календаря, прибавил в этом году после 6 марта второе 6-е число. Високосом, или Високосным годом, у нас называется год, содержащий в себе не триста шестьдесят пять, а триста шестьдесят шесть суток. Високосные годы повторяются через каждые три простых года.

¹³ - Равноденствием называется тот момент в движении солнца, когда оно пересекает экватор, вследствие чего в это время день бывает равен ночи. В году бывает два равноденствия: весеннее (8 марта), когда солнце переходит из южного полушария в северное, в осеннее (10 сентября), когда оно переходит из северного полушария в южное.

¹⁴ - В России первоначально первым месяцем гражданского года считался месяц март, но в 1343 году у нас было постановлено считать начальным месяцем года месяц сентябрь, по примеру Александрийской Церкви. В конце же 1699 года Петр Великий предписал начинать новый год вместе с другими европейскими народами – с января.

¹⁵ - Наименование месяца сентября, так же как и марта, заимствовано нами от римлян. Римляне же дали ему такое название потому, что он был седьмым месяцем (September – от septem – семь) от первого, то есть марта.

¹⁶ - Индиктом назывался у римлян пятнадцатилетний период сбора податей, разделявшийся на три срока по пяти лет в каждом. От индикта следует отличать индиктион – великий пасхальный круг в пятьсот тридцать два года. По истечении каждых пятисот тридцати двух лет все времена церковные, месяцы, дни и числа праздников, а также и фазы луны следуют в том же порядке, как и в предшествовавший период.

¹⁷ - Октавиан Август – Римский император, царствовал с 43 года до Рождества Христова по 14 год по Рождестве Христовом.

¹⁸ - Олимпиадами (ὀλυμπιάς) – у греков называлась собственно единица времени, равнявшаяся четырем годам и составлявшая промежуток между празднованием Олимпийских игр (игры же эти получили свое название от горы Олимпии – места, где они происходили). Древние греки вели летосчисление свое по этим олимпиадам, причем основанием, или началом, летосчисления была первая Олимпиада, падавшая на 776 год до Рождества Христова.

¹⁹ - Годом основания Рима считался 753 год до Рождества Христова.

²⁰ - Император римский святой Константин Великий царствовал с 306 по 337 год (но как единовластитель – с 324 по 337 год). Житие его см. 21 мая.

²¹ - Максенций управлял Римской империей совместно с Константином с 307 по 312 год.

²² - Первый Вселенский собор происходил в 325 году в городе Никее и был созван для обличения лжеучения александрийского пресвитера Ария, нечестиво учившего, что Сын Божий не равен Богу Отцу и есть Его творение.

²³ - Книга Левит – одна из пяти книг, написанных пророком Моисеем (см. примеч. выше). Здесь содержатся постановления обрядово-богослужебного характера.

²⁴ - Пророчество это находится в книге пророка Исаии, гл. 61, ст. 1–2.

²⁵ - Мессия (евр. Masiah) – помазанник. Это имя присваивалось первоначально вообще всем лицам, избранным Богом на служение Себе. В таком смысле помазанниками назывались цари, пророки и первосвященники. Но в собственном смысле это наименование принадлежит Иисусу Христу, совместившему в Своем Лице троякое служение – царя, пророка и первосвященника. Ему в высшей степени принадлежат и святость первосвященника, который непричастен злу и имеет священство непреходящее (Евр.7–10), и ведение пророка, просветившего мир высоким евангельским учением; и власть и могущество царя, обладающего всеми силами неба и земли и все направляющего к высоким целям спасения людей (Мф.28:18). В ветхозаветных пророческих предсказаниях духовное царствование Мессии представляется иногда под образом царствования земного царя. Пророки употребляли образный язык для того, чтобы быть более понятными иудеям.

²⁶ - Вифания – небольшое селение, находившееся в трех или четырех верстах от Иерусалима. В настоящее время на месте древней Вифании находится небольшое мусульманское селение Эль-Азариех. Благочестивым паломникам обыкновенно показывают здесь место гробницы Лазаря и развалины дома, где жил Лазарь со своими сестрами.

²⁷ - Виффагия – небольшое селение на юго-западной стороне горы Елеонской, примыкающее с запада к Вифанин. Окрестности Виффагии в древности славились обилием фиговых деревьев, отчего селение и получило свое название (Виффагия – место фиг, или смокв). В настоящее время не осталось никаких следов от евангельской Виффагии.

²⁸ - Елеонская гора (гора маслин, масличная) – одна из красивейших палестинских гор, лежащая на восток от Иерусалима и отделяющаяся от него долиной Кедронской. Свое название эта гора получила от оливковых, или масличных, деревьев, в изобилии росших по склонам ее. В настоящее время гора эта называется Донебель-Эль-Тур. В 90-х годах

прошлого столетия на одном из склонов горы Елеонской был выстроен православный храм в честь святой Марии Магдалины.

²⁹ - Осел на Востоке в древности употреблялся преимущественно для сельскохозяйственных работ (Быт.49:11; 1Цар.25:18) и считался животным домашним. Напротив того, мул или конь обычно употреблялся в древности для военных целей (Иер.17:25). Господь намеренно пользовался ослом, а не мулом при вшествии в Иерусалим, потому что входил в Иерусалим как кроткий Царь мира.

³⁰ - Осанна – слово сирское, значащее «спаси» или «даруй спасение».

³¹ - Марк Антоний – триумвир, консул римский, правивший с 44 по 31 год до Рождества Христова.

³² - Давид – царь израильский и вместе с тем пророк и Псалмопевец, живший в XI веке до Рождества Христова. Им написана священная книга «Псалтирь», содержащая сто пятьдесят псалмов, или священных песней, характера хвалебного, просительного и благодарственного. Житие его см. 26 декабря.

³³ - Соломон – царь израильский и богодухновенный писатель, жил в начале XI – конце X века до Рождества Христова. Им написаны четыре священных книги: «Екклезиаст», «Притчи», «Песнь Песней» и книга «Премудрости».

³⁴ - Назарет – небольшой город в Галилее, в колоне Завулоновом, лежавший к юго-западу от Капернаума и к западу от Тивериадского моря. Назарет приобрел себе всемирную известность как место, где жил праведный Иосиф, обручник Пресвятой Девы Марии, как место Благовещения Архангелом Гавриилом Пресвятой Деве о рождении от Нее Сына Божия, и особенно как место, где протекло все детство, отрочество и последующая жизнь Господа до самого выступления Его на открытое служение проповеди Евангелия. На месте древнего Назарета находится теперь местечко с именем Нозрани. Паломникам обыкновенно показывают здесь место Благовещения, занятое латинским монастырем. Из других достопримечательностей Назарета показывают место

плотницкой мастерской Иосифа Обручника, развалины синагоги, в которой Господь читал пророчество Исаии о Себе и другие места.

³⁵ - Финиковая пальма – одно из красивейших палестинских вечнозеленых растений. Ствол пальмы поднимается очень высоко в воздух, но только вершина ее бывает увенчана ветвями. Ветви пальмы употреблялись евреями во многих случаях как знак торжества или победы. Так, например, в праздник кущей евреи имели обыкновение держать пальмовые ветви в своих руках (Лев.23:40).

³⁶ - Захария – пророк израильский, один из числа двенадцати, так называемых «малых пророков», живший в VI веке до Рождества Христова. Ему принадлежит книга пророчеств, носящая его имя и написанная им около 520 года до Рождества Христова. Житие его см. 8 февраля.

³⁷ - Книжник (γραμματεὺς) – народный учитель (или законоучитель).

³⁸ - Фарисеи (с евр. peruschim – «отделенные») – одна из сект иудейских, появившаяся во II или III веке до Рождества Христова. Фарисеи были ревнителями Закона Моисеева, причем главное внимание в Законе обращали не на его дух, не на его общее содержание, а на его внешность. Помимо обрядовых предписаний Закона они исполняли еще массу ими самими же измышленных мелочных предписаний, доходивших часто до скрупулезности.

³⁹ - Святой Епифаний Кипрский – учитель Церкви, живший в III столетии. Из его сочинений особенно замечательны: «Анкорат» (Ἀγκυρῶτης от ἄγκυρα – якорь), в котором раскрывается православное учение о Пресвятой Троице и другие догматы христианства, и «Панарий» (πανάριον – ящик с лекарствами), в котором описываются и опровергаются двадцать ересей дохристианских и восемьдесят христианских. Житие его см. 12 мая.

⁴⁰ - Ливан и Антиливан – две горные цепи на севере Палестины, славившиеся в древности богатыми кедровыми лесами.

⁴¹ - См. тропарь праздника.

⁴² - Праздник Входа Господня в Иерусалим (падающий на воскресенье перед Пасхой) называется у нас также неделей Ваий, или Цветоносной, – от обычая стоять в церквах в этот праздник с ваиями в руках. Им заканчивается шестая – и последняя – седмица святой Четыредесятницы, а со следующего понедельника начинается уже Страстная неделя, или неделя страстей Господних. Воспоминание, чествование и поклонение страстям Господним начинается собственно от четверга Страстной седмицы, Богослужением же понедельника, вторника и среды святая Церковь только приуготовляет еще нас к достойному чествованию страстей Господних. Так, в понедельник евангельским повествованием о бесплодной смоковнице наглядно изображается нам вся бесполезность лицемерия, ханжества и вообще исполнения только обрядовой стороны Закона, а повествованием о страшном суде указывается на возмездие, какое получают праведники и грешники за дела свои. Богослужение вторника притчей о десяти девах и о талантах руководствует верующих к духовному бодрствованию, так приличному особенно во дни страданий Господних. Богослужение среды, повествуя о жене, помазавшей Господа миром и тем уготовавшей Его на погребение, уже ясно предугадывает на окончание земной деятельности Господа и близость часа Его спасительных для нас страданий.

⁴³ - Иродиане – политическая секта (партия) времен Иисуса Христа. В состав ее входили лица, поставившие задачей своей деятельности борьбу с Римом. Для этой цели иродиане вступили в тайный союз с Иродом Антипой, желавшим отнять у римского прокуратора Иудею и Самарию и подчинить их себе.

⁴⁴ - Саддукеи – религиозная секта времен Иисуса Христа, отрицавшая предания и воскресение мертвых. Основателем ее был раввин Саддок, по имени которого секта и называлась.

⁴⁵ - Моисей – знаменитый вождь и законодатель народа еврейского, живший в XVI веке до Рождества Христова. Им написаны первые пять книг Библии («Бытие», «Исход», «Левит», «Числ» и «Второзаконие»), Житие его см. 4 сентября.

⁴⁶ - Здесь разумеется грозная обличительная речь Господа против книжников и фарисеев, в которой изобличены главнейшие заблуждения фарисеев, как относительно их учения, так и относительно их жизни. Речь эта изложена у евангелиста Матфея (Мф.23:1–39) и кратко у Марка (Мк.20:45–47).

⁴⁷ - О предании Господа Иудой см.: Мф.26:47–56; Мк.14:43–52; Лк.22:47–53; Ин.18:3–12.

⁴⁸ - Город Кериоф (или Кариот) – нынешний Куриут – находился на северной границе колена Иудина.

⁴⁹ - Евангелист Матфей указывает на сребреники, как на главную причину предательской измены Иуды (Мф.26:14–16). Согласно с этим и святая Церковь учит, что Иуда пал, «сребролюбием недуговав». Евангелисты Марк (Мк.14:10–11) и Лука (Лк.22:3–6) не говорят, что Иуда сам наперед потребовал денежной награды; прямою и непосредственною целью его тайного появления пред священниками было предать Иисуса; деньги же предложены Иуде после уговора о предании Господа, и Искарот только согласился их взять. Точно так же ни Марк, ни Лука не указывают, сколько сребреников получил Иуда, но говорят вообще о денежной награде. Что касается мотивов измены Иуды, то святой Лука (как и Иоанн Ин.13:2) прямо и выразительно указывает на сатану, который вошел в Иуду.

⁵⁰ - Сумма в тридцать сребреников в Ветхом Завете назначалась за раба, убитого волком (Исх. 20, 32); у пророка Захарии тридцать сребреников упоминаются в качестве презренной и ничтожной суммы, которою неблагодарный народ израильский оценивает попечение о нем Иеговы (Зах.11:12–13); у пророка Осии эту сумму определяет цена распутной женщины (Ос.14:2); у раввинов она является ценою каждого раба без различия пола и возраста. Вообще оценка в тридцать сребреников в глазах еврея времен Христа служила символом ничтожества и выражала презрение к тому, кто ею оценивался: это цена грошовая, рабская. Синедрион хотел, вероятно, назначением этой суммы выразить пренебрежение ко Христу, как человеку, который стоит не более любого раба.

⁵¹ - Пасха – главный и торжественный праздник евреев. Он установлен был в память чудесного избавления евреев из рабства египетского, название свое получил от прохождения (пасах – прошел) мимо домов еврейских Ангела, погубившего в последнюю ночь пребывания евреев в Египте всех первенцев египетских (Исх. 12). В соединении с праздником опресноков, который начинался на второй день Пасхи, он праздновался восемь дней, с вечера 14-го по 21-е число месяца Нисана (конец нашего марта и начало апреля). В десятый день этого месяца отцы семейств должны были избрать по агнцу однолетнему, без порока, который должен быть заклан в четырнадцатый день, во дворе святилища, по надлежащем приготовлении, и потом испечен. Приготовленного агнца ели всего, не оставляя ни костей, ни жил и т. п. с пресным хлебом и горькими травами. Вкушение пасхи начиналось вечером 14-го числа Нисана, по заходе солнца. Обычай, однако, позволял вкушать пасху, особенно пришедшим из Галилеи, и ранее. Господь воспользовался этим обычаем, и вечера Его была в четверг 13-го Нисана, за сутки до назначенного времени. Это потому, что Он, как истинный пасхальный агнец, должен был быть принесен в жертву на кресте в законный день пасхальной вечера. Пасху должно было совершать в Иерусалиме, и так как ни апостолы, ни Христос не имели собственного дома, то апостолы и спросили Иисуса, в каком доме и у кого именно приготовить вечерю. Таинственное поручение давало ученикам понять, что предстоит вечеря необыкновенно торжественная и знаменательная.

⁵² - О Тайной вечери см.: Мф.26:17–20; Мк.14:12–17; Лк.22:7–18.

⁵³ - Обыкновенной обувью древних восточных народов были сандалии – род подошв из толстой (чаще козьей) кожи, или из пальмовых листьев. Сандалии привязывались ремнями и предохраняли ноги от солнечного зноя, до того раскаляющего песок, что путешествие босыми ногами невозможно. Поэтому умовение ног на Востоке составляет необходимость, освежающее средство; оно считалось и считается первой обязанностью гостеприимства. Обычай этот встречается в

глубокой древности. Авраам, увидя около своей палатки трех путников, пригласил их к себе и предложил прежде всего: «да принесется вода, и омоются ноги ваши» (Быт.18:4. См. также: Быт.19:2; 24:32; 43:24). Несоблюдение этого обычая считалось признаком невнимания и невежества. Умовение ног возлагалось на обязанность прислуги.

⁵⁴ - В продолжение пасхальной вечера глава семейства иногда раздавал возлежащим куски хлеба, обмакивая их в блюде с жидким кушаньем, чем символически обозначались блага земли Обетованной, текущей медом и млеком. Этот обычай означал иногда особое благоволение главы дома к тому, кому подавался такой кусок. Господь воспользовался этим обычаем для указания предателя. По отношению к Иуде это был последний на этой вечери зов любви Господней к предателю, последнее призывание его к покаянию.

⁵⁵ - Об установлении Евхаристии см.: Мф.26:26–29; Мк.14:22–25; Лк.22:19–20; 1Кор.2:23–25.

⁵⁶ - Страдания и смерть Единородного Сына Своего Бог Отец принял как жертву умиловительную за грехи всего рода человеческого, которые поэтому и прощаются всем верующим во Христа, и по этой вере причащающимся пречистого Тела и Крови Его (см.: Ин.1:29; Еф.5:2; Евр.7:27; 1Ин.2:2; 4:10; Рим.8:32; 2Кор.5:15).

⁵⁷ - Заповедь о любви, данная Христом, была настолько нова, насколько были новы побудительные основания любви, мера требуемой любви и образец ее. В Ветхом Завете заповедано было любить ближнего как самого себя; следовательно, там мерою и нормою любви к ближнему служила любовь к самому себе. Заповедь эта заключена была в определенные границы, относилась только к единоплеменникам и допускала существование права возмездия. Спаситель нормою любви определяет Свою собственную любовь; а Его любовь к людям была такого рода, что состояла не только в исполнении долга справедливости, но в самоотвержении, в готовности на все жертвы за других, следовательно – любовью более к ближним, чем к самому себе; любовь Его была всеобщая, обнимавшая собою всех людей, даже врагов.

⁵⁸ - Дьявол – князь мира сего в силу греховности, в которую погружен мир; Христос безгрешен, и потому князь мира сего не имеет в Нем ничего, над чем бы он в Нем мог господствовать. Это изречение Христа служит, между прочим, как доказательством безгрешности Его, так и полной свободы, с какой отдает Он жизнь Свою за жизнь мира (Ин.10:18).

⁵⁹ - Три предмета обличения – грех, правда и суд – обнимают собою всю сущность Христовой истины и разнообразные уклонения от нее. Святой Дух обличит мир проповедию апостолов о тяжком грехе неверия в Спасителя Господа Иисуса Христа и в совершенное Им дело искупления, вследствие чего одни покаются и обратятся ко Христу (Деян.2:41), а другие ожесточатся еще более (5:33). Он обличит также и о правде, засвидетельствовав устами проповедников Евангелия, что Христом явилась правда Божия (Рим.3:22) и верующие получают оправдание туне, в силу искупительных заслуг Того, Коего предложи Бог очищение верою в крови Его, в явление правды Его (Рим.3:24–25). Тогда-то мир восчувствует неправду, оказанную Святейшему Праведнику (1Пет.3:18), отверженному и умерщвленному им, но путем страданий и смерти вошедшему в предвечную славу (Ин.17:5). Святой Дух обличит мир и о суде, возвестив чрез апостолов, что власть духа тьмы, разрушенная крестом Христовым, не простирается более на искупленных (Кол.2:14–15) и что князь мира сего, то есть дьявол, действием суда Божия, как предрекал Сам Господь, изгнан (Ин.12:31), и, как зрел Тайновидец, низвержен в бездну и заключен (Откр.20:3).

⁶⁰ - Гефсимания значит масличное точило, жом для выжимания масла; вероятно, потому такое имя дано, что сад был оливковый и здесь приготавливались оливки и оливковое масло.

⁶¹ - Образ чаши, наполненной вином, нередко употребляется в Священном Писании для обозначения бедствий и страданий, доводящих несчастного до крайнего изнеможения (Пс.74:9; Ис.51:17,22). Сам Господь еще прежде – в беседе с сынами Зеведеевыми – под этим же образом указывал на страдания, предстоящие Ему и ученикам

(Мф.20:22,23; Мк.10:38–39). Гефсиманская чаша – это чаша всех беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных, которая потопила бы весь мир, если бы Он не воспринял, удержал, иссушил ее; все потоки человеческих беззаконий сливались для Иисуса в единую чашу скорби и страдания.

⁶² - Ученики Господа не носили с собою мечей, какие носили путешественники в Палестине для защиты от нападавших разбойников и зверей. Господь, посылая их на проповедь в Палестину, не позволял им брать мечей, удостоверяя их чрез это самое в безопасности их (Мф.10:10). Но после вечери, когда Он объявил им, что теперь нужно было бы даже продать одежду и купить меч, у них действительно оказались два меча или ножа, которые они, как видно, и взяли с собою, и одним из них пылкий Петр вздумал было защищать своего Учителя.

⁶³ - Свидетели указывают на слова Иисуса Христа, сказанные Им в Иерусалиме. Но слова эти переиначены, в них вложен другой смысл (Ин.2:19). Он говорил не разрушу, а разрушите, и притом говорил не о храме, а о собственном теле; не говорил Он: создам, а – воздвигну.

⁶⁴ - Галилеяне, к которым принадлежал по происхождению апостол Петр, отличались от иудеев, особенно иерусалимских, не совсем чистым произношением некоторых слов (Суд.12:6).

⁶⁵ - Понтий, по прозванию Пилат, был шестым правителем (прокуратор или игемон) Иудеи, получил власть от императора Тиберия в 26 году по Рождестве Христовом Он был человек гордый, надменный и жестокий, но вместе малодушный и трусливый, ненавидел иудеев и был ненавидим ими. После десятилетнего управления он вызван был к суду в Рим (в 36 г.) и потом заточен в Виенне, в южной Галлии, где кончил жизнь самоубийством. Прокураторы обыкновенно жили в Кесарии (Деян.23:23; 24:27; 25:1), но на праздник Пасхи, когда в Иерусалим собиралось много иудеев, они переселялись сюда для ближайшего наблюдения за порядком и предупреждения народных волнений. Здесь они помещались в пышном дворце, воздвигнутом Иродом недалеко от храма и слывшем в народе под именем претории Иродовой (Деян.23:35).

⁶⁶ - Галилейский правитель Ирод Антипа, вполне неожиданно принявший участие в деле Иисуса, соединяя хитрость лисицы (Лк.13:32) с легкомыслием и чувственностью (Мф.14:3, 6, 7), всегда готов был жертвовать своими убеждениями желаниям развращенного сердца (Мк.6:20,27). В течение долголетнего правления Галилеей и заиорданскою областью Переей он сделал много худого (Лк.3:19), запятнал себя убийством Крестителя Господня Иоанна (Мф.14:10; Мк.6:27) и, впоследствии лишенный власти, скончался в далекой ссылке.

⁶⁷ - По преданию, Клавдия Прокула была расположена к вере иудейской и благочестива. Потом она стала христианкой. Она могла слышать многое о Христе, как великом Учителе, Чудотворце и Мессии, а сновидение, в котором она даже страдала за Него, было ближайшим поводом ходатайствовать о Нем пред мужем, в опасении, как бы за осуждение невинного Праведника Понтий не подвергся Божию наказанию.

⁶⁸ - Начало обычая освобождения в праздник Пасхи, по желанию народа, одного из узников (Мф.27:15) неизвестно, и о нем нигде, кроме этого места, в Евангелии не упоминается. Вероятно, он введен римлянами для приобретения себе популярности между иудеями; подобные милости несколько льстили народному самолюбию и могли отчасти примирять народ с игом чужеземцев. Варавва, называвшийся также Иисусом, был убийца и разбойник.

⁶⁹ - Багряница – обыкновенный военный плащ красного цвета. Это была широкая верхняя одежда без рукавов, которая накидывалась через плечо и застегивалась так, что правая рука оставалась свободной. Такие плащи носили цари и императоры и высшие военные чины. Цари носили скипетр, как символ власти. Господу, в насмешку над Ним, как над царем, дали простую палку (трость – Мф.27:29), а вместо богатого венца надели венец из колючего терна.

⁷⁰ - У евреев был закон умывать руки в доказательство того, что умывающий невинен в пролитии крови найденного убитым человека (Втор.21:6; ср.: Пс.25:6).

⁷¹ - Кровь Праведника, которую иудеи призывали на себя, пала на них, на детей их, на все потомство их, она пала и на всех участников страшного события. Каиафа лишен был в следующем году первосвященства. Сын Анны умер от руки мятежников. Кровь иудеев лилась рекою во время войны и разрушения Иерусалима. Они кричали Пилату: «Распни, распни!» Римляне их самих тысячами распинали вокруг города. Они дали предателю тридцать сребреников и сами были продаваемы победителями в рабство еще за меньшую цену. Они выбрали для себя Варавву – и не стало для них Мессии; потеряв свое отечество и свою самостоятельность, они влачат свое существование среди иноплеменных народов.

⁷² - Киринея, или Кирена, – город в африканской Ливии, на запад от Египта, населенный в то время во множестве евреями. Симон был отец известных потом в христианской Церкви Александра и Руфа (Мк.15:21; Рим.16:13).

⁷³ - Голгофа – лобное место – небольшой холм вне городских стен к северо-западу; назывался так или потому, что имел вид черепа, или потому, что на нем было много черепов и костей казненных там. По церковному преданию, на этом самом месте был погребен Адам.

⁷⁴ - Это – первое из семи слов Господа со креста. Он просит у Отца Своего прощения всем Своим врагам, всему человечеству, во искупление которого Он распинается. Римские солдаты, язычники с Пилатом во главе, действительно не знали, что распинаемый ими есть Спаситель мира – Сын Божий. Иудеи, особенно начальники их, имели все средства знать, что Иисус есть Мессия, но они не веровали в Него и были ослеплены до такой степени, что не думали, что распинают Мессию. Вот почему апостол Петр в речи своей к иудеям говорил им прямо, что они и начальники их распяли Господа по неведению (Деян.3:17), и апостол Павел говорит, что если бы они знали, то не распяли бы Господа славы (1Кор.2:8). Неведение, однако, не оправдывает их преступления, ибо они имели средства знать.

⁷⁵ - Жертвоприношение Голгофское совершено на кресте, по толкованию св. отцов, для того, чтобы явить миру широту и

долготу и глубину и высоту любви Христовой (Еф.3:18). Все, что совершилось на древе крестном, было «врачеванием нашей немощи, возвращающим ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящим к древу жизни, от которого удалил нас плод древа познания, безвременно и неблагоразумно вкушенный. Для этого древо за древо, руки за руку, руки мужественно простертые за руку невоздержно простертую, руки пригвожденные за руку своевольную, руки совокупляющие воедино концы мира за руку извергшую Адама. Для этого вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть, тьма для света, погребение за возвращение в землю» (Григорий Богослов). Таким образом «как грех вошел в мир посредством плода древесного, так и спасение – посредством древа крестного» (Афанасий Великий). Высотою креста апостол означает пренебесное, глубиной – преисподней, а долготой и широтой – пределы того, что находится среди оных. Святой Василий Великий видит в четверочастном составе креста указание на четыре страны света и говорит, что предпочтена крестная смерть для того, чтобы все части мира приведены были ко спасению частями креста.

⁷⁶ - Божественный Искупитель знал, что Он должен испить чашу страданий до дна (Мф.20:22), – ту чашу, которую подавал Ему Отец и Он Сам добровольно принял (Мф.26:42; Ин.10:17–18). Многократно Он предсказывал о Своих страданиях и крестной смерти (Мф.16:21; 17:12, 22, 23; 20:18–19; 26:2; Мк.8:31; 9:12, 31; 10, 33; Лк.9:22, 44; 13:33; 17:25; 21:15–16; 24:7), указывал частнейшие обстоятельства предстоящей кончины Своей: предательство Иуды (Мф.26:21–25; Мк.14:18–21; Лк.22:21; Ин.6:70; 13:18, 21:26); отречение Петра (Мф.26:34; Мк.14:30; Лк.22:34; Ин.13:38), бегство учеников (Мф.26:31; Ин.16:32), смерть на кресте (Ин.3:14; 8:28; 12:32, 33), погребение (Мф.26:12; Мк.14:8; Ин.12:7), говорил, что Он вдет по реченному (Лк.22:22), якоже есть писано о Нем (Мф.26:24; Мк.14:21), и ведый вся грядущая нань (Ин.18:4) еще накануне предвозвестил ученикам о скором отшествии Своем (14:19; 16:5; 16:28; 17:13). Мог ли сойти со креста Сын Человеческий,

Который собственно и пришел на час сей (Ин.12:27), чтобы дать душу Свою во избавление за многих (Мф.20:28; Мк.10:45).

⁷⁷ - Второе слово со креста. Господь обещает покаявшемуся разбойнику, на кресте исповедавшему Его Царем, блаженство вместе с Собою в царстве праведников, избранных Божиих. Христос предрекает, что разбойник умрет в этот же самый день, а не будет мучиться на кресте, как то бывало с распятыми, что и действительно случилось, так как его смерть была ускорена (Ин.19:32). Слово «рай» означает собственно сад, наполненный тенистыми и прекрасными деревьями и цветами. В жарких странах Востока во время солнечного зноя сад был местом истинного наслаждения и успокоения, а потому рай стал образом места блаженства праведников в мире загробном (2Кор.12:4).

⁷⁸ - Это – третье слово со Креста. Не видно было Пресвятой Девы ни при славном преображении Сына Ее на Фаворе, ни при торжественном входе в Иерусалим, ни при других чудных событиях земной жизни Его, когда дивились учению (Ин.7:46) и делам Его (6:14), но теперь она стала как бы на страже у Креста Его. Во всей поразительной силе Она чувствовала теперь в душе Своей оружие, предсказанное праведным старцем Симеоном (Лк.2:35), страдала так, как никто никогда не страдал на земле, кроме Самого Распятого. Бездна Ее страданий не обуревала и не потопляла Ее. Пресвятая Дева – Богоматерь была та Жена, о Которой возвещено было еще в раю (Быт.3:15), теперь, когда Семя Ее искупительным жертвоприношением разрушало дела диавола (1Ин.3:8), где и находиться Ей, как не при Кресте Сына Своего? Он преподает Ей последнее утешение и дает завещание, чтобы Матерь и возлюбленный ученик Его не разлучались. В лице Иоанна Господь усыновил благодатно милосердной Своей Матери всех верующих в Него, родившихся от Бога (Ин.1:13) водою и Духом (Ин.3:5), тех, кому Он дал власть быть чадами Божиими (Ин.1:12) и кого не стыдился называть братьями Своими (Евр.2:11).

⁷⁹ - Тьма была от шестого часа до девятого (по нашему счислению от двенадцати до трех часов пополудни). Это было

чудесное затмение, в продолжение которого видны были даже звезды. О нем свидетельствует римский астроном Флегонт.

⁸⁰ - Это – четвертое слово со Креста. Мы были оставлены Богом, как чада гнева (Еф.2:8), согрешившие в своем прародителе (Рим.5:12) и за нас наш Ходатай был оставлен Отцом Своим, «дабы нам не быть оставленными Богом, оставлен для искупления нас от грехов и вечной смерти, оставлен для показания величайшей любви к роду человеческому, оставлен для доказательства правосудия и милосердия Божия» (св. Киприан Карфагенский).

⁸¹ - Это была новая насмешка. Пред пришествием Мессии иудеи ожидали пришествия пророка Илии и теперь насмеялись, что вот оставленный Богом, рас пятый, но все еще считающий Себя Мессиею, зовет Илию, чтобы он помог Ему теперь (Мф.27:49).

⁸² - Это – пятое слово с Креста. Весь в ранах и язвах, измученный, окровавленный, осмеянный, поруганный и, по пророческому слову, ни во что вмененный (Ис.53:2–3), Богочеловек дошел до крайней степени изнеможения: крепость Его, как предсказывал Давид, исше, яко скудель, и язык прильпе гортани (слав. Пс. 21, 16); жгучая боль разливалась по всем членам и появилась томительная жажда, как предвестница близкой смерти. Готовясь положить жизнь Свою за падшего человека (Ин. 10, 15), Он в первый и последний раз, с креста Своего, просит у этого человека малого вознаграждения – глоток питья. Люди поспешили исполнить то, что задолго было предвозвещено Давидом: даша в снедь Мою желчь и в жажду Мою напоиша Мя оцта (слав. Пс.68:22). Уксус (слав. оцет), смешанный с желчью, – одуряющий и притупляющий чувство напиток, который давали пить распятым, чтобы несколько уменьшить мучительность страданий. Римляне называли его усыпительным. Христос хотел испить чашу гнева Божия вполне, не уменьшая силы страданий, и потому, попробовав напиток, не стал его пить (Мф.27:32). Его жажда была не простая телесная потребность: Богочеловек жаждал нашего спасения, жаждал исполнить волю Отца небесного и совершить дело Его (Ин.4:34); жаждал до дна испить чашу скорбей и страданий за

грешных людей, которой устрашалось Его человечество в саду Гефсиманском; жаждал искупить нас от греха и проклятия, разрушить державу смерти и ада; Он жаждал, чтобы ни одна черта из того, что о Нем предсказано в Священном Писании, не осталась неисполненной (Ин.19:28).

⁸³ - Это – шестое и седьмое слово со Креста. Крестное жертвоприношение окончено. Предвечное определение Триипостасного Божества о спасении рода человеческого исполнено. Правда Божия удовлетворена. Гнев и осуждение отменены. Пророчества сбылись, преобразования осуществились, обеты, данные патриархам, выполнены, кровь пролита до последней капли, синагога упразднена, церковь основана. Спаситель изрек: совершишася! и, возвысив тон, воскликнул: Отче, в руке Твои предаю дух Мой! Это были последние слова на кресте Того, Кто, Себе умалив, послушлив был даже до смерти, смерти же крестная (Флп.3:7–8). «Так умерло тело и произошло его разрешение, а Бог-Слово непреложно был и в теле, и в душе, и в Себе Самом, Сын в лоне Отчем, в показание Своей неизменяемости» (Афанасий Великий). Смерть Господа сопровождалась чудесными знамениями: 1) В храме раздралась надвое завеса, сверху донизу. Эта завеса отделяла часть храма, называемое Святое, от другой, называемой Святое Святых (Исх.26:31–33). Святая Святых было образом неба, и раздрание завесы, скрывавшей его, было символом того, что смертью Христовою открыт всем вход в него, куда первосвященник Иисус вошел как Предтеча (Евр.6:19; 9:6; 10:19). 2) Землетрясение – знак гнева Божия на тех, кои предали смерти возлюбленного Сына Его. От этого землетрясения 3) камни (скалы гор) рассеялись и 4) гробы, которые делались в каменных скалах в виде пещер, отверзлись. 5) Многие тела усопших по воскресении Господа встали и явились многим в городе (Мф. 27:51–53).

⁸⁴ - Рана, нанесенная Спасителю, была глубокая, так что, по воскресении, Господь, для уверения Фомы, предлагал ему вложить руку в Свои ребра (Ин.20:27). «Не без значения и не случайно истекла кровь и вода, ибо из них составлена Церковь; это знают посвященные в таинства: водою они возрождаются, а

кровью и плотью питаются» (Иоанн Златоуст). Это чудное событие не может быть объяснено каким-либо естественным образом и должно быть отнесено к силе и действию Божия всемогущества. Повествующий об этом св. еванг. Иоанн – самовидец того, что происходило на Голгофе, – усиленно удостоверяет, что свидетельство его истинно (Ин. 19, 35).

⁸⁵ - Аримафея – место рождения пророка Самуила, вероятно тоже, что Рама – небольшой городок в колене Вениаминовом (Мф.2:18). Иосиф был член синагогии (Мк.15:13) – человек благочестивый, тайный ученик Иисуса (Ин.14:38). В незаконном суде синагогии над Господом Иосиф, по свидетельству святого Луки, не участвовал (Лк.23:51). Никодим принадлежал к секте фарисеев, был также членом синагогии (Ин.3:1), имел с Христом продолжительную ночную беседу о пути ко спасению (Ин.3:1–2) и затем неколебимо произнес в защиту Его слово правды (Ин.7:51).

⁸⁶ - Описанные события, предварившие шествие Спасителя на вольную страсть, и самые страдания Христовы воспоминаются на богослужении Великого четверга и Великой пятницы. В апостольском чтении четверга (1Кор.2:23–32) изображены как установление таинства Евхаристии, так и цель его и достойное приготовление. Евангелие (Мф.26:1–20; Ин.13:3–17; Мф.26:21–39; Лк.22:43–45; Мф.26:40–75; 27:1–2) повествует об обстоятельствах, предшествовавших, сопровождавших и последовавших за Тайной Вечерей. В своих песнопениях Церковь глубоко соскорбит и сострадает Спасителю и благоговейно преклоняется пред Его долготерпением. На литургии торжественная Херувимская песнь заменяется трогательною песнью «Вечери Твоя тайная», обличающей Иуду и подражающей исповеданию благоразумного разбойника. В кафедральных соборах совершается, по особому чину, умовение ног архиереями 12-ти избранным священнослужителям. Все богослужение Великой пятницы посвящено благоговейному воспоминанию страданий Спасителя. Утренняя этого дня есть последование святых и спасительных страстей Господа нашего Иисуса Христа. На ней читаются двенадцать Евангелий, которые верующие слушают с

возжженными свечами, в знак пламенной любви к Страдавшему Господу и подобно евангельским девам, исшедшим в сретение Жениха. Так как совершение литургии есть образ Голгофского жертвоприношения, то в самый день воспоминания этого всемирного события литургия не совершается. Исключение допускается только для праздника Благовещения, если он случится в Великую пятницу. Вместо литургии совершаются царские часы: 1, 3, 6, и 9-й – вместе, на них не только воспроизводится история совершившихся в этот день евангельских событий, но на сопоставления ветхозаветных пророчеств (псалмы и паремии) и новозаветных священных чтений (Апостол и Евангелие) подробно раскрывается догмат христианский о нашем искуплении крестною смертью Спасителя. В конце Вечерни, в воспоминание снятия со креста пречистого тела Господа, священнослужители износят из алтаря плащаницу (образ положения Иисуса Христа во гроб). За вечерней следует малое повечерие, на котором читается умилительный канон «о распятии Господни и на плач Пресвятой Богородицы». В нем между прочим так изображается скорь Богоматери: «Се свет Мой сладкий, надежда и живот Мой благий, Бог Мой угасе на кресте. Помышляю, Владыко, яко кому сладкаго Твоего не услышу гласа, ни добрѣты лица Твоего узрю, якоже прежде, раба Твоя, ибо зашел еси, Сыне Мой, от очию Моею. Ныне Моего чаяния, радости и веселия, Сына Моего и Господа, лишена бых, увы Мне, болезную сердцем. Мертва Тя зря, Человеколюбче, оживившаго мертвыя и содержаща вся, уязвляюся люте утробю, хотела бых с Тобою умрети, не терплю бо без дыхания мертва Тя видети. Избавляяй болезни, ныне приими Мя с Собою, Сыне Мой и Боже, не остави Мене единому, уже бо жити не терплю, не видящи Тебе, сладкаго Моего света». Богочеловек, умерший и погребенный телом, но Божеством все наполняющий, внимал воплям и стенаниям Своей Пречистой Матери и таинственно вещал Ее сердцу: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Егоже во чреве без семени зачала еси Сына, встану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верю и любовью Тя величающия».

⁸⁷ - Служба вел. суббот., утр. кан., п. 4, троп. 1, стихиры на хвалитех, 2 слава.

⁸⁸ - Служба велик. пятка, повеч., канон., п. 7, троп. 1; п. 3, и ныне; п. 5, троп. 1; кан. п. 9, слава.

⁸⁹ - Служба вел. субб., утр., кан., п. 4, троп. 3.

⁹⁰ - Служба вел. субб., утр., кан., п. 4, троп. 3.

⁹¹ - Служба св. Пасхи, утр. кан., п. 6, ирмос.

⁹² - Пребывание Христа телом во гробе, сошествие душою во ад, пребывание на престоле со Отцом и Духом Церковь воспоминает в Великую субботу. Проливая слезы любви и благодарности к Положившему жизнь Свою за друзей и врагов Своих, телом почившему во гробе, Церковь призывает всех и все к святейшему и драгоценнейшему гробу – чаянию всех языков, созывает к нему и небо и землю, и ангелов и человеков, окружает его святым облаком древних свидетелей, за тысячелетия его провидевших, и собором новозаветных провозвестников, здесь, пред Распятым, как бы дающих отчет в своей всемирной проповеди об искупительных Его кресте, смерти и воскресении. Все богослужение Великой субботы представляет чудное сочетание самых противоположных чувствований – скорби и отрады, горя и радости, слез и светлого ликования. На утрени совершается погребальное пение над Божественным Мертвецом. Оно состоит из пророчески предызображающей страдальческую жизнь Спасителя на земле 17-й кафизмы (сто восемнадцатый псалом), именуемой «непорочны» и разделенной на три статьи (или стояния). К каждому стиху кафизмы прибавляются краткие песнопения, или «похвалы», умершему и погребенному Господу. В предвесье имеющего восстать из гроба Невечернего Света верующие стоят с возжженными свечами. После великого славословия совершается шествие с плащаницею вокруг храма, живо и наглядно переносящее наши мысли и чувства к тому времени, когда Иосиф и Никодим, забыв всякий страх пред сонмищем иудейским, с заботливой любовью, с несокрушимой преданностью воздавали последнюю честь Распятому, Его Пречистое Тело «плащаницею чистою обвив» и «во гробе нове»

положив. Литургия (Василия Великого) является завершением страстных служений и непосредственным предпразднеством, или предначатием, Пасхи. После малого входа читаются 15 паремий, в которых собраны почти все главные пророчества и прообразы, относящиеся к лицу Иисуса Христа, увенчавшему великое дело искупления преславным Своим воскресением. После чтения Апостола, при пении «Воскресни, Боже» меняются темные одежды престола и священнослужителей на светлые, и диакон, наподобие светлого Ангела, первого свидетеля и вестника воскресения Христова, возвещает это всерадостное Евангельское благовествование. От Ангела первую весть о воскресении услышали святые жены-мироносицы. Подобно им, встретившим воскресшего Господа вне Иерусалима, совершаем и мы крестный ход пред пасхальной утреней вокруг храма. В начале канона и каждой его песни священник с крестом и свечами совершает каждение всей церкви, в знаменование неоднократных явлений Господа по воскресении. Радостное пасхальное приветствие напоминает нам то состояние апостолов (Лк. 24:14, 34), в котором они, когда внезапно пронеслась весть о воскресении Христовом, с радостным восторгом спрашивали один у другого: «Христос воскрес!» и отвечали один другому: «Воистину воскрес». Взаимное лобзание есть выражение любви и примирения друг с другом, в память всеобщего прощения и примирения нашего с Богом, смертью и воскресением Иисуса Христа. Красное яйцо служит символом воскресения Христова и нашего возрождения в жизнь будущую. Как из яйца, из-под мертвой скорлупы, рождается жизнь, которая была совершенно сокрыта, так и Христос, лежавший во гробе, как мертвец, восстал из этого жилища смерти и тления. Как из яйца рождается живое существо и начинает жить полною жизнью, когда освобождается от скорлупы, заключающей в себе его зародыш, так при втором пришествии Христа на землю, и мы, отбросив все тленное здесь, где имеем уже зародыш и начало вечного бытия, силою воскресения Христова, возродимся и воскреснем для другой жизни. Окрашенное красною краской яйцо напоминает нам о том, что наша новая жизнь приобретена пречистой Кровью

Иисуса Христа. Обычай взаимного обмена яиц обязан своим началом св. Марии Магдалине, которая, представ императору Тиверию, поднесла ему красное яйцо с приветствием «Христос воскрес». Все пасхальное богослужение и церковные обряды особенно торжественны, проникнуты одним чувством радости и являют верующему все, что в христианстве есть таинственного, высокого и спасительного для души, светлого, отрадного и утешительного для сердца.

⁹³ - Итак, из повествования святых евангелистов о воскресшем Господе видим, что первыми весть о воскресении Христовом от Ангелов получили жены-мироносицы, – что одной из них, Марии Магдалине, было и первое явление Воскресшего; при этом Евангелие совершенно умалчивает о Матери Божией. Такое умолчание вызывает невольный вопрос: неужели Господь Иисус Христос, во время предсмертных мук на кресте поручивший Свою Матерь попечениям возлюбленного ученика (Ин.19:26–27) и тем исполнивший долг сыновней любви и почтения к Ней, мог забыть о Ней в день Своей славы? Святая Церковь разрешает этот вопрос благочестивого недоумения, содержа в своем предании то верование, что Божией Матери прежде жен-мироносиц сообщено было Ангелом о воскресении Господа и – что Ей, восстав от гроба, Христос явился прежде всех. Выражение этого верования Церкви находит в пасхальных богослужебных песнопениях. Верование Церкви ясно выражается в пасхальном богородичном каноне; для примера приведем 2 тр. («и ныне») 1-й песни: воскресшаго видевши Сына Твоего и Бога, радуйся со апостолы, Богоблагодатная чистая, и еже радуйся пер́вее, яко всех радости вина, восприяла еси, Богомати всенепорочная. В Храме Воскресения в Иерусалиме, недалеко от гроба Господня, указывают место явления Спасителя Своей Матери; в настоящее время здесь находится католический придел явления Христа Богоматери. – Как же объяснить, что евангелисты ничего не говорят о явлении Ей Сына? Святой Иоанн Богослов, благовествуя о явлениях Господа по воскресении, вносит в свое повествование два замечания, которые показывают, что святые евангелисты из земной жизни Иисуса Христа передали не все, ввиду

невозможности передать всего (Ин.21:25), а только то, что наиболее служило к укреплению веры в Него, как Сына Божия (Ин.20:30–31). С другой стороны, в Евангелиях после описания обстоятельств, относящихся к Рождеству Христову, о Божией Матери вообще говорится очень редко и очень мало (Лк.2:43–51; Ин.2:2–5; Мф.12:47; Ин.19:25–27), и конечно это не потому, что нечего было сообщать о Ней, а потому, что проникнутая в высшей степени духом смирения (Лк.1:48), Она жила сосредоточенною, сокровенною от взоров людских жизнью (Лк.2:19), и Ей не могло быть приятным ее нарушение. Поэтому-то святые евангелисты, соблюдая желание Богоматери, и не говорили подробно о Ней, ибо Она более всего любила молчание.

⁹⁴ - Евангельские повествования о воскресении Господа и Его явлениях предлагаются Церковью благочестивому вниманию верующих за утренним богослужением каждого воскресного дня, исключая, впрочем, прилучившихся в воскресенье двенадесятых, Господских и Богородичных, праздников, а также праздников храмовых: в первые всегда читаются праздничные Евангелия, а во вторые – или воскресные, или храму. Число утренних Евангелий 11, и все они составляют так называемый «столп Евангелий утренних»: 1) Мф.28:16–20; 2) Мк.16:1–8; 3) Мк.16:9–20; 4) Лк.24:1–12; 5) Лк.24:12–35; 6) Лк.24:36–53; 7) Ин.20:1–10; 8) Ин.20:11–18; 9) Ин.20:19–31; 10) Ин.21:1–14; 11) Ин.21:12–25. Чтение сейчас указанных Евангелий в известном, определенном церковным уставом, порядке идет, повторяясь, с Недели всех святых; порядок этот несколько видоизменяется для семи недель Пятидесятницы и с 32-й недели по Пасхе по 5-ю неделю Великого поста. Чтение воскресных утренних Евангелий совершается в алтаре, откуда, таким образом, как бы из гроба Господня, раздается радостная весть воскресения; затем следует пение торжественного молитвословия «Воскресение Христово видевше», в котором верующие призываются поклониться «Святому Господу Иисусу». – Явление Господа в восьмой день по воскресении апостолам и осязание язв на пречистом теле Его апостолом Фомаю вспоминаются святой

Церковью в Неделю о Фоме, 2-ю по Пасхе. Это явление Воскресшего Спасителя составляет предмет нарочитого празднования ввиду его особенно важного значения для уверения в истине воскресения Христова: Господь Иисус, по выражению церковной песни, «простирая неверующему Фоме ребра», тем самым уверяет весь мир в Своем «тридневном восстании» (канон, п. 4). Действительно, образ уверения апостола Фомы Христом Спасителем самым убедительным образом показывает, что Он воскрес с той именно плотью, которую воспринял от утробы пречистой Девы Марии, с которой пригвожден был ко Кресту и которая сохранила следы язв гвоздинных и удара копьем. Неделя о Фоме, по окончании Светлой пасхальной седмицы впервые повторяющая воспоминанием радостное событие воскресения Христова, именуется еще «антипасхою» – то есть вместо Пасхи, или «неделю обновления», потому что в это воскресенье как бы обновляется великий праздник Воскресения, тем более, что и Сам Господь обновил для учеников Своих радость воскресения новым явлением в этот «осьмой день». «Древен и с доброю целью, – поучает святой Григорий Богослов в слове на эту неделю, – установлен закон чтить день обновления, или лучше сказать, с днем обновления чтить новые благодеяния. Но разве не обновления день был и первый воскресный день, последовавший за священной и светоносной ночью? Для чего же даешь это наименование нынешнему дню? То был день спасения, а это – день воспоминания спасения. Тот день разграничивает собою погребение и воскресение, а этот есть чисто день нового рождения. Он есть первый в числе последующих за ним и восьмой в числе предшествующих ему». В древней Церкви неделя антипасхи носила еще и доселе сохранившееся у римско-католиков наименование «недели в белых», то есть новокрещеных: по принятии таинства крещения и миропомазания в навечерие святой Пасхи новокрещеные всю Светлую седмицу ходили в белых одеждах в знак своего обновления во Христе; в неделю же о Фоме они омывали на своем теле миро и слагали с себя в храме торжественные белые одежды.

⁹⁵ - Субботний путь – это пространство, которое дозволено было иудеям проходить в субботу вне жилища. На основании кн. Исход, гл. 16, ст. 29, где сказано: «оставайтесь каждый у себя в доме своем... в седьмой день»; раввины, простиравшие строгость субботнего покоя до мелочей, требовали, чтобы в субботу никто не делал более двух тысяч шагов или около версты. Это расстояние и называлось субботним путем. Автор «Иудейских древностей», Иосиф Флавий, расстояние Масличной горы от Иерусалима определяет в шесть стадий, то есть немногим менее версты; а у Ефрема Сирина субботний путь и считается именно шесть стадий.

⁹⁶ - На горе Синае в 50-й день по исшествии евреев из Египта (Исх. 3, 7–9; 5, 6–23; 20 и след.).

⁹⁷ - То есть в 9-й час утра (за 3 часа до полудня). Ср.: Лк.24:53; Деян.2:46.

⁹⁸ - Как бы от несущегося сильного ветра (Деян.2:2).

⁹⁹ - Это был не ветер, а только шум ветра в его бурном стремлении; это был не огонь, а нечто подобное колеблющимся языкам пламени, которые светились, но не жгли, – символ Святого Духа, веющего как ветер, там, где восхощет, хотя неизвестно, откуда приходит и куда уходит (Ин.3:8).

¹⁰⁰ - И внезапно сделался шум с небес, как бы от сильного ветра (Деян.2:2). Шум должен был возбудить внимание учеников Господних к предстоящему событию и выражал самое присутствие и величие сходящего Бога – Духа Святого. Шум сходит с неба в напоминание того, что Дух Святой нисходит по ходатайству Господа, вознесшегося на небо. Как бы от сильного ветра – в ознаменование величия ниспосылаемого дара. Шум этот наполняет весь дом и обнимает всех, находящихся в нем, чтобы сотрясением внешних чувств их более раскрыть для приятия дара чувства их духовные. В эти минуты над апостолами совершалось таинство духовного возрождения их по обетованию Господа: вы же чрез несколько дней будете крещены Духом Святым (Деян.1:5).

¹⁰¹ - Беседа Иннокентия, архиепископа Херсонского, на Пятидесятницу (Соч., т. I. Изд. 1872 г., стр. 386).

¹⁰² - То есть произносили то, что влагал им в душу и уста Дух Святой.

¹⁰³ - По закону Моисееву, во время праздников Пасхи, Пятидесятницы и Кущей, иудеи обязаны были, для празднования их, собираться в Иерусалим, ко храму Господню (Исх.34:23; Втор.16:16). Для иудеев Палестины это было легко, но для иудеев рассеяния, живших в разных странах света, равно и для пришельцев (прозелитов) из разных стран, далеких от Иерусалима, исполнение этого требования было делом большой трудности; только по любви к Иерусалиму и храму и по ревности законной они презирают все трудности далекого путешествия и собираются теперь в Иерусалим на праздник Пятидесятницы. Поэтому они справедливо называются людьми благоговейными – набожными (Деян.2:5).

¹⁰⁴ - Пришельцы или прозелиты, то есть обращенные из язычников.

¹⁰⁵ - То есть девятый час утра по нашему счислению – первый молитвенный час и время утренней жертвы, до которого, особенно в праздничный день, израильтянин не позволял себе принимать никакой пищи.

¹⁰⁶ - Помня заповедь Иисуса Христа – идти по всему миру и проповедовать Евангелие всей твари даже до края земли (Мф.28:19; Мк.16:15; Деян.1:8), апостол, впрочем, прибавляет здесь же, что спасение Божие во Христе не простирается только на иудеев, но на всех, «кого ни призовет Господь Бог наш» (Деян.2:39).

¹⁰⁷ - То, что сохранил нам писатель кн. Деяний из благовестия апостола Петра, есть только небольшая часть его наставлений. Равно Деписатель ничего не передает нам из евангельских речей других апостолов, хотя из того, что, убежденные словом апостола Петра, слушатели обратились не к Петру только, но и к прочим апостолам за советом о средствах спасения (Деян.2:37), можно видеть, что и прочие апостолы вместе с Петром участвовали в научении и убеждении собравшегося около них народа. Впрочем, это и без особых указаний должно быть для нас понятно, когда мы там же

читаем, что искавших научения Апостольского – которые потом и крестились – было около трех тысяч (Деян. 2, 41).

¹⁰⁸ - Синаксарь в неделю Пятидесятницы.

¹⁰⁹ - Синаксарь на праздник Пятидесятницы.

¹¹⁰ - Канон Святому Духу, песнь 5.

¹¹¹ - Блаженный Иероним, знаменитый отец Западной Церкви конца IV и первой четверти V века, известный своими учеными трудами по истолкованию Священного Писания. Скончался в 420 году.

¹¹² - Тертуллиан – знаменитый писатель Церкви III века.

¹¹³ - В 41-м слове на Пятидесятницу.

¹¹⁴ - Святой Амвросий, епископ Медиоланский, прославился как ревностный поборник и защитник Православия против арианства в западной половине Вселенской Церкви. Много оставил писаний, в которых частью объясняет слово Божие, частью излагает учение веры, частью поучает христианским добродетелям. Скончался в 397 году. Память празднуется его 7 декабря.

¹¹⁵ - Святой Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, знаменитый отец Церкви конца IV и начала V века, прославившийся особенно своими многочисленными проповедническими трудами. За свое необыкновенное красноречие он и получил имя Златоуста. Сначала он был пресвитером в Антиохии, а в самом конце IV века занял кафедру Константинопольского архиепископа. Кончил жизнь в ссылке, в Армении (в 407 году). Память его празднуется 13 ноября и 30 января. Ему принадлежит литургия, совершающаяся в Православной Церкви большую часть года.

¹¹⁶ - Святой Григорий Богослов (Назианзин) был недолго патриархом Константинопольским и известен своими высокими творениями, за которые получил прозвание Богослова. Он был близким другом другого знаменитого отца Церкви (IV век) – святого Василия Великого, с которым познакомился еще во дни своей молодости в Афинских философских школах. Память святого Григория празднуется 25 января.

¹¹⁷ - (В слове при вступлении в Святую Четыредесятницу.) Святой Григорий Нисский – брат святого Василия Великого, епископ города Ниссы в Каппадокии; один из знаменитейших отцов Церкви IV века, известный своею ревностной борьбой с арианством, а также и многими сочинениями – богословскими, философскими и проповедническими; немало также у него бесед на Священное Писание и проповедей. Святой Григорий скончался в 394 году. Память его совершается Церковью 10 января.

¹¹⁸ - Величание празднику.

¹¹⁹ - Особенность Церковного Богослужения в день Святой Троицы составляет то, что литургия, совершаемая в этот день, оканчивается вечернею, во время которой Церковь коленопреклонно читает три особые молитвы, составленные на этот день святым Василием Великим. Первой из них она взывает к Богу-Отцу: простить все грехи юности и неведения нашего, не отринуть нас во время старости нашей и, посетив сердца наши благодатью и утверждением в святых законах Его, собрать нас в Царствци небесном. Второй молит Господа-Сына: подать нам Духа премудрости, разума и страха Божия, для достойных молитв Ему и полезного наставления в жизни. И третьей просит Сына Божия успокоить всех умерших в надежде воскресения и ослабить меру осуждения их; нас же, живущих, благословить.

¹²⁰ - Память 21 мая/3 июня.

¹²¹ - Ливия – область Северной Африки. По другим известиям, местом родины Ария была Александрия.

¹²² - Савемий, еретик III века, утверждал, искажая учение о Святой Троице, что Бог есть Одно Лицо: как Отец – Он на небе, как Сын – на земле и как Дух Святой – в творениях.

¹²³ - Фалия – греч. «счастье»; во множественном числе – пир. Название свое книга получила оттого, что в ней находились стихотворения, которые можно было петь во время обеда.

¹²⁴ - Из содержания этого письма видно, что император мало представлял себе, насколько важен был по существу предмет церковного раздора.

¹²⁵ - Выдающийся защитник Православия, святой Афанасий Александрийский говорит об Осии Кордубском: «Он далеко знаменитее всех других. На каком соборе он не председательствовал? На каком, рассуждая здраво, не склонял всех к одному убеждению? Какая церковь не имеет прекраснейших доказательств его заступничества?»

¹²⁶ - Пасха – главный праздник Церкви христианской, установленный во дни святых апостолов, первоначально посвящен был воспоминанию смерти Господа Иисуса и потому совершался на всем Востоке 14 нисана, в день приготовления евреями пасхального агнца, когда, по указанию Евангелия от Иоанна и по мнению древних отцов Церкви (Ириней, Тертуллина, Оригена), и последовала крестная смерть Христа Спасителя; поэтому и самое название Пасхи древнейшие отцы Церкви (Иустин, Ириней, Тертуллиан) производят не от «проходить мимо», а от греческого – «страдать». По указаниям же святых евангелистов Матфея, Марка и Луки смерть Господа Иисуса совершилась не 14, а 15 нисана; но христиане, примыкавшие к их указанию, все-таки справляли Пасху 14 нисана в воспоминание, однако, уже Тайной вечери Господа с учениками. Впрочем, ближайшие по времени к апостолам отцы Церкви не говорят о празднике Пасхи, как празднике годовичном, то есть совершавшемся в нарочито избранный день или период. В «Пастыре», произведении мужа апостольского Ерма, находим упоминание о пятнице, как дне еженедельного поста и скорби, в воспоминание страданий и смерти Иисуса Христа; Тертуллиан же указывает на день воскресный как день радости, когда в память воскресения Христова отменялись посты и коленопреклонения. Уже во II веке чествование страданий и смерти Христа и Его Воскресения выделились в особые праздники, называвшиеся Пасхой: 1) *pascha crucifieatonis* – Пасха крестная, то есть в честь смерти Спасителя; эта Пасха проводилась в строгом посте, продолжавшемся с пятницы до утра воскресенья и заканчивавшемся воскресного Евхаристией. Этой евхаристией начиналась; 2) *pascha resurrectionis* – Пасха Воскресная. Некоторые свидетельства дают указание на то, что Пасха воскресная продолжалась пятьдесят дней, являясь таким

образом, кроме того, праздником Вознесения и Сошествия Святого Духа; почему эти дни и назывались иногда Пятидесятницей. Чем более, с течением времени, Церковь христианская освобождалась от иудейства, тем более и более становился несообразным обычай, особенно упорно державшийся в церквах малоазийских, праздновать Пасху 14 нисана, одновременно с иудеями. В церквах, образовавшихся из язычников, празднующих Пасху в этот день, называли иудействующими, притом на Западе празднование Пасхи никогда не связывалось с Пасхой иудейской, здесь она совершалась, не в пятницу, а в первый воскресный день после полнолуния. Благодаря этому между Востоком и Западом, точнее между азийскими епископами и Римом, возник «пасхальный спор», продолжавшийся с конца II века на протяжении всего III и чуть, было, не приведший к разрыву общения между спорившими церквами.

¹²⁷ - Никея, ныне бедное селение Исник, в описываемое время была главным приморским городом Вифинской области, богатым и обширным; здесь находился обширный дворец императора и другие здания, в которых с удобством могли расположиться участники собора; она отстояла всего на 20 миль от Никомидии, тогдашнего местопребывания императора, и была одинаково хорошо доступна как с моря, так и суши.

¹²⁸ - Историки указывают неодинаковое число членов собора. Евсевий говорит о двухсот пятидесяти, Афанасий Великий и Сократ насчитывают более трехсот. По Созомену, их было всего триста двадцать. Число триста восемнадцать, даваемое святым Афанасием в одном послании Африканской Церкви, а также Епифанием и Феодоритом, принято, по преданию, по таинственному соотношению с числом слуг Авраама (Быт.14:14) и потому еще, что греческое начертание его ТΙΗ напоминает Крест Иисуса Христа.

¹²⁹ - У церковного историка (V в.) Созомена находится рассказ, как один малокнижный епископ обратил философа одним прочтением ему своего Символа веры; он же передает о Византийском епископе Александре, что последний лишил

способности речи препиравшегося с ним философа, сказав ему: «Во имя Иисуса Христа повелеваю тебе не говорить!»

¹³⁰ - В истории развития учения о Лице Иисуса Христа термин «ипостась» употреблялся то в значении сущности, то в значении лица; с IV века, согласно словоупотреблению, принятому вслед за Василием Великим и Григорием Богословом, а также Вселенском соборе, слово «ипостась» всей Церковью употребляется в значении лица.

¹³¹ - Собор Никейский, или I Вселенский, называет его в послании к Александрийской Церкви «главным деятелем и участником во всем, что происходило на соборе».

¹³² - Сами ариане впоследствии говорили об Осии Кордубском: «Осия председательствует на соборах, писаниям его везде внимают, он и в Никее (то есть на I Вселенском соборе) изложил веру».

¹³³ - Некоторые историки предполагают, что Евстафий Антиохийский и был председателем на соборе; другие считают им Евсевия Кесарийского. Существует, кроме того, мнение, что на соборе председательствовали по очереди епископы Антиохийский и Александрийский (Александр); большинство, впрочем, более склонно признавать председателем собора Осию, епископа Кордубского, который первый подписался под соборными определениями.

¹³⁴ - Без сомнения, и полуариане осуждали символ Евсевия Никомидийского, потому что они никогда не употребляли о Сыне Божиим выражения «Сын тварь» и подобных.

¹³⁵ - Омофор – с греческого нарамник, одно из семи архиерейских облачений, представляющее собою длинный узкий плат с четырьмя крестами; омофор возлагается на плечи епископа так, что концы его спускаются спереди и сзади. Омофор знаменует заблудшую овцу, то есть человечество, взятое Христом на рамена (плечи) Свои.

¹³⁶ - Примечательно, что – как свидетельствует А. Н. Муравьев – в Никее доселе сохранилось предание об этом даже среди турок: в одной из бойниц этого города показывают

темницу святителя Николая, где он, по преданию, был заключен после осуждения за поступок с Арием.

¹³⁷ - Ссылаясь на указанные изречения ап. Павла, арианствующие хотели сказать, что они признают происхождение Сына от Бога в смысле творения, как и все существующее в мире в этом же именно смысле происходит от Бога.

¹³⁸ - По православному же учению, Сын не сделался Богом, а от века пребывает Богом.

¹³⁹ - Вначале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог (Ин.1:1).

¹⁴⁰ - Так называется Второе Лицо Святой Троицы, Сын Божий. Наименование это взято из Евангелия Иоанна (Ин.1:1–14). – Почему же Сын Божий именуется Словом? 1) По сравнению Его рождения с происхождением нашего человеческого слова; как наше слово бесстрастно, духовно рождается от нашего ума или мысли, так и Сын Божий бесстрастно и духовно рождается от Отца. 2) Как в нашем слове открывается или выражается наша мысль, так и Сын Божий по существу и совершенствам Своим есть точнейшее отображение Бога и потому называется сиянием славы Его и образом (отпечатлением) Ипостаси Его (Евр.1:3). 3) Как мы через слово сообщаем другим свои мысли, так и Бог, многократно глаголавший людям чрез пророков, наконец глаголал чрез Сына (Евр.1:2), Который для этого воплотился и так полно открыл волю Отца Своего, что видевший Сына видел Отца (Ин.14:3). 4) Как наше слово бывает причиной известных действий, так и Бог-Отец все сотворил чрез Слово-Сына Своего (Ин.1:3).

¹⁴¹ - Слово «единосущный» указывает не только на единство существа Отца и Сына, но и на одинаковость, так что в одном слове заключается указание и на единство Божие и на различие лиц Сына Божия и Бога Отца, ибо единосущны могут быть только два лица: единосущен и значит именно: не слит по существу, но и не разделен. По свидетельству других древних историков христианской Церкви, освященное церковным

преданием слово «единосущный» провозгласили епископы собора и значит не император, как говорит Евсевий Кесарийский. Кажущуюся противоречивость этих двух свидетельств можно согласить тем весьма вероятным соображением, что император Константин в данном случае действовал по внушению православных епископов, которые находили более удобным провозгласить его именно устами нужное слово, так как авторитет императора уничтожал возможность продолжительных споров, кои непременно бы возникли, если бы термин единосущный предложило собору не столь решительное для всех партий лицо.

¹⁴² - Партия Евсевия, пользуясь после собора все более и более возрастающим влиянием при дворе, добилась, чрез сестру императора Констанцию, что Арий вскоре после осуждения был позван из ссылки ко двору. В 336 году собор в Константинополе постановил, как можно думать, принять Ария в церковное общение; накануне (воскресного) дня, назначенного для осуществления этого решения собора, император, обманутый Арием, лицемерно подписавшим православный символ, нарочно вызвал к себе престарелого Византийского епископа Александра, внушая ему не препятствовать принятию Ария в Церковь. Выйдя от императора, Александр пошел в храм Мира (Ирини) и молил Бога о том, чтобы он сам или ересиарх были взяты из мира, так как епископ не хотел быть свидетелем такого святотатства, как приятие еретика в общение с Церковью. И промысл Божий явил над Арием справедливый суд Свой, в день торжества послав ему нежданную кончину. «Выходя из императорского дворца, – говорит о смерти Ария историк Сократ, – сопровождаемый толпой евсевиянских приверженцев, как телохранителями, Арий гордо проходил посреди города, обращая на себя внимание всего народа. По приближении к месту, называемому Константиновой площадью, где воздвигнута колонна из порфира, ужас, происходящий от сознания своего нечестия, охватил его и сопровождался сильною болью в животе. Поэтому, он спросил, нет ли тут где по близости удобного места, и, когда ему указали заднюю часть Константиновой площади, он поспешил туда. Вскоре затем с

ним сделался обморок, и вместе с испражнениями вышли его внутренности, сопровождаемые обильным геморроидальным истечением и выпадением малых кишок. Затем, вместе с излиянием крови вышли части его печени и селезенки, так что он почти немедленно умер».

¹⁴³ - Иллирия – общее название в древности всего восточного побережья Адриатического моря с лежащими за ним местностями (теперешние Далмация, Босния и Албания).

¹⁴⁴ - Святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, приобретший имя «Отца Православия» за ревностную защиту последнего во время арианских смут, родился в Александрии в 293 году; в 319 году Александрийский епископ Александр посвятил его во диакона. Около этого времени святым Афанасием написаны были два первых его сочинения: 1) «Слово против Еллинов», где выясняется, что вера во Христа Спасителя имеет разумные основания и есть действительное познание истины, 2) о «Воплощении Бога-Слова», где раскрывается, что воплощение Сына Божия было необходимо и достойно Бога. Эти сочинения обратили внимание на святого Афанасия, который затем – как уже было замечено – на I Вселенском соборе, будучи еще молодым диаконом, выдвинулся как неустрашимый и искусный обличитель арианской ереси. Неудивительно, поэтому, что по смерти епископа Александра святой Афанасий, имевший только 33 года, избран был (8 июня 326 г.) на Александрийскую кафедру. В годы епископства святой Афанасий много претерпел скорбей от преследовавших его ариан: достаточно сказать, что из сорока лет своего епископского служения он, благодаря арианам, провел семнадцать лет: лет шесть месяцев и десять дней в изгнании. Скончался он мая 373 года, занимая, по возвращении из изгнания, кафедру. После святого Афанасия остались многочисленные сочинения, распадающиеся по содержанию на 1) апологетические, 2) догматико-полемиические, 3) догматико-исторические, 4) труды по истолкованию Священного Писания, 5) нравоучительные, 6) и пасхальные послания, где, по древнему обычаю, святой Афанасий оповещал остальные церкви о времени празднования Пасхи, присоединяя к этим

оповещениям наставления относительно веры и жизни христианской. О сочинениях этих преподобный Косма замечает, что если найдешь любое из изречений святого Афанасия и не имеешь бумаги, чтобы записать его, то должно «записать его хотя бы на одежде». Память святого Афанасия Православной Церковью совершается дважды: 2 мая и 18 января, где и положено его жизнеописание.

¹⁴⁵ - Василий Великий родился в 329 году в Кесарии Каппадокийской. Отец и мать его принадлежали к родовитым семьям Каппадокии и Понта и имели возможность дать своим многочисленным детям наилучшее по тому времени воспитание. На восемнадцатом году Василий слушал в Константинополе знаменитого софиста Ливания, затем пробыл несколько лет в Афинах, бывших центром высшего философского образования. Здесь в это время у него завязались тесные дружеские отношения с Григорием Назианзином (Богословом); здесь же он познакомился и с будущим императором Юлианом Отступником. Вернувшись на родину, Василий крестился, а затем был посвящен в чтеца. Желая ближе ознакомиться с монашеской жизнью, к которой стремилась его душа, Василий через Сирию и Палестину отправился в Египет, где монашество особенно процветало. Возвратившись отсюда в Кесарию, Василий приступил здесь к организации монашеской жизни, представители которой в Египте поразили его своими подвигами. Василий Великий основал несколько монастырей в Понтийской области, написав для них устав. В 364 году святой Василий был посвящен во пресвитера. В сане пресвитера он успешно боролся с арианами, которые, пользуясь покровительством императора Валента, хотели овладеть Кесарийскою Церковью. Заступник угнетенных и обездоленных, Василий, кроме того, основал множество убежищ для бедных; все это, в соединении с безупречною личною жизнью, приобрело ему народную любовь. В 370 году Василий был избран архиепископом родного города и, будучи святителем, выступил на поприще общецерковной деятельности; чрез послов он вступил в деятельные отношения со святым Афанасием Великим, которые поддерживал и путем

письменного общения; завязал отношения и с папою Римским Дамасом, имея в виду объединить православных для победы над арианами и умиротворения Церкви. В 372 году император Валент, пытаясь водворить арианство в Кесарийской Церкви, хотел было путем угроз поколебать стойкость в Православии святого Василия. Для этого он отправил в Кесарию сначала префекта Эвиппия с другим своим царедворцем, а потом явился и сам. Святой Василий отлучил вельмож-еретиков от Церкви, а самого императора допустил в храм лишь для принесения даров. Император не решился привести в исполнение своих угроз по отношению к мужественному епископу. Святой Василий Великий скончался в 378 году сорока девяти лет. Память его Православная Церковь празднует 1 и 30 января. – После него остались следующие сочинения, представляющие собою богатый вклад в святоотеческую литературу: девять бесед на шестоднев; шестнадцать бесед на разные псалмы; пять книг в защиту православного учения о Святой Троице против Евномия; двадцать четыре беседы о разных предметах; краткие и пространные монашеские правила; устав подвижнический; две книги о крещении; книга о Святом Духе; несколько проповедей и триста шестьдесят шесть писем к разным лицам.

¹⁴⁶ - Аполлинарий следовал греческому философу Платону при своем делении природы человека на тело, животную, или жизненную, душу и духовную, или разумную, Душу.

¹⁴⁷ - Аполлинарий умер в 390 году. Ересь Аполлинария осуждена собором Александрийским 362 года, хотя без упоминания имени самого ересеучителя. В 375 году, когда Аполлинарий, отделившись от Церкви, начал образовывать свою секту, он был осужден собором в Риме; последнее осуждение было повторено II Вселенским собором.

¹⁴⁸ - Нужно заметить, что впоследствии, и именно ко времени II Вселенского собора, эта партия отказалась от своего еретического учения о Святом Духе, оставшись, однако, верной осужденному I Вселенским собором утверждению полуариан, что Сын подобосущен, а не единосущен Отцу. Поэтому обычное выражение, что II Вселенский собор созван «на Македония

Духоборца», не находится в строгом соответствии с исторической действительностью.

¹⁴⁹ - В это время Феодосий Великий был только императором Востока, сделавшись в 392 году единодержавным, обладателем как Востока, так и Запада, он нанес окончательный удар язычеству, издав закон, по которому служение богам признавалось таким же преступлением, как и оскорбление величества.

¹⁵⁰ - Поэтому лишь позже (а на Западе только в VI в.), когда догматические определения собора по причине их особенной важности и достоинства были приняты всеми Поместными Церквами, за собором было признано всею Церковью значение вселенского.

¹⁵¹ - Раскол этот возник в Антиохии в начале 60-х годов IV века, когда в ней одновременно появились два епископа – Мелетий и Павлин; оба они разделяли управление над православною паствою Антиохийской Церкви и у каждого были свои сторонники, находившиеся в непримиримой вражде со сторонниками противной стороны.

¹⁵² - Святой Григорий Богослов был пред возведением на престол Константинопольской Церкви, будучи епископом местечка Сасим.

¹⁵³ - Таким образом отцы собора в учении о Боге Отце, изложенном в Никейском символе, «не сделали никаких существенных пояснений» по причине отсутствия споров в Церкви о Первом Лице Святой Троицы; «нужно ли говорить об Отце, – замечает святой Григорий Богослов, – Которого не касаются по общему согласию (то есть в виду отсутствия разногласий) все водящиеся естественным смыслом» (то есть еретики).

¹⁵⁴ - При существовании в символе слов «Бога истинного от Бога истинного» выражение «Бога от Бога» являлось некоторого рода повторением, которого и старались избежать отцы II Вселенского собора, когда опустили последнее изречение.

¹⁵⁵ - Слова «прежде всех веков», заменившие изречение Никейского символа «из сущности Отца», с исчерпывающей

определенностью указуют на предвечное рождение Сына Божия, тогда как выражение Никейского символа: «рожденный от Отца, то есть из сущности Отца» и «единосущный Отцу» «могли приводить к мысли, что сначала последовало рождение Сына от Отца, и потом бытие Его с известными свойствами».

¹⁵⁶ - Таким образом деятельность отцов II Вселенского собора, как видно, не была отменой или изменением по существу Никейского символа, но лишь более полным и определенным раскрытием содержавшегося в нем учения, и сами отцы правилом постановили: «да не отменяется символ веры трехсот осминадесяти отцов, бывших на соборе в Никее, что в Вифинии, но да пребывает оный непреложен».

¹⁵⁷ - Хотя в греческих, славянских и русских изданиях II Вселенскому собору приписывается 7 правил, но в действительности ему принадлежат только первые четыре, о которых упоминают и церковные историки V века. Правила же 5 и 6 составлены на Константинопольском соборе 382 года, 7-е представляет собою сокращение послания, сделанного Трулльским собором (692 г.) от лица Константинопольской Церкви к Антиохийскому епископу Мартирию.

¹⁵⁸ - Сведения о жизни святого Афанасия почерпаются из его записок, называемых «Диариуш», о кончине его – из особой повести, составленной учениками святого, послушниками Брестского монастыря, а также из краткого жития, составленного на польском языке в 1666 году. Память его празднуется также 5 сентября.

¹⁵⁹ - Брест-Литовский – теперь уездный город Гродненской губернии.

¹⁶⁰ - Здесь разумеются Восточные патриархи, в тесном союзе с которыми пребывала Юго-Западная Церковь того времени. Представители двух патриархов – Константинопольского и Александрийского присутствовали на Брестском соборе.

¹⁶¹ - Вместе с унией на Юго-Западе Руси вводился и новый, Григорианский календарь, получивший свое название от папы Григория XIII, который особой грамотой в 1582 году ввел его на

Западе; Восточная Церковь пользуется старым, Юлианским календарем, который теперь разнится (отстает) от Григорианского на тринадцать дней.

¹⁶² - В надгробном стихотворении святому Афанасию, который скончался в Бресте, сказано, что он «забит на своей отчизне»; это свидетельство (середины XVII века) можно понимать в смысле указания на рождение преподобного в Бресте или его окрестностях (см. след. примеч.).

¹⁶³ - Филипповичи (фамилия святого Афанасия) – мещане, умирают в актах города Берестья (Бреста) в 1637 году и могли быть родственниками преподобного.

¹⁶⁴ - В сохранившихся до нас записка, или «Диариуше»; во вносных значках приводятся отрывки из записок святого Афанасия.

¹⁶⁵ - Берестейская школа – была заведена по благословенной грамоте епископа Владимирского и Брестского Мелетия (Хрептовича) 6 июля 1590 года. Отнята униатами в 1597 году.

¹⁶⁶ - Сигизмунд III царствовал в Польше с 1587-го по 1632 год.

¹⁶⁷ - Инспектор – слово латинское (inspector) – надзиратель.

¹⁶⁸ - По другому известию, Луба жил семь лет в монастыре у святого Афанасия и там учился у него грамоте.

¹⁶⁹ - Виленский Свято-Духов братский монастырь основан в 1609 году. Имел большое значение в борьбе Православия с унией. – Кутеинский-Богоявленский основан в 1623 году. – Межигорский-Спасо-Преображенский возник в XIII столетии, находится в двадцати верстах к северу от Киева, на правом берегу Днепра, в долине между возвышенностями. Все три монастыря существуют в настоящее время.

¹⁷⁰ - Дубойский монастырь близ города Пинска Минской губернии. Когда основан – неизвестно. В 1636 году монастырь захвачен униатами. В настоящее время не существует.

¹⁷¹ - Орден иезуитов основан испанцем Игнатием Лойолой и в 1540 году утвержден папой Павлом III. Его задача – борьба с протестантами и другими врагами Католической Церкви.

¹⁷² - Купятицкий монастырь, теперь не существующий, находился в Пинском уезде Минской губернии. Монастырь основан на месте, где 15 ноября 1182 года явилась икона Божией Матери, по имени ближайшего села, называемая Купятицкой. (Об этой иконе Богоматери см. ниже.)

¹⁷³ - Петр Могила управлял Киевской митрополией с 1633-го по 1647 год.

¹⁷⁴ - Общий лист, по которому можно было собирать подаяния на всем юго-западе Руси, а не в одной определенной местности или повете.

¹⁷⁵ - Заштатный город Могилевской губернии.

¹⁷⁶ - Местечко той же губернии и уезда.

¹⁷⁷ - Местечко той же губернии и уезда.

¹⁷⁸ - Местечко Могилевской губернии, Старобыховского уезда.

¹⁷⁹ - Уездный город Черниговской губернии.

¹⁸⁰ - Уездный город Орловской губернии, по современному произношению Трубчевск.

¹⁸¹ - Павлюк Карп Павлович Гудзан – казачий предводитель, крещеный турок. Восстание его началось в 1637 году. 6 декабря этого года разбит поляками, в феврале 1638 года – казнен.

¹⁸² - Челнская Спасо-Преображенская обитель в восьми верстах к юго-западу от Трубчевска; в XVII веке была приписана к Киево-Печерской лавре.

¹⁸³ - Уездный город Черниговской губернии.

¹⁸⁴ - Чудотворная икона Божией Матери Купятицкая, теперь находящаяся в Киево-Софийском соборе, действительно помещается на скрепе равнобедренного с закругленными концами медного литого креста. Эта икона теснейшим образом связана с судьбой святого Афанасия, и он постоянно изображается молящимся перед ней. Она признается явившейся в 1182 году; после разгрома татарами юго-западной Руси в 1240 году и сожжения церкви в Купятицах, она пролежала в пепелище около двухсот пятидесяти лет; по явлении ее благочестивому страннику Иоакиму, в конце XV века

или начале XVI, она была отыскана и помещена в построенном на пожарище храме Купятицком. Перенесена из Купятиц в Киев в 1655 году по случаю захвата униатами Купятицкого монастыря.

¹⁸⁵ - Как ясно из рассказа святого Афанасия, поселянин (по имени Феодор Драгомир) видел небесную Спутницу преподобного – Пресвятую Богородицу.

¹⁸⁶ - Уездный город Орловской губернии.

¹⁸⁷ - Монастырь основан неизвестно когда, не позднее XVI века. В 1680 году приписан к Воскресенскому, Новый Иерусалим, монастырю. В 1764 году упразднен. В настоящее время на его месте церковь в честь Обновления святого Храма Господня при городе Карачеве Орловской губернии.

¹⁸⁸ - Уездный город Московской губернии.

¹⁸⁹ - Уездный город Смоленской губернии.

¹⁹⁰ - Уездный город Смоленской губернии.

¹⁹¹ - Уездный город Могилевской губернии.

¹⁹² - Брестский Симеонов монастырь существовал с XIII столетия. В 1828 году монастырские постройки были сломаны, и место монастыря пошло под укрепление Брест-Литовской крепости.

¹⁹³ - Это – Макарий Каневский (по месту настоятельства) или Овручский (по месту рождения и пострижения), причисленный Церковью к лику святых; он замучен татарами в 1678 году (память его – 7 сентября).

¹⁹⁴ - Король Владислав IV, сын Сигизмунда III, царствовал с 1632-го по 1648 год.

¹⁹⁵ - Жители города Орши Могилевской губернии.

¹⁹⁶ - Параманд, или аналав, – четырехугольный плат с изображением креста; его носят монашествующие на груди под одеждой при помощи шнурков, которые прикрепляются к верхним углам и перебрасываются на рамена. В древнейшее время аналав состоял из двух, надеваемых крестообразно, ремней.

¹⁹⁷ - По церковным канонам, пресвитера может судить только его епископ, а последнего на Сейме не было.

¹⁹⁸ - Иннокентий Гизель († 1684 г.) – известный проповедник и писатель южнорусский, автор первого учебного руководства по русской истории.

¹⁹⁹ - То есть раскольник, или – еретик.

²⁰⁰ - Арест Афанасия вызывался не столько его борьбой с унией, сколько политическими причинами. Около этого времени Русское правительство осведомилось о существовании в Польше самозванца, названного выше Лубы; в 1644 году о Лубе говорил с преподобным Московский посол, желая узнать, именует ли себя царевичем его бывший воспитанник. В письме Лубы, переданном Афанасием послу, нашлись указания, что он зовет себя царевичем, и Московское правительство потребовало выдачи самозванца. Король и сенаторы защищали его, но, наконец, вынуждены были отправить его в Москву для допроса. Боясь, что Московское правительство не отступит от своих требований о выдаче Лубы, польские власти арестовали святого Афанасия в надежде, не тронет ли участь игумена царя и бояр и не отнесутся ли они поэтому мягче к судьбе Лубы. На арест могло иметь влияние и то, что польское правительство подозревало, не Афанасий ли указал Московскому послу на забытого в это время самозванца.

²⁰¹ - Развитие и доказательства этой мысли вызваны тем, что иезуиты утверждали, будто Русь приняла Святое Крещение от латинских проповедников и в древнейшие времена стояла в зависимости от Римского папы.

²⁰² - Повесть эта за свою краткость, теплоту и силу помещается здесь почти целиком, в переводе на великорусское наречие.

²⁰³ - В мае 1648 года умер Владислав IV и было объявлено бескоролье, на время которого обычно учреждались по воеводствам каптуровые суды, или временные судилища, ведавшие уголовные дела, касающиеся шляхетского (дворянского) сословия.

²⁰⁴ - Рождественский Брестский монастырь существовал уже в конце XV столетия. В конце XVI века, во время смуты после введения унии, им овладели униаты. Указом короля Владислава IV монастырь был снова возвращен православным. Теперь не существует.

²⁰⁵ - Гайдук – легковооруженный воин, пехотинец.

²⁰⁶ - Обоз – подвижной укрепленный лагерь.

²⁰⁷ - Разумеются иезуиты и их помощники униаты.

²⁰⁸ - То есть от города Бреста.

²⁰⁹ - По сказанию древнего краткого жития, святой Афанасий был усечен мечом во главу, и, когда его вели на казнь, он обратился к православным с увещанием стоять за истинную веру и предсказывал торжество Православия в Западном крае.

²¹⁰ - Так рассказывается в «повести» о кончине святого. Где ныне обретаются честные мощи святого Афанасия, сказано ниже.

²¹¹ - Это житие в 1805 году переведено на русский язык студентами Киевской Духовной Академии и отправлено в Брест, где введено в местную летопись.

²¹² - См. «Жития святых» на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского, книга 9, месяц май. Воспоминание I и

²¹³ - С персами тогда была война у Византии.

²¹⁴ - Свидетельства об употреблении наименования Богородица с ранних пор встречаются в Церкви Александрийской (у Оригена, епископа Александра и святого Афанасия Великого), в Кесарии Каппадокийской (у святого Василия Великого), в Кесарии Палестинской (у Евсевия Кесарийского) и в самом Константинополе (у святого Григория Богослова).

²¹⁵ - Так называемый «том» святого Кирилла.

²¹⁶ - Из-за своего дяди и предшественника по кафедре Феофила, отлученного папой Иннокентием I – несправедливо, по мнению святого Кирилла, – от Церкви.

²¹⁷ - Анафематюмы эти следующие: 1) «Кто не исповедует Еммануила истинным Богом и поэтому Святую Деву Богородицею, так как Она по плоти родила Слово, сущее от Бога, ставшее плотью, да будет анафема. 2) Кто не исповедует, что Слово, сущее от Бога Отца, соединилось с плотью ипостасно, и что поэтому Христос един с Своею плотью, то есть один и тот же есть Бог и вместе человек, анафема. 3) Кто во едином Христе, после соединения естеств, разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, то есть в воле или силе, а не союзом, состоящим в единении естеств, анафема. 4) Кто изречения евангельских и апостольских книг, употребляемые святыми о Христе или Им Самим о Себе, относит раздельно к двум лицам (ипостасям) и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от Слова Божия, а другие, как Богоприличные, – к одному только Слову Бога Отца, анафема. 5) Кто дерзает называть Христа человеком богоносным, а не Богом истинным, как Сына единого со Отцом по естеству, так как Слово стало плотью и приблизилось к нам, восприняв нашу плоть и кровь (Евр.2:14), анафема. 6) Кто дерзает говорить, что Слово Бога Отца есть Бог или Владыка Христа, а не исповедует Его же Самого Богом и вместе человеком, так как, по писаниям (Ин.1:14), Слово стало плотью, анафема. 7) Кто говорит, что Иисус, как человек, был орудием действий Бога Слова и окружен славой Единородного, как существующий отдельно от Него, анафема. 8) Кто дерзает говорить, что воспринятому Богом человеку должно поклоняться с Богом Словом, должно Его прославлять вместе с Ним и вместе называть Богом, как одного в другом, а не чтит Еммануила единым поклонением и не воссылает Ему единого славословия, так как Слово стало плотью, анафема. 9) Кто говорит, что единый Господь Иисус Христос прославлен Духом в том смысле, что пользовался чрез Него как бы чуждою силою и от Него получил силу побеждать нечистых духов и совершать в людях божественные знамения, а не почитает Его собственным Его Духом, чрез Которого Он совершил чудеса, анафема. 10) Кто говорит, что первосвященником и ходатаем нашим был не Сам Бог Слово, когда стал плотью и подобным нам человеком, а как бы другой

некто, отличный от Него, человек, происшедший от жены, или кто говорит, что Он принес Себя в приношение и за Самого Себя, а не за нас только одних, так как, не зная греха, Он не имел нужды в приношении за Себя, анафема. 11) Кто не исповедует плоть Господа животворящую и собственно принадлежащую Самому Слову Бога Отца, но принадлежащую как бы другому кому, отличному от Него и соединенному с Ним по достоинству, то есть приобретшему только Божественное в себе обитание, и не исповедует плоть Его животворящую, так как Она стала собственной Слову, могущему все оживотворить, анафема. 12) Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотью, распятым плотью, принявшим смерть плотью и, наконец, ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящий, как Бог, анафема».

²¹⁸ - Хотя число епископов собора простиралось только до 160, но дело в том, что многие из присутствовавших на соборе имели полномочие подписываться за других отсутствующих.

²¹⁹ - Город в Аравии.

²²⁰ - Об этой деятельности святого Кирилла см. в следующем очерке, посвященном воспоминанию IV Вселенского Собора.

²²¹ - Объясняя последние слова послания Антиохийских епископов, святой Кирилл замечает: этим они «утверждают не то, что одни наименования приличествуют Слову Бога Отца, как Сыну Самому по Себе взятому отдельно, а другие – Ему рожденному от жены так, как другому Сыну опять отличному, но то, что одни приличны Его Божеству, другие человечеству».

²²² - Еретики монофизиты, или, в переводе с греческого, единосущественники, назывались так потому, что учили об одной Божественной природе во Христе Иисусе – о полном слиянии в Нем Божественной и человеческой природы с поглощением последней первой.

²²³ - Дорилея – город Фригии.

²²⁴ - Придворный чин.

²²⁵ - Валентин учил, что тело Христа создано было Творцом из эфирной материи неба. Аполлинарий учил, что Господь

Иисус Христос не был полный, всецелый человек, так как Он не обладал разумною душою, которую в Нем заменяло Божество.

²²⁶ - Так в первый раз собор назван был современным ему папой Львом Великим, явившимся истинным оплотом Православия в это трудное и тяжелое для Восточной Церкви время. Папа Лев скончался 10 ноября 461 года. Память его Православною Церковью совершается 18 февраля/3 марта.

²²⁷ - В высочайшем послании, адресованном Диоскору, архиепископу Александрийскому, читаем: «Феодориту Кирскому мы повелеваем не прежде прийти на собор, как когда угодно будет всему собору, чтобы и он присутствовал на нем. Если же возникнет какое-либо разногласие касательно его, то мы повелеваем собраться собору без него и решить то, что повелено». По-видимому, это устранение Феодорита с собора было условным, но, в сущности, ввиду преобладания на соборе сторонников Евтихия, оно было окончательным.

²²⁸ - История ничего не знает о воспитании и образовании Диоскора: ей известна только его деятельность как человека, проникнутого враждою к истине, ревностью к заблуждению и ненавистью к имени святого Кирилла за его деятельность в создании и защите унии. По своим догматическим воззрениям Диоскор был чистым монофизитом и еще до Константинопольского собора находился в сношениях с монофизитами всех стран, которые и действовали под его руководством во главе с Евтихием. Когда поднялось дело Евтихия после Константинопольского собора, Диоскор, естественно, встал на его сторону. К этому его побуждала и борьба за иерархическое первенство. Епископы Константинополя, вследствие близости к императору, приобрели первенство чести между всеми епископами Востока и исключительное влияние на дела церковные. Александрийская Церковь, как более древняя и притом апостольского происхождения, могла почитать себя имеющею больше прав на это первенство. Дело Евтихия открывало Диоскору удобный случай явиться судьей Константинопольского патриарха и, следовательно, первенствовать над ним.

²²⁹ - Нельзя не отметить, что Правило III Вселенского собора, запрещающее изменение символа, Диоскор, в целях применения его к Флавиану, неправильно истолковывает, как запрещение всякого богословствования.

²³⁰ - Свое православие Маркиан выразил главным образом созванием IV Вселенского собора; он заявил его и тотчас по своем вступлении на престол, когда распорядился, чтобы останки умершего в изгнании архиепископа Флавиана были перенесены и торжественно положены в Константинопольском храме святых апостолов, где погребались епископы Царырада. Затем Маркиан приказал возвратить из ссылки на их кафедры епископов, изгнанных вследствие осуждения на «разбойничьем» соборе.

²³¹ - Отцы IV Вселенского собора свидетельствуют о Пульхерии, что она «всю жизнь проводит в молитве» и что у нее «беседа в псалмах». Память святой благоверной царицы Пульхерии совершается Православной Церковью 10/23 сентября.

²³² - Указ об этом был издан 1 сентября 451 года и гласил: «Всем занятиям должны быть предпочитаемы божественные дела. А так как возбуждены некоторые недоумения касательно нашей православной веры, то нам благоугодно, чтобы составился святой собор в Никее, дабы при общем согласии всех, по точном исследовании истины и по устранении всякого пристрастия, которым уже злоупотребляли некоторые и возмущали православное благочестие, яснее открылась истинная вера и уже не могло быть никакого сомнения и разногласия. Если не воспрепятствуют военные походы, мы сами лично будем присутствовать на досточтимом соборе».

²³³ - В Пафлагонии. Здесь Диоскор умер в 454 году. Вопрос о еретике Евтихии отцами собора не рассматривался; известно, однако, что Евтихий по окончании собора был подвергнут ссылке.

²³⁴ - Первый такой указ издан императором 7 февраля 452 года. «Тот нечестив, – говорится в указе, – кто после того, как истина утверждена, чрез споры и рассуждения отыскивает

новую истину. На будущее пусть никакой клирик или человек какого-либо другого звания не осмеливается публично собирать толпы народа и рассуждать о вере. Подобный поступок есть оскорбление для собора: обсуждать снова, что уже определено собором, – значит не доверять ему. Не минует наказание презирующих этот закон: если клирик осмелится всенародно препираться о вере, да исключится из списка клириков; если военный – да лишится достоинства, а люди простого сословия да изгонятся из столицы». В последующих указах императором отменяются все узаконения Феодосия Младшего, направленные против Православия и его защитников: Флавиана Константинопольского, Евсевия Дорилейского и Феодорита Кирского. Замечателен указ 28 июня 452 года, которым евтихианам, или монофизитам, запрещалось: 1) иметь особых духовных лиц; 2) делать отдельные церковные собрания и строить монастыри; 3) евтихианам делать духовные завещания и получать по таковым; 4) находиться на военной службе.

²³⁵ - Добавление это введено было в Антиохии монофизитом Петром Фуллоном, самовольно провозгласившим себя архиепископом Антиохийским: он учил, что Сын Божий страдал за нас по Божеству, а не по человечеству, а поэтому, вследствие единосущия лиц Святой Троицы, с Сыном страдали Бог Отец и Дух Святой. Это именно и означало отмеченное добавление к Трисвятому в виде слов: «распныйся за ны».

²³⁶ - Вначале под главами разумелись те главы или параграфы, на которые делился указ Юстиниана: соответственно числу анафематствуемых лиц и глав в нем было три. Но вскоре первоначальный смысл выражения «три главы» потерялся и главами стали звать самые лица Феодора, Феодорита и Ивы.

²³⁷ - «Не должно отметить суд, применять суждения древних отцов, которые собирались в Халкидон. Не должен собор, относительно которого не было никакого сомнения столь много лет, вдруг терять свое уважение; определения его не могут оставаться твердыми, если затронут хоть одну часть его и почтут достойною порицания. Все, что утверждено на этом соборе, должно иметь постоянно твердость. Если кто захочет

поколебать одно в соборе, тот колеблет все его определения. Если в определениях веры этого собора как бы некая вода сладкая истекла из уст прежних епископов, то каким образом возможно, чтобы из тех же самых уст по делу Ивы епископа истекла не вода сладкая, а горчайшая желчи? Напрасно нам стали бы говорить: отцы Халкидонские в вере были хороши, но худо сделали, что приняли послание Ивы. Если одна часть соборной деятельности не одобряется кем-либо, грозит опасность, что будут не одобрять и весь собор. Апостол сказал: мал квас все смешение квасит (1Кор.5:6). Поэтому, если в целой массе определений святоотеческих откроется хотя небольшая доля кислой смеси, всю массу нужно будет признать вредною».

²³⁸ - «Что пользы вести борьбу уже с умершими или производить смуты в Церкви из-за таковых. Если человек, будучи еще в живых, обвинен и осужден и прежде чем успел заслужить разрешение, взят от мира этого, то относительно такого человека не может быть сделано разрешение никем. Если же кто обвинялся в чем-либо и потом получил разрешение и в мире с Церковью отошел к Богу, такого суд человеческий не может уже осуждать».

²³⁹ - «Никто не может навязывать своего мнения другим, иначе мыслящим. Конечно, каждый может в видах утверждения веры излагать письменно, что он думает, но, однако же, не с тем, чтобы написанное им заставлять принимать других. Сколь много святые и достославные учителя трудились в проповедовании слова, которых Сам Господь чрез Духа мудрости и ведения призвал к научению верующих и к борьбе с еретиками, – но и они никогда не требовали подписи под своими книгами. Апостол говорил: пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают (1Кор.14:29). Но он нигде не говорит: пусть подписываются или пусть вынуждаются к подписи. Он повелевает прилежно испытывать изреченное, чтобы по легковерию не впасть в заблуждение. Никто не принуждается сказанное кем-либо принимать наравне с изречениями Священного Писания, но предоставляется рассуждению каждого, что он примет, что отвержет. Уже по тому одному нет

необходимости в подписке сказанного кем-либо, что этим отнимается возможность впоследствии мыслить иначе, хотя бы после истина и открылась во всем свете. Благочестивый исследователь отыскивает истину, но не спешит, чтобы отысканное им тотчас было принято другими, а еще сам готов согласиться с теми, кто лучше мыслит по данному вопросу».

²⁴⁰ - Диптихи – помянники, или поминанья. Наименование их заимствовано из дохристианской древности и указывает вообще на те предметы, которые складываются вдвое; собственно диптихами назывались две соединенные вместе дощечки, покрытые с внутренней стороны воском, на котором и делались записи заостренным прутком – стилем; с наружной стороны дощечки покрывались различного рода рисунками. Церковь, приняв диптихи в богослужение, заменила наружные украшения светского характера священными изображениями. Полагают, что диптихи появились при богослужении в Церкви уже во времена апостолов; в IV веке они уже находятся во всеобщем употреблении. Диптихи имели несколько видов: 1) крещальные, в кои заносились сподобившиеся святого крещения; 2) диптихи живых, в которых записывались имена принадлежащих к известной церкви; 3) диптихи святых и 4) диптихи умерших. В последнего рода диптихи записывались, прежде всего, местные епископы и епископы иных епархий, отличавшиеся святостью жизни; затем вносились священники и миряне. Поминование по диптихам при совершении Евхаристии почиталось особою честью; поэтому из диптиха всегда исключались имена тех лиц, относительно которых обнаруживались грехи или заблуждения, доселе бывшие неизвестными.

²⁴¹ - Во дни собора папа обратился к императору с особым сочинением *Constitutum*, где он высказывается против осуждения «трех глав».

²⁴² - «Мы не должны думать, – говорил Феодор, – что от Девы родился Бог. Не Бог-Слово родился от Девы Марии, родился же от Марии тот, кто от семени Давидова» (то есть человек).

²⁴³ - «Тотчас при самом зачатии в Человеке Иисусе начал быть Бог-Слово, ибо присутствовал в нем не только во время вознесения на небо, но и при воскресении из мертвых, именно как воскрешающий Его. И не при воскресении только, но и при пригвождении ко кресту и при крещении и после крещения, а равно и до крещения при выполнении им постановлений закона и при обвитии пеленами во время рождения; находился в нем Бог-Слово также, когда он (человек Иисус) находился во чреве Матери с первого момента его зачатия».

²⁴⁴ - «Нужно полагать различие между храмом (Человеком-Христом) и тем, кто вселился в храм (Богом-Словом); между тем, кто освобожден от уз смерти, и тем, кто освободил; между тем, кто в страданиях стал совершенным, и тем, кто сделал совершенным; между тем, кто малым чим умален от ангел, и тем, кто умалил; между тем, кто увенчан славой и честью, и тем, кто увенчал; между тем, кому дела рук Божиих покорены, и тем, кто покорил» (Пс.8:5–8).

²⁴⁵ - «Выражение, – говорит Феодор, – возведен бысть Духом (Мф.4:1) обозначает, что Христос, как Человек, был руководим Духом, Им был направляем к должному; Им был научаем тому, чему следовало». «Бог-Слово много возлюбил его (Человека Иисуса); пребывая в нем, Бог-Слово, даровав ему бессмертную жизнь и сделав его невредимым, бессмертным и неизменным, возвел на небо».

²⁴⁶ - «Наконец поздно и насилу умер злой человек, – говорилось в послании. – Ибо добрые и благодетельные люди переселяются туда прежде времени, а злые живут долго. А его, несчастного (Кирилла), Правитель наших душ не оставил, подобно другим, более наслаждаться тем, что кажется увеселительным, но зная злобу этого мужа, ежедневно возраставшую и вредившую телу Церкви, отрезал как бы какую-нибудь язву и отъял поношение от сынов Израиля. Отшествие его обрадовало оставшихся в живых, но опечалило, быть может, умерших. Надобно позаботиться приказать обществу носильщиков умерших положить какой-нибудь величайший и тяжелейший камень на гробницу, чтобы он опять сюда не пришел и снова не стал доказывать нетвердые мнения. Я

радуюсь и услаждаюсь, видя общество церковное освобожденным от такого рода заразы. Бог видит и не презрел: Он положил узду на его уста и удила на его губы и возвратил в землю, из которой он взят».

²⁴⁷ - «Опять, – пишет, между прочим, Феодорит из Ефеса, где в то время заседал III Вселенский собор, – безумствует Египет (то есть святой Кирилл) против Бога, воюет с Моисеем и Аароном и слугами его (то есть с Несторием и его сторонниками), и весьма большая часть Израиля соглашается с противниками. Здравомыслящих же (то есть разделяющих еретичество Нестория), которые подъявляют добровольно труд за благочестие, чрезвычайно мало. Поругано достопочтенное благочестие».

²⁴⁸ - Сергей отправил Киру послание с таким рассуждением, развивавшим монофелитское учение: «Следовать учению о двух волях значило бы предположить во Христе две противоположные одна другой воле: волю Бога-Слова, желающего совершить спасительное страдание, и волю естества человеческого, противящегося воле Божественной. И, таким образом, вводить двух желающих противоположного одно другому, что нечестиво. Невозможно, чтобы в одном лице находились вместе две противоположные одна другой воли. Учение святых отцов ясно внушает, что одушевленная плоть Господа никогда не делала своего естественного движения сама по себе и по собственному стремлению, вопреки мановению соединенного с нею Бога-Слова, но делала движение когда, какое и сколько хотел Сам Бог-Слово. Говоря яснее: как наше тело управляется разумною душою, так и во Христе человеческая Его природа руководилась всегда и во всем Божеством Слова, была богодвижима».

²⁴⁹ - «Можно ли у людей, – спрашивает папа, – живущих среди народа (бедного) и трудами рук своих с большими усилиями снискивающих себе насущный хлеб, искать полного знания Писаний? Мы сохраняем законно составленные определения святых наших предшественников и святых соборов – сохраняем в простоте сердца и без всякой двусмысленности. Что же касается светского красноречия, то не

думаем, чтобы в наше время можно было найти кого-либо, могущего похвалиться высокими познаниями, потому что в наших странах постоянно свирепствует восстание различных народов, которые то борются между собою, то бегут врозь и грабят. Мирского красноречия нет у людей неученых».

²⁵⁰ - Здесь следует заметить, что при определении числа членов собора принято считать сверх бывших самолично в Константинополе еще сто двадцать пять имен епископов, подписавшихся под соборным посланием в Константинополь папы Агафона и занимавших кафедры вблизи Римской Церкви.

²⁵¹ - Заседания собора в 680 году происходили: 7, 10, 13, 15 ноября; 7 декабря; в 681 году: 12–13 февраля; 7, 8, 18, 20, 22, 28 марта; 5 и 26 апреля; 9 августа; 11 и 16 сентября.

²⁵² - Папа приводит следующие слова Аполлинария: «Единый Христос возбуждался в деятельности только Божественной волей, вследствие чего мы и признаем одно в нем действие, проистекающее и в чудесах, и в страданиях из одного Его составного естества. Ибо Он есть и исповедуется воплотившимся Богом».

²⁵³ - Север, между прочим, говорил: «Поелику один есть Действующий, то одно и действие Его и одно деятельное движение».

²⁵⁴ - В сочинении Нестория «Превосходное наставление» находилось такое место: «Мы сохраняем естества неслитными, соединенными только волею, а не по естеству, и действительно, мы видим, что по равенству достоинства они обнаружили одно хотение, действие и господство».

²⁵⁵ - Феодосий Александрийский в книге к Феодоре Августе пишет: «Осталось признать, что того и другого естества действие одно – обожествленное; одна и та же есть у одного Господа нашего Иисуса Христа свойственная Богу премудрость, всеведение и знание и по Божеству и по человечеству, потому что мы признаем одно, достойное Бога, действие».

²⁵⁶ - Феополь было синонимическим словом Антиохии.

²⁵⁷ - То есть уполномоченного.